АКАДЕМИЯ НАУК СССР, ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК
МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

№ 4 АПРЕЛЬ 1962 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА

75737

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

В. С. Познанский — В. И. Ленин и советское изобретательство . . . 3
М. С. Драгилев — Об особенностях нового, третьего этапа общего кризиса капитализма 18
Академик **Б. А. Рыбаков** — Обзор общих явлений русской истории IX — середины XIII века 34
А. Я. Аврех — Ленский расстрел и кризис третьеиюньской системы . 58
Я. И. Линков — А. И. Герцен и революционные организации — предшественники первой «Земли и воли» 80
С. С. Михайлов — Изучение Латинской Америки в Советском Союзе 98
Л. А. Фадеев — Буржуазная историография генезиса средневековых государств банту в Юго-Восточной Африке 107

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

В ОТДЕЛЕНИИ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК АН СССР И НАУЧНЫХ СОВЕТАХ

Ю. В. Бромлей — К итогам научной деятельности учреждений Отделения исторических наук АН СССР за 1961 год 115

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

М. В. Демченко — В Киевском ордена Ленина Государственном университете имени Т Г. Шевченко 127

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Г. А. Белов — О некоторых вопросах публикации документальных источников по истории коллективизации сельского хозяйства СССР 133
Ю. Н. Алескеров, Я. М. Серый — В. Я. Непомнин. Исторический опыт строительства социализма в Узбекистане (1917—1937) 139
А. М. Сахаров — «Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции» 142
В. Б. Кобрин — Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года 145
Ю. К. Томшин, А. А. Язькова — Н. И. Лебедев. Румыния в годы второй мировой войны. (Внешнеполитическая и внутриполитическая история Румынии в 1938—1945 гг.) 147
В. В. Альтман — Н. М. Лукин. Избранные труды. В трех томах . . 149
Г. И. Левинсон — А. А. Губер. Филиппинская республика 1898 года и американский империализм 153

Новые книги 156
Статьи в советских исторических журналах 159

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Г. С. Кучеренко, И. И. Сиволап, С. А. Лотте, Б. М. Туполев, Л. В. Пономарева, А. Г. Судейкин, Н. П. Комолова — О работе групп по изучению всеобщей истории 162
Хроникальные заметки 171

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Ф. П. Петров — Из истории дружбы и братства народов СССР и Чехословакии 173
В. Г. Чумаченко — Л. Сайян. Всемирная федерация профсоюзов на службе трудящихся всех стран 175
О. М. Олтяну — О. П. Сантос. Североамериканский империализм в кубинской экономике 176
В. Ф. Семенов — М. Маккисак. Четырнадцатое столетие (1307—1399 гг.) «Оксфордская история Англии». Т. V 178

ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНЫХ ЖУРНАЛОВ

Содержание журналов, выходящих в социалистических странах . . 182
Обзоры журналов. **Б. А. Каменецкий** — «Past and Present». London 184
Заметки о статьях. **Г. Н. Зверев** — Новый журнал по истории послевоенной Германии; **А. С. Кан, Б. Ф. Поршнев** — Новая точка зрения на политику Валленштейна в городах Северной Германии; **Л. С. Переломов** — Дискуссия о формах земельной собственности в феодальном Китае; **Б. Л. Вульфсон** — О характере режима личной власти во Франции; **С. Р. Ким** — Колониалистская концепция истории Нигерии; **М. Б. Рабинович** — Из истории колониального захвата мыса Доброй Надежды; **К. Б. Кириллов** — Вымышленная эпопея; **В. Л. Мальков** — Американские рабочие в борьбе за право организации в профсоюзы в 1930-х годах; **К. Б. Виноградов** — Американский историк об изучении дипломатической истории XX века; **А. С. Ковальская** — Полемическая статья о характере империи инков; **Б. А. Бенедиктов** — Германский фашизм и его идейные предшественники; **В. З. Дробижев, Ю. И. Игрицкий** — По поводу изучения истории СССР в Англии; **И. Н. Чемпалов** — Фальсификация истории гитлеровской агрессии на Балканах в 1940—1941 годах 187
Рецензии на советские издания 202

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Л. И. Переплетчиков — Новый венгерский журнал и венгерские исторические архивы 204
З. В. Удальцова — Охридский конгресс византинистов 205
Хроникальные заметки 209

ПИСЬМА И ЗАМЕТКИ

Н. П. Клименко — Английское общество и вторая «опиумная» война 211
Сведения об авторах, статьи которых опубликованы в данном номере журнала 216
Резюме статей на английском языке 217

СТАТЬИ

В. И. ЛЕНИН И СОВЕТСКОЕ ИЗОБРЕТАТЕЛЬСТВО

В. С. Познанский

История советского рабочего класса и трудового крестьянства — это прежде всего история революционного творчества трудящихся масс, построивших социализм и ныне успешно создающих коммунистическое общество.

Важной составной частью этого творчества является изобретательство и рационализаторство. Центральный Комитет КПСС, Совет Министров СССР и ВЦСПС в приветствии Первому съезду Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов указывали, что «во всех замечательных победах советского народа есть большая доля славных дел и пытливой мысли советских изобретателей и рационализаторов — активных участников всенародной борьбы за технический прогресс» [1].

Советское изобретательство, принявшее в настоящее время огромный размах, призвано сыграть большую роль в создании материально-технической базы коммунизма. Исключительный интерес в связи с этим представляет отношение В. И. Ленина к изобретательству.

Впервые освещение этого вопроса в исторической литературе было начато в 1929 г. старым большевиком Т. Седельниковым [2]. Опираясь на документальные материалы, свои воспоминания и воспоминания соратников В. И. Ленина [3], автор показал истоки становления советского изобретательства, непосредственно связанного с именем великого Ленина.

В связи с разработкой проекта нового «Положения об изобретениях и технических усовершенствованиях» в журнале «Советское государство и право» в 1940 г. была опубликована статья Л. А. Поволоцкого «Ленин об изобретательстве» [4]. В этой работе автор показал, что основы советского изобретательского права были разработаны при участии Владимира Ильича. Однако отношение Ленина к советскому изобретательству автор сводит в значительной мере к борьбе с бюрократизмом.

В 1958 г. вышла в свет статья Ю. С. Нехорошева «Роль В. И. Ленина в организации и развитии советского изобретательства» [5].

В этой работе наряду с правильными положениями есть утверждения, против которых следует возразить. Так, Ю. С. Нехорошев видит успехи советского изобретательства в значительном увеличении числа выданных в год патентов по сравнению с дореволюционным временем [6].

---

[1] «Правда», 23 сентября 1959 года.

[2] Т. Седельников. Пути советского изобретательства. М.-Л. 1929. В. И. Ленин говорил о Т. Седельникове, что он «человек абсолютно добросовестный» («Ленинский сборник» XXIII, стр. 96). Т. Седельников умер вскоре после издания своей книги. В памяти товарищей он остался как «коммунист, отдавший все свои силы делу изобретательства» («XVI съезд ВКП(б)». Стенографический отчет. М. 1930, стр. 515).

[3] Т. Седельникову при сборе материалов для написания книги помогали Ф. Э. Дзержинский, В. В. Куйбышев, П. А. Кобозев. Предисловие к книге написал К. А. Мехоношин.

[4] «Советское государство и право», 1940, № 7.

[5] «Сборник научно-исследовательских работ кафедр общественных наук Томского политехнического института имени С. М. Кирова». Томск. 1958.

[6] Там же, стр. 243.

Однако это положение не может служить доказательством успехов советского изобретательства. В. И. Ленин был противником патентодержания. Декрет «Об изобретениях», подписанный В. И. Лениным 30 июня 1919 г., был направлен против патентодержания и кустарничества в области изобретательства. Введение же 12 сентября 1924 г. патентного закона являлось временной, рожденной новой экономической политикой мерой. Вскоре после постановления ЦК ВКП(б) от 26 октября 1930 г. «О массовом рабочем изобретательстве» патентный закон был отменен [7].

В монографии Э. Б. Генкиной о государственной деятельности В. И. Ленина [8] говорится о роли Владимира Ильича в создании и развитии советского изобретательства. Но, правильно решая вопрос об отношении В. И. Ленина к изобретателям, Э. Б. Генкина, к сожалению, не поставила в более широком плане вопрос об его отношении к советскому изобретательству вообще.

Таким образом, в советской исторической науке до сих пор не освещена должным образом одна из важных сторон многогранной деятельности В. И. Ленина — его роль в развитии советского изобретательства.

Известно, что еще К. Маркс серьезно изучал историю изобретательства, интересовался новыми изобретениями [9]. Он неоднократно отмечал общественный характер изобретательства, доказывал, что изобретательство возможно только на базе достигнутого человечеством уровня техники, знаний. Всякое открытие, всякое изобретение, постоянные усовершенствования в процессе производства материальных благ обусловливаются трудом людей с обязательным использованием работы предшественников [10].

Лаконичная фраза К. Маркса в письме к Ф. Энгельсу: если бы кто смог написать историю рабочих, выгнанных из-за своих изобретений! [11], ярко характеризует сущность изобретательства в условиях капитализма.

Исследуя империализм, В. И. Ленин отмечал, что монополистический капитал сознательно подавляет изобретательство. По ленинскому определению, империализм может одновременно и разрешать сложнейшие вопросы техники и сдерживать проведение в жизнь технических улучшений [12].

Глубокое развитие марксистского взгляда на технический прогресс и изобретательство дано в специальной ленинской работе «Одна из великих побед техники». В ней показано, как будут использоваться технические открытия для трудящихся масс. Если в условиях капиталистического строя, учил В. И. Ленин, великие изобретения способствуют усилению угнетения рабочего класса, то при новом общественном строе они будут служить рабочим, всем трудящимся [13].

До Октябрьской революции Россия была одной из самых отсталых в техническом отношении стран капиталистического мира. Приводимые ниже данные позволяют судить, как отставала царская Россия в области технического творчества в начале нынешнего века от Соединенных Штатов Америки: в России в 1900 г. было подано 3 064 полезных тех-

---

[7] Постановление ВЦИК и СНК СССР «О введении в действие Положения об изобретениях и усовершенствованиях» от 9 апреля 1931 г. устанавливало: «Действующее до сих пор патентное законодательство... не соответствует стремлениям передовых изобретателей, сознательных строителей социалистического общества. Необходимо создать иные формы взаимоотношений изобретателей-трудящихся с социалистическим государством» (см. «Собрание законов Союза ССР». 1931, № 21, ст. 180, 181).

[8] Э. Б. Генкина. Ленин — председатель Совнаркома и СТО. М. 1960.

[9] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. Госполитиздат. 1948, стр. 136—138; К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIV, стр. 587 и др.

[10] См. К. Маркс. Капитал. Т. III. М. 1955, стр. 109.

[11] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIV, стр. 318.

[12] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 22, стр. 192—193, 263.

[13] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 19, стр. 41—42.

нических предложения, в 1904 г.— 2 824; в США соответственно — 39 673 и 52 143.

В последующие годы положение не изменилось. Как и прежде, изобретательство в царской России было делом одиночек. Достаточно сказать, что за 11 лет (с 1906 по 1916 г. включительно) было внесено всего 57 тысяч технических предложений [15]. Да и как могло развиваться изобретательство в стране, где с высочайшего благословения еще и в начале XX в. со светлыми умами расправлялись так же, как некогда с Н. И. Кибальчичем, а затем с Л. П. Радиным и другими. Следует вспомнить также о тех тяжелых условиях, в которых протекала до революции деятельность выдающегося русского ученого и изобретателя К. Э. Циолковского.

Изобретательство вплоть до Октября являлось сугубо частным делом, а изобретения — частной собственностью. Фактически плоды изобретений пожинали Путиловы, Рябушинские, Нобели и др. Жизненный путь значительной части изобретателей кончился духовным крахом. В силу материальных затруднений и отсутствия какой-либо поддержки многие из них вынуждены были отказаться от творчества. Изобретения русских людей нередко отвергались; проекты и чертежи пылились в архивах, зачастую продавались в другие страны. В начале XX в., например, свыше $^3/_4$ привилегий (то есть патентов) на изобретения «уплывало» из царской России за границу [16].

Великая Октябрьская социалистическая революция положила начало победе социалистического способа производства в России. Социалистический строй вызвал к жизни изобретателя особого типа: глубоко преданного делу социалистического строительства, чуждого какой бы то ни было корысти, человека, чья творческая мысль помогает обществу добиться наивысшей производительности труда, всемерно облегчить труд.

Социалистический строй предоставил каждому труженику возможность развивать во всех направлениях и действенно проявлять все свои способности, обнаруживать таланты как физические, так и духовные, породил новые стимулы к труду, к творчеству, ибо у рабочего человека «впервые после столетий труда на чужих, подневольной работы на эксплуататоров является возможность р а б о т ы н а с е б я, и притом работы, опирающейся на все завоевания новейшей техники и культуры» [17].

Первостепенной задачей Советской власти поэтому являлось создание всесторонних условий для вовлечения всех трудящихся в сферу творческой производственной деятельности, оказание посильной помощи первым робким шагам рабочих и крестьян на пути самостоятельного и коллективного творчества, в том числе и в области техники. В связи с этим В. И. Ленин считал, что основой советской государственной политики по отношению к изобретательству должно стать максимальное привлечение наибольшего количества трудящихся к техническому творчеству. «Ум десятков миллионов творцов,— говорил В. И. Ленин,— создает нечто неизмеримо более высокое, чем самое великое и гениальное предвидение» [18].

Это было частью выдвинутой Советским государством грандиозной задачи создания материально-технической базы социализма, реорганизации во всероссийском масштабе народного труда «по последнему слову науки и техники» [19].

---

[15] Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР и СС), ф. 3429, оп. 60, д. 62, лл. 6 об., 12; Г. А н о д и н. Московская промышленность и техническая помощь Казакстану. М.— Алма-Ата. 1930, стр. 22.

[16] ЦГАОР и СС, ф. 3429, оп. 60, д. 62, лл. 6 об., 12.

[17] В. И. Л е н и н. Соч. Т. 26, стр. 368.

[18] Т а м ж е, стр. 431.

[19] В. И. Л е н и н. Соч. Т. 27, стр. 221.

О первых шагах Советского правительства в этом направлении вспоминает управляющий делами СНК РСФСР В. Д. Бонч-Бруевич: «Совнарком еще в первые месяцы революции в Петрограде был завален предложениями различных новых проектов, новых изобретений. Докладывая обо всех этих заявках Владимиру Ильичу, я получал от него неизменные распоряжения относиться ко всем этим предложениям самым внимательным образом и направлять всех изобретателей с их проектами в надлежащие учреждения» [20].

В первые месяцы Советской власти у В. И. Ленина зародилась мысль о целесообразности создания специального органа, который помог бы изобретателям в разработке и реализации технических предложений трудящихся в масштабе всего государства [21]. При ликвидации бывшего министерства торговли и промышленности в январе 1918 г. существовавший при нем Комитет по техническим делам, занимавшийся вопросами патентования технических изобретений, был передан в ведение ВСНХ и преобразован в Комитет по делам изобретений и усовершенствований (Композиз). Тогда же Совнарком РСФСР поставил вопрос о пересмотре царских законов о привилегиях изобретателей [22].

Политические события в стране не позволили сразу начать реализацию в полном объеме выдвинутой В. И. Лениным программы. Разработка советских законов об изобретательстве в условиях начавшейся открытой интервенции иностранных империалистов и повсеместного выступления русской белогвардейщины была несколько задержана. Однако «уже в те годы, когда мы все силы отдавали военному фронту, Владимир Ильич... не уставал следить за всяческими изобретениями» [23],— писал В. Д. Бонч-Бруевич.

С августа 1918 г. Композиз в организационном отношении был подчинен только что образованному Научно-техническому отделу при ВСНХ, «полезнейшему», по определению В. И. Ленина, учреждению, необходимому «для полного строительства социализма» [24]. По рекомендации В. И. Ленина НТО при ВСНХ было разрешено со всеми вопросами научно-технического характера входить непосредственно в Совнарком [25]. Президиуму ВСНХ вменялось в обязанность в срочном порядке рассматривать все представления Композиза по признанным им полезными изобретениям, содействовать скорейшему внедрению в производство полезных изобретений и усовершенствований.

Согласно положению о Композизе, последний являлся «центральным Всероссийским учреждением, ведающим всеми делами изобретений, а также руководящим и объединяющим в пределах РСФСР все аналогичные местные и государственные учреждения» [26].

При разработке Положения были учтены посланные на имя В. И. Ленина «прошения» бывших чиновников Комитета по техническим делам министерства торговли и промышленности, правления Петроградского союза изобретателей, уставы Петроградского и Московского союзов изобретателей, предложения отдельных изобретателей [27]. На Композиз возлагалась «постановка и разработка заданий и широкое содействие техническому творчеству и инициативе рабочих масс» [28]. Этот пункт,

---

[20] «Изобретатель», 1929, № 2, стр. 6.
[21] ЦГАОР и СС, ф. 7752, оп. 1, д. 105, л. 169.
[22] Там же, ф. 3429, оп. 60, д. 62, л. 6.
[23] «Изобретатель и рационализатор», 1959, № 6, стр. 9.
[24] В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 409. Декрет об учреждении НТО при ВСНХ см. «Сборник узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства» (СУ), 1918, № 61, ст. 671.
[25] Н. Федоровский. Ленин и научные исследования СССР. Журнал «Хочу все знать», 1924, № 1, стр. 10.
[26] ЦГАОР и СС, ф. 3429, оп. 60, д. 2, л. 101.
[27] ЦГАОР и СС, ф. 3429, оп. 60. д. 3, лл. 2—3, 12—23, 28—31; д. 89, лл. 14—20 и др.
[28] Там же, д. 2, л. 101.

как показывает анализ материалов, по которым готовилось Положение, был включен Совнаркомом, и имеются все основания предполагать, что это было сделано по предложению В. И. Ленина [29]. Официально указывалось, что Комподиз при НТО ВСНХ создан с целью «широкого и планомерного объединения научно-технических сил России в интересах военной обороны и мирного прогресса государства» [30].

При Комподизе постоянно действовали 14 технических комиссий по секциям, которыми руководили выдающиеся русские ученые П. П. Лазарев (физическая), А. И. Каблуков (химическая) и т. д. В аппарате Комподиза работали такие крупные специалисты, как А. И. Логин, А. К. Кауфман, В. А. Петров и другие [31].

Создание единого государственного центра изобретательского дела в стране было важным событием [32]. Одновременно были приняты меры по налаживанию на местах государственного руководства изобретательским делом, которое осуществляли местные совнархозы, имевшие в своей структуре технические комитеты (отделы).

Путем организации лабораторий, испытательных станций, опытных производств по проверке новых технических методов, усовершенствований и изобретений Советское правительство стремилось создать (насколько это было возможно в условиях гражданской войны) необходимые предпосылки для массового творчества новаторов. Мероприятия Советской власти в этом направлении были одобрены VIII съездом партии, а требование дальнейшего развития мер по сближению науки с производством записано в принятую съездом Программу РКП(б) [33].

Во всех этих вопросах инициатива исходила от Владимира Ильича, заветной мыслью которого было «поставить всех этих техников в условия идеальные для их работы». В. И. Ленин утверждал, что «Россия через 25 лет станет передовой страной в мире», если такие условия будут созданы [34].

Интересный факт приводит в своих воспоминаниях старый большевик А. М. Николаев. Как член коллегии Наркомпочтеля и председатель Радиосовета в 1918 г. он имел непосредственное отношение к разработке Положения о Нижегородской радиолаборатории. Когда 2 декабря проект Положения был подан на подпись Ленину, Владимир Ильич вписал в раздел о задачах радиолаборатории: «Рассмотрение изобретений». Впоследствии В. И. Ленин поручал коллективу Нижегородской радиолаборатории ставить эксперименты по многим техническим предложениям изобретателей [35].

Внимательно относясь к изобретательству вообще, В. И. Ленин особенно заботился о развитии рабочего изобретательства и рационализаторства. Он видел, что на советских заводах и фабриках назревают возможности организовать дело массовой подачи рабочими рационализаторских предложений. Эти возможности создавались путем всемерного привлечения рабочих к управлению промышленностью, в результате чего у них расширялся кругозор, развивались технические способности.

---

[29] В воспоминаниях Ф. В. Ленгника, В. Д. Бонч-Бруевича, М. Я. Лапирова-Скобло, Л. К. Мартенса и др. отмечается, что идея привлечения широких трудящихся масс к техническому творчеству принадлежит В. И. Ленину. При утверждении Положения об НТО в ноябре 1921 г. было добавлено после слова «рабочих» и «крестьянских» (см. «Промышленная Россия». 1923—1924. Изд. газеты «Экономическая жизнь». Ч. 1, стр. 131).

[30] «Известия ВЦИК», 12 февраля 1922 года.

[31] «Народное хозяйство Туркестана», 25 мая 1919 г., № 7, стр. 17.

[32] Обзор деятельности Комподиза до середины 1919 года. См. «Народное хозяйство». М. 1919, № 6, стр. 69—72.

[33] См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. I. Госполитиздат. 1953, стр. 423—424.

[34] См. М. Горький. Собрание сочинений в 30 томах. Т. 17. М. 1952, стр. 42—43.

[35] А. М. Николаев. Ленин и радио. М. 1958, стр. 13—14; Положение о Нижегородской радиолаборатории см. СУ, 1918, № 91—92, ст. 925.

По указанию В. И. Ленина, органы, ведающие изобретательством, несмотря на тяжелое военное время, развернули пропаганду среди рабочих масс [36].

Первые шаги рабочего изобретательства наталкивались на исключительные трудности и, конечно, не могли выйти за рамки небольшой полукустарной рационализации отдельных производственных процессов. Бесспорно, однако, что начало организованного рабочего изобретательства явилось одним из серьезных достижений молодого социалистического государства.

Особое внимание в условиях гражданской войны, естественно, уделялось изобретательству в военной области. Владимир Ильич находил время лично знакомиться с важнейшими военными изобретениями. Известен факт посещения Лениным 18 июня 1920 г. Главного артиллерийского управления, где демонстрировался изобретенный А. М. Игнатьевым артиллерийский оптический прибор [37]. Даже беглое знакомство с материалами по изобретениям в области оборонной промышленности периода гражданской войны позволяет утверждать, что советское оборонное изобретательство своим становлением обязано В. И. Ленину.

Значительной вехой в истории развития изобретательства и рационализаторства в нашей стране явился подписанный В. И. Лениным декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР от 30 июня 1919 г., которым утверждалось Положение об изобретениях.

Основное положение декрета — объявление изобретательства государственным делом, а самих изобретений — общественным достоянием. В то же время за изобретателями сохранялось авторское право с обязательным вознаграждением за каждое изобретение, признанное полезным. В интересах социалистического государства всякое отечественное изобретение надо было первоначально зарегистрировать в нашей стране; особо важные или имеющие отношение к государственной обороне изобретения запрещалось передавать за границу [38].

Ленинским декретом «Об изобретениях» были заложены основы социалистического изобретательского права. Впервые в истории были законодательно закреплены обязанности государственных органов содействовать внедрению в производство каждого полезного изобретения и усовершенствования. Этим декретом были уточнены компетенции и функции НТО ВСНХ и Комподиза и повышалась роль этих учреждений. НТО поручалось выполнять важнейшие задания правительства, за которые он должен был отчитываться непосредственно в Совнаркоме. В перечне заданий, поступавших в НТО из Совнаркома в начале 1920 г., стояли вопросы продвижения некоторых изобретений, имелись указания о лично поднятых В. И. Лениным вопросах: «О приборах для отыскания металлов, скрытых под землей», «О постройке домов литым способом Эдисона», «Добыча горючего из сланцев Сызранского уезда и казанской нефти» [39].

В функции Комподиза входила задача оказывать техническую и ма-

---

[36] В. С. Познанский. О развитии массового рабочего изобретательства и рационализаторства в СССР. «Вопросы истории», 1960, № 3, стр. 140.

[37] А. М. Игнатьев — впоследствии выдающийся советский изобретатель, создавший первые в мире самозатачивающиеся резцы для металлообрабатывающей промышленности. Общеизвестны воспоминания А. М. Горького (см. М. Горький. Соч. Т. 17, стр. 41—42). Интересны воспоминания проф. Е. В. Агокаса («Красная звезда», 15 ноября 1957 г.). Наиболее полно этот эпизод из жизни В. И. Ленина освещен в «Военно-историческом журнале» (1959, № 8).

[38] СУ, 1919, № 34, ст. 400. Проект Положения об изобретениях был подготовлен группой специалистов под руководством Ф. В. Ленгника. Затем его рассматривали В. Я. Чубарь и Н. П. Горбунов. Проект обсуждался 24 и 26 июня 1919 г. на заседаниях Малого Совнаркома. Все это делалось по указанию В. И. Ленина.

[39] ЦГАОР и СС, ф. 3429, оп. 60, д. 464, лл. 148—150 об.

териальную помощь изобретателям, а также содействовать «применению полезных изобретений, усовершенствований и моделей» [40].

Общая направленность деятельности Комподиза была определена в директивном письме коллегии НТО ВСНХ: «Изобретения и приспособления должны конструироваться в условиях настоящего тяжелого времени, быть простыми и доступными для производства их при настоящем недостатке во многих материалах... Пусть изобретение будет не вполне совершенно, но если несколько облегчает жизнь страны, оно немедленно должно выполняться» [41].

Учитывая необходимость привлечения к изобретательской деятельности максимального количества людей, Комподиз в начале 1920 г. объявил конкурсы на создание жизненно необходимых для страны предметов, приборов, машин и т. п. Условия конкурсов систематически публиковались в газетах [42].

После окончания гражданской войны вопросы технического прогресса стали делом огромной важности. «Если не перевести Россию на иную технику, более высокую, чем прежде, не может быть речи о восстановлении народного хозяйства и о коммунизме. Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны» [43],— говорил в те дни В. И. Ленин. Одним из важных рычагов для перевода России на путь технического прогресса должно было стать советское изобретательство — техническое творчество и новаторство самых широких масс рабочих, крестьян, интеллигенции. «Перед союзом представителей науки, пролетариата и техники не устоит никакая темная сила» [44],— учил трудящихся Владимир Ильич.

В. И. Ленин всей своей практической деятельностью показывал пример заботливого отношения к техническому творчеству широких рабочих масс и интеллигенции, к изобретательству и рационализаторству. Один из соратников В. И. Ленина, В. Я. Чубарь, в статье «Уроки Ильича» рассказывал: «Вопросы восстановления хозяйства, и в частности промышленности, настолько захватывали Владимира Ильича, что он находил время и возможность принимать хозяйственников самых разнообразных рангов и профработников не только центральных, но и с мест. При этом он особо интересовался проявлением рабочей инициативы в области улучшения производства, инициативы спецов в части механизации и т. п. Это непосредственное соприкосновение с живыми работниками... Ильич широко использовал в своей руководящей работе в СНК и СТО» [45].

По свидетельству В. Д. Бонч-Бруевича [46], «Владимир Ильич являл этому крайне важному делу (изобретательству.— *В. П.*) изумительный пример. Он пожелал лично принять участие в обсуждении целого ряда изобретений, которые, по его мнению, делали эпоху в различных научно-прикладных дисциплинах... Его интересовало решительно все: и электри-

---

[40] Там же, д. 532, л. 121.

[41] Там же, д. 462, л. 116 (в деле обратная нумерация).

[42] Первая известная нам публикация была помещена в газете «Коммунистический труд» от 25 марта 1920 года. Это объявление Комподизом конкурса на создание небьющегося изолятора для линий электропередач и тепловоза для железнодорожной тяги. Материалы, подаваемые на конкурсы, хранятся в делах НТО ВСНХ (ЦГАОР и СС, ф. 3429, оп. 80). Ряд интересных примеров о конкурсе приводится в названной выше книге Т. Седельникова.

[43] В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 392.

[44] В. И. Ленин. Соч. Т. 30, стр. 376.

[45] «В. И. Ленин во главе великого строительства». Сборник. М. 1960, стр. 58.

[46] Кроме В. Д. Бонч-Бруевича, специальные воспоминания о ленинском отношении к изобретателям написали старые большевики Н. П. Горбунов и А. М. Николаев («Изобретатель», 1934, № 1, стр. 8—9; «Воспоминания о В. И. Ленине». Ч. 3. Госполитиздат. 1960, стр. 252—261). Интересные факты, характеризующие ленинскую заботу об изобретательстве и изобретателях, приводят в своих воспоминаниях о В. И. Ленине Г. М. Кржижановский, Ф. В. Ленгник, П. А. Остряков, И. И. Радченко и другие («Воспоминания о В. И. Ленине». Ч. 2. Госполитиздат, 1957, стр. 94—99, 247—248, 552—562, 589—596).

ческие лампы, и тормоза паровозов, и искусственные подметки, и шоколад, и сливки из подсолнухов, и радиоустановки, и жидкий торф, и приспособления в котлах для экономии топлива, и т. д.»[47].

Работавший с В. И. Лениным заместитель управляющего делами СТО В. А. Смольянинов отмечал: «...изобретатели, люди с фантазией и даже с «причудинкой» были «слабостью» Ильича. Он любил таких людей. И изобретатели шли, можно сказать, косяком к Ильичу»[48].

Эти воспоминания, дополняя друг друга, помогают воссоздать образ величайшего из радетелей изобретательского дела, учителя, помощника, друга советских изобретателей и рационализаторов. Так, А. М. Николаев писал: «...на имя Владимира Ильича поступали многочисленные проекты и описания изобретений, рационализаторские предложения... Среди них встречались действительные изобретения, но нередко были фантастические предложения, неосуществимые проекты. Помню, у меня был разговор с Владимиром Ильичем, когда я ему рассказывал о некоторых таких предложениях. Владимир Ильич настаивал, чтобы я внимательно читал эти письма и обязательно отбирал для ответа те из них, в которых замечалась хоть крупинка полезного. В разговоре по поводу одного изобретения Владимир Ильич мне сказал: «Изобретатели — народ особый, у них есть свои странности, часто мы их не понимаем. Надо терпеливо их выслушивать»[49]. В. И. Ленин не забывал повторять об этом и другим товарищам, имевшим дело с изобретателями и рационализаторами[50].

В. И. Ленин прекрасно понимал, что при разрешении крупных научных и технических проблем по техническому перевооружению страны могут быть фантастические предложения и временные неудачи, незначительность эффекта на начальном этапе применения изобретения по сравнению с затраченными материальными средствами и трудом. Поэтому Владимир Ильич заставлял людей, которым было поручено дать отзыв о предложениях, еще и еще раз проверять их полезность, резко критиковал за малейшую попытку отмахнуться от показавшегося нестоящим предложения.

Н. П. Горбунов рассказывал: «Сколько знаменитых «грозных» записок получали наши ответственные руководители ведомств по делам различных изобретателей, обращавшихся к Владимиру Ильичу с самыми невозможными жалобами на то, что их «мировым» изобретениям не дают хода. Иногда оказывалось, что изобретение заключалось в perpetuum mobile (вечном двигателе) или других фантастических мечтаниях. Когда Владимиру Ильичу об этом докладывали, он смущенно улыбался, но следующего же изобретателя поддерживал с такой же неослабной энергией. Но зато какое огромное значение имела поддержка Владимира Ильича, когда дело шло о действительно серьезных изобретениях, которые удавалось, благодаря этой поддержке, протолкнуть в жизнь... Нет почти ни одного начинания в Советской России в области научно-технических работ, которое не было бы связано с именем Владимира Ильича»[51].

Приведенные примеры объясняют, почему так охотно изобретатели и рационализаторы обращались со своими предложениями к Владимиру Ильичу. Изобретатели считали Ленина тем человеком, который поймет их стремления принести своим творчеством пользу человечеству, кто поможет воплотить их мечту в реальность.

Как много все это значило для изобретателей и рационализаторов, в особенности для той части старой интеллигенции, которая не поняла

---

[47] «Изобретатель», 1929, № 2, стр. 6—7.
[48] Журнал «Радио», 1960, № 4, стр. 11.
[49] «Воспоминания о В. И. Ленине». Ч. 3, стр. 252.
[50] См. «Ленинский сборник» XX, стр. 244.
[51] Н. П. Горбунов. Как работал Владимир Ильич. Сборник статей и воспоминаний. Партиздат. 1933, стр. 34—35.

в начале установления Советской власти сущности революционных преобразований. Ленинский гений и его практические дела в отношении изобретательства оказались сильнее предубежденности старых «спецов». В этой связи характерен пример с открытием изобретателя Гидроторфа инженера Р. Э. Классона и рядом других специалистов [52]. Долг ученого и внутренняя потребность творить во многих случаях брали верх над политическим воззрением интеллигентов. В дальнейшем большая часть старых специалистов полностью отрешилась от своих прежних политических заблуждений и уже сознательно шла по пути, указанному В. И. Лениным и Коммунистической партией.

Для рабочих — изобретателей и рационализаторов Владимир Ильич был в полном смысле своим человеком. Предоставим слово современнику нашего вождя, корреспонденту одной из московских газет: «...«Ильич». Стоит только произнести это любимое имя на каком угодно рабочем собрании, чтобы убедиться, насколько дорог и как крепко сросся с широкой рабочей массой наш «Ильич» [53].

В начале 1918 г. рабочий коммунист Черепухин сконструировал золото-платинопромывательную машину. Он написал об этом В. И. Ленину. Специалисты, которым было поручено заняться этим делом, отнеслись к поручению недобросовестно. Началась волокита. Возмущенный изобретатель вновь обратился к Владимиру Ильичу. По указанию В. И. Ленина была форсирована работа по созданию машины. Она оказалась лучшей из всех существующих в мире драг подобного типа. Союз горнорабочих наградил Черепухина именными часами, и, «как красному изобретателю, герою труда», ему выдали в голодный 1921 год 10 пудов муки [54].

Тяжелое положение Советской республики с промышленным сырьем в начале 20-х годов заставляло изыскивать различные заменители. В 1920 г. бывший инженер железнодорожного транспорта А. А. Барышников предложил следующее. При нагревании древесной смолы до 70 градусов и постепенном добавлении к ней портландского цемента образуется масса, которая может служить суррогатом масляной краски или употребляться для пропитки и склейки волокнистых веществ. Пропитанный массой, а затем спрессованный войлок можно было использовать как заменитель подошвенной кожи. Опыты подтвердили, что изготовленный по методу Барышникова суррогат масляной краски вполне пригоден для покраски крыш. Однако более сложные опыты по изготовлению и проверке качества заменителя подошвенной кожи затягивались. Член Госплана профессор С. П. Ланговой, консультировавший Барышникова, посвятил в это дело Ленина. Владимир Ильич потребовал, чтобы ему доложили о ходе движения этого предложения [55]. В 1921 г. в кожевенном производстве стали использовать суррогат, полученный по методу А. А. Барышникова.

Если предложения Черепухина и Барышникова отвечали непосредственным нуждам дня, то этого никак нельзя сказать об изобретении Ф. А. Цандера по созданию двигателя для ракеты, которая могла бы преодолеть притяжение Земли. Один из пионеров отечественного авиастроения, крупный специалист в области аэродинамики, Ф. А. Цандер не сомневался, что идея, выдвинутая К. Э. Циолковским, может быть практически осуществлена в самом недалеком будущем, и в конце 1920 г. подготовил доклад о своих работах.

Участники Московской губернской конференции изобретателей, на

---

[52] См. «Ленинский сборник» XX, стр. 244; В. Бонч-Бруевич. В. И. Ленин в Петрограде и в Москве (1917—1920 гг.). М. 1956, стр. 45—46; ЦГАОР и СС, ф. 3429, д. 617, лл. 108—109а, 173.

[53] Газета «Коммунистический труд», 22 января 1922 года.

[54] См. Е. М. Ярославский. Что нужно для ЦКК? «Правда», 9 мая 1923 года.

[55] ЦГАОР и СС, ф. 3429, оп. 80, д. 40, лл. 4, 11; д. 38, л. 21; оп. 60, д. 534, лл. 164—165.

которой ставился доклад Ф. А. Цандера, были удивлены, когда к ним приехал председатель Совнаркома, пожелавший ознакомиться с предложениями новаторов, особенно с работами Цандера. Позднее, в 1927 г., в своей автобиографии Цандер отмечал: «В конце 1920 г. я доложил про свой двигатель на губернской конференции изобретателей в Москве, на которой была учреждена Ассоциация изобретателей А.И.З., и много говорил про свой проект межпланетного корабля-аэроплана. Там мне Владимир Ильич обещал поддержку. Я после этого работал более интенсивно дальше, желая представить наиболее совершенно разработанные работы...» [56].

В каждой детали воспоминаний изобретателя чувствуется, каким огромным событием в его жизни была встреча с вождем, как мог Владимир Ильич окрылять людей на научные подвиги. «Перед докладом мне сказали, что будет В. И. Ленин,— вспоминал Ф. А. Цандер.— Вначале я очень волновался, а потом с воодушевлением начал убеждать аудиторию в возможности полета человека на другую планету, познакомил ее со своими расчетами и конструкцией межпланетного корабля-самолета. Я видел, как внимательно В. И. Ленин слушал мой доклад, и это придавало мне особые силы. После доклада меня пригласили к В. И. Ленину. Я был очень смущен. Но Владимир Ильич с такой простотой расспрашивал меня о моих работах и планах на будущее, что я несколько злоупотребил его временем и очень подробно рассказал ему о своих трудах и о своей мечте во что бы то ни стало построить ракетный межпланетный корабль. В конце беседы Владимир Ильич крепко пожал мне руку и обещал поддержку. После этой беседы я стал работать с еще большим воодушевлением» [57].

Пример того, как отнесся В. И. Ленин к проектам Ф. А. Цандера, типичен для основателя нашего государства. Владимир Ильич часто являлся на совещания, где ставились сложные и перспективные вопросы, и принимал деятельное участие в их обсуждении [58], неоднократно интересовался движением дела, помогал автору предложения. Если какой-нибудь изобретатель выдвигал ценную идею, даже не имея твердой уверенности в возможности ее осуществления в данный момент, «Владимир Ильич вел дело так, чтобы исчерпать все возможности и прийти к любому концу: или изобретатель сам признается, что он не в состоянии произвести этого опыта, или хоть что-нибудь да удастся» [59].

Некоторые крупные специалисты в области науки и техники не всегда понимали, почему Владимир Ильич, величайший реалист, проявляет «слабость» к любым техническим предложениям, «увлекается». Особенно поражало соратников В. И. Ленина то, как он может тратить свое драгоценное время и силы на оказание помощи изобретателям, одержимым неосуществимыми, по мнению специалистов, идеями. Однако В. И. Ленин оказывался прав, веря в эти открытия. Пример тому — претворение в жизнь идей К. Э. Циолковского, его теории межпланетных путешествий и исследований по ракетной технике, в частности запуск в 1933 г. ракеты Ф. А. Цандера, положивший начало освоению человеком космоса, утвердивший приоритет Советского социалистического государства в практическом осуществлении вековой мечты человечества — вырваться за пределы земного шара.

Свидетельством успехов социалистического изобретательства яв-

---

[56] См. Н. А. Рынин. Межпланетные сообщения. Ракеты и двигатели прямой реакции (история, теория и техника). Л. 1929, стр. 191.

[57] «Правда», 14 апреля 1958 года. Поиски материалов Московской губернской конференции изобретателей, на которой присутствовал В. И. Ленин, проводимые по инициативе кандидата технических наук Д. Я. Зельмановича, пока не принесли результатов.

[58] В. И. Милютин. Ленин в экономической области. Сборник «Ленин и экономическое строительство». Л. 1924, стр. 24.

[59] «Воспоминания о В. И. Ленине». Ч. 3, стр. 254.

ляется значительное число крупных открытий, сделанных уже в первые годы Советской власти. К ним прежде всего относятся: разработанный Р. Э. Классоном гидравлический метод добычи торфа, изобретения в области радио, использование горючих сланцев для изготовления ихтиола и парафина, создание врубовых машин и многое другое. Жизнь убеждала скептиков в том, что те «фантастические» предложения изобретателей, которые поддерживал Владимир Ильич, становились явью, а он сам в этих вопросах всегда стоял на реальной почве, видел то новое, что ускользало от взора других. Г. М. Кржижановский спустя многие годы писал: «Его (В. И. Ленина.— *В. П.*) большой природный здравый смысл как-то по-особенному, по-ильичевски обрамлялся всесторонней тонкой одаренностью, исключительной «суммой разумения» [60].

А вот свидетельство того, как В. И. Ленин подходил к изобретательству, принадлежащее перу старого большевика, крупного хозяйственника И. И. Радченко: с одной стороны, необходимые предвидение и революционная смелость, с другой стороны, столь же необходимые осторожность и расчетливость [61].

В 1929 г. редакция журнала «Изобретатель» обратилась к В. Д. Бонч-Бруевичу с просьбой рассказать, как относился к изобретательству В. И. Ленин. В. Д. Бонч-Бруевич напомнил известное ленинское положение: «У тех, кто хочет решить задачу более трудную, победить капитализм, должно хватить настойчивости испробовать сотни и тысячи новых приемов, способов, средств борьбы для выработки наиболее пригодных из них» [62]. В. И. Ленин, отмечал далее В. Д. Бонч-Бруевич, всегда предлагал упорно разрабатывать все новое, что «способствует развитию нашей промышленности и увеличению производительности труда... Владимир Ильич прекрасно знал, что многое придется отсеять, отбросить, как фантазерство и прожектерство, но всегда стремился поддержать все новое, жизненное, зная, что все действительно нужное и здоровое восторжествует, войдет в обиход жизни, лишь бы дать возможность развиться этим новым росткам» [63].

В 1932 г. А. В. Луначарский писал: «Ленин прямо говорил о том, что коммунист, не способный к полетам реальной мечты, то есть широким перспективам, к широким картинам будущего,— плохой коммунист. Но революционный романтизм органически сочетался в Ленине с крепчайшей практической хваткой» [64].

Владимир Ильич был убежден, что при той всесторонней свободе, которую дает всем трудящимся Советская власть, не может быть предела развитию творческих способностей человека и никаких границ человеческому познанию природы и затем подчинения ее человеку. Он делал все возможное, чтобы как можно скорее «Русь перестала быть убогой и бессильной, чтобы она стала в полном смысле слова могучей и обильной», для чего имеется «материал и в природных богатствах, и в запасе человеческих сил, и в прекрасном размахе, который дала народному творчеству великая революция...» [65]. В. И. Ленин особенно ценил те технические новшества, которые облегчали тяжелый труд рабочего человека, и отказывал в помощи изобретателям, не желавшим отдать свои изобретения народу [66].

Вера в успех начатого дела, в возможности и одаренность советских людей порождала величайший оптимизм Владимира Ильича. Нужно было найти правильное, наиболее рациональное применение разбуженным

---

[60] «Воспоминания о В. И. Ленине». Ч. 2, стр. 559.
[61] См. там же, стр. 97.
[62] В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 393.
[63] «Изобретатель», 1929, № 2, стр. 6—7.
[64] А. В. Луначарский. Статьи о литературе. М. 1957, стр. 34.
[65] В. И. Ленин. Соч. Т. 27, стр. 134—135.
[66] «Воспоминания о В. И. Ленине». Ч. 2, стр. 248.

революцией силам. Вопросы технического обновления страны следовало решать, максимально используя имеющиеся в стране условия. Не случайно еще в январе 1920 г. В. И. Ленин писал: «Красин говорит, что электрификация железных дорог для нас невозможна. Так ли это? А если так, то может быть будет возможна через 5—10 лет? может быть на Урале возможна?» [67].

В. И. Ленин считал каждого изобретателя и рационализатора товарищем по делу. В изобретателе В. И. Ленин прежде всего видел революционера в технике, а самое слово «изобретатель» употреблял в качестве лучшей характеристики человека. В. И. Ленину принадлежит также определение революционной сущности изобретательства.

Никто не радовался так успеху каждого изобретения, новшества и не переживал так каждую неудачу, как Ленин. В многочисленных воспоминаниях современников отмечается эта ленинская черта характера. В. И. Ленин и автор изобретения как бы делили тревоги за судьбу предложения. Если в своем изобретении автор видел осуществление выношенной идеи, то Владимир Ильич через каждое такое открытие приближался к осуществлению своей большой, коммунистической идеи — полного освобождения человека от угнетения. Общее дело роднило Ленина с изобретателями и рационализаторами, передовыми борцами за технический прогресс нашей социалистической Родины.

Красная Армия еще добивала в Крыму остатки врангелевцев, когда Владимир Ильич взялся за проверку постановки изобретательского дела в стране. Ленина интересовало все: количество предложений, внесенных новаторами в Комподиз, процент полезных из них, оперативность рассмотрения предложений новаторов, оказываемая им помощь [68].

В конце 1920 г. из канцелярии Совнаркома в НТО ВСНХ и Комподиз регулярно поступали указания и советы по улучшению работы изобретательских органов. 14 декабря Н. П. Горбунов сообщил заведующему НТО ВСНХ: «Комитет по делам изобретений должен быть реконструирован» [69].

В основных положениях Совнаркома о целях реорганизации Комподиза была сформулирована одна из основных возлагаемых на него задач: «Вовлечение широких масс рабочих в коллективное техническое творчество и содействие производственной пропаганде» [70]. Обращает на себя внимание увязывание этих двух вопросов. По инициативе В. И. Ленина как раз с этого времени развернулась широкая производственная пропаганда, одной из главных задач которой являлась популяризация рабочего изобретательства и рационализаторства [71].

В начале 1921 г. Комподиз был реорганизован в смысле значительного упрощения и пролетаризации его системы. Основной функцией стала указанная выше задача. Превалировавшие до этого в работе Комитета вопросы определения новизны изобретения и разбора тяжб за право первооткрывательства были признаны второстепенными. Председателем Комподиза был назначен П. А. Кобозев, на работу в органы по изобретательству были направлены и другие коммунисты [72]. По специально-

---

[67] В. И. Ленин. Соч. Т. 35, стр. 371.

[68] ЦГАОР и СС, ф. 3429, оп. 60, д. 534, л. 164. Документ представляет копию «ильичевской записки» от 13 ноября 1920 г. в Отдел изобретений НТО ВСНХ. На документе резолюция заместителя заведующего НТО М. Я. Лапирова-Скобло: «К делу Комитета по делам изобретений. 27.XI». В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ) хранится другая копия этого документа (без помет) (ф. 461, ед. хр. 5839). Подлинник записки В. И. Ленина пока не обнаружен. Ответ заведующего Комподизом профессора В. А. Петрова В. И. Ленину см. ЦПА ИМЛ, ф. 461, ед. хр. 6006.

[69] ЦГАОР и СС, ф. 3429, оп. 60, д. 469, л. 147.

[70] Там же, д. 616, л. 38.

[71] Э. Б. Генкина. Возникновение производственных совещаний в годы восстановительного периода. «История СССР», 1958, № 3, стр. 68.

[72] ЦГАОР и СС, ф. 3429, оп. 60, д. 616, л. 33; д. 617, л. 124.

му поручению ЦК РКП(б) и В. И. Ленина член ЦК Ф. В. Ленгник должен был курировать работу Комподиза, следить за ходом внедрения важнейших изобретений [73]. Ф. В. Ленгник, П. А. Кобозев и другие коммунисты успешно выполняли задание партии и В. И. Ленина по улучшению работы изобретательских органов [74].

В своих воспоминаниях Ф. В. Ленгник писал: «Будучи чрезвычайно загружен бесчисленными делами в самых различных областях партийной и советской жизни, Владимир Ильич часто при встрече обращался ко мне по поводу того или другого интересовавшего его изобретения и часто настаивал на принятии экстренных мер для ускорения отзыва или для возможно скорого осуществления изобретения или постановки фабрично-заводской его проверки» [75].

Владимир Ильич учил [76] подходить серьезнейшим образом даже к мелким предложениям по улучшению производства. Авторами таких предложений являлись обычно рабочие. Было важно привлечь их к творческой деятельности, дать им почувствовать, что их творчество полезно Советскому государству. «...Ведь это очень хорошо, если человек думает про свое маленькое дело, что от него зависит судьба революции» [77],— подсказывал товарищам В. И. Ленин. Несомненно, что проводимая в этом направлении борьба с нигилистическим отношением старых «спецов» к «никудышным мелочам» — чем, по их мнению, являлось большинство предложений рабочих — содействовала развитию массового рабочего рационализаторства.

Серьезное значение придавал В. И. Ленин и вопросам материальной заинтересованности изобретателей и рационализаторов. Владимиру Ильичу принадлежит идея введения на социалистических предприятиях особой премиальной оплаты за усовершенствования в методах производства и за технические улучшения [78]. 10 декабря 1920 г. по указанию В. И. Ленина Н. П. Горбунов предложил НТО ВСНХ приступить к разработке специального Положения по обеспечению изобретателей и рационализаторов. При его подготовке НТО руководствовался детальными разъяснениями Совнаркома по всем принципиальным вопросам [79].

Изучение большого количества документальных материалов позволило установить, что рекомендации Совнаркома касались использования одобренных В. И. Лениным предложений комиссии Р. Э. Рудзутака по улучшению производственной пропаганды и стимулированию рабочей инициативы. Одним из пунктов проекта Положения о Всероссийском бюро по производственной пропаганде предусматривалось: «В целях поощрения самодеятельности рабочих и соревнования установить систему премирования за полезные усовершенствования и изобретения как в области технической, так и административной, в зависимости от увеличения производительности, получаемого от применения предложенных усовершенствований» [80].

---

[73] ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 1105, л. 5; журнал «Изобретатель и рационализатор», 1959, № 6, стр. 8.

[74] ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 1105, л. 30; Т. Седельников. Указ. соч., стр. 18—19.

[75] «Воспоминания о В. И. Ленине». Ч. 2, стр. 248. Характерна запись в тетради «Поручения В. И. Ленина по СНК и СТО»: «26 февраля т. Ленин дал еще специальное задание — всячески помогать изобретателям радиотехнической лаборатории...» («Исторический архив», 1961, № 5, стр. 34).

[76] Об этом рассказывает П. А. Кобозев (ЦГАОР и СС, ф. 7752, оп. 1, д. 105, л. 167); Т. Седельников. Указ. соч., стр. 18—19 и др.

[77] «Воспоминания о В. И. Ленине». Ч. 3, стр. 117.

[78] «Ленинский сборник» XXIV, стр. 26—27.

[79] ЦГАОР и СС, ф. 3429, оп. 60, д. 534, лл. 183об.—184.

[80] Там же, ф. 5451, оп. 4, д. 313, л. 29об. О том, что Владимир Ильич рассматривал пропаганду изобретательства как важную составную часть производственной пропаганды, свидетельствуют записи Н. П. Горбуновым поручений В. И. Ленина. («Исторический архив», 1961, № 5, стр. 31—32).

По предложению В. И. Ленина стимулирование новаторов было одобрено X Всероссийской конференцией РКП(б). В принятой резолюции «Об экономической политике» говорилось: «Ввести повсюду принципы индивидуальной и коллективной заинтересованности за изобретения, усовершенствования, экономию рабочей силы, топлива, материалов, сохранность зданий, машин и т. д.» [81].

Совнарком разрабатывал меры по изменению Положения об изобретениях в сторону создания лучших условий для развития массового рабочего изобретательства [82]. В дополнение Положения был издан ряд инструкций, предусматривавших оказание помощи изобретателям путем технической консультации и материального поощрения [83].

Результатом ленинской политики помощи рабочим — изобретателям и рационализаторам было значительное увеличение числа поданных предложений; усилился экономический эффект, получаемый государством от внедрявшихся новшеств и усовершенствований. Так, уже в конце 1921 г. Композиз отмечал, что наблюдавшийся в последнее время рост заявок на изобретения, а также «наплыв самих изобретателей, командируемых в Москву из провинции парткомами, губпрофсоюзами и другими учреждениями, свидетельствует о росте технической инициативы среди рабочих масс» [84]. С другой стороны, повышались активность и классовая самосознательность изобретателей и рационализаторов из числа рабочих. 40 лет работал в котельном цехе Ярославских главных железнодорожных мастерских И. Н. Дубов, но только при Советской власти он стал творить и учить этому товарищей по работе. Когда старому котельщику в 1922 г. кто-то из рабочих посоветовал потребовать вознаграждение за рационализаторские предложения, он возмутился: «Я ведь не на капиталистов работаю, а для всех нас» [85].

Ленин проявлял неустанную заботу об укреплении оборонной мощи страны. По свидетельству П. А. Кобозева и Ф. В. Ленгника, и в годы мирного строительства не ослабевало внимание Ленина к вопросам военного изобретательства [86]. Исключительный интерес представляют соображения Владимира Ильича по вопросу развития советской военной техники. Н. К. Крупская писала: «...мне вспоминается разговор с Ильичем... Сначала он говорил о разных текущих делах... а потом стал говорить — в связи с одним изобретением — о том, что новые изобретения в области науки и техники сделают оборону нашей страны такой мощной, что всякое нападение на нее станет невозможным» [87].

Ленинское предвидение сбылось. Советский народ под руководством Коммунистической партии превратил ранее отсталую Русь в могущественнейшую державу, стоящую ныне на страже мира и безопасности всех народов земного шара.

В. И. Ленин был первым, кто вел беспощадную борьбу с рутинерством и бюрократизмом — злейшим врагом технического прогресса. Во всех случаях, когда изобретательская мысль сталкивалась с косностью и бюрократизмом, Владимир Ильич горячо вступался за изобретателей и рационализаторов, так как считал своим партийным долгом «всяческое и всемерное содействие» им [88]. Когда Ленину становились известны случаи неоправданного отклонения ценных предложений, волокиты, пре-

---

[81] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. I, стр. 575.
[82] ЦГАОР и СС, ф. 3429, оп. 62, д. 27, л. 195.
[83] «Изобретатель и рационализатор», 1959, № 6, стр. 19.
[84] ЦГАОР и СС, ф. 3429, оп. 60, д. 617, л. 306.
[85] «Правда», 12 мая 1925 года.
[86] ЦГАОР и СС, ф. 7752, оп. 1, д. 105, л. 166; «Воспоминания о В. И. Ленине». Ч. 2, стр. 247.
[87] «Воспоминания о В. И. Ленине». Ч. 2, стр. 682.
[88] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 35, стр. 372.

ступной халатности, он требовал самой тщательной проверки фактов и строжайшего наказания виновных [89].

В. И. Ленин придавал огромное значение техническому творчеству на периферии, требовал шире его пропагандировать, помогать местным изобретателям и рационализаторам. В проекте «Наказа от СТО (Совета Труда и Обороны) местным советским учреждениям» Владимир Ильич выдвинул требование — учитывать и отмечать «особенно важное и показательное, осуществляемое отдельными изобретателями, исключительными работниками с приведением имен; опыты, которым местные органы придают значение, и так далее» [90].

Владимир Ильич не дожил до того времени, когда советское изобретательство и рационализаторство достигли такого размаха и приняли такие формы, какие он предвидел.

Несколько сот изобретателей и рационализаторов при жизни вождя, сотни тысяч в годы довоенных пятилеток, миллионы в наши дни — такова история развития выпестованного В. И. Лениным советского изобретательства. Зародившееся в начале 30-х годов массовое движение рабочих — изобретателей и рационализаторов явилось одним из важных факторов, помогших советскому народу в исключительно короткий срок построить социализм.

Особенно резкий скачок совершило советское изобретательство после XX съезда КПСС и последовавших за ним других мероприятий Центрального Комитета и Советского правительства по коренному улучшению работы всех отраслей народного хозяйства страны. Показательны общие цифры: в СССР в 1940 г. было 526 тыс. изобретателей и рационализаторов, в 1950 г.— 555 тыс., в 1960 г.— 2 431 тысяча. Экономический эффект от внедрения изобретений и рационализаторских предложений равнялся: в 1940 г.— 904 млн. руб., в 1950 г.— 4 980 млн. руб., в 1960 г.— 14 570 млн. руб., в 1961 г.— свыше 17 млрд. руб. (в старом масштабе цен) [91].

Вклад изобретателей и рационализаторов в честь XXII съезда КПСС составил 1 200 млн. руб. (в новом масштабе цен), а к 1965 г. изобретатели обещают сэкономить 10 млрд. рублей [92].

В новой Программе КПСС записано: «Максимальное ускорение научно-технического прогресса — важнейшая общенародная задача» [93]. И далее разъясняется, что выполнить эту задачу можно, лишь всемерно развивая инициативу всех хозяйственных и общественных организаций и каждого гражданина СССР в создании и применении новых технических усовершенствований; стимулируя материально и морально массовое изобретательство и рационализаторское движение. Миллионы трудящихся по собственной инициативе совершенствуют производство. И уже недалеко то время, когда, как мечтал Владимир Ильич, СССР станет страной всеобщего изобретательства.

---

[89] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 36, стр. 528—529.

[90] В. И. Ленин. Соч. Т. 32, стр. 370.

[91] См. «СССР в цифрах». Статистический сборник. М. 1958, стр. 60—61; «Коммунист», 1961, № 7, стр. 56; «Правда», 23 января 1962 года.

[92] С 1959 г. изобретатели и рационализаторы страны борются за создание 10-миллиардного фонда имени Семилетки (в новом масштабе цен). За это время страна уже получила 4 млрд. руб. (см. «Изобретатель и рационализатор», 1962, № 1, стр. 1).

[93] «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М. 1961, стр. 73

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ НОВОГО, ТРЕТЬЕГО ЭТАПА ОБЩЕГО КРИЗИСА КАПИТАЛИЗМА

М. С. Драгилев

Новая Программа КПСС, документы и материалы XXII съезда партии внесли большой вклад в дальнейшее развитие революционной теории марксизма-ленинизма. Одним из важнейших теоретических вопросов, разработанных в новой Программе, является проблема общего кризиса капитализма. Теория общего кризиса капитализма, созданная В. И. Лениным, обогащалась и развивалась в решениях КПСС, братских коммунистических партий, в документах Коммунистического Интернационала. Ряд очень важных моментов внесли в теорию общего кризиса капитализма XX и XXI съезды КПСС и Совещания представителей коммунистических и рабочих партий в 1957 и 1960 годах. Исключительно глубок и всесторонен анализ общего кризиса капитализма в новой Программе КПСС.

До недавнего времени в нашей экономической литературе, особенно в учебной, когда заходила речь об основных чертах, о проявлениях общего кризиса капитализма, указывались главным образом следующие пять моментов: 1) борьба двух систем (часто просто говорилось: раскол мира на две системы); 2) кризис колониальной системы; 3) обострение проблемы рынков; 4) хроническая недогрузка предприятий; 5) постоянная массовая безработица. Разумеется, все эти моменты, особенно первые два, которые являются определяющими, сохраняют все свое значение и сейчас.

При анализе первого этапа общего кризиса капитализма можно было ограничиться этими моментами. С углублением общего кризиса мирового капитализма в документах КПСС и братских компартий подвергались анализу новые проявления общего кризиса. Указанных черт первого этапа теперь явно недостаточно для характеристики общего кризиса капитализма в целом.

Сейчас мы вооружены богатейшим анализом этого вопроса, данным в новой Программе КПСС, где характеризуются все формы общего кризиса капитализма, выявившиеся к настоящему времени. Общий кризис капитализма находит свое выражение в следующих явлениях: «Отпадение от капитализма все новых стран; ослабление позиций империализма в экономическом соревновании с социализмом; распад колониальной системы империализма; обострение противоречий империализма с развитием государственно-монополистического капитализма и ростом милитаризма; усиление внутренней неустойчивости и загнивания капиталистической экономики, проявляющееся в растущей неспособности капитализма использовать полностью производительные силы (низкие темпы роста производства, периодические кризисы, постоянная недогрузка производственных мощностей, хроническая безработица); нарастание борьбы между трудом и капиталом; резкое обострение противоречий мирового капиталистического хозяйства; небывалое усиление политической реакции по всем линиям, отказ от буржуазных свобод

и установление в ряде стран фашистских, тиранических режимов; глубокий кризис буржуазной политики и идеологии...» [1].

Государственно-монополистический капитализм развивается уже ряд десятилетий. Особенно усиливалось его развитие в периоды мировых войн. Но в мирное время государственно-монополистические процессы никогда еще не достигали таких размеров и не пронизывали в такой степени все стороны капиталистической экономики, как в современных условиях. Естественно, что XXII съезд КПСС отнесся к этому явлению с пристальным вниманием, и это нашло отражение в Программе. О. В. Куусинен говорил в своей речи на съезде: «В этом официальном документе нашей партии выдвигается на передний план то видоизменение монополистического капитализма, которое предвидел еще Ленин и которое состоит в перерастании этого капитализма в государственно-монополистический капитализм» [2].

Развитие общего кризиса капитализма проявляется и в том, что все более обостряется проблема капиталистического рынка сбыта товаров, на все новые трудности и препятствия наталкивается вывоз капитала, все более запутываются валютные отношения между буржуазными государствами, иными словами, обостряются противоречия мирового капиталистического хозяйства, расшатывается вся система хозяйственных связей империализма, с помощью которой финансовая олигархия главных империалистических держав эксплуатирует народы всего капиталистического мира. Это означает, что углубляется кризис мирового капиталистического хозяйства. Никогда еще этот кризис не достигал такой глубины, как в настоящее время. В Программе нашей партии и это явление определяется как существенное проявление общего кризиса капитализма. Кризис мирового капиталистического хозяйства — это одна из новых научных категорий, которыми Программа КПСС обогатила марксистско-ленинскую политическую экономию [3].

С большой полнотой в Программе партии анализируются рост милитаризма, кризис политики империализма, его идеологии и все другие процессы, в которых находит свое выражение общий кризис капиталистической системы.

Из Программы КПСС и докладов Н. С. Хрущева на XXII съезде партии мы видим, что имеются такие черты общего кризиса, которые характерны для него на протяжении всего его развития. Вместе с тем общий кризис капитализма прошел через два этапа и ныне вступил в третий. Каждый этап имеет свои особенности. На каждом этапе общие черты кризиса мирового капитализма получают свою конкретизацию в тех или иных специфических моментах. Через всю историю общего кризиса капитализма проходят нарастающая борьба двух систем, развитие национально-освободительной борьбы порабощенных империализмом народов, прогрессирующее обострение внутренних противоречий капитализма. Но острота этих процессов, масштабы и формы их развертывания, их воздействие на общее состояние капитализма неодинаковы на разных этапах.

Если говорить о характерных чертах первого этапа общего кризиса капитализма, то их можно было бы свести к следующим главным моментам: а) образование первого в мире социалистического государства, неспособность мирового империализма воспрепятствовать утверждению и развитию диктатуры рабочего класса в нашей стране и превращению нашей Родины в могучую индустриальную державу, в оплот

---

[1] «Программа Коммунистической партии Советского Союза». Госполитиздат. 1961, стр. 25—26.

[2] «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет». Т. II. Госполитиздат. 1962, стр. 382.

[3] См. «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 28—29.

прогресса; б) революционные выступления пролетариата в ряде стран; в) кризис колониальной системы империализма; г) обострение противоречий капиталистической экономики в результате мировой войны, сокращение сферы капиталистической эксплуатации и расшатывание колониальной системы.

Важнейшими специфическими чертами второго этапа общего кризиса капитализма были следующие явления: а) новое резкое сокращение сферы капиталистической эксплуатации, «фронтальный прорыв цепи империализма» [4], выход диктатуры пролетариата за пределы одной страны и превращение ее в интернациональную силу, образование мировой социалистической системы; б) развертывание процесса распада колониальной системы империализма; в) углубление противоречий капиталистической экономики в результате второй мировой войны, отпадения от капитализма ряда стран в Европе и Азии и распада колониальной системы; г) новое обострение классовых противоречий буржуазного общества.

Программа КПСС, как боевой теоретический и политический документ ленинской партии, обращена прежде всего к современности и к перспективам дальнейшего развития мирового революционного процесса. В Программе содержится анализ общих черт кризиса мирового капитализма, но главным образом тех особенностей, которые характерны для его нового, третьего этапа.

При выяснении специфики третьего этапа кризиса мирового капитализма прежде всего возникает такой методологический вопрос: что определяет переход от пройденного этапа общего кризиса капитализма к его новому этапу? В Программе КПСС указано, что начало общему кризису капитализма, и соответственно первому этапу его, положили мировая война и Октябрьская революция. Второй этап развернулся в ходе второй мировой войны и социалистических революций в ряде стран Европы и Азии. Своеобразие третьего этапа заключается в том, что его возникновение не связано с мировой войной [5].

Считать, что переход от одного этапа общего кризиса капитализма к другому происходит только через мировую войну — значит связывать поступательный ход мировой социалистической революции обязательно с грандиозными военными потрясениями. Но такое представление не имеет ничего общего с ленинизмом. «Пролетарская революция,— отмечает Н. С. Хрущев,— не является лишь результатом военных катаклизмов; она есть прежде всего следствие развития классовой борьбы и внутренних противоречий капитализма» [6].

Нельзя сказать и того, что переход от одного этапа общего кризиса капитализма к другому определяется обязательно новыми революционными прорывами в империалистической цепи, ибо это означало бы видеть только одну форму развития мирового революционного процесса — отпадение от капитализма все новых стран и не видеть другую, а именно рост социалистической системы. Вехами в развитии общего кризиса капитализма являются не только сокращение территориальной базы капитализма, но и падение его удельного веса в мировой экономике и политике и скачкообразное обострение его внутренних противоречий.

Переход от пройденного этапа общего кризиса капитализма к новому определяется резким качественным изменением соотношения сил социализма и империализма.

Великий Октябрь открыл эпоху реального существования социали-

---

[4] Н. С. Хрущев. За новые победы мирового коммунистического движения. «Коммунист», 1961, № 1, стр. 7.

[5] «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 25.

[6] Н. С. Хрущев. Указ. соч., стр. 8.

стического общества. Он положил конец такому положению, когда империализм существовал как всемирная система. Все это означало коренное качественное изменение обстановки. Мир раскололся на две системы. Это и определило возникновение общего кризиса капитализма.

В итоге второй мировой войны и социалистических революций в ряде стран Европы и Азии произошло новое резкое изменение соотношения сил в пользу социализма, ибо социализм превратился в мировую систему; капиталистическая система сильно сузилась. Это определило переход ко второму этапу общего кризиса мирового капитализма.

С переходом его к третьему этапу вновь произошло качественное изменение соотношения сил в пользу социализма. Отсюда следует, что изучение положений Программы партии о третьем этапе общего кризиса капитализма должно быть направлено к выяснению того, в чем же состоит качественно новое изменение в соотношении сил мирового социализма и мирового империализма.

Было бы неверным упрощенно представлять различия между этапами, в частности между вторым и третьим, общего кризиса капитализма. В. И. Ленин указывал, что в природе и в обществе все грани условны и подвижны [7]. Условность и подвижность граней нужно иметь в виду и при выявлении специфики этапов общего кризиса капитализма, ибо некоторые процессы, которые характеризуют новый этап, существовали, правда, не в таком развитом виде, на втором этапе, а с другой стороны, явления, характерные для второго этапа, сохраняются и теперь.

Новый этап общего кризиса характеризуется следующими основными качественными изменениями: во-первых, рост мировой роли социалистической системы и соответственно упадок мировой роли империализма, во-вторых, дальнейшее развитие национально-освободительного движения и вступление его в новый период борьбы за полное уничтожение колониализма, в-третьих, обострение внутренних противоречий империализма.

Эти качественные изменения сказались в середине и второй половине 50-х годов. Именно в этот период и произошел переход к новому этапу общего кризиса капитализма.

★

До Октябрьской революции, пока капитализм оставался всемирной системой, его состояние определялось только его внутренними силами. Но с того времени, как начался распад мировой системы капитализма, когда возникла и упрочилась противостоящая ей социалистическая система, положение капитализма уже не может определяться только его внутренними процессами. Его состояние зависит и чем дальше, тем в большей мере будет зависеть, от состояния сил его антипода — социалистической системы. Из всего этого следует, что общий кризис, представляя собой состояние капитализма, находит свое проявление в ослаблении капитализма и, с другой стороны, в росте социализма. Рост социализма в этом процессе составляет главную особенность. В характеристике нового этапа общего кризиса капитализма на первый план выдвигается качественное изменение мировой роли социализма.

XX съезд КПСС отметил, что главную черту нашей эпохи составляет выход социализма за рамки одной страны и превращение его в мировую систему. «За период после съезда произошел новый важный сдвиг: мировая социалистическая система становится решающим фактором развития общества» [8].

---

[7] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 22, стр. 254.

[8] «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет». Т. I. Госполитиздат. 1962. стр. 18—19.

Превращение социалистической системы в решающий фактор развития человеческого общества есть процесс. Отметим некоторые главные проявления этого процесса.

1. Мировая социалистическая система вступила в новый этап своего развития. Советский Союз успешно решает задачи развернутого строительства коммунистического общества. В других странах социалистической системы уже в середине 50-х годов одержали победу социалистические производственные отношения. Социализм полностью победил в рамках всей социалистической системы [9].

2. Уже к настоящему времени социалистическая система добилась крупных побед в экономическом соревновании с капитализмом. По темпам роста производства страны социализма превосходят капиталистические. Среднегодовые темпы роста промышленного производства в 1951—1960 гг. составили в странах социализма 13,6%, а в странах капитализма — 4,9% [10]. В последние годы социалистическое содружество превзошло капиталистическую систему и по абсолютному приросту ряда важнейших видов продукции. Так, в 1956—1960 гг. среднегодовой прирост выплавки стали составил в странах социализма 8,7 млн. т, а в странах капитализма — 5,4 млн. тонн. СССР перегнал США и по уровню производства железной руды, угля, сборного железобетона, шерстяных тканей и ряда других товаров [11]. СССР обгоняет США по темпам роста производительности труда. В 1956—1960 гг. среднегодовые темпы роста производительности труда в промышленности составили в СССР 6,7%, а в США — 3,8% [12]. СССР опередил США в важнейших областях науки и техники, в подготовке специалистов. Наша страна производит теперь почти пятую часть всей мировой промышленной продукции — больше, чем Англия, Франция, Италия, Канада, Япония, Бельгия и Нидерланды, вместе взятые. Что касается всего социалистического содружества, то его доля в мировом промышленном производстве, составлявшая в 1955 г. 27%, достигла в 1960 г. примерно 36% [13]. К 1965 г. доля мировой социалистической системы составит более половины, а к 1980 г.— примерно две трети мирового промышленного производства.

3. Раньше доминирующей силой международных отношений был империализм. Ныне главная роль в международных отношениях переходит к социалистической системе. «В современных условиях созданы предпосылки для того, чтобы социализм все больше определял характер, методы и пути международных отношений» [14]. Империализм еще располагает большой экономической и военной силой. Его агрессивная природа не изменилась. Но новым является то, что происки империалистов полностью разоблачаются, наталкиваются на решительный отпор, их попытки развязывать локальные войны пресекаются. Советский Союз добился огромных успехов в области научно-технического и военно-технического прогресса. Это обстоятельство является одним из новых факторов, определяющих наступление нового этапа общего кризиса капитализма, ибо и в области военно-технической произошло изменение соотношения сил в пользу социализма. Мировая социалистическая система является сейчас главным гарантом сохранения современных достижений прогрессивного человечества. Империализм готовит термоядерную войну, которая привела бы к колоссальным разрушениям и уничтожению сотен миллионов людей. Социалистическая система сковывает

---

[9] Там же, стр. 19.
[10] «Международная жизнь», 1961, № 6, стр. 150.
[11] Там же.
[12] «Мировая экономика и международные отношения», 1962, № 1, стр. 57.
[13] «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет». Т. I, стр. 20.
[14] Н. С. Хрущев. Указ. соч., стр. 7.

империалистические силы войны. И недалеко то время, когда создастся реальная возможность исключить мировую войну из жизни общества. Возрастающий перевес сил социализма над силами империализма, сил мира над силами войны ведет к тому, что такая возможность возникает еще до того, как социализм утвердится на всем земном шаре.

4. Мировая социалистическая система все больше ограничивает сферу действия законов капиталистического общества. Дело не только в том, что эти законы не могут действовать в той части мира, где утвердился социалистический способ производства. Даже внутри капиталистического мира действие некоторых важных закономерностей империализма ограничивается ростом могущества системы социализма.

Примером воздействия мирового социализма на внутренние закономерности капитализма является то влияние, которое оказывает сам факт существования и роста мировой социалистической системы на противоречия между империалистическими державами. Одной из особенностей современного этапа является резкое усиление неравномерности развития капиталистических стран. В частности, доля США и Англии в мировой капиталистической экономике падает, доля ФРГ растет. В 1950 г. доля Англии в промышленном экспорте капиталистического мира составляла 26%, а ФРГ — 7%. В 1960 г. доля Англии снизилась до 17%, а доля ФРГ возросла до 19%[15]. В начале второго десятилетия нашего века подобное неравномерное развитие Англии и Германии привело к войне между ними, а сейчас империалисты скованы наличием мировой социалистической системы. В области экономики США и ФРГ — также злейшие противники, но в то же время они союзники по подготовке агрессии против социалистических стран. Все это ведет к тому, что экономические противоречия между империалистическими державами не получают разрешения; растет тенденция к их обострению.

5. Своими возрастающими успехами социалистическая система способствует ускорению мирового революционного процесса. Нередки в истории случаи, когда война выступала ускорителем революции. Анализируя факторы, способствующие созреванию революционной ситуации в 1917 г., В. И. Ленин отмечал, что «этим всесильным «режиссером», этим могучим ускорителем явилась всемирная империалистическая война»[16] Вторая мировая война, хотя и в новых исторических условиях, тоже в известном смысле сыграла роль ускорителя революций в ряде стран. Теперь иное положение. Социалистическая система, ее хозяйственные успехи, рост ее могущества являются главным фактором ускорения мирового революционного процесса. В. И. Ленин придавал громадное значение революционизирующей силе социалистического примера. В декабре 1920 г. в речи на собрании актива Московской организации РКП (б) В. И. Ленин говорил, что «социализм имеет силу примера». Он призывал: «Надо показать практически, на примере, значение коммунизма»[17]. Но в ту пору социалистическое строительство еще только начиналось, и лишь в нашей стране. Ныне мировая социалистическая система — главное завоевание международного революционного движения рабочего класса — своими успехами стимулирует усиление революционно-пролетарской борьбы в капиталистических странах, подрывает влияние буржуазной идеологии, реформизма и ревизионизма в рабочем движении, способствует созреванию субъективных предпосылок новых, социалистических революций. Распад колониальной системы смог развернуться с такой силой благодаря тому, что национально-освободительное движение угнетенных народов пользуется активной

---

[15] «Monthly Bulletin of Statistics», United Nations, April, 1961; «Supplement to the Monthly Bulletin of Statistics», United Nations, 1959.

[16] В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 293.

[17] В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 426.

поддержкой со стороны социалистических государств. Наличие мировой социалистической системы расширяет возможности мирного развития революции в тех странах, где для этого имеются необходимые внутренние условия.

6. Мировая социалистическая система является теперь надежным гарантом сохранения и упрочения революционных завоеваний в любой стране. В 1919 г. молодая Советская Россия, будучи еще сама неокрепшей и окруженная врагами, не имела сил, чтобы воспрепятствовать победе контрреволюции над Советской Венгрией и Советской Баварией. В 40-х годах, одержав победу в Великой Отечественной войне, Советский Союз уже смог действенно помочь народно-демократическим государствам в их борьбе против стремления международного империализма реставрировать антинародные режимы. Социалистическая система способна теперь оказывать действенную помощь прогрессивным силам в борьбе против попыток империалистического экспорта контрреволюции.

То, что капитализм утратил ведущую роль в мировом развитии и главным фактором мирового развития становится социализм, представляет собой самое яркое проявление нового ослабления капитализма, дальнейшего углубления его общего кризиса, наступления нового этапа в развитии этого кризиса.

★

Вторым важнейшим проявлением нового этапа общего кризиса капитализма является то, что распад колониальной системы, развернувшийся еще на втором этапе, перерос ныне в прямое крушение системы колониального рабства. В докладе на XXII съезде КПСС Н. С. Хрущев сказал, что «шестидесятые годы нашего века войдут в историю как годы полного развала колониальной системы империализма» [18].

На втором этапе общего кризиса капитализма самым ярким проявлением распада колониальной системы явилось то, что от этой системы отпали Китай, Северная Корея, Северный Вьетнам. В этих странах с колониализмом было покончено полностью и бесповоротно. Они вырвались не только из колониальной системы, но также и из капиталистической системы мирового хозяйства. Образование новых суверенных национальных государств произошло в этих странах в форме народной демократии. Это было результатом того, что национально-освободительной борьбой в этих странах руководил рабочий класс, возглавляемый марксистско-ленинскими партиями. Эти три страны составляют ныне важную часть мировой социалистической системы.

В других бывших колониальных и полуколониальных странах — в Индии, Индонезии, Бирме, Египте, Сирии, на Цейлоне и т. д. — в силу сложившихся исторических условий руководство национально-освободительной борьбой оказалось в руках национальной буржуазии. Распад колониальной системы проявился в этих странах в менее зрелой форме. Освобождение из-под империалистического гнета сопровождалось здесь образованием не народно-демократических государств, а буржуазно-парламентских республик. Вырвавшись из колониальной системы, эти страны остались, однако, в капиталистической системе мирового хозяйства.

Империалистический колониализм имеет свою политическую структуру и экономические корни. Когда говорится о политической структуре колониализма, имеется в виду, что в каждой колонии государственная власть принадлежит правительству империалистической метрополии.

---

[18] «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет». Т. I, стр. 29.

Это правительство через свою колониальную администрацию проводит по отношению к местному населению различные меры национальной дискриминации, забирает у него земли в пользу своих монополий, принуждает его к рабскому труду, превращает угнетаемую страну в военную базу и в источник людских ресурсов для агрессии, использует эту страну как разменную монету в своих внешнеполитических комбинациях и т. д.

На втором этапе общего кризиса процесс распада колониальной системы выразился в таких странах, как Индия, Индонезия, Бирма, в том, что в них происходила ломка именно политической структуры колониализма. Они добились государственного суверенитета, реальной политической независимости. Из объекта империалистической политики эти страны превратились в самостоятельный фактор международных отношений. Хотя эти страны остаются еще в мировом капиталистическом хозяйстве, они отнюдь не являются союзниками системы империалистических государств и не входят в эту систему. В вопросах внешней политики они в общем идут самостоятельным путем; по некоторым вопросам борьбы за мир и международную безопасность их позиции совпадают с позициями стран социалистического лагеря. Раньше в Азии и Африке господствовали те принципы отношений между странами, которые насаждал империализм. Теперь там устанавливаются новые принципы, которые по своему мирному характеру приближаются к отношениям, свойственным социалистическому лагерю.

По мере того, как колониальные страны добиваются реальной политической независимости, сокращается возможность для империалистических монополий обогащаться в этих странах путем использования рычагов государственной власти, применения внеэкономических форм колониальной эксплуатации. Монополии уже не могут заставить эти страны нести расходы по содержанию на своей территории государственных чиновников, представляющих интересы метрополий. Освободившиеся страны избавили себя от необходимости содержать на своей территории на свои же средства войска метрополий. Они освободили себя от кабальной обязанности платить налоги в пользу империалистических держав, безвозмездно отдавать метрополиям материальные ценности в качестве всякого рода реквизиций и конфискаций, нести финансово-экономические тяготы, вытекающие из навязанных ранее этим странам неравноправных договоров и соглашений, финансировать войны, ведущиеся метрополиями.

Таким образом, основное, что характеризовало распад колониальной системы на втором этапе общего кризиса капитализма, состояло в том, что развернувшаяся национально-освободительная борьба стала с возрастающей силой ломать политическую надстройку колониализма. Но тогда этот процесс ограничивался главным образом районом Азии. Ныне он охватил Африку и проник в зону Латинской Америки. Но это еще не все, что характеризует распад колониальной системы на новом этапе. В большинстве новых суверенных стран империализм сохраняет свои экономические позиции, монополии империалистической державы концентрируют в своих руках многие, а кое-где и все ключевые позиции экономики. Поэтому одна лишь ломка политической структуры колониализма не может гарантировать освободившимся народам прочную политическую самостоятельность. Процесс крушения колониальной системы развивается неравномерно. Народы, сбрасывающие цепи колониализма, достигли различной степени освобождения. Вместе с тем общим для всех этих народов является то, что каждая освободившаяся страна стоит перед необходимостью: 1) закрепить завоеванный политический суверенитет; 2) ликвидировать все остатки своего былого политического подчинения колонизаторам; 3) отбить все попытки империа-

листов, направленные на реставрацию в новых формах системы колониального рабства; 4) упразднить феодальные порядки и пережитки, на которые опирается иностранный империализм, и 5) добиться экономической независимости, выкорчевав экономические корни колониализма. Основное, что характеризует развал колониальной системы на новом этапе, состоит в том, что этот процесс борьбы за экономическую независимость развертывается со значительной силой.

Страны Азии и Африки, завоевавшие свою государственность, а также некоторые латиноамериканские страны, давно пользующиеся формальным государственным суверенитетом, но являющиеся объектами фактической колониальной эксплуатации, ныне начали предпринимать некоторые меры по ограничению собственности иностранных империалистов. Об этом свидетельствуют такие факты, как национализация ОАР Суэцкого канала; установление в Индонезии правительственного контроля над многими голландскими предприятиями, а потом и национализация их; принудительная продажа в Индонезии иностранными фирмами своих предприятий местным капиталистам; национализация иностранной собственности в некоторых других освободившихся странах.

Империалистические монополии постепенно утрачивают в ряде бывших колониальных стран свободу действий даже в тех секторах экономики, где они сохраняют свою собственность. Выявились следующие формы ограничения действий иностранного капитала правительствами бывших колониальных стран: усиленное налоговое обложение иностранных фирм; замораживание прибылей некоторых иностранных компаний, как это имеет место, например, в Индонезии; ограничение перевода прибылей иностранных фирм за границу; государственное законодательство против утечки капитала за границу; регулирование притока иностранного капитала с целью обеспечения такого его распределения по отраслям, которое способствовало бы развитию национальной экономики; ограничение ввоза товаров, производство которых освоено внутри страны; установление высоких импортных пошлин на ввозимые товары. Начался процесс ликвидации созданного империализмом положения, когда колониальные страны являлись лишь аграрно-сырьевыми придатками к метрополиям. Для империалистических монополий усложняется задача использования в интересах своего обогащения природных ресурсов этих стран.

До тех пор, пока для угнетенных народов первоочередным был вопрос о завоевании государственной независимости, национальные силы порабощенных стран выступали в основном единым фронтом. В состав этого фронта входили рабочий класс, крестьянство, демократическая интеллигенция, городская мелкая буржуазия и национальная буржуазия и прежде всего та ее часть, интересы которой ущемлялись иностранными монополиями. Это был классовый союз весьма разнородных элементов. Классовые противоречия в то время отступали на второй план; эти различные социальные силы объединяла борьба против общего врага — иностранных монополий, местных феодалов, компрадорской буржуазии. Но когда государственная независимость была достигнута и политическая власть оказалась — в таких странах, как Индия, Бирма, Египет,— в руках национальной буржуазии, то первоочередным стал вопрос о том, как будет применена политическая власть: будет ли она или не будет использована для доведения до конца борьбы против империализма, для ликвидации всех остатков политической надстройки колониализма, для выкорчевывания его экономических корней, для изгнания из национальной экономики иностранных монополий и создания независимой национальной экономики.

При этом возникает ряд острых проблем. Создать независимую экономику — значит развить промышленность. В свою очередь, чтобы

развить индустрию, ее надо обеспечить сырьем и рынком сбыта, прежде всего внутренним. То и другое требует раскрепощения производительных сил сельского хозяйства, иначе говоря, проведения глубокой аграрной реформы, ликвидации феодальных пережитков. Кроме того, чтобы создать промышленность, нужны капиталы.

Далее, нельзя поднять национальную экономику и преодолеть вековую отсталость, если не привести в движение народные массы, не заинтересовать их в развитии национальной экономики: нужно, чтобы народные массы ощутили для себя пользу от этого, чтобы улучшились условия их труда и была проведена широкая демократизация всей общественно-политической жизни. Однако решение этих задач наталкивается на сопротивление реакционной части буржуазии; в странах, освободившихся от колониализма, обнаруживают себя противоречия между рабочими и буржуазией, между крестьянством и помещиками и т. д. Правое крыло национальной буржуазии нередко смыкается с феодалами и иностранными монополиями в борьбе за свои корыстные интересы.

Все это приводит к тому, что в национальном фронте начинают образовываться и углубляться трещины, реакционные круги пытаются взорвать национальный фронт, берут на вооружение черное знамя антикоммунизма.

Таким образом, одной из важнейших особенностей распада колониальной системы на третьем этапе является то, что освободившиеся страны стали ареной обострившейся классовой борьбы. Они вырвались из цепей колониализма в том смысле, что завоевали государственную самостоятельность, но остались еще в капиталистической системе мирового хозяйства, и реакционные круги добиваются, чтобы такое положение сохранилось и дальше.

Но до тех пор, пока освободившаяся страна идет по капиталистическому пути, остается в капиталистическом мировом хозяйстве, международный капиталистический кредит оказывается для нее не чем иным, как монополистическим ввозом капитала; ее внешняя торговля неизбежно носит характер неэквивалентного обмена; ее экономика зависит от циклических колебаний мировой капиталистической конъюнктуры; кризисы в высокоразвитых капиталистических странах разрушительным образом сказываются на экономике освободившихся стран.

Тем не менее в освободившихся странах национальная буржуазия, особенно ее верхушечная часть, придя к власти, обнаруживает склонность к соглашательству с империалистическими кругами. В таких странах национальная буржуазия приносит интересы национального возрождения своей страны в жертву своим узкоэгоистическим классовым интересам. Это не только препятствует достижению экономической независимости, но и создает опасность потери достигнутых завоеваний. При этом следует учитывать, что империализм все шире применяет новые, замаскированные формы колониализма.

Все это говорит о том, что процесс распада колониальной системы, достигнув ступени ее крушения, развала, стал в то же время более противоречивым. Когда шла борьба за достижение политической самостоятельности, многим из представителей национальных сил казалось, что если власть перейдет от колониальной администрации к представителям нации, то задача национального возрождения будет обеспечена. Теперь эти иллюзии начинают рассеиваться. В Программе КПСС говорится: «Пока эти страны не покончат с экономической зависимостью от империализма, они будут играть роль «мировой деревни», останутся объектом полуколониальной эксплуатации» [19]. Хотя эти страны добились политической независимости, задача борьбы против империализма и

[19] «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 45.

феодализма со все большей остротой ставится их народами: центральный вопрос национально-освободительного движения во многих странах — борьба за завершение задач антиимпериалистической, антифеодальной, демократической революции. В этой связи большое значение приобретают положения Программы партии и Заявление Совещания представителей коммунистических и рабочих партий о государстве национальной демократии.

Какой путь дальнейшего развития избрать — внутреннее дело самих народов. Выбор пути развития определяется сложившимся в молодом национальном государстве соотношением классовых сил. Переход на путь некапиталистического развития в настоящее время в огромной мере облегчен тем, что существует могучая система социалистических государств, которая может оказать освободившимся странам всестороннюю помощь.

★

Третье, главное проявление общего кризиса капитализма на новом этапе состоит в дальнейшем углублении внутренних противоречий империализма в центрах его господства — в главных капиталистических странах.

Обострение антагонистических противоречий, свойственных капитализму,— это хроническая тенденция капитализма. Постоянной основой его противоречий являются капиталистическая форма собственности на средства производства, классовая структура буржуазного общества. При империализме капиталистические противоречия обостряются господством монополий. Вместе с тем при этих постоянных основах противоречий капитализма на каждом новом этапе появляются специфически новые источники, непосредственно питающие дальнейшее обострение капиталистических противоречий.

На первом этапе общего кризиса капитализма такими новыми источниками были первая мировая война и, что самое главное, выпадение из капиталистической системы нашей страны. На втором этапе новыми источниками обострения капиталистических противоречий явились вторая мировая война и прежде всего отпадение от капитализма ряда стран Европы и Азии. А каковы же новые источники, питающие углубление противоречий мирового капитализма на третьем этапе общего кризиса капитализма?

Внешними факторами углубления внутренних противоречий империализма на новом этапе являются, как уже говорилось выше, превращение социализма в решающий фактор мирового развития и крушение колониальной системы. Что же касается внутренних факторов, то необходимо учесть следующее. При капитализме воспроизводство всегда упирается в проблему сбыта. И в настоящее время состояние капиталистической экономики во многом определяется емкостью рынков сбыта товаров. При империализме условия воспроизводства ухудшаются вследствие того, что господствующие монополии грабят народные массы, в связи с чем все больше увеличивается разрыв между объемом производства и объемом платежеспособного спроса. А на современном этапе общего кризиса капитализма условия капиталистического воспроизводства дополнительно резко ухудшились вследствие того, что: 1) растет доля социализма и сокращается доля капитализма в мировой экономике; 2) распад колониальной системы затруднил хозяйничанье монополий в слаборазвитых странах; 3) развернулась новая научно-техническая революция, и в капиталистических странах ее достижения узурпированы монополиями; 4) необычайного масштаба, учитывая условия мирного времени, достигли государственно-монополистические про-

цессы; 5) все большие размеры приобретает милитаризация капиталистической экономики. Последние три момента относятся именно к внутренним условиям капитализма, и на них следует остановиться подробнее.

Современные достижения ядерной физики и биологии, развитие электроники, автоматики, ракетной техники и синтетической химии представляют собой величайшую в истории научно-техническую революцию. Она сулит человечеству неисчислимые блага, но лишь в условиях социализма, коммунизма. При капитализме же она служит фактором углубления экономических и всех социальных противоречий, так как достижения науки и техники захвачены монополиями и поставлены на службу их узкоэгоистическим интересам.

Научно-технические сдвиги вызвали резкий рост производительности труда. Затраты труда не только живого, но и овеществленного на единицу продукции сильно уменьшаются. Если выразить в общих измерителях рост используемых в промышленности сооружений и оборудования (основного капитала) и увеличение продукции, то окажется, что масса выпускаемой продукции возрастает быстрее, чем величина основного капитала.

Этим пользуются монополии. С помощью новой техники они удешевляют выпуск продукции, но продают ее по монопольно высоким ценам. Прибыли монополий растут, а противоречия капиталистической экономики, взятой в целом, обостряются. Во-первых, коль скоро количество продукции, получаемое на единицу капитала, возрастает, то приток ее на рынок увеличивается. Во-вторых, уменьшение затрат труда на единицу продукции означает, что большее количество продукции вырабатывается меньшим числом рабочих, возрастает безработица. В настоящее время в США число полностью безработных и частично работающих составляет около 14 млн. человек, что соответствует примерно $^1/_4$ всего числа занятых в производстве (без сельского хозяйства) [20]. Эти два противоречивых обстоятельства означают дальнейшее увеличение разрыва между объемом производства и объемом платежеспособного спроса, то есть обострение проблемы рынка.

Несмотря на низкие темпы прироста продукции, объем торговли имеет тенденцию отставать от объема производства. В США в 1960 г. выпуск промышленной продукции возрос по сравнению с 1957 г. на 8%, а объем внутренней торговли в неизменных ценах увеличился только на 5%[21]. В 1958 г. по сравнению с 1928 г. объем капиталистического мирового промышленного производства увеличился на 104%, а объем торговли — на 55%. С этим связано и такое явление, как рост хронической недогрузки предприятий. В США по ряду отраслей бездействует около 50% всей суммы производственных мощностей. В Англии к началу 1961 г. загрузка автомобилестроения составляла примерно 70%, судостроения — 78%, сталелитейной промышленности — 75%[22].

Финансовая олигархия пытается вытащить капиталистическую экономику из трясины противоречий с помощью государственно-монополистических мероприятий, но выхода дать это не может.

В Программе партии дано глубокое ленинское определение сущности государственно-монополистического капитализма. Это — объединение силы монополий с силой государства в единый механизм в интересах финансовой олигархии. Объективно государственно-монополистический капитализм — это полнейшая подготовка материальных предпосылок социализма. А с точки зрения классовых интересов монополистов го-

---

[20] «Survey of Current Business», December, 1961.
[21] Ibid.
[22] См. «Новое время», 1962, № 7, стр. 6.

сударственно-монополистический капитализм выполняет две главные функции: первая — обеспечение монополистических сверхприбылей, вторая — спасение капиталистического строя от нарастающей всемирной социалистической революции. На разных этапах развития общего кризиса соотношение этих функций государственно-монополистического капитализма не остается одинаковым. Функция обеспечения сверхприбылей сохраняется все время, но чем больше углубляется общий кризис, чем значительнее слабеет империализм, чем сильнее становится мировая социалистическая система и чем быстрее прогрессирует распад колониальной системы, тем больше в функционировании государственно-монополистического капитализма на первый план выступает задача спасения капиталистического строя. А это, в свою очередь, влечет за собой рост вмешательства государства в экономическую жизнь капиталистического общества.

Следует отметить, что первая из указанных двух функций государственно-монополистического капитализма сама по себе требует относительно небольшого вмешательства государства в экономическую жизнь. Это, в частности, отражалось в том, что несколько десятилетий назад удельный вес государственных инвестиций, например, в США был небольшим. В настоящее же время он превышает 30% всех капиталовложений в промышленность. В этой цифре отражается огромный рост вмешательства государства в экономическую жизнь страны. Его рост вызван тем, что функция обеспечения монополистических прибылей сохранила, конечно, свое значение, но задача спасения буржуазного строя стала для монополий неизмеримо важнее, чем раньше, и вместе с тем несравненно сложнее. Эта задача определяет разбухание государственного аппарата — создаются все новые органы для выполнения функций вмешательства в экономическую жизнь — и непрестанное увеличение государственных расходов. Возьмем для примера участие государства в заграничных и внутренних капиталовложениях. До второй мировой войны роль государства в вывозе капитала была весьма скромной. В США накануне войны государственного вывоза капитала почти не было вовсе. А в 1946 г. из 19 млрд. долл. иностранных капиталовложений США на долю государства приходилось уже 5 млрд. долл., в 1960 г. из 71 млрд. долл.— уже 21 млрд. долларов [23].

С чем это связано? Конечно, и здесь соображения прибыли играют свою роль. Но главным образом это связано с тем, что вследствие отпадения от капитализма ряда стран и распада колониальной системы резко ухудшились условия вывоза капитала. Во многих случаях монополисты боятся рисковать своими капиталами, опасаются потерять их в результате национализации. И тут на сцену выступает государственный вывоз капитала, назначение которого в первую очередь состоит в том, чтобы спасать сами возможности, сами условия вывоза капитала. Есть такая форма государственных заграничных затрат, которая непосредственно прибыли вообще не приносит. Это государственные субсидии, предоставляемые за границей на поддержание реакционных режимов, как, например, в Южной Корее, выдаваемые в виде помощи правительствам, входящим в агрессивные блоки. За период с 1 июля 1945 г. по конец 1960 г. субсидии, предоставленные Соединенными Штатами иностранным государствам, достигли суммы в 65 млрд. долларов [24]. Эти средства затрачены на вооружение партнеров США, прибылей они не приносят. Эти расходы прямо связаны с задачей спасения капиталистического строя.

Возьмем теперь другую форму этого процесса. До войны роль государства во внутренних капиталовложениях была незначительной.

---

[23] См. «Мировая экономика и международные отношения», 1962, № 1, стр. 69.
[24] Там же.

А теперь во Франции, например, доля государства в общей сумме капиталовложений в промышленность составляет 30%, в Италии — примерно 36% [25].

С чем это связано? Это большой и сложный вопрос, который требует специального конкретного анализа. Но если попытаться ответить на него в общей форме, то нужно учесть следующее. В условиях, когда проблема сбыта товаров приобретает все большую остроту, когда значительная часть производственных мощностей хронически не используется, у монополий снижаются стимулы к дополнительным капиталовложениям. Возможности для новых капиталовложений у монополий в большей мере возросли, потому что ими накоплены громадные капиталы. Раньше, предпринимая новые капиталовложения, монополии выпускали на денежный рынок новые пакеты акций, привлекали капитал со стороны, а теперь все большую роль играет так называемое самофинансирование, то есть капиталовложения за счет собственных накоплений, без выпуска на денежный рынок новых акций. Но в ряде случаев монополии воздерживаются от строительства новых предприятий, цехов, так как не уверены в возможности сбыта новых масс продукции. Процесс воспроизводства сильно заторможен. И чтобы задержать дальнейший упадок капиталистического воспроизводства, на сцену выступает государство. Недостаточность капиталовложений монополий оно возмещает своими капиталовложениями. При этом побудительным мотивом является прежде всего спасение капиталистического строя, что ярко выступает в свете следующих фактов.

Для современного капитализма характерны низкие темпы роста производства. Темпы воспроизводства — это яркий показатель жизнеспособности данного социально-экономического организма, это показатель того, насколько данная общественно-экономическая система способна использовать наличные производительные силы, а в современных условиях — насколько она способна использовать достижения современной научно-технической революции. То, что для современного капитализма характерны низкие темпы прироста продукции, составляет одну из форм загнивания капитализма. И это не на шутку тревожит капиталистических лидеров.

В США среднегодовой рост производства составил за период с 1945 по 1960 год 1,8%, а в СССР — 10,6% [26]. Если темпы воспроизводства останутся такими же, то мы сравняемся с США по уровню производства в 1967 году. В связи с этим руководящие деятели США заявляют, что американские темпы должны быть подняты до 4,5%, что правительство США должно принять все зависящие от него меры, чтобы обеспечить такой среднегодовой рост производства [27]. Отметим, что если бы им это даже и удалось, то, как показали расчеты наших экономистов, мы сравнялись бы с США по уровню производства в 1970 году. Но не это здесь является предметом анализа. Привлекает внимание весьма примечательное обстоятельство. Никогда раньше капиталисты не проявляли такого интереса к темпам роста производства их страны в целом, как теперь. Обычно каждый капиталист заботится о своем производстве, а не о производстве страны в целом. Ведь другие капиталисты данной страны являются его конкурентами. Каждому данному капиталисту вовсе не интересно, чтобы его конкуренты увеличивали выпуск продукции. Но теперь в эту внутреннюю закономерность капитализма вторгается новый момент — соревнование двух систем. Теперь для капитализма вопрос о темпах — это уже не только вопрос о соотношении сил конкурентов,

---

[25] См. «Коммунист», 1961, № 2, стр. 28.

[26] «СССР в цифрах в 1960 г.». Краткий статистический сборник, Госполитиздат, 1961, стр. 109.

[27] «Мировая экономика и международные отношения», 1961, № 10, стр. 96—99.

это прежде всего вопрос о соотношении сил двух систем, вопрос о том, чтобы обеспечить свои позиции в экономическом соревновании с социализмом.

Классовые интересы капиталистов требуют, чтобы выпуск продукции возрастал, хотя деловые интересы отдельных капиталистических фирм, деловые интересы, определяемые плохими условиями сбыта, во многих случаях диктуют им необходимость сокращения производства. Здесь налицо новое противоречие. И решение этого противоречия пытается взять на себя государство. Отсюда такие явления, как, с одной стороны, государственные закупки товаров у монополий, а с другой стороны — государственные капиталовложения в частную промышленность, государственное строительство предприятий.

Обратимся теперь к милитаризации капиталистической экономики. Это явление имеет и самостоятельное значение, и вместе с тем в настоящее время оно представляет собой одну из важнейших форм государственно-монополистического капитализма, участия государства в экономической деятельности монополий. Милитаризация экономики осуществляется через государственный бюджет. И когда речь идет о государственных закупках товаров у частных фирм, то это главным образом военные закупки; о строительстве государственных предприятий,— то это прежде всего военные предприятия; о предоставлении другим странам так называемой помощи,— то это главным образом помощь на военные цели; о государственных расходах за границей,— то это — расходование средств преимущественно на содержание военных баз и войск на иностранных территориях. В милитаризме, как форме государственно-монополистического капитализма, выступает на первый план стремление монополий к спасению капиталистического строя. В то же время милитаризм приносит бешеные прибыли военно-промышленным монополиям.

Итак, империализм ищет в государственно-монополистическом капитализме и в милитаризме выход из создавшихся противоречий. Это обстоятельство является одним из ярких проявлений углубления общего кризиса капитализма. Главное же состоит в том, что государственно-монополистический капитализм еще более обостряет противоречия империализма. «Диалектика государственно-монополистического капитализма такова, что вместо укрепления капиталистической системы, на что рассчитывает буржуазия, он еще больше обостряет противоречия капитализма, расшатывает его до основания» [28]. Это видно хотя бы из следующего. Вмешательство государства в экономическую жизнь требует от него мобилизации огромных средств. Из каких же источников черпать эти средства? Главный источник — это увеличение налогов, взыскиваемых преимущественно с населения, а также выпуск в обращение новых масс бумажных денег. Иначе говоря, государственно-монополистический капитализм одной рукой увеличивает объем производственных мощностей, а другой сокращает объем платежеспособного спроса. Разрыв между объемом производства и объемом платежеспособного спроса растет, и это ведет к обострению внутренних экономических противоречий в каждой, отдельно взятой капиталистической стране и противоречий мирового капиталистического хозяйства в целом.

Насколько милитаризм активизирует противоречия мирового капиталистического хозяйства, можно судить по тому, до какой степени вследствие милитаризации экономики усилилась неравномерность развития капиталистических стран. После второй мировой войны США занимали почти монопольное положение в мировом капиталистическом производстве и торговле. На долю США в 1946 г. приходилось около 3/5 мирового капиталистического промышленного производства, около

---

[28] «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 27.

$^2/_5$ объема внешней торговли капиталистического мира. В дальнейшем американский империализм был оттеснен его соперниками с некоторых важных позиций. Удельный вес США в мировой капиталистической промышленной продукции снизился с 56,4% в 1948 г. до 46,9% в 1960 году. Удельный вес США в общем экспорте капиталистического мира упал с 32% в 1947 г. до 17,4% в 1959 году[29]. Ликвидировано былое господствующее положение США в валютных отношениях капиталистического мира. В течение значительного периода после окончания войны платежный баланс США был неизменно активным. В последние же годы он сводится с пассивом.

Американские монополии баснословно наживаются на гонке вооружений, однако в то же время они подрывают этим материальную основу своего превосходства над другими империалистическими державами.

Таковы результаты развития государственно-монополистического капитализма и роста милитаризма США для положения этой империалистической державы в мировом капиталистическом хозяйстве.

США и теперь еще остаются главной экономической, финансовой и военной силой империалистического лагеря. И то, что линия упадка наиболее отчетливо выражена в последние годы в развитии именно американского капитализма, является одной из специфических черт углубления общего кризиса на его новом этапе.

Идеологи империализма силятся замаскировать обострение его противоречий. Они, в частности, изобретают новые хитроумные доводы в пользу своего фальшивого утверждения о «классовом мире» в капиталистическом обществе. Но тщетны их старания. Как справедливо отметил Б. Н. Пономарев, «усиление государственно-монополистического капитализма меняет расстановку классовых сил и условия классовой борьбы. Раньше рабочие и служащие боролись за свои жизненные права, против отдельных капиталистов или фирм, которые их эксплуатировали. Теперь же значительной части рабочего класса приходится вести борьбу с государством, охраняющим власть монополий путем непосредственного «регулирования» экономики. Тем самым исчезает миф о надклассовой роли буржуазного государства»[30]. О том, что государственно-монополистический капитализм ведет к обострению классовой борьбы, говорит, в частности, то, что в ряде капиталистических стран в последние годы масштабы забастовочной борьбы выше, чем на первом и втором этапах общего кризиса капитализма. Например, в Англии среднегодовое число участников забастовок составило в 1930—1939 гг. 324 тыс., в 1946—1955 гг.— 559 тыс., в 1956—1960 гг.— 769 тысяч. В Бельгии соответственно — 115, 400 и 466 тысяч[31].

Новый этап общего кризиса капитализма с особой наглядностью демонстрирует жизненность и правильность положений Программы нашей партии о том, что ничто не может предотвратить дальнейшего обострения противоречий капитализма и его полной гибели. Империализм бессилен остановить неодолимый освободительный процесс. Повсюду на смену капитализму необходимо и неизбежно придет социализм.

---

[29] «Международный ежегодник. Политика и экономика». Вып. 1961 г., М. 1961, стр. 29.

[30] «Правда», 10 февраля 1961 года.

[31] «Рабочее движение в капиталистических странах». Госполитиздат. 1961, стр. 427, 431.

ОБЗОР ОБЩИХ ЯВЛЕНИЙ РУССКОЙ ИСТОРИИ IX—СЕРЕДИНЫ XIII ВЕКА*

Академик Б. А. Рыбаков

Более тысячи лет назад, в IX в. н. э., в восточной половине нашего континента сложилось огромное и исторически важное государство — Киевская Русь, воспетое в былинах, скандинавских сагах, половецких песнях, описанное арабскими и персидскими географами, византийскими хронистами и русскими историками-летописцами.

Его ядром был древний культурный центр Восточной Европы — Среднее Приднепровье, где уже за четыре тысячи лет до князя Владимира жили земледельческие племена. Его окраины упирались на юге в тысячеверстные просторы степей, доходя местами до «Русского» — Черного моря, а на севере — до Балтики и непроходимых таежных массивов Заволжья.

К. Маркс справедливо сравнивал Русь с крупнейшим государством средневекового Запада, с империей Карла Великого. Еще современники называли первую славянскую державу Русью; уточняя это название, мы теперь называем ее Киевской Русью, так как несколько столетий Киев был столицей этого феодального государства и по праву считался «матерью городов русских». Былины о древних богатырях, записанные в разных концах нашей Родины, неизменно начинаются словами: «Как во славном было во городе во Киеве...»

---

* В настоящей статье, являющейся разделом первого тома «Истории СССР», который создается сейчас Институтом археологии АН СССР, выносится на обсуждение широких масс читателей вопрос о периодизации истории Киевской Руси. Рассматриваемому разделу в томе предшествует раздел о возникновении феодальных отношений у славян. После «Обзора общих явлений» следует раздел «Русская история IX—XIII вв.». (Эпизоды, очерки, характеристики, дающие представление о важнейших событиях, исторических лицах и отдельных социально-экономических явлениях).

Таким образом, в указанном томе русская история IX—XIII вв. будет представлена сначала в плане социологическом, а потом в плане конкретно-историческом. Подобное деление материала обусловлено, во-первых, ограниченностью места, отведенного в томе пяти столетиям жизни русского народа, а во-вторых, стремлением дать общую картину этой жизни и ознакомить читателя с существенными переменами в ней.

Предлагаемая нами периодизация весьма условна: это не столько выявление обособленных периодов, сколько система преподнесения общеисторического материала читателю в определенной последовательности. Скудость источников по многим вопросам изучаемого периода лишает нас возможности провести периодизацию по единому принципу деления, а если так, то и сама периодизация приобретает лишь вспомогательный, служебный характер, помогая распределять материал.

Сформировавшийся в результате длительной работы над различными видами письменных и археологических источников наш общий взгляд на исторический процесс IX—XIII вв. и на отдельные периоды, а также система доказательств, естественно, не могут быть полностью представлены ни в журнальной статье, ни в соответствующем разделе тома.

Так как изложенная в статье точка зрения и выводы в ряде случаев расходятся с существующими в нашей литературе, то автор был бы крайне признателен читателям, которые нашли бы возможным сделать критические замечания как по существу вопроса, так и по форме изложения, учитывая, что будущая «История СССР» предназначается для широких масс советских читателей.

Сквозь тысячу лет пронес народ память о героических делах своих предков, бережно передавая из уст в уста, от поколения к поколению торжественные, как гимны, напевы былин о строении державы, о защите Киева. Киевская Русь — это юность и молодость трех братских славянских народов: русского, украинского и белорусского,— живших тогда еще одной семьей, образовывавших тогда единую древнерусскую народность.

Сложен и многообразен был исторический процесс, проходивший на огромных пространствах Великой Русской равнины; медлительно и неприметно менялся облик северных лесных областей, где славянин-земледелец с топором в руках вторгался в необозримые охотничьи угодья, зажигая огни подсечного земледелия; быстро и бурно менялись исторические картины на юге, где древние славяне соприкасались с десятками различных степных народов: то воевали с ними, обороняя свои пашни, то вместе с ними уходили в далекие походы, «рища в тропу траяню», пробираясь к башням и станам римских городов, то основывали свои русские города у самого синего моря, «в земле незнаемой».

В рамках журнальной статьи невозможно изложить во всей полноте красочную и яркую историю Киевской Руси IX—XII вв. и историю родившихся из ее недр самостоятельных княжеств XII—XIII веков. Нам придется отобрать здесь не только важное, но и самое важнейшее, без чего невозможно понять исторические биографии трех братьев — трех народов. Вместе с тем, чтобы уловить динамику исторической жизни, необходимо расставить хронологические вехи, сопоставить один период с другим, проследить рождение нового и отмирание старого. Новое, отличающее один период от другого, могло рождаться внутри местного славянского общества на том или другом его полюсе. Это новое могло возникнуть и в результате воздействия внешних сил, влиявших на русскую жизнь.

Говоря о месте Киевской Руси в историческом процессе Восточной Европы, можно наметить следующие этапы.

Предшествует феодальной Руси период VI—VIII вв., когда окончательно оформились все предпосылки классовых феодальных отношений и в недрах военной демократии созревал прообраз будущей державы киевских князей.

На рубеже VIII и IX вв. складывается феодальное государство — Русь, с центром в Киеве, просуществовавшее как раннефеодальная монархия до второй четверти XII в. (более детальной периодизации Киевской Руси и посвящена настоящая статья).

В XII в. на смену более или менее единой Киевской Руси приходят полтора десятка самостоятельных княжеств-королевств и феодальных республик, каждая из которых в дальнейшем нередко дробится на десятки вассальных княжеств. Этот период феодальной раздробленности длился с XII по XV век. В конце XV в. ряд северо-восточных княжеств объединился вокруг Москвы в централизованное государство, тоже феодальное, но принципиально отличное от Киевской Руси.

В пределах трехвекового периода феодальной раздробленности (XII—XV вв.) необходимо различать домонгольскую Русь, развивавшуюся нормально и полнокровно до 1237—1241 гг., и Русь, разоренную завоевателями, вынужденную переносить иноземное иго до 1480 года.

Внутри указанных периодов можно, конечно, расставить еще несколько внутренних хронологических вех, которые помогут понять особенности более мелких этапов, охватывающих всего-навсего жизнь одного-двух поколений русских людей средневековья. Однако эти вехи очень и очень условны, так как жизнь разных поколений по-разному насыщена событиями, с разной полнотой освещена источниками. Поэтому, заглядывая в тысячелетнюю глубину родной истории, важно

рассмотреть пять ее веков с такой высоты, когда исчезнут все второстепенные мелочи и рельефнее обозначится главное.

Рассмотрим подробнее, чем отличались один от другого отдельные периоды истории собственно Киевской Руси (800—1136 гг.) и начального этапа феодальной раздробленности (1136—1240 гг.).

Первый этап сложения феодального государства Руси относится к IX в. н. э., примерно от самого начала столетия до 882 г., до появления варягов в Киеве. Конечно, никто и никогда не может определить точную дату перехода от первобытности к классовому обществу, и поэтому такой рубеж, как 800-й год, нужно считать условным. Уже в первых десятилетиях IX в. имеются иноземные свидетельства о могущественном государстве Руси: к началу IX в. относится рассказ неизвестного персидского автора о том, что в Киевской Руси существует «класс рыцарей-всадников», к 839 г. — рассказ германской хроники о державе русов, глава которой именует себя восточным титулом «хакана», почти равным императорскому.

Археологические данные показывают нам, что уже в VIII в. появились первые укрепления, которые можно рассматривать как феодальные замки.

К концу VIII — началу IX в. относятся византийские сведения о русских дружинах, о русских князьях в византийских владениях на Черном море. Таким образом, 800-й год можно принять за условный рубеж начала феодальной Руси; одни явления обозначились здесь несколько ранее этой даты, другие — несколько позже, но именно это-то и позволяет взять за исходную точку рубеж VIII—IX веков.

Возможно, что в Киеве продолжала княжить династия Киевичей, потомков князя Кия, но их власть превратилась из власти племенных вождей во власть государей. Киевским князьям в середине IX в. приходилось вести войны на юге со степными кочевниками — печенегами, хазарами, болгарами, а на севере — с «находниками» варягами.

Проявлением зрелости государства была организация большого похода в 860 г. против самой Византии, нарушившей какие-то договоры с Русью. Русский флот атаковал столицу империи Царьград. Вскоре после этого на Руси появились христианские проповедники: Византия пыталась покорить русских силой религии. В IX в. после трехсотлетнего перерыва греческие хроники вновь заговорили о восточных славянах, но на этот раз не как о толпах завоевателей и колонистов, а как о могучем и опасном соседе, уже создавшем свое государство.

Это государство не охватывало еще всех восточных славян, но основная, исторически наиболее важная часть их уже была объединена вокруг Киева: Поляне, Русь, Северяне, Древляне, Дреговичи, Полочане и, может быть, далекие Словене. Их земли охватывали полностью тот лесостепной район, который отличался особой дружинной культурой в VI—VII вв., и, кроме того, широкую полосу земель в меридиональном направлении, объединенных днепровской торговой магистралью. Таким образом, половина всех восточнославянских племен в начале IX в. была уже объединена вокруг старого ядра, вокруг Руси и ее главного города — Киева.

Если начальный, самый неясный период истории Руси как государства можно обозначить 800—882 гг., то следующий, второй период охватывает всего три десятка лет — от 882 по 911 г., когда власть в Киеве захватил норманский конунг Олег, ставший на время киевским князем.

«Норманский период» в русской истории буржуазная наука всегда излишне преувеличивала, растягивая его на несколько столетий. Она умышленно отождествляла варягов-норманнов с русами и приписывала варягам создание первого славянского государства. Это достигалось при помощи подбора тенденциозных источников, тенденциозным толкованием спорных мест, замалчиванием невыгодных для «норманистов»

сведений. В настоящее время норманская теория служит целям политической антисоветской пропаганды в области русской истории.

Какова же в действительности историческая роль варягов в истории нашей Родины?

В середине IX в., то есть тогда, когда в Среднем Приднепровье уже сложилась Киевская Русь, на далеких северных окраинах славянского мира, где славяне мирно жили бок о бок с финскими и латышскими племенами (Чудь, Карела, Летьгола и др.), стали появляться разбойничьи отряды варягов, приплывавших из-за Балтийского моря. Славяне и Чудь прогоняли эти отряды; мы знаем, что киевские князья того времени посылали свои войска на север для борьбы с варягами. Возможно, что именно тогда рядом со старыми племенными центрами Полоцком и Псковом вырос на важном стратегическом месте у озера Ильмень новый город Новгород, который должен был преградить варягам путь на Волгу и на Днепр. На протяжении девяти столетий, вплоть до постройки Петербурга, Новгород то оборонял Русь от заморских пиратов, то был «окном в Европу» для торговли севернорусских областей.

В 862 или в 874 г. (хронология сбивчива) варяжский конунг Рюрик появился под Новгородом. Роль этого предводителя отряда в буржуазной историографии непомерно преувеличивалась; от него без особых оснований велась генеалогия всех русских князей «рюриковичей» (хотя русские историки XI в. вели родословную от Игоря Старого, не упоминая о Рюрике).

Варяги-пришельцы не овладевали русскими городами, а ставили свои укрепленные лагеря рядом с ними. Под Новгородом они жили в «Рюриковом городище», под Смоленском — в Гнездове, под Киевом — в урочище Угорском. Здесь могли быть и купцы и нанятые русскими варяжские воины. Важно то, что варяги не были хозяевами русских городов, а только лишь их соседями (иногда непрошеными).

Археологические данные показывают, что количество самих варяжских воинов, живших постоянно на Руси, было очень невелико и исчислялось десятками или сотнями.

В 882 г. один из варяжских предводителей, Олег, пробрался из Новгорода на юг, взял город Любеч, служивший своего рода северными воротами Киевского княжества, и приплыл в Киев, где ему благодаря обману и хитрости удалось убить киевского князя Осколда и захватить власть. До сих пор в Киеве на берегу Днепра сохранилось место, называемое «Аскольдовой могилой». Возможно, что князь Осколд был последним представителем древней династии Кия. Об этом говорит крупнейший знаток летописей А. А. Шахматов.

С именем Олега связано несколько походов за данью к соседним славянским племенам и знаменитый поход русских войск на Царьград в 911 году.

Сам Олег не чувствовал себя настоящим государем Руси. Любопытно, что после успешного похода в Византию он и окружавшие его варяги оказались не в столице Руси, а далеко-далеко на севере, в Ладоге, откуда был близок путь на их родину, в Швецию. Странным кажется и то, что Олег, которому совершенно неосновательно приписывается создание русского государства, бесследно исчез с русского горизонта, оставив летописцев в недоумении. Новгородцы, географически близкие к варяжским землям, родине Олега, писали, что, по одной известной им версии, после греческого похода Олег пришел в Новгород, а оттуда в Ладогу. Согласно другой версии, он уплыл за море «и уклюну змиа в ногу и с того умре». Могилу его называют в Ладоге. Киевляне же, повторив легенду о змее, ужалившей князя, рассказывают, что будто бы его похоронили в Киеве на горе Щекавице («Змеиной Горе»); возможно, название горы повлияло на то, что Щекавицу искусственно связали с Олегом.

В IX—X вв. норманны играли важную роль в истории многих народов Европы. Они нападали с моря большими флотилиями на берега Англии, Франции, Италии, завоевывали города и королевства. Некоторые ученые по аналогии с Западной Европой полагали, что и Русь подверглась такому же массовому вторжению варягов, забывая при этом, что континентальная Русь была полной географической противоположностью западным морским государствам. Перед норманнами-мореплавателями, направлявшимися в глубь Руси, открывалась картина, красочно обрисованная в древней былине о варяжском госте:

Реки да озера к Белоозеру,
Мхи да болота ко Пскову,
Черны-то грязи смоленские,
Глубоки омуты днепровские.

Грозный флот норманнов мог внезапно возникнуть перед Лондоном, Марселем или Римом, но ни одна варяжская ладья, вошедшая в Неву и плывущая вверх по течению Невы, Волхова, Ловати, не могла остаться не замеченной для русских сторожей из Новгорода или Пскова. Система «волоков», когда тяжелые, глубокосидящие морские суда нужно было вытаскивать на берег и десятки верст катить по земле на катках, исключала элемент внезапности и отнимала у грозной армады все ее боевые качества. Практически в Киев могли попасть только те варяги и столько варягов, сколько разрешал князь Киевской Руси. Недаром в тот единственный раз, когда варяги напали на Киев, им пришлось притворяться купцами.

Княжение варяга Олега в Киеве — незначительный и недолговременный эпизод, излишне раздутый некоторыми проваряжскими летописцами и позднейшими историками-норманистами. Поход 911 г.— единственный достоверный факт из его княжения — стал очень знаменит благодаря той блестящей литературной форме, в которой он был описан, но, по существу, это лишь один из многих походов русских дружин IX—X вв. на берег Каспия и Черного моря, о которых летописец умалчивает. На протяжении X и половины XI в. русские князья нередко нанимали отряды варягов для войн и дворцовой службы; варягам обычно поручались грязные убийства из-за угла: наемные варяги закололи, например, князя Ярополка в 980 г., они убили князя Бориса в 1015 г.; варягов нанимал Ярослав для войны со своим родным отцом.

Для упорядочения взаимоотношений наемных варяжских отрядов с местной новгородской дружиной в 1016 г. была издана в Новгороде «Русская Правда», ограничивавшая произвол буйных наемников.

Историческая роль варягов на Руси была ничтожна. Появившись как «находники», пришельцы, привлеченные блеском богатой, уже далеко прославившейся Киевской Руси, они могли отдельными наездами грабить северные окраины, но к сердцу Руси смогли пробраться только однажды.

О культурной роли варягов нечего и говорить. Договор 911 г., заключенный от имени Олега и содержащий около десятка скандинавских имен Олеговых бояр, написан не на шведском, а на славянском языке. Никакого отношения к созданию государства, к строительству городов, к прокладыванию торговых путей варяги не имели. Ни ускорить, ни существенно задержать исторический процесс на Руси они не могли.

Короткий период Олегова «княжения» — 882—911 гг.— оставил в народной памяти эпическую песню о смерти Олега от своего собственного коня (обработанную Пушкиным в его «Песне о вещем Олеге»), интересную своей антиваряжской тенденцией. Образ коня в русском фольклоре всегда очень благожелательный, и если уж смерть предречена от своего боевого коня, значит владелец его, варяжский князь, заслуживает смерти.

Борьба с варяжскими элементами в русских дружинах продолжалась до 980 г.; следы ее есть и в летописи и в былинном эпосе — былина о Микуле Селяниновиче, помогавшем князю Олегу Святославичу бороться с варягом Свеналдом («черным вороном Санталом»).

Историческая роль варягов несравненно меньше, чем роль печенегов или половцев, действительно влиявших на жизнь Руси на протяжении четырех веков. Поэтому жизнь только одного поколения русских людей, терпевших участие варягов в управлении Киевом и несколькими другими городами, не представляется исторически важным периодом.

Третий период охватывает время с 911 по 1054 год. Рожденная почти одновременно с империей Карла Великого, Киевская Русь с честью вышла из столкновения со степными кочевниками — болгарами, печенегами, хазарами,— с хищной и властолюбивой Византией, с напористыми и грубыми варягами.

Кульминационным пунктом развития русской раннефеодальной монархии было время княжения Владимира Святославича (980—1015), воспетого и книжниками и народным эпосом. Понять значение его эпохи мы сможем, только взглянув и на предшествующее и на последующее развитие Киевской Руси.

При князе Игоре Старом, деде Владимира, еще ощущалось некоторое влияние варяжских дружин, стремившихся в далекие заморские походы, не связанные с интересами молодого государства. Что, кроме личного обогащения, давали полуграбительские плавания по Каспийскому морю или вдоль южного побережья Черного моря? Во внутренней политике варяжские отряды злоупотребляли правом сбора дани и непомерно богатели, вызывая зависть княжеских дружин. Сам Игорь, поддавшись уговорам, стал собирать вторичную, противозаконную дань и был убит возмущенными Древлянами. Это можно рассматривать как первый известный нам акт классовой борьбы, направленной не против феодальных порядков в целом, а против произвола и самовольного повышения норм дани. Преемница Игоря Ольга, его жена, была вынуждена установить точные нормы — «уроки». Сын Игоря Святослав за недолгие годы своего княжения прославился как бесстрашный воин и великий полководец, обеспечивший молодому русскому государству мир и свободу торговых путей на Восток через земли волжских болгар и хазар. В то время как киевское боярство тратило накопленные им материальные ресурсы на организацию далеких полуторговых, полузавоевательных экспедиций, Святослав, несмотря на свою молодость и короткое время княжения (всего 8 лет!), сумел направить эти устремления на борьбу с сильными соседями, искусственно отрезавшими Русь от богатых стран Востока.

К этому времени русская торговля завоевала прочное и почетное место в Европе; Регенсбург и Париж, Раффельштет и Прага охотно открывали ворота «рузариям» — русским купцам, привозившим товары из далеких, сказочных восточных стран. С другой стороны, рынки Багдада, Итиля, Царьграда и Александрии часто видели русских купцов из «Куябы» (так арабы называли Киев). Торговля Северной Европы с Востоком в значительной мере велась Русью или через Русь. Однако степные пути были заняты печенегами, а устья всех русских рек: Днепра, Дона, Волги — были заперты хазарами, держава которых жила в значительной степени за счет таможенных пошлин и грабежа торговых караванов.

Святослав нанес ряд молниеносных ударов Волжской Болгарии, Хазарии, причерноморским владениям Византии, печенегам и, наконец, самой Византии. Напрасно буржуазные историки считали Святослава бродячим авантюристом, искателем случайных приключений. Вся его политика вполне целеустремленна и проникнута единой мыслью: вместо далеких заморских грабительских экспедиций организовать похо-

ды против враждебных соседей и тем упрочить международное положение Руси. В этом смысле походы Святослава принесли блестящие результаты: упрочились торговые пути, перестало существовать паразитическое Хазарское государство, влияние Византии было ослаблено, Русь обосновалась на Черном море и на Дунае (Тмутаракань, Белгород, Переяславец на Дунае и др.). Как Петр Великий передвинул столицу России к жизненным центрам Европы XVIII в., так и Святослав хотел перенести столицу Руси на Дунай, к тем местам, где живее бился пульс тогдашней жизни. Раннефеодальная монархия Игоря и Святослава была прогрессивна прежде всего потому, что представляла собой объединение, еще более крупное, чем прежние союзы племен.

В Киевскую Русь в X в. входило уже около десятка союзов племен. Она стремилась к объединению в рамках единого государства всех восточных славян. Русь стала одним из крупнейших государств Европы: Киев, ранее стоявший почти на краю славянских земель, теперь оказался в геометрическом центре этих земель, подвластных Руси.

Следующий этап развития русской раннефеодальной империи связан с именем прославленного князя Владимира Святославича. Редко встречаются в истории такие имена, вокруг которых в равной мере складывают благожелательные легенды и придворные летописцы, и монахи-проповедники, и народные певцы — сказители былин. Таким было имя князя Владимира Красное Солнышко, донесенное в устной народной передаче до XX века.

Дело, конечно, не в личных качествах князя (кстати, не безупречных), а в том, что его деятельность, очевидно, отвечала каким-то общенародным интересам.

При Владимире, во-первых, варяжские наемные отряды были решительно отстранены от участия в киевских делах и по миновании в них надобности были просто изгнаны из Руси.

Во-вторых, Владимир сумел организовать действительную оборону Руси от сильных печенежских орд, причем были построены десятки пограничных крепостей — «застав богатырских», а их гарнизоны усилены дружинниками из самых северных, самых отдаленных славянских земель, которым самим, собственно, не было дела до печенежских наездов на южнорусские области. В этом проявилась зрелость раннефеодальной монархии, сумевшей все части молодого государства заставить служить общей цели.

Организация борьбы с печенегами в общегосударственном масштабе сосредоточила в руках киевского князя очень большие военные ресурсы, придававшие реальность и действенность его власти как великого князя всей Руси. Эти военные силы широко пополнялись в это время и за счет родоплеменной знати, тянувшейся в стольный Киев, и за счет ремесленников и крестьян, вовлекаемых в княжескую дружину (летописный Кожемяка и былинные Микула Селянинович и Илья Муромец), а также за счет «изгоев», людей, не ужившихся со своим родовым коллективом и изгнанных из него, а также беглых холопов, находивших приют в огромных укрепленных лагерях вокруг Киева (вроде Белгорода или Вышгорода).

Располагая невиданными до сих пор военными силами, живущими в государственных крепостях в состоянии боевой готовности, князь Владимир мог предпринять меры и к усовершенствованию внутренних дел своей державы. В его время велась борьба с разбойниками внутри страны, нашедшая отражение и в летописи и в былинах об Илье Муромце и Соловье-Разбойнике. В столицах старых племенных союзов Владимир посадил в качестве управителей двенадцать своих сыновей.

Дважды обращался Владимир к религиозно-идеологическим проблемам: сначала в 980 г. он попытался как-то укрепить языческие культы разных племен, входивших в состав Руси, но затем решил принять

христианство, что и было сделано около 988 года. Отец Владимира Святослав и сам он остерегались принимать христианскую религию из рук Византии, так как греки рассматривали все крещенные ими народы в качестве своих вассалов. Но, победив Византию, взяв крупнейшую греческую крепость — порт на Черном море Херсонес, Владимир без ущерба для своей самостоятельности признал христианство официальной религией Руси, получив тем самым, во-первых, прекрасное идеологическое оружие для феодального государства («рабы да повинуются господам своим»), а во-вторых, все достижения византийской книжной культуры.

Эпоха Владимира отличалась от эпохи Святослава тем, что сын мог опереться на завоевания отца. Святослав талантливо выбрал направление ударов и из пяти своих основных противников он одного уничтожил (хазар), двух склонил к выгодному миру (Болгария Дунайская и Болгария Волжская), с сильнейшим врагом — Византией — проиграл войну, но заключил почетный мир. Только с пятым врагом он не смог справиться и, послушавшись совета варягов (которым безразличны были судьбы Руси), пошел через печенежские степи и был убит. За несколько лет непрерывных походов Святослав открыл перед Русью просторы Причерноморья, Дона, Волги и Северного Кавказа. Его сыну осталось оградить Русь от печенегов, что он блестяще и выполнил. После этого правительство Владимира могло направить свои силы на внутренние дела, на объединение отдельных составных частей огромной империи.

Последний этап жизни Руси в целостном виде, как единого государства, относится к 1015—1054 годам. Это эпоха кризиса и непрерывного накопления классовых и внутриклассовых противоречий, подготавливавших феодальную раздробленность и народные восстания 1068 и 1113 годов. Резче всего противоречия обозначились на самом верхнем полюсе феодального класса — в среде князей. Еще при жизни Владимира его сын Ярослав (сидевший в Новгороде) нанял варягов для войны со своим отцом. Как только умер старый князь, между его сыновьями начались войны и убийства в борьбе за великокняжеский стол. Святополк Туровский послал убийц к Глебу Муромскому; Ярослав направил варягов, и они убили Бориса Ростовского. Святополк нанял исконных врагов Руси печенегов, затем пригласил поляков. Мстислав Тмутараканский привел с собою с Северного Кавказа касогов и хазар. Междоусобная война велась на всем пространстве Руси на протяжении десяти лет и, вероятно, сильно подорвала могущество государства. Усобицы князей были невыгодны самим феодалам и губительны для народа. Недаром в конце периода усобиц, в 1024 г., вспыхнуло народное восстание в Суздальской земле.

Развитие феодальных отношений в княжеских, боярских вотчинах приводило к конфликтам, классовой борьбе, к выработке феодального законодательства, направленного против нарушителей норм феодального права, уже установившихся в жизненной практике. К концу княжения Ярослава Мудрого, когда он, пережив одиннадцать братьев, стал «самовластцем» на Руси, возможно, уже появились некоторые статьи того жестокого феодального кодекса, который окончательно оформился после восстаний 1068—1071 гг. при сыновьях Ярослава, как «Русская Правда», кодекс охраны княжеских вотчин.

До 1054 г. верховная политическая власть на Руси принадлежала великому князю («царю») киевскому, который являлся настоящим феодальным монархом и всеми средствами эту власть удерживал. Если в княжение Владимира феодальное и народное начала как-то гармонически объединялись в совместном решении больших общих, народно-государственных задач (что нашло выражение и в народной поэзии — былинах), то княжение Ярослава, оторвавшегося от народа, окруживше-

го себя варягами, было уже нарушением этой кратковременной гармонии. Народ не воспел Ярослава, его имени нет в былинах, но зато церковь наградила его эпитетом «Мудрый», а гордая Византия признала за ним право на императорский титул. Он был царем Руси.

Смерть Ярослава Мудрого 20 февраля 1054 г. ничего принципиально нового в жизнь русского феодального общества не внесла, но формально единая Киевская Русь распалась на части, и примерно на сорок лет наступил новый, довольно бурный период, закончившийся в 1090-х годах возрождением феодальной монархии, но в иных условиях и с иным содержанием.

Полуторавековое развитие раннефеодальной империи Руси, объединившей всех восточных славян и десятки иноязычных племен, было важным и ярким периодом в их жизни.

Раннефеодальная монархия X — середины XI в. сыграла значительную прогрессивную роль для всей Восточной Европы, позволив повсеместно проявиться феодальным отношениям, помогая их развитию и ограждая Русь и ее соседей и данников от опустошительных набегов степняков. Сильно упрочилось международное положение Киевской Руси. Это было одно из крупнейших и сильнейших государств тогдашней Европы, и многие монархи считали за честь породниться с киевским великокняжеским («царским») домом. Историки любят повторять, что дочери Ярослава стали королевами: Анна — королевой Франции, Елизавета — Норвегии, а Анастасия — Венгрии.

Четвертый период включает 1054—1093 годы.

Вторая половина XI в. представляет собой особый исторический период между двумя империями — раннефеодальной державой Владимира и Ярослава, с одной стороны, и феодальным полуфедеративным государством Святополка Изяславича и Владимира Мономаха в начале XII в.— с другой.

Это период крайней запутанности межкняжеских отношений, отрыва политической власти князей от своего класса, период стихийных народных восстаний и обострения всяких социальных конфликтов. В этом смысле период 1054—1093 гг. был в известной мере продолжением эпохи Ярослава Мудрого с ее противоречиями в разных звеньях феодального общества. Прерван же он был в конце XI в. не внутренними причинами, а стремительным натиском половцев, объединивших свои силы под предводительством двух основателей династий ханов — Боняка Шелудивого и Шарукана Старого.

Вторая половина XI в. характеризуется несомненным и ощутимым ростом производительных сил, явившимся результатом положительных сторон раннефеодальной монархии X — первой половины XI века. Развитие производительных сил в XI—XII вв. проявлялось в росте количества городов, в расширении посадской, ремесленной части старых городов, в увеличении количества феодальных замков (тоже с ремесленными посадами), в переходе от верви-рода к верви-общине, в переходе от коллективного родового земледелия к более прогрессивному тогда — индивидуальному.

Прогрессивность феодализма проявлялась не только в том, что возникло более свободное парцеллярное крестьянское хозяйство, а также и в том, что наряду с ним существовала и развивалась боярская и княжеская вотчина, являвшаяся благодаря отчуждению части крестьянских запасов более стойкой и прочной хозяйственной единицей. Судьбы крестьянского двора и боярской усадьбы были тесно переплетены, а интересы их часто (но не всегда) были противоположны. Феодалы, ссужавшие обедневших крестьян «купой», не были благодетелями крестьянства; наоборот, они использовали экономическое принуждение как свое первое и главное оружие, они стремились закабалить крестьянство, выжать из него как можно больше, превратить смердов в рабов-

холопов. Классовая борьба крестьянства была прежде всего борьбой за сохранение завоеванной полусвободы, за право воспроизводства хозяйства, за ограждение от хищнических, грабительских намерений феодалов.

Несмотря на наличие острых противоречий, молекула феодального общества — вотчина и сопряженные с ней села, деревни и хутора — была все же несравненно более высоко организованной, чем ячейка родового строя — маленький родовой поселок с принудительным равенством нищеты. Следовательно, и боярство в эпоху раннего феодализма было прогрессивным классом, обеспечивавшим более высокий уровень производительных сил.

Верхи же феодального класса Руси в XI в.— князья — далеко не всегда содействовали прогрессу и в известной мере стали в этот период реакционной силой.

К середине XI в. потомство Владимира разрослось, несмотря на усобицы. С каждым десятилетием количество князей все увеличивалось, и это сделалось постоянной угрозой политическому равновесию на Руси. Князья стали самовольно делить русские земли между собой и в своих личных, корыстных интересах использовали тот большой резерв государственных военных сил, который еще со времен Владимира был предназначен для совместной обороны всей страны от общего врага. Те князья, которые не могли рассчитывать на этот среднеднепровский резерв, нанимали кровавой ценой самих врагов Руси — страшных половцев, получавших за свою службу «право» грабить и выжигать русские города и села.

Поскольку существовала видимость родственного, фамильного единства династии Игоревичей, князья пытались соблюсти принцип старшинства, или, как называли его историки, принцип «лествичного восхождения»: если умирал кто-либо из князей старшего поколения, то в эту землю въезжал его младший брат или племянник, и все другие звенья фамильной цепи соответственно приходили в движение, все младшие князья перемещались на одну ступень по династической лестнице. Но, перелистывая страницы летописей, мы увидим множество примеров нарушения этого принципа; по существу, господствовало право силы, открывавшее простор усобицам и заставлявшее каждого князя изыскивать средства для борьбы, то есть нещадно эксплуатировать ту землю, которая до поры до времени была в его владении.

Постоянное перемещение князей из земли в землю, из города в город создавало ту неустойчивость общей жизни, которая в первую очередь обостряла социальные противоречия.

Князь, думавший о новых городах, не мог хорошо организовать свое домениальное хозяйство, повышал норму эксплуатации выше разумного предела, плохо управлял своим временным владением, недостаточно был связан с местным земским боярством; интересы его личной дружины и части вассалов, пришедших с ним из его предыдущего княжения, должны были неизбежно приходить в противоречие с интересами местных феодалов. Князья XI в. походили в известной мере на помещиков XVI в., получавших землю во временное владение и доведших Россию до глубокого хозяйственного кризиса и запустения.

При таких порядках князья не могли выполнять важнейшей функции государственной власти, они не обеспечивали в полной мере развития феодального класса. Коловращение князей, их передвижения по династическому кругу заставляли их менять за свою жизнь до десятка городов. Длительность же княжения иногда измерялась неделями и даже днями. Нормальная жизнь каждой земли, города нарушалась не только звоном мечей и пожарами усобиц, но даже и мирным отъездом (или смертью) старого князя и въездом нового, с новыми дружинниками, новыми порядками, новыми аппетитами.

Боярство и горожане были кровно заинтересованы в большей устойчивости княжеской власти, но не могли еще остановить эту разбушевавшуюся стихию хищности и стяжательства сыновей, племянников и внуков Ярослава, стихию, покрывавшую Русь пеплом пожарищ и всей своей тяжестью ложившуюся на народ.

Вполне закономерно то, что классовые противоречия проявились в этих условиях прежде всего в княжеском домениальном хозяйстве: здесь убивали княжеских управителей (огнищан, тиунов, конюших), силой отчуждали княжеское добро, покушались на феодальные замки. К этому времени относится создание закона для княжеских вотчин («Русская Правда», «Правда Ярославичей»), жестоко каравшего крестьян-общинников.

В эти же годы известен и ряд народных восстаний: киевское восстание 1068 г., вызванное бессилием князя Изяслава, бежавшего от половцев и открывшего им доступ на Русь, и крестьянские восстания 1060—1070 гг. (записано под 1071 г.) далеко на Севере, на Верхней Волге, Шексне и Белоозере, где только в это время проходил процесс первичной феодализации.

Для летописцев хронологическими вехами внутри этого периода были годы правления великих князей киевских:

1054—1068 гг. Изяслав, сын Ярослава Мудрого;

1068—1069 гг. Всеслав Брячиславич (поставлен восставшим народом);

1069—1073 гг. вторично княжит Изяслав Ярославич;

1073—1077 гг. Святослав и Всеволод Ярославичи, выгнав брата, сели княжить в Киеве;

1077—1078 гг. Изяслав в третий и последний раз стал киевским князем;

1078—1093 гг. Всеволод Ярославич (отец Владимира Мономаха).

Пятый период определяется 1093—1132 годами.

Во второй половине XI в. и Русь и Византия подверглись одновременно натиску двух волн азиатских кочевников: из глубин Средней Азии к южным берегам Каспия двигались турки-сельджуки, быстро завоевавшие половину империи и угрожавшие многим странам. Северным берегом Каспия прошли в причерноморские степи половцы (кипчаки, куманы), родственные туркам. Они далеко отогнали старых хозяев степей, печенегов, и в 1068 г. впервые обрушились на Русь.

К концу XI в. все южнорусские степи были заполнены половецкими племенами, группировавшимися в две крупные орды: Левобережье Днепра занимала так называемая «Черная Кумания», где царствовала династия Шаруканидов, а на правом берегу ханы Бонякиды правили «Белой Куманией». Объединение этих двух орд совпало с разбродом в русских княжествах и представило страшную угрозу Руси.

В 1093—1096 гг. половцы широко прорывали пограничные заслоны, по нескольку месяцев в году преследовали русскую и союзную нам торческую конницу, опустошая деревни, выжигая и вытаптывая нивы, грабя города и уводя в рабство тысячи людей. Даже столица Руси не устояла под этим натиском — хан Боняк Шелудивый сжег киевские посады и монастыри и «стучал саблей в Золотые ворота» Киева.

Снова, как и сто лет назад, потребовалось единение русских сил в рамках единой феодальной империи, снова великий князь киевский должен был стать воеводой всех русских земель, полководцем объединенных дружин.

Но в трех крупнейших центрах Древней Руси — в Киеве, Чернигове и Переяславле — властвовали три враждовавших между собой двоюродных брата: в Киеве княжил «сребролюбивый» и нераспорядительный Святополк Изяславич, мало соответствовавший своему высокому

посту главы империи. Он плохо оценивал быстро менявшуюся обстановку и то раздражал грозных половцев, арестовывая ханских послов, то самонадеянно рвался в бой с горсточкой личной гвардии, то медлил, выжидал и начинал заискивать перед врагом, пытался купить мир ценой своей дочери, отдавая киевскую княжну в жены Тугортхану, Тугарину Змеевичу, обрисованному в былинах уродливым обжорой, хвастуном и сластолюбцем.

Черниговскими делами с 1094 г. правил за спиной брата дерзкий, честолюбивый и неразборчивый в средствах Олег Святославич, зачинатель многих усобиц, прозванный потомками «Гориславичем».

Покняжив в свое время в приморском портовом городе Тмутаракани, он был выдан хазарами Византии и четыре года провел на острове Родосе. Женившись на знатной гречанке и научившись византийской хитрости и беспощадности, Олег вернулся на Русь, жестоко расправился с тмутараканцами и, чувствуя себя изгоем, лишенным поддержки, пригласил себе в союзники врагов Руси половцев и вместе с ними стал отвоевывать Чернигов у Мономаха (1094 г.). С тех пор Олег и его потомки Ольговичи много раз во время самых напряженных битв русских войск с половецкими ханами переходили на сторону последних, сливали свои дружины с половецкими и объединенными силами вмешивались во многие междукняжеские дела, пытаясь добыть побольше богатых русских городов и дотянуться до стольного Киева. Двоим сыновьям Олега (Всеволоду и Игорю) удалось это сделать, но Игорь Ольгович прокняжил в Киеве всего лишь две недели и был убит (1147 г.) разгневанным народом, расплатившись жизнью за грязные дела всего рода Олега Гориславича.

И только в пограничном Переяславле княжил отважный и мудрый человек, посвятивший всю свою жизнь большой патриотической задаче — обороне русских городов и сел, жизни простых смердов, их пашен, гумен, скотины.

Прошли десятилетия и века, а русские люди с благодарностью вспоминали Владимира Всеволодича Мономаха, который «много поту утер за Русскую землю» и добился того, что половцы детей своих пугали его именем. Как богатырь старых времен, стоял он на берегах Трубежа, отражая стремительные удары степняков. Владимир Мономах был фактическим организатором общерусской борьбы с половцами, он горячо убеждал на княжеских съездах своих братьев объединенными силами воевать и на рубежах и далеко за пределами Руси. В отличие от Святополка он всегда точно знал, когда был нужен мир и когда — рать.

Потеряв любимого брата в бою с половцами, испытав горечь поражений, отступлений и бегства с остатками дружины, Владимир закалился в этой борьбе, добился блестящих побед над Боняком, Шаруканом Старым, Тугортханом.

Вокруг мужественного переяславского князя создается новый цикл патриотических былин о боях с Тугарином Змеевичем, о победе над хвастливым и наглым Идолищем Поганым. Благодаря сходству ситуаций и имен в народном эпосе сливались воедино Владимир I, победитель печенегов, и Владимир II Мономах, разгромивший половцев.

Действуя в эпоху первого крестового похода, Мономах (хорошо осведомленный о событиях на Востоке от паломников — калик перехожих) сам иногда придавал борьбе с половцами вид своего рода крестоносного движения (например, Шаруканский поход 1111 г.). Различие было в том, что западные рыцари во главе с королем Болдуином захватывали и грабили чужие богатые города, прикрываясь девизом «освобождения гроба господня», а русские витязи Мономаха оборонялись рубежи родной земли, освобождали старый русский город Донец, временно захваченный Шаруканом.

Княжеские верхи Руси, у которых интерес к личным вотчинным, домениальным делам заслонил важность государственных дел, должны были перед лицом значительной опасности подумать о формах политической власти в условиях начинавшегося феодального дробления. Возможно, что именно Владимиру Мономаху принадлежала идея созыва княжеских съездов, где вся непомерно разросшаяся княжеская семья должна была быть общими силами полюбовно размещена по отчинам всех внуков и правнуков Ярослава.

Первый съезд был собран в 1097 г. в Любече, старом родовом гнезде всех потомков Владимира Святославича (внука Малка Любечанина). Для того, чтобы привести на съезд непокорного и чванливого Олега, Владимиру Мономаху пришлось предпринять военные действия на огромном театре — от Чернигова до Рязани; он потерял в боях с Олегом своего юного сына, но добился все же того, что князь, не желавший, чтобы его «судил епископ или игумен или смерд», явился все-таки на съезд в Любеч.

Надежды на то, что съезд князей сможет выработать устойчивую политическую форму, не оправдались. Итогом Любечского съезда было признание трех положений: 1. Все князья, забыв свои распри, должны сообща оборонять Русскую землю от поганых. 2. Каждый должен править только своей «отчиной», своим наследственным владением. 3. «Если отныне кто-либо из князей пойдет войной на другого, то он будет наказан всеми князьями как клятвопреступник».

Уже через несколько дней выявилась истинная цена этих слов и торжественных клятв. Князь Давид Игоревич оклеветал Василька Ростиславича перед Святополком, ослепил его и перессорил всех князей — «бросил нож между князьями», по образному выражению летописца. Усобица вспыхнула с новой силой, так как одним из ее участников был сам великий князь, а под Киевом появилось войско Мономаха и черниговских князей. В княжеские распри вмешалось киевское боярство, «кияне», добившиеся отхода войск и обязавшие Святополка искупить свою вину походом на «ввергнувшего нож» Давида.

Несостоятельность семейных династических съездов стала явной. В дальнейшем подобные съезды князей превратились в простые военные советы перед походом; политических надежд на них никто уже не возлагал. Князья не смогли сами остановиться в своем стремительном беге от города к городу. Действенной политической силой становится столичное боярство, отражавшее, очевидно, и интересы земского боярства. Именно эта сила сумела сначала приостановить коловращение князей, помогла возродить (в условиях половецкого натиска) более или менее единую империю с киевским князем во главе, а затем стала присматриваться к пестрому конгломерату династии Игоревичей: киевское боярство и боярство отдельных земель постепенно стало выбирать себе из этой массы наиболее подходящих князей для правления в определившихся землях для того, чтобы постоянный князь совместно с боярством «думал о ратях и о строе земельном». Такова была политическая тенденция боярства.

Естественно, что приобретение боярством политической власти не обходилось без конфликтов с князьями. В самом начале того периода, который мы сейчас рассматриваем, в 1093 г., сделана в летописи запись, осуждавшая умершего князя Всеволода (последнего из Ярославичей) за то, что он пренебрегал боярской думой и советовался с младшей дружиной («нача любити смысл уных, совет творя с ними»), за то, что раздавал волости племянникам, способствуя коловращению князей.

Всеволода сменил Святополк Изяславич. И о нем летописец пишет то же самое: «смысленные» старые бояре во главе с другом летописца Яном Вышатичем противостоят неразумной политике великого князя, опирающегося на воинственную молодую дружину. Между строк

можно прочитать следующее: богатое многоземельное киевское и черниговское боярство больше всего заботилось о нормальном устроении страны, боялось увеличения налогов в пользу князя («продажи»), бесчинства княжеских тиунов, от действий которых «наша земля оскудела есть». Летописец — игумен Печерский Иоанн — по своему положению главы крупнейшего монастыря, близкий к земельной знати, был выразителем мнений старого боярства, дружин Святослава и Всеволода Ярославичей. Владимир Мономах обрисован этим летописцем как единственный исполнитель воли этого старшего слоя киевско-черниговской феодальной аристократии, прислушивающийся к мудрым советам «смысленных». Святополк же показан самонадеянным князем, пытающимся вести самостоятельную политику с опорой «на юных». Показательно то, что в 1097 г. киевское боярство не захотело все же менять Святополка на другого князя, оберегло его от покушений левобережных князей и заставило остаться в Киеве. Очевидно, смена князей для земельной аристократии была опасней, чем некоторые недостатки уже правящего князя, или боярство научилось эти недостатки преодолевать.

Во всяком случае, в возрождении феодальной монархии 1093—1132 гг. мы явно ощущаем участие старших, сильнейших представителей феодального класса, приводивших (в условиях возраставшей внешней опасности) в порядок государственные дела, понимаемые князьями слишком по-семейному. В интересах своих собственных вотчин, ради нормального ведения земледельческого хозяйства богатые бояре-вотчинники должны были стремиться к ограждению Руси от половецких наездов, к уменьшению княжеских налогов и к ликвидации усобиц («...почто вы распря имата между собою, а погании гулять землю Русьскую?»). Это продвижение боярства к власти следует считать, несомненно, прогрессивным.

В 1101 г. произошел перелом в русско-половецких отношениях: у городка Сакова на Днепре пять русских князей и все ханы Половецкой земли заключили мир. Но мир был непрочен, половцы быстро нарушили его, и с 1103 г. следует целая серия русских походов к половецким зимовьям, в глубь степей, завершившаяся в 1117 г. откочевкой орды Шаруканидов на юг — к Северному Кавказу и в Грузию. Героем этих походов был Владимир Мономах, воспетый не только в русских былинах, но и в половецком эпосе XII века.

К моменту смерти Святополка (1113 г.) Мономах был самым популярным и самым сильным из русских князей. В его руках была укрепленная пограничная линия по реке Суле, и он мог при желании нанять половецкие войска (как делал иногда его отец); между Киевом и Черниговом он поставил свой форпост — Остерский Городец; в Новгороде Великом (в нарушение договоренности со Святополком) княжил талантливый сын Мономаха, Мстислав. Важные стратегические позиции были в руках Мономаха еще при жизни Святополка; богатства киевского князя переяславскому пограничному князю заменяла любовь к нему простых людей тогдашней Руси.

17 апреля 1113 г. в Киеве по смерти Святополка вспыхнуло восстание: народ разгромил двор тысяцкого Путяты Вышатича и кварталы ростовщиков-евреев; возникала опасность разгрома княжеских и боярских дворов вообще. Киевское боярство дважды просило Владимира Мономаха принять великокняжеский стол, и наконец он согласился на это.

Первым актом приглашенного боярами князя явилось издание нового закона, облегчающего положение должников; это была уступка восставшим городским низам Киева, результат их победы.

Вторым актом было усиление своих стратегических позиций: Переяславль Владимир Мономах оставил за собой, посадив там сына; в Смо-

ленске он тоже посадил своего сына; в Новгороде и Ладоге были построены новые крепости, а князя Мстислава отец отозвал к себе в помощь на юг, новгородское боярство было круто замирено.

Владимир жестко расправлялся с непокорными вассалами и держал в руках всех ближних и дальних князей. Это было возможно потому, что во время половецкого натиска и «крестовых походов» в степь киевский князь собрал вокруг себя значительный резерв военных сил и почти единовластно им распоряжался. В состав этого резерва, кроме русских дружин, входила многотысячная конница торков Поросья, являвшаяся в известной мере предшественницей дворянской поместной конницы. Успешное завершение кампаний 1111—1117 гг. высвободило этот резерв и позволило великому князю употребить его, но уже не против половцев, а против своих вассалов и соседей от эстонских берегов Балтики до Дуная, где Владимир в 1116 г. посадил своих посадников.

Однако, несмотря на внешние успехи, единая империя Мономаха (1113—1125 гг.) и его сына Мстислава (1125—1132 гг.) становилась уже анахронизмом и не была оправдана ни потребностями всей Руси в целом (так как общерусская борьба с половцами затихла), ни интересами отдельных земель — княжений. Половцы были замирены, а боярство всех исторически сложившихся земель (в большинстве случаев древних племенных союзов) стремилось к самостоятельности; наряду с Киевом выросли крупные феодальные центры, вроде Чернигова, Галича, Смоленска, Владимира Волынского, Переяславля, Новгорода, Суздаля, Полоцка.

Последним этапом Киевской Руси, единого государства всех русских земель, когда великий князь киевский выступал еще как верховный сюзерен многочисленных вассалов и аррьер-вассалов, было короткое княжение Мстислава Великого (так некоторые источники называют сына Мономаха, княжившего в 1125—1132 гг.).

Вся Русь, кроме отдаленного Галицкого удела, повиновалась Мстиславу. Когда полоцкие князья в 1128 г. чем-то прогневили великого князя, то он осуществил грандиозный стратегический план: князья-вассалы Мстислава выступили в поход против них со всех сторон из Владимира Волынского и Курска, из Гродна и Новгорода Великого, из Чернигова, Новгорода Северского и Смоленска, из Турова и из южных земель «Черного Клобука» — торков. Всем им был указан единый день для удара на назначенные города. Полоцкое княжество было завоевано без крови, и Мстислав поставил здесь своего ставленника, а непокорных выслал в Византию.

Так мог поступить не князь Киевской земли, а цесарь или царь всей Руси, каковым фактически и юридически Мстислав и являлся, будучи прямым потомком и наследником цесаря Ярослава Мудрого. Уже сын Мстислава, Изяслав, хотя и именовался в летописи «царем», не мог похвастаться такой широтой и полнотой власти, как его отец.

Со смертью Мстислава в 1132 г. резко оборвались все феодальные связи Киева, и Киевская Русь раскололась навсегда.

В 1132 г. при его преемнике Ярополке за несколько месяцев произошло восемь перемещений князей. С волей великого князя никто из князей не считался, княжеские столы снова добывались оружием. Юрий Долгорукий выгнал своего племянника, успевшего покняжить в Переяславле только несколько часов «до обеда», но сам продержался всего лишь восемь дней. Выпущенное из твердых рук Мономаха и Мстислава колесо княжеских династических судеб снова быстро завертелось и было остановлено вновь земским боярством крупных русских земель, установившим свои порядки в каждом отдельном княжестве.

Возросшая роль боярства, подготовившего зрелость отдельных княжеств, хорошо прослеживается в феодальном законодательстве нача-

ла XII века. «Пространную Русскую Правду» можно считать сводом законов, кодифицированным при участии Мстислава Великого, называемого иногда «правосудцем». Если древнейшие статьи «Краткой Русской Правды» отразили частный эпизод договора Ярослава Мудрого с новгородцами в 1016 г., если «Правда Ярославичей» середины XI в. была суровым ограждением княжеской домениальной собственности, то «Пространная Русская Правда» была, по преимуществу, боярским законодательством, в котором интересы безымянных «господ» приравнечы к княжеским, а доля княжеских «продаж» строго оговорена, чтобы княжеские тиуны не могли произвольно «грабить людей».

«Пространная Русская Правда» была лебединой песнью единой Киевской Руси; созданная в Киеве, она в равной мере удовлетворяла интересам феодалов всех княжеств, выросших на основе раннефеодальной империи в результате дальнейшего роста производительных сил.

Созревание этих княжеств внутри империи было положительной стороной рассмотренного периода.

Последний, шестой период, подлежащий нашему рассмотрению, ограничен, с одной стороны, 1132 г., принимаемым условно за год окончательного распада Киевской Руси, с другой — 1237—1241 гг., временем татарского нашествия.

Внутри этого периода можно наметить рубеж — 60-е годы XII столетия, когда вновь обострились противоречия между князьями и боярством, но на этот раз речь шла не о перемещениях князей по всей Руси, создававших неустойчивость управления на местах, а, наоборот, о слишком прочном оседании князей на землю, в процессе которого разраставшиеся династии суздальских, галицких, волынских, киевских, черниговских князей притесняли боярские вотчины, сужали права боярской думы.

Весь этот период принято относить к так называемой феодальной раздробленности. Быть может, лучше назвать его периодом зрелого феодализма, кристаллизации самостоятельных княжеств-королевств. Мы иногда неправильно понимаем феодальную раздробленность, считая ее временем упадка и регресса или отождествляя ее с княжескими усобицами, начавшимися еще в X веке.

Раннефеодальная империя — так сказать, возрастная, временная политическая форма, особенно необходимая в условиях постоянной внешней опасности для содействия первичным процессам феодализации. Зрелый феодализм характеризуется потребностью наладить нормальное производство на феодальных началах в деревне и в городе. Огромные масштабы Киевской Руси для этого не нужны. Феодальному хозяйству тогда не под силу было действенно объединить колоссальные пространства Киевщины и Полесья, Суздальского Ополья и Новгородских озер, плодородной Волыни и приморской Тмутаракани. Объединение на первых порах было непрочным и отчасти вызванным внешними причинами. Время для централизованного государства в таких масштабах еще не приспело; это произошло лишь на пороге капитализма в XVIII в., когда масштабы европейской части Российской империи приблизились к Киевской Руси.

Для молодого русского феодализма IX—XI вв. единая Киевская Русь была как бы нянькой, воспитавшей и охранявшей от всяких бед и напастей целую семью русских княжеств. Они пережили в ее составе и двухвековой натиск печенегов, и вторжение варяжских отрядов, и неурядицу княжеских распрей, и несколько войн с половецкими ханами и к XII в. выросли настолько, что смогли начать самостоятельную жизнь.

Раннефеодальная монархия при все возраставшем участии боярства вывела русские земли на путь спокойного, нормального развития, преодолев как стремительных половцев, так и не менее стремитель-

ных князей — искателей счастья. Основная часть господствующего класса — многотысячное земское боярство — получила в последние годы существования Киевской Руси «Пространную Русскую Правду», определявшую его феодальные права. Но книга на пергаменте, хранящаяся в великокняжеском архиве, не помогала реальному осуществлению боярских прав. Даже сила великокняжеских вирников, мечников, воевод не могла из Киева реально помогать далекому провинциальному боярству окраин Киевской Руси. Гонец, который поскакал бы от Белоозера или Рязани в Киев за помощью, вернулся бы через несколько месяцев.

Земскому боярству XII в. нужна была своя, местная, близкая власть, которая сумела бы быстро претворить в жизнь юридические нормы «Правды», своевременно помочь боярину в его столкновениях с крестьянством. Нужны были иные масштабы государства, иная структура феодального организма, более приспособленная к нуждам основного, прогрессивного тогда феодального класса.

Такая структура была дана самой жизнью, масштабы ее и географические пределы были выработаны еще накануне сложения Киевской Руси. Мы имеем в виду союзы племен, те «княжения» Кривичей, Словен, Волынян, которые были поименованы летописцем и долго еще потом служили географическими ориентирами.

Киевская Русь распалась на полтора десятка самостоятельных княжеств, более или менее сходных с полутора десятками древних племенных союзов.

Столицы многих крупнейших княжеств были в свое время центрами союзов племен: Киев у Полян, Смоленск у Кривичей, Полоцк у Полочан, Новгород Великий у Словен, Новгород Северский у Северян. Союзы племен были устойчивой общностью, складывавшейся веками; географические пределы их были обусловлены естественными рубежами.

За время раннефеодальной империи здесь повсеместно сложились феодальные отношения, родовая и племенная знать превратилась в бояр, развились города, начавшие даже соперничать с Киевом. Когда приостановилось быстрое, как в калейдоскопе, перемещение князей, то местное боярство смогло остановить свой выбор на том или ином князе, «вабя» его остаться княжить и не прельщаться миражем великого княжения. Князья закреплялись в стольных городах и основывали свои местные династии: Ольговичи в Чернигове, Изяславичи на Волыни, Брячиславичи в Полоцке, Ростиславичи в Смоленске, Юрьевичи во Владимире Суздальском и др. Каждое из новых княжеств полностью удовлетворяло потребности феодалов — из любой столицы XII в. можно было доскакать до границ этого княжества за три дня. В этих условиях нормы «Русской Правды» могли быть подтверждены мечом властителя вполне своевременно.

Князья, обосновавшиеся прочно в той или иной земле, по-иному относились к нормам эксплуатации и феодальным поборам, заботясь, во-первых, о том, чтобы не раздражить то боярство, которое помогло им здесь обосноваться, и, во-вторых, о том, чтобы передать свое княжение детям в хорошем хозяйственном виде.

В каждом княжестве появился свой епископ, князья издавали свои уставные грамоты, при дворе каждого князя велась летопись, в каждом стольном городе возникали свои художественные и литературные направления. Это не нарушало еще единства древнерусской народности, но позволяло выявиться местным творческим силам. Кристаллизация самостоятельных княжеств проходила на фоне бурного развития производительных сил (главным образом в городах) и в значительной мере была обусловлена этим развитием. Рост производительных сил начался задолго до образования княжеств. Успехи раннефеодальной монархии

Владимира I позволили тогда особенно интенсивно развиваться и земледелию, и ремеслу, и строительству замков, и городов, и торговле.

Но во второй половине XI в., в эпоху неустойчивости и конфликтов, произошел разрыв между продолжавшими развиваться производительными силами и политической формой, временно затормозившей нормальное развитие феодального класса. Возрождение феодальной монархии при Святополке — Мономахе — Мстиславе, вызванное чисто внешними причинами, но усиленное прямым вмешательством боярства, поправило дело, установило большее соответствие, чем при Ярославичах. Однако, несмотря на несомненные личные таланты Владимира Мономаха и его сына, оказалось, что форма единой автократической империи уже изжила себя и для полного соответствия надстройки базису нужно было уменьшить масштабы объединения, приблизить государственную власть к феодалам на местах, поставить рядом с Киевом еще несколько центров.

Создание полутора десятков крупных княжеств установило в 30-е годы XII в. полное соответствие новой политической формы достигнутому высокому уровню производительных сил и этим обеспечило небывалый расцвет культуры во всех русских землях XII века.

Боярство каждого княжества, отобравшее, «привабившее» себе наиболее подходящего князя, должно было быть довольно эмансипацией от Киева и той долей участия в управлении своей земли, которую оно получало, пугая своего князя широкими возможностями нового выбора, приглашения на его место другого князя из числа многочисленных его родичей, кормившихся в захудалых городках, вроде Киечьска, Вщижа или Курска. Князь, со своей стороны, был доволен тем, что строил свое новое гнездо прочно и основательно; князь знал, что сейчас боярское войско поддержит его (если он угоден боярству); он сознавал, что боярство будет препятствовать надоевшим, истощающим усобицам, будет ограждать его (в своих, боярских интересах) от соперников-князей; князь понимал, что при таких благоприятных условиях он сможет спокойно передать свое княжество, свой княжий двор, вотчины и села своим сыновьям, что княжеская власть в этой земле останется в его роду.

Феодальные княжества XII в. не стоит называть «полугосударствами», так как у князей были все права суверенных государей: они «думали с боярами о строе земельном и о ратех», то есть распоряжались внутренними делами и имели право войны и мира, право заключения любых союзов, хотя бы даже с половцами. Никто им этого права не давал, оно возникало из самой жизни. Великий князь киевский, ставший первым среди равных, не мог помешать ни Новгороду Великому ограничить (по существу, упразднить) княжескую власть или заключить договор с Ригой, ни Юрию Долгорукому сговариваться с Владимиром Галицким против Киева, ни Черниговским Ольговичам дробить свою землю на уделы или вступать в союз с Половецкой ордой.

Власть киевского князя безвозвратно отошла в прошлое, так же как и многое другое в межкняжеских отношениях. Прежнее, плохо соблюдавшееся династическое старшинство уступило место новым формам вассальных отношений. Теперь представитель старшей ветви нередко «ездил подле стремени» более сильного князя, происходившего от младшей ветви, брат называл брата «отцом», признавая тем самым его своим сюзереном.

Только безнадежные провинциалы вроде Вячеслава (сына Мономаха) еще удивлялись тому, что его младший брат считает себя старше. Вячеслав продолжал еще вести устаревший счет физического родства. «Я был уже бородатым, когда ты еще только родился,— писал он обидчику Юрию Долгорукому,— а ты считаешь меня младшим!» У младшего брата было собственное богатое княжение в Суздальской земле, у не-

го было несметное русско-половецкое войско, а старик Вячеслав жил из милости у племянника и не мог понять того, что настали новые времена и на первое место выдвинулись князья-сюзерены, «самовластцы» в своих землях, не зависящие ни от Киева, ни от старого счета княжеского родства.

Буйное племя князей Игоревичей вынуждено было в новых условиях полностью осесть на землю и занять разные ступени феодальной лестницы.

Самую верхнюю ступень теперь занимал уже не один киевский великий князь; в XII в. титул «великий князь» применялся и к черниговским, и к владимирским, и к другим князьям. Их великие княжения вполне соответствовали и по размерам территории и по своей внутренней сущности западноевропейским королевствам. Процесс их отпочкования от Киева строго соответствовал общим историческим условиям.

Раньше других обособились те земли, которым никогда не угрожала половецкая опасность,— Новгород и Полоцк. У каждого из этих земель были свои собственные торговые пути в Западную Европу; это увеличивало их самостоятельность, и уже в XI в. они постоянно проявляли сепаратистские тенденции. В 1136 г. восстание в Новгороде завершилось превращением Новгорода в феодальную республику. Новгородское боярство, политически давно созревшее, долгое время не могло полностью освободиться от власти киевского князя, так как Киеву было очень выгодно держать в своих руках богатый торговый город, «окно в Европу». Великие князья стремились всегда управлять Новгородом при посредстве своих сыновей. Это затрудняло новгородцам самостоятельный подбор князя, но иногда, пользуясь слабостью Киева (например, при Святополке), они брали князя, сообразуясь со своими вкусами. Таким князем был Мстислав Владимирович, «вскормленный» новгородцами, проживший у них 20 лет и женившийся на дочери посадника. Когда Мономах в 1117 г. отозвал Мстислава в Киев, то новгородцы, очевидно, почувствовали себя независимыми, и в 1118 г. Мономах уже смирял их, вызвал бояр и сотского Ставра Гордятинича в Киев и посадил в погреб. А на следующий год посадник Твердислав на вече провозгласил: «А вы, братья новгородцы, в князьях и посадниках вольны есте!»

Вслед за Новгородом и Полоцком обособились Галич, Волынь и Чернигов. Галичу помогало в этом его окраинное положение, удаленность от основного театра войны с половцами и близость к Венгрии и Польше, откуда могла прийти поддержка. Обособление Чернигова объясняется его давними связями с юго-востоком, Тмутараканью, Кавказом; когда появились в степях половцы, то черниговские князья, более других связанные со степным миром, наладили с ними дружественные отношения, породнились и широко пользовались поддержкой «поганых».

Постепенно оформилась новая политическая карта Руси со многими центрами. Киевская земля сохранилась в пределах между Днепром и Горынью, Полесьем и степью, южную полосу по реке Роси занимали «Черные Клобуки», составлявшие главную военную силу самого киевского князя.

Пресловутая «борьба за Киев» в середине XII в. не была, несмотря на всю ее разорительность, всероссийской войной. В этой борьбе участвовали четыре княжеских линии: волынские князья с Изяславом Мстиславичем во главе, его дядя Юрий Долгорукий Суздальский, черниговские Ольговичи и Давыдовичи и галицкий князь Владимир Ростиславич. Необычайно подробно описанная в летописи (с привлечением дневников походов, приказов, дипломатической переписки и протоколов военных советов), эта борьба может показаться очень значительным со-

бытием в жизни всех русских земель, но на самом деле она такой не была.

Княжеские дружины скакали иной раз день и ночь по старым наезженным дорогам, стремясь первыми достичь Киева, где «приятели» — бояре ожидали поощряемого ими князя. Происходили осады, бои, но все это имело вид чисто феодальных, княжеских стычек, казалось своего рода грандиозным турниром, перенесенным на простор киевских полей. Иногда горели княжеские замки, предварительно ограбленные победителем, нередко в бою убивали княжеского коня или самого князя, но нигде мы не видим ни малейших следов участия народных масс, простых людей (кроме киевских событий 1147 г.) в военных действиях стремительных конных дружин.

Иногда может показаться, что князья, вроде Изяслава или Юрия Долгорукого, были главными действующими лицами в драматических событиях середины XII века. Но при ближайшем рассмотрении мы убеждаемся в том, что и здесь, как и в Новгороде, главной пружиной многих событий было боярство.

Киевское боярство с 1097 г. активно вмешивалось в княжеские дела: в 1113 г. оно выбрало себе Мономаха, а в 1146 г.— его внука Изяслава Мстиславича. В бурные восемь лет 1146—1154 гг. киевское боярство, «кияне», 12 раз выразило свою волю: семь раз оно приглашало угодных ему князей («вабили», «сажали», «вводили»), два раза прогоняло князей-неудачников, не стесняясь сказать им: «Поеди, княже, прочь. Ты нам еси не надобен!» Три раза бояре ограничивали княжескую волю.

Боярство заключало с князьями «ряд», и без этого ряда ни один князь не мог считать себя настоящим государем.

Киев в XII в. не был юридически боярской республикой, но богатая землевладельческая знать играла очень важную роль в политической жизни города и княжества. Боярству принадлежит изобретение оригинальной формы ограничения княжеского самовластия — двуумвирата.

В Киев приглашались одновременно два князя, принадлежавшие или к разным поколениям (Изяслав Мстиславич и его дядя Вячеслав) или к двум враждующим династиям (Святополк Ольгович и Рюрик Ростиславич). Естественно, что в условиях такого узаконенного соперничества боярству было легче отстаивать свои интересы.

Киевское княжество было одним из богатейших цветущих княжеств Древней Руси, и последствия похода Андрея Боголюбского на Киев в 1169 г., будто бы приведшего город к упадку, излишне преувеличены историками. Просто летописец-киевлянин, свидетель взятия города, слишком красочно описал свои непосредственные наблюдения. Киев и в конце XII в. представлял собой большой культурный центр, где строились новые здания, писались литературные произведения, создавался замечательный летописный свод 1199 г., объединивший десяток летописей отдельных княжеств. Киев не управлял больше русскими землями, но сохранил величественность «порфироносной вдовы».

В Киеве, при дворе «великого и грозного» Святослава, была написана в 1187 г. одна из лучших во всей средневековой Европе политических поэм с широкой общенародной программой военного союза против степняков — «Слово о полку Игореве». Автор гневно осуждает княжеские усобицы в прошлом и настоящем, прославляет героя народного восстания 1068 г. князя Всеслава, призывает князей сплотиться в едином походе против половцев.

Осуждал ли автор «Слова» существовавшее в его время положение — наличие наряду с Киевским еще доброго десятка других самостоятельных княжеств? Пытался ли он воскресить известное ему по летописям время единой Киевской Руси? Противопоставлял ли он свое

время старому, осуждая новое и идеализируя прошлое? Нет, ничего этого мы в «Слове о полку Игореве» не найдем. Его автора заботит лишь одно — опасность разрозненных сепаратных действий князей и настоятельная необходимость в условиях нового половецкого натиска 1170—1180-х годов объединения ими своих полков.

Не порицая отдельных владетелей, а, наоборот, относясь с полным уважением к их великокняжеским правам, он воспевает феодальных владык, русских королей, обращаясь то к могучему Всеволоду Большое Гнездо, то к величественному Ярославу Осмомыслу Галицкому, то к потомкам вещего Всеслава «встать за землю Русскую».

После недолгого «медового месяца» совместной жизни боярства и осевших на землю князей обозначился уже в 1160-е годы ряд противоречий.

Боярство в своей массе было инертно, малоподвижно и больше всего на свете интересовалось своей вотчиной.

Если кругозор людей родового строя ограничивался микроскопическим «миром», границами родовой земли в 10—15 км от поселка, то горизонт простого боярина раздвинулся до пределов нескольких таких миров, но не более. Многое в вотчине основывалось на натуральном хозяйстве, которое никак не могло способствовать расширению кругозора. Главными задачами среднего феодала являлись, во-первых, ведение своего хозяйства, то есть отчуждение доли урожая тех нескольких миров, землю которых он, феодал, объявил своей, а во-вторых, ограждение этой вотчинной земли от вмешательства равных, более сильных феодалов. Средний феодал не был сторонником ни усобиц, ни далеких завоевательных походов. Сидеть в своем родовом гнезде, в своей «отчине и дедине» он считал основным, наиболее естественным своим положением. Если князь тянул таких бояр с их слугами и холопами на какую-нибудь войну, то бояре, по образному выражению летописца, «идучи не идяху».

На другом полюсе феодального класса находились князья и сосредоточенная в городах крупная землевладельческая знать, которая то ладила с «привабленным» ею князем, то бывала порой недовольна его крутым нравом. Эта знать нередко интересовалась делами соседнего княжества, участвовала в усобицах, затевала походы в чужие земли. Ее кругозор был широк, но ее возможности становились все более ограниченными.

Князья — основатели новых династий — быстро пустили корни в своих княжествах и стремились стать самовластцами внутри только что приобретенных земель. Только одно поколение князей прожило дружно с земским боярством, пригласившим их княжить. Сыновья Юрия Долгорукого, Изяслава Мстиславича, Ярослава Осмомысла уже бились не на живот, а на смерть с боярством собственной земли. В этих битвах пылали боярские замки, полные оружия и припасов, умирали изрубленные заговорщиками князья, горели на кострах княжеские любовницы, опустошались и захватывались боярские земли.

Князьям была нужна надежная постоянная опора в этой борьбе, послушные силы, готовые в любое время двинуться в любое место, «ища князю славы, а себе чести», то есть постоянная дружина, расположенная поблизости от столицы княжества.

Степень развития феодальных отношений была теперь уже не та, что при Владимире Святом, содержавшем огромные лагери дружинников,— в XII в. не нужно было все свои резервы держать при дворе, можно было «распустить дружину по селам», то есть дать поместья своим военным слугам, сделать их тем, что в XVI в. называлось дворянством или «детьми боярскими». Многие слуги, рядовичи и тиуны, выполнявшие хозяйственные и административно-судебные функции в княжестве, вероятно, тоже получали княжескую «милость» и становились

условными, временными держателями княжеской земли. Часть слуг и дружинников за особые заслуги, возможно, получала земли в наследственное, вотчинное владение, переходя в разряд боярства.

Рожденное новыми условиями, низшее наслоение феодалов — дворянство — было бедно, экономически неустойчиво, жадно до земли и крестьян, но определенно в своих политических симпатиях и антипатиях. Дворянство с самого своего возникновения было поставлено в положение соперника боярства, причем соперника слабого, неуверенного в завтрашнем дне, жившего одними княжескими милостями; поэтому в глазах дворянина XII—XIII вв. князь был и умным кормчим, и сильной крепостью, и могучим дубом, противостоящим бурям и ветрам, а боярство — жадным, напористым обидчиком. «Лучше мне в лаптях жить при княжьем дворе, чем в сафьяновых сапогах при боярском»,— резюмировал один из таких княжеских слуг, Даниил Заточник.

В своих спорах с соседними государями, в повседневных столкновениях с боярами князья могли опираться на «отроков», «детских». Уже в конце XI в. Всеволод Ярославич «возлюби смысл уных», а в середине XII в. один из князей прямо заявил, что если бояре с ним не согласны, то его дворяне («детские») заменят их и станут у него на положении бояр. Правда, боярин-летописец, описывая этот эпизод, не пожалел мрачных красок для обрисовки незадачливого князя Владимира Мстиславича, отрекшегося от своих знатных бояр: «детские» его были перебиты в бою, союзники ему изменили, и он был вынужден бежать через всю Русь с женой и детьми в Суздаль и Рязань.

Наибольшие резервы конных дружин, близких по положению к дворянству, были в распоряжении киевского князя. На огромной степной поляне, окаймленной лесами Днепра, Стугны и Роси, на шести тысячах квадратных километров жили и кочевали переселенные сюда киевскими князьями племена «Черных Клобуков», в состав которых входили торки, берендеи и даже остатки печенегов. По берегам Роси возникли города, заселенные черноклобуцкой знатью (Юрьев, Торческ, Корсунь, Дверен и др.). Защищая Русь от половцев, торки и берендеи постепенно воспринимали русский язык, русскую культуру и даже русский былинный эпос. На протяжении XII в. «весь Черный Клобук», то есть весь этот огромный противополовецкий заслон нередко принимал участие в политических делах, и киевские князья стремились всеми средствами удержать его в своих руках.

Точно такую же роль в это время играли половцы при дворе грузинского царя. Царь Давид Строитель пригласил в Грузию 40 тыс. половцев, и Атрак, сын Шарукана, разбитый Мономахом, охотно отозвался на приглашение. В руках царя половецкая конница была оружием против независимых «дидебулов», грузинских бояр.

Такую же роль играли и «Черные Клобуки» в руках киевских князей.

Итак, рыцарственный XII в. выдвинул не только боярство, находившееся ранее несколько в тени, но и разнообразное дворянство, включавшее в себя и дворцовых слуг — министериалов и воинов — «детских» или «отроков» и беспокойных всадников — торков.

Важным элементом средневекового общества являлись города, развивавшиеся в эту пору особенно бурно и полнокровно.

Средневековый город был сложным и многообразным социальным организмом, который никак нельзя охарактеризовать какой-нибудь одной чертой.

Город был крепостью, убежищем во время опасности для окрестных смердов; город был как бы коллективным замком крупнейших земельных магнатов данной округи во главе с самим князем. Боярские и княжеские дворы занимали видное место в городе.

В силу этого город являлся естественным административным цен-

тром округи (или княжества, если это город столичный), местом суда и платежа, местом издания разных постановлений. Город был средоточием разнообразного ремесла: посады широким кольцом окружали аристократическую часть города, его кремль, его «детинец». В городе производилось все, что было нужно для хозяйства или войны, все, что украшало быт или служило предметом вывоза. Город был также главнейшим (а иногда и единственным) местом торговли округи и средоточием запасов и богатств; городские ростовщики пускали свои щупальца в беднейшие кварталы ремесленников, ссужая свои капиталы за бесчеловечно высокие проценты. В городах и в непосредственной близости от них вызревал и развивался еще один элемент феодального средневековья — церковь.

Церковь в XI—XII вв. стала не только органом идеологического воздействия, но и частью самого господствующего класса. Во главе церкви стоял митрополит, назначаемый великим князем и утверждаемый собором епископов. Епископы управляли епархиями, которые в XII в. почти совпадали с крупнейшими княжествами, и владели большими земельными угодьями, селами и городами.

Если митрополит отчасти соответствовал великому князю (хотя и зависел от него), а епископ — князю отдельной земли, то боярству в церковной сфере соответствовали монастыри, становившиеся в это время крупными земельными собственниками. Монастырская земля не дробилась по наследству, как княжеская или боярская, и поэтому монастыри быстро богатели. Епископами и игуменами крупных пригородных монастырей нередко бывали богатые знатные люди, связанные с придворными кругами, получавшие богатые вклады и ведшие княжеское летописание. Монастыри вели и торговые операции и занимались ростовщичеством.

Все звенья церковной организации принимали активное участие в политической жизни, в феодальных усобицах и классовой борьбе. Христианская формула «рабы да повинуются господам своим» находила широчайшее применение в условиях обострения социальных конфликтов.

Все перечисленные составные части русского феодального общества находились в развитии, в непрерывном движении и в различных сочетаниях образовывали враждующие между собой блоки и группы.

Князья создавали и поддерживали дворянство для борьбы против бояр. Епископы то поддерживали князей (от которых они частично зависели материально), то пытались вести не особенно удачную самостоятельную политику. Крупное боярство стремилось при посредстве боярской думы ограничить самодержавие князей и в то же время с той же целью оказывало давление на дворян, оттесняя их на задний план. Возможно, что желание создать свои резервы военных и дворовых слуг толкало боярство на возрождение института холопства, которому уделено так много места в «Пространной Русской Правде». Результатом конфликтов боярства с закрепощенным крестьянством явилось перемещение закупов (в том числе и «ролейных закупов») в укрепленные дворы феодалов, что явствует как из «Русской Правды», так и из археологических данных о дворах XII века.

Города бурлили в мятежах и «замятнях». «Черные люди» городских посадов одинаково терпели и от боярства и от купечества. Их неожиданными союзниками оказывались могущественные князья, всегда готовые поддержать ту силу, которая могла быть направлена против боярства. И ремесленники и купцы объединялись в свои «братства», «общины», в корпорации, близкие ремесленным цехам и купеческим гильдиям Запада.

Классовая борьба вспыхивала то в форме прямых восстаний, то в завуалированном виде антицерковных ересей.

В каждом княжестве, сообразно особенностям его исторического

развития, складывалось свое соотношение сил, и на поверхность выступало свое особое сочетание охарактеризованных выше элементов. Так, история Владимиро-Суздальской Руси показывает нам победу великокняжеской авторитарной власти над земельной аристократией к концу XII века. В Киевском княжестве реальная сила, очевидно, принадлежала крупному боярству, которое заставляло считаться с собой двух князей-соправителей, одновременно числившихся великими князьями киевскими. В Новгороде Великом боярство совершенно освободилось (при помощи народа) от княжеской власти, свело князя на положение наемного генерала, и основные конфликты развивались здесь между «меньшими» и «вятшими» людьми.

К началу XIII в. ясно обозначилась еще одна отрицательная черта — это неудержимый процесс феодальной раздробленности внутри княжеств, выделение мелких удельных княжеств-вассалов.

Новый половецкий натиск 1170—1180-х годов эпохи Кобяка и Кончака застал еще только начало этого губительного процесса. Лучшие люди Руси, вроде автора «Слова о полку Игореве», прекрасно понимали, что перед лицом степной угрозы необходимо полное единение всех сил как внутри отдельных земель, так и крупных княжеств-королевств между собой.

Не стремясь к уничтожению новых порядков, ни единым словом не осуждая владетельных князей Киева, Владимира, Галича, Смоленска, Полоцка и Чернигова, автор «Слова» заботится лишь о том, чтобы создать федерацию суверенных, равноправных и могущественных княжеств для победы над половцами.

В 1185 г. такая временная федерация с Киевом во главе составилась. Половецкий натиск был отбит. Но затем с новой силой продолжился стихийный процесс дробления княжеств, проистекавший, как и в XI в., из частновладельческих вотчинных взглядов князей на свои княжества.

Сами князья, которые одной рукой собирали княжение, подчиняли бояр, вырабатывали какую-то общегосударственную политику, другой рукой делили свою землю между сыновьями, подготавливая раздробленность «удельного периода».

Создание крупных экономических областей, преодоление замкнутости феодального натурального хозяйства, установление экономических связей города с деревней — все эти прогрессивные явления, уже хорошо заметные в русской жизни XII—XIII вв., не успевали за катастрофическим распадом недавно сложившихся полнокровных и сильных русских королевств.

Татарское нашествие 1237—1241 гг. застало Русь цветущей, богатой и культурной страной, но пораженной ржавчиной феодальной раздробленности.

Героическое время совместной борьбы с печенегами и половцами уже миновало, единого военного резерва уже не было, и Русь оказалась в одинаковом положении с другими феодальными государствами — державой Хорезмшахов, Грузинским царством, не сумевшими организовать отпор несметным полчищам Чингис-хана и Батыя.

Татаро-монгольское нашествие кладет рубеж большому и яркому историческому периоду в жизни русского народа. Этот период не был забыт народом, его вспоминали как светлое, радостное время расцвета, побед и блестящего международного положения.

В богатой истории Киевской Руси и русских княжеств XII—XIII вв. народ черпал уверенность в своих силах и будущей победе.

ЛЕНСКИЙ РАССТРЕЛ И КРИЗИС ТРЕТЬЕИЮНЬСКОЙ СИСТЕМЫ

А. Я. Аврех

Мрачные годы столыпинской реакции нашли отражение в «крылатых» фразах ее ярых приверженцев. Мы по меньшей мере можем назвать четыре такие фразы. «Сначала успокоение, потом реформы»,— провогласил министр военно-полевых судов и создатель третьеиюньской «конституции» П. А. Столыпин. «У нас,— заявил с трибуны Думы министр финансов В. Н. Коковцов,— слава богу, парламента еще нет». «Пока в России существует законодательная палата, контролирующая бюджет,— было сказано лидером кадетской партии П. Н. Милюковым на обеде у лондонского лорд-мэра,— русская оппозиция останется оппозицией его величества, а не его величеству». «Так было — так будет»,— произнес на заседании Государственной думы министр внутренних дел А. А. Макаров в ответ на запрос социал-демократической фракции по поводу ленского расстрела. Эти четыре «шедевра» контрреволюционно-«конституционного» красноречия, появившиеся во времена третьеиюньской монархии, олицетворяли не только сущность последней, но и ее историю.

У революций, как известно, учатся не только революционные, но и контрреволюционные классы. В этом смысле третьеиюньская монархия была уроком, извлеченным царизмом из революции 1905—1907 годов. Революция сделала еще более очевидным тот непреложный исторический факт, который послужил царизму отправной точкой в повороте политического курса еще в 1861 году: для того, чтобы сохранить и себя и помещичье землевладение, необходима эволюция в сторону буржуазной монархии. Так был сделан второй шаг по пути превращения в буржуазную монархию, выразившийся в переходе к столыпинской аграрной политике и создании третьеиюньской Думы.

Останавливаться на значении и целях указа 9 ноября, а затем закона 14 июня 1910 г. нет надобности: этот сюжет достаточно ясен. Что же касается вопроса о третьеиюньской «конституции», то на нем следует остановиться подробнее.

«Сущность конституции,— писал В. И. Ленин,— в том, что основные законы государства вообще и законы, касающиеся избирательного права в представительные учреждения, их компетенции и пр., выражают действительное соотношение сил в классовой борьбе. Фиктивна конституция, когда закон и действительность расходятся; не фиктивна, когда они сходятся. В России эпохи III Думы конституция менее фиктивна, чем в России эпохи I и II Думы... Конституция может быть черносотенной, помещичьей, реакционной и в то же время менее фиктивной, чем иная «либеральная» конституция» [1].

Третьеиюньская Дума именно была такой черносотенно-помещичьей думой. Но это определение также требует правильного понимания.

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 15, стр. 307—308. См. также стр. 358—359.

Дело в том, что любой парламент, независимо от его прав и круга избирателей, будь он законодательным или законосовещательным, если речь идет о стране, где господствует капитализм (а Россия была именно такой страной), по своей природе, происхождению и назначению есть учреждение буржуазное, созданное для буржуазных преобразований. В этом смысле Дума 3-го июня была создана для буржуазии, вернее, для союза с ней. Черносотенно-помещичьей же она была потому, что хозяином ее был царизм, крепостники-помещики. «III Дума,— подчеркивал В. И. Ленин,— есть политически оформленный, общенациональный союз политических организаций помещиков и крупной буржуазии» [2]. «...Самодержавию,— писал он в другом месте,— пришлось создать представительное учреждение для определенных слоев буржуазии...» [3].

Союз этот был отнюдь не случайным. В нем были жизненно заинтересованы обе стороны — и царизм и крупная буржуазия. Царизм вынуждало идти на союз объективное развитие страны; буржуазии же он был необходим в силу ее классовой природы и глубокой контрреволюционности, охарактеризованной ленинской формулой «буржуазия боится революции больше, чем реакции» [4]. Союз носил характер сделки двух контрреволюционных сил. Условия же сделки определялись реальным соотношением сил, которое, в свою очередь, целиком обусловливалось итогами революции 1905—1907 годов. «Конституция,— писал В. И. Ленин,— есть сделка между историческими силами старого (дворянского, крепостнического, феодального, абсолютистского) общества и либеральной буржуазией. Реальные условия этой сделки, размер уступок старого или побед либеральной буржуазии, определяются успехами побед демократии, широких народных масс (и рабочих в первую голову) над силами старого» [5]. Формой и воплощением этой сделки и явилась третьеиюньская система, система двойной и тройной перестраховки, обеспечивавшая полное преобладание царизма над буржуазией и возможность маневра по отношению к собственному классу — крепостникам-помещикам.

Поскольку Дума предназначалась для проведения известного минимума либерально-буржуазных реформ, большинство не могло быть отдано в руки правых партий. Противоположный вариант — либерально-буржуазное большинство — также исключался, так как делал хозяином Думы буржуазию, стремившуюся в конечном итоге к разделу власти с царизмом. Так возникла Дума с двумя большинствами, каждое из которых оформлялось в зависимости от голосования «центра». Таким «центром» в III Думе оказались октябристы, создававшие попеременно то правооктябристское, реакционное, то октябристско-кадетское, либеральное большинство.

В связи с этим В. И. Ленин называл октябристскую партию правительственной. Это определение часто понимается в том смысле, что хозяевами в Думе были октябристы. Но в таком случае надо признать, что хозяином положения в Думе сделалась буржуазия, ибо октябристы, как принято считать, были партией крупной буржуазии и крупных капитализирующихся помещиков. Сблокировавшись налево, октябристы могли бы вместе с кадетами провести нужные им либерально-буржуазные преобразования независимо и вопреки правительству и правой части Думы. В действительности же, как известно, ничего подобного не было. Более того, первое большинство, правооктябристское, на всем протяжении существования III Думы полностью доминировало над вторым, октябристско-кадетским большинством.

---

[2] Там же, стр. 368.
[3] Там же, стр. 321.
[4] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 472.
[5] Там же.

Это был не случайный, а рассчитанный результат. Дело в том, что в своем большинстве октябристы состояли из тех же элементов, что и правые фракции. Фактически главой фракции был не ее официальный лидер Гучков, а Столыпин. Октябристы были правительственной партией в том смысле, что, решая судьбу думских голосований, они проводили столыпинскую политику, являлись орудием политики Столыпина.

В. И. Ленин относил октябристов к правым партиям, определял их как партию, которая наряду с помещиком обслуживала также и интересы определенной части крупной торгово-промышленной буржуазии [6]. Такой противоестественный на первый взгляд симбиоз был обусловлен, во-первых, природой «московской» буржуазии, сохранявшей еще многие черты буржуазии периода первоначального накопления, роднившие ее экономически и политически с крепостниками-помещиками, и, во-вторых,— и это главное — страхом перед революцией, вызвавшим раскол ранее единого либерализма на две основные партии — октябристов и кадетов. Отсутствие у буржуазии единой «деловой» партии и создавало возможность образования системы первого и второго большинства.

Что касается правых, то их интересы в основном совпадали с интересами придворной камарильи, которую В. И. Ленин характеризовал как неофициальное правительство. «Дело в том,— писал В. И. Ленин,— что у нас, как и во всякой стране с самодержавным или полусамодержавным режимом, существует собственно два правительства: одно официальное — кабинет министров, другое закулисное — придворная камарилья. Эта последняя всегда и везде опирается на самые реакционные слои общества, на феодальное — по-нашему черносотенное — дворянство... Огромная масса «правых» в III Думе будет... защищать интересы именно этой общественной плесени и ржавчины, этих «гробов повапленных», завещанных нам темным прошлым» [7].

Из этого следует, что характер взаимоотношений официального правительства с думскими правыми соответствовал взаимоотношениям кабинета и камарильи. Обыкновенно, отмечал В. И. Ленин, в значительной своей части кабинет состоял из ставленников камарильи, которая стремилась захватить его «в свое полное и безраздельное владение». «Однако, сплошь и рядом большинство кабинета по своему составу не вполне соответствует требованиям камарильи. Конкуренцию допотопному хищнику, хищнику крепостнической эпохи, составляет в данном случае хищник эпохи первоначального накопления,— тоже грубый, жадный, паразитический, но с некоторым культурным лоском и — главное — с желанием также ухватить добрый кусок казенного пирога в виде гарантий, субсидий, концессий, покровительственных тарифов и т. д. Этот слой землевладельческой и промышленной буржуазии, типичной для эпохи первоначального накопления, находит себе выражение в октябризме и примыкающих к нему течениях» [8].

Таким образом, официальное правительство было правительством, вынужденным ходом экономического развития способствовать в определенных пределах развитию капитализма в стране, капитализма октябристского, или прусского, типа, с медленным перерастанием помещика в юнкера и приспособлением абсолютистского государства к новым, буржуазным отношениям.

Все это и объясняет, почему В. И. Ленин характеризовал третьеиюньскую систему, с одной стороны, как политику бонапартизма, лавирования царизма между помещиками и буржуазией, с другой — как политику поисков новой массовой социальной опоры взамен утраченной прежней — патриархально-крестьянской. «Бонапартизм,— писал

---

[6] См. там же, стр. 33.
[7] В. И. Ленин. Соч. Т. 13, стр. 107.
[8] Там же, стр. 107—108.

В. И. Ленин,— есть лавирование монархии, потерявшей свою старую, патриархальную или феодальную, простую и сплошную, опору,— монархии, которая принуждена эквилибрировать, чтобы не упасть,— заигрывать, чтобы управлять,— подкупать, чтобы нравиться,— брататься с подонками общества, с прямыми ворами и жуликами, чтобы держаться не только на штыке. Бонапартизм есть объективно-неизбежная, прослеженная Марксом и Энгельсом на целом ряде фактов новейшей истории Европы, эволюция монархии во всякой буржуазной стране»[9].

Столыпинская политика в соответствии с двумя сторонами задачи — создание кулацкой опоры в деревне и создание помещичье-буржуазного «парламента»[10] — выразилась в бонапартизме аграрном — указ 9 ноября 1906 г. и бонапартизме политическом — лавирование между помещиками и буржуазией в Думе для проведения некоторого минимума буржуазных реформ.

Как видим, третьеиюньская система, созданная царизмом, была громоздким,, сложным, несовершенным механизмом. Царизм мог на него рассчитывать при двоякого рода уверенности: во-первых, что этот механизм будет полностью ему подчиняться, и, во-вторых, что этому сооружению не грозят никакие революционные потрясения, способные опрокинуть здание помещичье-буржуазного третьеиюньского союза.

Первое условие было обеспечено полностью. Хозяином положения в Думе был царизм. Это было достигнуто характером самой Думы, с двумя большинствами, возможностью играть на противоречиях между помещиками и буржуазией, преобладанием первого большинства над вторым, ничтожностью бюджетных и законодательных прав Думы, законодательным veto Государственного Совета как второй равноправной палаты и самого царя и т. д. «Избирательный закон 3 июня 1907-го года,— указывал В. И. Ленин,— «строил» государственную систему управления — да и не одного только управления — на блоке крепостников-помещиков с верхушками буржуазии, причем первый социальный элемент сохранял в этом блоке гигантский перевес, а над обоими элементами стояла фактически неурезанная старая власть»[11].

Второе, главное, условие, казалось, было также обеспечено наилучшим образом. Столыпинская формула «Сначала успокоение, потом реформы» и была выражением необходимости его создания. Поэтому политика репрессий и жесточайшего подавления революционного движения и самодеятельности масс продолжала оставаться основным средством борьбы с революцией. Однако перехода к реформам не произошло, и вся затея кончилась полным крахом.

Размеры статьи позволяют лишь самым кратким образом охарактеризовать некоторые этапы и конечный результат этого процесса. Попытаемся показать, как отразился прогрессирующий кризис третьеиюньской системы на царизме и буржуазии.

Отправной точкой думских реформ должен был стать сговор Гучкова со Столыпиным и правыми. «Типичный октябрист...— писал В. И. Ленин,— стремится, как и кадет, к сделке с монархией, но понимает под этой сделкой не ту или иную политическую систему, не парламентаризм, а соглашение нескольких лиц или главарей с придворной камарильей в интересах прямого подчинения правящей буржуазии неповоротливого, тупоумного и азиатски-продажного русского чиновника»[12]. Эта характеристика была сделана еще в сентябре 1906 года. Политика Гучкова в III Думе подтвердила ее самым наглядным образом.

---

[9] В. И. Ленин. Соч. Т. 15, стр. 245.
[10] См. там же, стр. 321.
[11] В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 463.
[12] В И. Ленин. Соч. Т. 11, стр. 202.

Гучков избрал предметом своего сговора со Столыпиным армию. Царизм был крайне озабочен вопросом о возрождении боевой мощи армии и флота, утраченной в русско-японской войне. Предстояли огромные ассигнования, исчисляемые многими сотнями миллионов рублей [13]. За обещание «оздоровительных» реформ в военном и морском ведомствах октябристский «центр» обещал провести все необходимые бюджетные ассигнования.

Весь расчет строился на «патриотизме»: критика сложившихся порядков в военных ведомствах будет одобрена и поддержана правыми, понимавшими необходимость изменений. Это же понимание примирит с октябристской «критикой» царя и камарильо.

Инструментом своей политики Гучков избрал думскую комиссию по государственной обороне и свой председательский пост в этой комиссии (взамен положенного ему как лидеру «центра» поста председателя Думы). В порядке афиширования благонадежности и преданности Комиссии по государственной обороне она была избрана только из октябристов и правых, в нее не были допущены даже кадеты.

Но вся правооктябристская «патриотическая» идиллия окончилась очень скоро. 27 мая 1908 г. Гучков, желая побудить правительство приступить наконец к обещанным военным реформам, выступил на заседании Думы и потребовал ухода из военного министерства нескольких великих князей, назвав их по именам [14].

Придворная камарилья была взбешена выступлением Гучкова до крайности. Столыпин поспешил отмежеваться от своего союзника, заявив в Государственном Совете, что Дума вообще не имела права отказывать в ассигновке. Это был тяжелый удар для октябристов, имевший принципиальное значение. Гучковский официоз по этому поводу писал: важно здесь не то, что Столыпин разошелся с Думой, «а то, что, выступая в Совете, он совершенно сошел с конституционной почвы и стал отрицать самое право Думы отказывать правительству в ассигновке на броненосцы. Его доводы несравненно прискорбнее его выводов» [15].

Следующим этапом в развитии кризиса третьеиюньской системы, явившимся поворотным пунктом во всей истории III Думы, был так называемый «министерский» кризис, разразившийся в апреле 1909 года. Поводом к нему послужил внесенный морским министром и принятый Думой 24 мая 1908 г. законопроект о штатах морского Генерального штаба. Государственный Совет отклонил его на том основании, что принятием штатов Дума якобы нарушила ст. 96 основных законов, оставляющую строевую часть целиком в ведении царя как «верховного вождя армии». Правые из Государственного Совета — Дурново, Шванебах и др.— подняли крик о покушении на царские «прерогативы», сопровождая их прямыми намеками на сговор Столыпина с Гучковым, направленный якобы на захват обоих военных ведомств. Незадолго до этого английский журналист Диллон, корреспондент «Дейли геральд», выступил со статьей, где все эти вопросы были заострены еще больше. Собственно, указанная статья и послужила началом похода правых и камарильи против Столыпина и его «гучковских молодцов».

Основное содержание статьи сводилось к следующему: «Конституционное самодержавие дошло до поворотного пункта...». Дума все боль-

---

[13] Центральный государственный архив Октябрьской революции СССР (ЦГАОР), ф. 932, д. 278.

[14] «Государственная дума. 3-й созыв». Стенографический отчет. Сессия I. Ч. 3, стб. 1600.

[15] «Голос Москвы», 21 июня 1908 года. Подробнее об этом см. А. Я. Аврех. Столыпинский бонапартизм и вопросы военной политики в III Думе, «Вопросы истории», 1953, № 11.

ше и больше прибирает к рукам армию, флот и даже внешнюю политику. Управляется страна объединенным кабинетом, «незаметно лишившим корону громадных прерогатив». Речи Гучкова — это речи Столыпина. В качестве выхода предлагалось создание более консервативной Думы, то есть новое изменение избирательного закона, и замена Столыпина Дурново [16].

19 декабря 1908 г. Дума снова приняла законопроект, а 19 марта 1909 г. он вторично сделался предметом обсуждения в Государственном Совете. С помощью сильного нажима и с большим трудом Столыпину на этот раз удалось добиться принятия законопроекта. Но нажим стоил ему дорого. Против него была развязана ожесточенная кампания с тем же основным обвинением в стремлении к захвату всей полноты власти. В результате Столыпин очутился перед угрозой отставки, а Гучков и его соратники были объявлены русскими «младотурками». В типографии «Правительственного вестника», сообщало «Слово», с часу на час ожидали официального сообщения об его (Столыпина.— *А. А.)* отставке [17].

В результате законопроект о штатах морского штаба не был утвержден царем. 96-й статье было дано такое толкование, которое означало, по существу, новый государственный переворот. Столыпин остался у власти ценой отказа от «либерального» сотрудничества с октябристами и перехода взамен него к политике национализма. Сделано это было в форме нашумевшего интервью редактору провинциальной газеты «Волга» в сентябре 1909 года. Столыпин осудил партийное политиканство, направленное на захват части верховной власти в пользу Думы, то есть отмежевался от своего недавнего союзника Гучкова. Черносотенцы с восторгом встретили это интервью, прибавив, однако, для строгости: «Он (Столыпин.— *А. А.)* с нами, но мы еще не с ним» [18].

В соответствии с этим поворотом в самой Думе была произведена перегруппировка, означавшая создание наряду с октябристским «центром» параллельного националистического «центра». В январе 1910 г. думские фракции умеренно-правых и националистов объединились в единую фракцию и партию националистов во главе с лидером умеренно-правых П. Н. Балашовым, на основе платформы крайнего национализма. Это было завершением переориентации Столыпина «с г. Гучкова на г. Балашова» [19].

В течение 1910—1912 гг. Дума жила под флагом национализма. Было принято несколько антифинляндских и антипольских законопроектов. Однако это не спасло Столыпина от крушения. Наоборот, один из этих законопроектов — законопроект о введении земства в шести западных губерниях, которому Столыпин придал характер вопроса о доверии (разумеется, перед верхами, а не перед Думой),— был избран верхами в качестве удобного повода для того, чтобы свалить самого Столыпина. Законопроект с согласия царя был демонстративно провален Государственным Советом в марте 1911 г., и Столыпин подал в отставку. Правда, он и на этот раз избежал ее и внешне, казалось, одержал полную победу, добившись отправки в отпуск Дурново и Трепова, организаторов похода против него в Государственном Совете, а главное, роспуска на три дня Думы и Государственного Совета с тем, чтобы провести отвергнутый законопроект по 87-й статье, но на самом деле, по всеобщему признанию, он уже был политически мертв. Об этом писала печать,

---

[16] «Голос Москвы», 14 апреля 1909 года.
[17] «Слово», 7 апреля 1909 года.
[18] «Речь», 7 октября 1909 года.
[19] Подробнее об этом см. А. Я. Аврех. III Дума и начало кризиса третьеиюньской системы. «Исторические записки». Т. 53, 1955, стр. 58—64, 76—80.

это подчеркивали в своих воспоминаниях С. Ю. Витте, В. Н. Коковцов, С. И. Шидловский и др. [20].

Вопрос об удалении Столыпина с политической арены сделался лишь вопросом времени и формы, что понимал и он сам [21]. Как известно, «выход» был найден в его убийстве агентом охранки Богровым в сентябре 1911 года.

Второй «министерский» кризис был расценен как правым, так и либеральным лагерем не только как крах самого Столыпина, но и как крах столыпинщины, разумея под этим политику бонапартизма, основанную на третьеиюньской системе. «Кризис кончен! Кризис продолжается!» [22] — так оценил положение публицист «Нового времени» Филевич в связи с оставлением Столыпина на посту премьер-министра. Столыпин не оправдал возложенных на него надежд, из него не получилось Бисмарка, как на это рассчитывала помещичья и либеральная контрреволюция.

Но крах столыпинского бонапартизма означал одновременно и провал политики участников третьедумской комбинации, партнеров по третьеиюньской контрреволюции.

Лидеры крайних правых — Пуришкевич, Марков 2-й и другие главари черносотенных организаций — хвастались в начале работы Думы, что местные отделы «Союза русского народа» и «Союза Михаила Архангела» покроют всю страну, а число их членов будет исчисляться миллионами. На деле счет не шел даже на тысячи. Черносотенные организации выродились в жалкие сборища босяков, уголовников и охотнорядцев. Их главари открыто грызлись, понося друг друга так, как это не делали даже их «рядовые», из-за казенных денег и других подачек. Можно смело утверждать, что ни одну партию и организацию не презирали в стране так, как презирали черносотенцев. Став преемником П. А. Столыпина на посту премьер-министра, В. Н. Коковцов заявил министру внутренних дел А. А. Макарову, что субсидировать правую печать — это выбрасывать деньги на ветер, с чем Макаров полностью согласился, но субсидии, конечно, не прекратил [23].

Недалеко ушла от черносотенцев и партия националистов. На ее первом съезде в феврале 1912 г. участвовало не более 150 делегатов. От провинциальных отделов присутствовало, по сведениям «Речи», всего 60—70 человек [24]. Партию в основном содержал ее лидер Балашов, но не обошлось, разумеется, как об этом свидетельствует Коковцов, и без казенных субсидий [25].

Ставка на национализм как на идеологию, способную вытеснить среди масс идеи демократии и социализма, провалилась полностью. Следовательно, обанкротилась и сама партия и националистический разгул III Думы, потому что главной цели — отвоевания масс у революции — достигнуто не было.

Октябристский «центр» с первых же дней своей деятельности пребывал в состоянии внутренних распрей и кризиса, прогрессировавшего год от года в сторону полного развала октябризма как политического течения и партии.

«Министерский» кризис 1909 г. чуть не привел к тому, что примерно $^3/_4$ фракции, по свидетельству А. Столыпина, брата премьер-министра, не сбежали к умеренно-правым: они решили, что звезда П. А. Столыпина

---

[20] С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 3. М. 1960, стр. 546; В. Н. Коковцов. Из моего прошлого. Т. I. Париж. 1933, стр. 483; С. И. Шидловский. Воспоминания. Ч. I., Берлин, 1923, стр. 196.

[21] В. Н. Коковцов. Указ. соч., стр. 458.

[22] «Новое время», 13(26) марта 1911 года.

[23] В. Н. Коковцов. Указ. соч. Т. II, стр. 11.

[24] «Речь», 20 февраля (4 марта) 1912 года.

[25] См. В. Н. Коковцов. Указ. соч. Т. II, стр. 11—12.

закатилась и, следовательно, оставаться больше во фракции нет ни выгоды, ни расчета. Оставление Столыпина предотвратило раскол, тем не менее небольшая группа октябристов в начале третьей сессии вышла из фракции, образовав так называемую фракцию правых октябристов во главе с Гололобовым («гололобовцы»).

Полная зависимость Гучкова от правого крыла фракции и его лакейская политика по отношению к Столыпину и правым вызвали недовольство даже московской торгово-промышленной буржуазии — опоры октябризма, которая все громче стала выражать недовольство политикой своего лидера. Первое «предупреждение» последовало в период дополнительных выборов в Думу осенью 1909 г., когда 1-я московская курия — крепость самого Гучкова — забаллотировала октябристского кандидата, выбрав взамен него кадета. Тем не менее Гучков продолжал ту же тактику. Чтобы как-то приостановить собственное падение и падение своего «центра», Гучков в 1910 г. отказался от председательствования в Комиссии по государственной обороне с тем, чтобы занять пост председателя Думы. По его собственному признанию, он пошел на этот маневр главным образом из-за того, что председатель Думы получал право личного доклада царю. Именно путем таких личных докладов он рассчитывал поправить свои дела [26]. Уже выбор этого средства — последнего якоря спасения — показывает, в каком жалком положении очутился претендент в лидеры «солидного», истинно купецкого либерализма.

Надежды Гучкова, как и следовало ожидать, окончились полным провалом. В марте 1911 г., в связи с трехдневным роспуском палат, о котором шла речь выше, Гучков в знак протеста сложил с себя полномочия председателя Думы. Взамен него председателем был избран М. В. Родзянко. На выборах в IV Думу Гучков был забаллотирован своей 1-й городской курией в Москве.

Потерпела крах и политика главной партии либерально-монархической буржуазии — кадетов. В третьеиюньский период эта партия одновременно переживала два на первый взгляд противоположных, а на деле взаимосвязанных процесса — развала и идейно-организационного сплочения.

Развал был вызван разочарованием и бегством из рядов кадетской партии тех демократических элементов, которые в период I и II Дум шли за кадетами, обманутые конституционными иллюзиями и вывеской «народной свободы». «Сто тысяч членов», которыми кадетские лидеры хвастали, растаяли, как дым, и партия превратилась в весьма малочисленную организацию с жалкими остатками прежних комитетов и групп. Отчет о состоянии кадетских партийных организаций за время с 1 сентября 1908 г. по 1 мая 1909 г. констатировал «упадок интереса к партии» и указывал, что на местах насчитывается всего 22 губернских и 19 уездных групп, весьма немногочисленных [27]. Малочисленность и организационная слабость партии кадетов были настолько велики, что за весь третьеиюньский период ее руководство не смогло провести ни одного съезда. Созывались лишь конференции без определения норм представительства с мест, чтобы скрыть от публики истинное положение дел. В мае 1910 г. в своем докладе на очередной конференции И. И. Петрункевич отметил, что в момент выборов в III Думу у кадетской партии еще имелись остатки местных организаций, теперь же остались одни обломки [28]. На заседании ЦК в октябре 1911 г. он снова указал на продолжающуюся дезорганизацию на местах [29]. В марте 1912 г. лидер кадетов П. Н. Милюков ссылался на то, что в течение минувших

---

[26] «Падение царского режима». Т. VI. 1926, стр. 293.
[27] ЦГАОР, ф. 523, д. 246, л. 25.
[28] Там же, д. 10, лл. 38—39.
[29] Там же, д. 30, л. 116.

пяти лет работала в основном одна парламентская фракция, «но сама партия составляла более или менее фикцию» [30].

В то же время в эти годы, подчеркивал В. И. Ленин, «русский либерализм из добродушной, мечтательной, рыхлой и сырой оппозиции благих пожеланий превратился в крепкую, парламентски вышколенную партию интеллигентных буржуа, которые являются сознательными врагами социалистического пролетариата и революционной расправы крестьянских масс с гг. крепостниками. Клянчить уступок у монархии, грозить ей революциею (ненавистной и страшной для самого либерала), вечно изменять освободительной борьбе и перебегать на сторону врага — такова неизбежная, в силу классовой природы неизбежная, участь либеральной, к.-д., партии» [31]. Эта характеристика как нельзя лучше отражает суть кадетской политики в третьеиюньский период, характер ее эволюции.

Основная слабость кадетской партии состояла в том, что она, несмотря на все усилия, не смогла стать партией, вокруг которой объединилась бы вся русская буржуазия. Главная причина, настораживавшая буржуазию по отношению к кадетам, заключалась в том, что последние ни за что не соглашались порвать со своей «демократической» вывеской, то есть с расчетами на массы, на то, что кадетской партии удастся рано или поздно повести их за собой. Буржуазия, исходя из опыта революции 1905—1907 гг., считала эту тактику крайне опасной и в то же время неспособной достичь цели.

В связи с этим в третьеиюньский период в кадетской партии боролись два течения. Одно из них было представлено «доктринерами» либерализма П. Б. Струве, А. С. Изгоевым, Н. А. Гредескулом, другое возглавлялось «реальными политиками» П. Н. Милюковым, А. И. Шингаревым, А. М. Колюбакиным и др. Первые, словами Изгоева, требовали «перестать косить глаза налево» и целиком перейти на откровенно веховские позиции, чтобы создать наконец единую «деловую» партию буржуазии. Струве и его соратники полагали, что сил одной такой объединенной буржуазии будет достаточно, чтобы, не пугая революцией ни себя, ни царизм, добиться от последнего требуемых «реформ». Вторые не верили в такую возможность.

П. Н. Милюков пытался примирить оба течения лозунгом «параллельного действия», который он сформулировал в своем тактическом докладе на ноябрьской конференции кадетской партии в 1909 году. «Не исключена возможность,— заявил Милюков,— параллельной деятельности демократического конституционализма с непосредственными выражениями желаний народных масс» [32]. Оценивая эту тактику, В. И. Ленин писал: «Упорядоченный буржуазный конституционализм, с монархией во главе, превосходная вещь, но ее не выходит, ее не выйдет без нового движения масс,— вот итог кадетского «совещания». Нам ненавистно движение масс, ненавистна «демагогия» «земли и воли», ненавистны «политические судороги», но мы реальные политики, мы должны считаться с фактами, мы должны направлять свою политику так, чтобы идти параллельно с движением масс, раз оно неизбежно. «Не исключена возможность» успешной борьбы за руководство крестьянскими и городскими (кроме рабочих) массами: попытаемся словами о нашем «радикализме» обеспечить себе местечко в народном движении, как словами об оппозиции его величества мы обеспечили себе местечко в Лондоне» [33].

Многие чрезвычайно яркие примеры и факты показывают, какую

---

[30] ЦГАОР, ф. 579, оп. 1, д. 690, л. 2.
[31] В. И. Ленин. Соч. Т. 16, стр. 264.
[32] «Речь», 26 ноября 1909 года.
[33] В. И. Ленин. Соч. Т. 16, стр. 120.

«виртуозность», изощренность и гибкость проявили кадетские лидеры, пытаясь действовать «параллельно». Но результат, как и следовало ожидать, был для них весьма печальным. Единой «деловой» буржуазной партии они не создали, а что же касается влияния на массы, то представители с мест на кадетских конференциях все время указывали, подобно представителю Нижнего Новгорода на майской конференции 1908 г., что «широкие народные массы относятся к ней (к кадетской партии.— *А. А.*) даже не отрицательно, о ней просто забыли.., о кадетах забыли, смешали их с октябристами» [34].

Сильнейший удар по остаткам престижа кадетов, сеявших в массах конституционные иллюзии, нанесла сама III Дума. Банкротство ее было настолько абсолютным, разочарование настолько всеобщим, а выводы настолько очевидными, что об этом вынуждена была подробно писать и сожалеть вся помещичье-буржуазная пресса, лидеры партий и фракций третьедумского блока. За пять лет своего существования Дума провела только одну действительно крупную реформу — приняла указ 9 ноября 1906 года. Все так называемые «либеральные» законопроекты не увидели жизни. Они либо погибали в стенах самой Думы, либо отвергались Государственным Советом. Из прошедших через Думу 2 197 законопроектов, ставших законами [35], подавляющая часть приходится на так называемую «вермишель», мелкие, порой просто анекдотические, законопроекты, проходившие в законодательном порядке только потому, что они были связаны с отпуском средств. Дума представляла собой арену непрекращающихся распрей, разоблачений и саморазоблачений фракций третьедумского блока. Она вызывала в стране всеобщее презрение, что были вынуждены признать и сами думские деятели.

Дума не сумела сделать того, для чего она была задумана: перевести революционный кризис в конституционный. «Мирный», бисмарковский путь не выходил — таков основной итог третьедумского периода, опыта столыпинского бонапартизма, третьеиюньской системы.

☆

Возникает, естественно, вопрос: в чем причина этого провала?

Приведем ответ лидера октябристов Гучкова. Подлинной властью в третьеиюньский период, писал он, было не официальное правительство во главе со Столыпиным, готовое пойти на «реформы», а «сферы», «реакция», которые этих реформ не хотели. «...По мере того, как страх перед переворотом (то есть перед революцией.— *А. А.*) отходит в область истории, крепнут и растут эти элементы реакции». Этих элементов три: «камарилья», правое крыло Государственного Совета и «объединенное дворянство». В борьбе с ними Столыпин все время отступал и в конце концов потерпел поражение [36].

В либеральной литературе столыпинского периода и последующих лет этот тезис полностью преобладает [37]. Главной, если не единственной, причиной падения царизма либеральные историки и публицисты считали политическую слепоту верхов и дворянства, которые не вняли просьбам и предупреждениям либералов о том, что единственный путь предотвращения новой революции состоит в проведении реформ. Если бы это было сделано, дальновидность, присущая кадетам, проявлена,— революции бы не было и страна спокойно развивалась бы по классическому «конституционному» пути.

---

[34] ЦГАОР, ф. 523, д. 7, л. 17.

[35] См. «Русская мысль», 1912, № 10, стр. 31.

[36] «Падение царского режима». Т. VI, стр. 250, 252.

[37] См., например, показания П. Н. Милюкова Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 4 августа 1917 г. («Падение царского режима». Т. VI, стр. 295 и др.).

К сожалению, этот вопрос еще не получил обстоятельного ответа в советской литературе. Нам представляется недостаточно обоснованной, например, точка зрения одного из исследователей рассматриваемой проблемы, Е. Д. Черменского. Его ответ сводится к следующему: «Однако надежды (либералов.— *А. А.*) на буржуазную эволюцию царской монархии не сбылись... Дворянство цепко держалось за свои привилегии и не желало «потесниться» в пользу буржуазии. Больше того. Оправившись от «революционного испуга» 1905—1906 гг., крепостнические зубры сами переходят в наступление. Они выступают с протестами против «либеральных» законопроектов Столыпина о переустройстве местных учреждений и волостного суда, требуя сохранения сословной обособленности и неравноправности крестьян» [38].

Как видим, речь идет о том, что, оправившись от испуга, вызванного революцией, «реакция», дворянство, «зубры» не захотели дать «реформ».

Правда, на вопрос, чем же объясняется, что крепостники относились резко отрицательно даже к умереннейшим октябристско-кадетским реформам, Е. Д. Черменский дал противоречивый ответ. «Всякое реформирование учреждений царской России было неприемлемо для черносотенных помещиков, прежде всего потому, что подрывало «исторически сложившийся уклад народной жизни», под которым крепостники разумели свою монополию на политическое господство в стране. В то же время крепостники понимали, что октябристско-кадетские реформы в силу глубины русской революции обречены на провал» [39]. Автор пытается совместить здесь несовместимые вещи. Одно дело не давать «реформы» из-за нежелания поступиться монополией на власть, другое — из-за «глубины революции». Причем вторая причина, как видно из контекста, является второстепенной, а в качестве первой, главной причины выдвигается нежелание помещичьего класса терять монополию на власть.

На наш взгляд, эти утверждения неверны. Прежде всего не соответствует действительности положение Е. Д. Черменского, что «всякое реформирование учреждений царской России» подрывало монополию политической власти крепостников-помещиков. Ведь и сам Е. Д. Черменский отмечает, что крепостники не хотели пойти на «умереннейшие» октябристско-кадетские реформы, и даже берет в кавычки слово «реформы». Неужели такие реформы, будь они осуществлены, подорвали бы монополию царизма на власть? О каких реформах шла речь в третьеиюньский период? Какую угрозу политическому всевластию царизма мог, например, таить законопроект о старообрядческих общинах, внесенный правительством, принятый Думой и отвергнутый затем Государственным Советом? Какую угрозу царизму содержали еще два аналогичных вероисповедных законопроекта, которые постигла та же судьба,— законопроекты о добровольном снятии сана и о переходе из одного вероисповедного состояния в другое? Точно так же абсолютно не затрагивали и не могли затронуть власти царизма невероятно куцые «реформы» о местном суде, поселковом управлении, волостном земстве, распространении земского положения 1892 г. на неземские губернии и т. п. А именно этими «реформами» исчерпывались притязания либералов. Ведь все их упреки в адрес Столыпина, обвинение его в «неискренности» базировались именно на том, что он не согласился на октябристскую программу реформ, предложенную самим правительством, ни в малейшей степени не покушавшуюся на всевластие царизма. Противопоставляя себя кадетам, октябристы всегда подчеркивали, что они в принципе не допускают борьбы за захват власти, и именно в этом состоит

---

[38] Е. Д. Черменский. Борьба партий и классов в IV Государственной думе (1912—1917 гг.). Ч. I, М., 1947, стр. 22—23 (рукопись докторской диссертации).

[39] Е. Д. Черменский. Указ. соч., стр. 24.

их огромное преимущество перед кадетами, дает им базу для действительно плодотворной совместной работы с «исторической властью», с царизмом.

Думать же, что все перечисленные «реформы» правительство не собиралось проводить с самого начала, то есть с момента их разработки,— значит всю затею с третьеиюньской Думой объявить совершеннейшей бессмыслицей, и Е. Д. Черменский, разумеется, такой мысли ни на минуту не допускает. «Миссия октябристской Думы,— писал В. И. Ленин,— по замыслу правительства, состоит в том, чтобы завершить революцию прямой сделкой старой власти с помещиками и крупнейшей буржуазией на основе известного минимума конституционных реформ» [40].

Поставим тот же вопрос несколько иначе. Были ли перечисленные проекты «реформ» более угрожающими в смысле покушения на «историческую власть», чем сама уже реально существующая III Дума? Конечно, нет. Несмотря на все свое бесправие, Дума по непосредственному влиянию, какое она могла оказывать на правительство, была несравненно значительнее всех этих «реформ», вместе взятых, будь они осуществлены. И тем не менее «власть,— как справедливо подчеркивает Е. Д. Черменский,— не ставила Думу ни во что. Царские министры как бы соревновались, кто из них выкажет большее пренебрежение к Государственной думе» [41]. Е. Д. Черменский пишет далее о третировании Думы, ссылаясь на цитированную выше фразу Коковцова об отсутствии в России парламента.

Наконец, можем вспомнить, что в начале 60-х годов XIX в. царизм провел ряд реформ, которые были намного значительнее тех, каких просили либералы 3-го июня, однако мы же не говорим, что они в чем-то ограничивали самодержавную власть.

Дело обстояло как раз наоборот. Царизм в третьеиюньский период пытался дать «реформы», но не смог их дать, и причиной тому была обстановка в стране, характеризуемая как общая революционная ситуация. «С 1908 г., примерно, по 1915 г.,— говорится в тезисах ЦК ВКП(б), одобренных XIV партийной конференцией (апрель, 1925 г.),— большевизм считал, что непосредственно-революционной ситуации в России уже нет, но о б щ а я р е в о л ю ц и о н н а я с и т у а ц и я, н е и з б е ж н о ч р е в а т а я в т о р о й р е в о л ю ц и е й, н а л и ц о. С 1908 по 1911 г. самодержавие, казалось, стабилизируется... И тем не менее общая революционная ситуация оставалась. И большевики строили всю свою тактику на предвидении второй революции» [42].

Могут возразить, что, во-первых, В. И. Ленин не определял период столыпинской реакции словами «революционная ситуация» и что у него вообще нет деления революционной ситуации на непосредственную и общую. Во-вторых, трудно себе представить 1908—1910 гг. годами революционной ситуации, когда всем известные факты говорят о прогрессирующем падении революционного движения.

Действительно, В. И. Ленин характеризовал третьеиюньский период другими словами, но их содержание выражает сущность термина «революционная ситуация», который он, как известно, впервые употребил значительно позже. Уже в феврале 1908 г. В. И. Ленин писал, что «правительство не управляет, а воюет, что состояние России есть состояние с трудом сдерживаемого восстания» [43]. «Элементы нового, общенародного политического кризиса,— писал он в другом месте,— не только не

---

[40] В. И. Ленин. Соч. Т. 13, стр. 52.
[41] Е. Д. Черменский. Указ. соч. Ч. I, стр. 29.
[42] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. II, Изд. 7-е, стр. 164.
[43] В. И. Ленин. Соч. Т. 13, стр. 402.

устранены, а напротив, еще углубились и расширились»[44]. «Пусть ликуют и воют черносотенные зубры в Думе и вне Думы, в столице и захолустьи...— предсказывал В. И. Ленин в 1909 г., в самый разгар реакции,— ни одного шагу не может делать премудрый г. Столыпин, не приближая к падению эквилибрирующее самодержавие, не запутывая нового клубка политических невозможностей и нелепиц, не прибавляя новых и свежих сил в ряды пролетариата, в ряды революционных элементов крестьянской массы»[45].

Что же касается деления революционной ситуации на общую и непосредственную, то укажем, что работа В. И. Ленина «Крах II Интернационала», где он впервые вводит и объясняет формулу «революционная ситуация», основана на этом разделении. «...Революционная ситуация,— писал он,— в большинстве передовых стран и великих держав Европы — налицо»[46]. И это писалось в середине 1915 г., когда с точки зрения догматиков, каковыми были лидеры II Интернационала, дело, казалось бы, обстояло совсем наоборот: массы охвачены угаром шовинизма, рабочее движение сошло на нет, правительства опираются на поддержку «своих» «социалистов» и т. д. и т. п. Речь шла здесь о такой обстановке, которая в любой момент может привести к непосредственным революционным выступлениям масс. «...Объективная революционная ситуация, созданная войной и все расширяющаяся, все углубляющаяся,— писал В. И. Ленин в той же работе,— неизбежно порождает революционные настроения, закаляет и просвещает всех лучших и наиболее сознательных пролетариев. В настроении масс не только возможна, но становится все более и более вероятной быстрая перемена, подобная той, которая связана была в России начала 1905 г. с «гапонадой», когда из отсталых пролетарских слоев в несколько месяцев, а иногда и недель, выросла миллионная армия, идущая за революционным авангардом пролетариата»[47].

Если внимательно вдуматься в эти ленинские слова, то не останется сомнений в том, что они полностью применимы и к периоду столыпинской реакции — и в этом состоит ответ на возможное второе возражение. В самом деле, каждый, кто изучал этот период, не мог не обратить внимание на то, что достигнутый Столыпиным «покой» был крайне непрочным, почти иллюзорным, что массы молчали только потому, что они были истощены, понеся огромные жертвы в 1905—1907 годах. Немного ниже будет показано, что убеждение в непрочности «умиротворения» страны было всеобщим — как в верхах, так и в низах. Лучшим доказательством этого положения служит невероятная краткость периода столыпинской реакции в смысле спада рабочего и революционного движения — всего три года.

В связи с этим приведем оценку столыпинской реакции, данную одним из видных деятелей большевистской партии, С. И. Гусевым. Выступая против «схоластического, начетнического усвоения ленинизма...», С. И. Гусев отмечал: «Весь период 1908—1912 гг. надо, по существу, рассматривать как паузу в развитии революции», как паузу, не разделявшую, а соединявшую революционный подъем 1905 — 1907 гг. и 1912—1914 годов»[48]. Придавая этой мысли важное значение, С. И. Гусев пояснил ее наглядным сравнением столыпинской реакции с реакцией, наступившей во Франции после поражения революции 1848 года. «Можно считать,— писал он,— что во Франции длительная пауза между 1848 и

---

[44] Там же, стр. 103.
[45] В. И. Ленин. Соч. Т. 15, стр. 326.
[46] В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 192.
[47] Там же, стр. 230.
[48] С. И. Гусев. Из истории борьбы за строительство большевистской партии. «Вопросы истории», 1956, стр. 17, 18.

1871 гг. была такой паузой, которая отделяла одну революцию от другой. А в России пауза между 1905—1907 гг. и революционным подъемом 1912—1914 гг. была паузой, соединявшей эти две революции» [49]. По существу, перед нами та же мысль об общей революционной ситуации.

В чем же проявлялась эта революционная ситуация в России в условиях столыпинской реакции, нисходящего до 1910 г. уровня революционного движения? Прежде всего и главным образом в революционном настроении народа. Именно это настроение и послужило тем непереходимым порогом, за которым открывался путь третьеиюньским реформам. О революционном настроении народа, о росте этого настроения в ужасе писали все помещичье-либеральные газеты и журналы, кричали с думской трибуны партнеры по думскому блоку, доносила охранка, говорили верхи.

На кадетских конференциях 1908—1909 гг. лейтмотивом всех выступлений делегатов с мест, лучше знавших настроения масс, чем лидеры партии, было указание на угрожающий рост революционных настроений в стране. Возражая Гредескулу, ссылавшемуся на прекращение революционного движения как на факт, свидетельствовавший якобы о начавшемся повороте масс от революции к «конституции», представитель Нижнего Новгорода заявил: «Едва ли эта точка зрения на освободительное движение разделяется всеми; есть взгляд, что оно может вспыхнуть с новой силой и даже не в очень далеком будущем» [50]. На то же самое указывал и представитель Риги: «Наоборот, новая вспышка революции неизбежна, и... к.-д. партия должна быть готова при возникновении движения направить его по надлежащему руслу» [51]. Об этом же говорили делегаты Вильно, Рязани и Чернигова [52]. Член ЦК партии кадетов Свечин на октябрьской конференции 1908 г. высказался на этот счет весьма определенно. «После первой революционной волны,— предостерегал он,— будет уже не волна, а потоп, который смоет все без разбора. Наряду с приниженностью в деревне растет беспредельная злоба... Политически крестьянин вырос, он говорит о своих правах, осознал свою силу как силу массы» [53]. На майской конференции 1909 г. представитель Нижнего Новгорода заявил: «...Является всеобщим убеждением, что III-й Думе грош цена. Решение вопроса... находится в другой плоскости, чем Дума...» [54]. Таких заявлений можно привести сколько угодно. И это говорилось в 1908—1909 гг., в самый разгар реакции. Разумеется, чем дальше, тем подобные высказывания делались чаще и решительней.

О настроениях крестьянства лучшее представление дают выступления крестьянских депутатов в Думе при обсуждении указа 9 ноября 1906 года. Оказалось, что не только трудовики, но и все правые крестьяне, просеянные через 10 сит третьеиюньского избирательного закона, занимали в аграрном вопросе, по существу, революционную позицию. Законопроект 42-х, выдвинутый правыми крестьянами в качестве закона, параллельного указу 9 ноября, В. И. Ленин охарактеризовал как на деле революционный проект [55]. Кадеты вынуждены были признать, что законопроект 42-х левее их программы принудительного отчуждения, которую они выдвигали в период первых двух Дум. Эта позиция крестьян была фактом капитального значения.

Настроения рабочего класса, указывал В. И. Ленин в 1908 г., нашли

---

[49] Там же, стр. 25.
[50] ЦГАОР, ф. 523, д. 7, л. 17
[51] Там же, л. 18.
[52] Там же, лл. 19, 21; д. 8, л. 101.
[53] Там же, д. 7, л. 34.
[54] Там же, д. 8, л. 100.
[55] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 15, стр. 284.

весьма яркое выражение в крылатой фразе одного рабочего: «Погодите, придет опять 1905 год» [56].

В таких условиях, при таких настроениях масс реализация намеченной программы «реформ» делалась невозможной. Реформы, отмечал В. И. Ленин, имеют двоякую природу — в зависимости от обстановки они либо наносят удары революции, либо, наоборот, приближают ее [57]. В третьеиюньский период они неизбежно выполняли бы только свою вторую функцию. Царизм это отлично понимал и чувствовал, исходя из своего политического опыта. Он хотел этих «реформ», но боялся их, потому что при революционной ситуации любые либеральные реформы, какими бы маловажными они ни были сами по себе, будут в конечном итоге способствовать созданию условий, расширяющих и углубляющих революционную самодеятельность масс, направленную на свержение существующего режима, отнюдь не на ограничение политической монополии царизма.

Сошлемся для примера на яркий документ, введенный в научный оборот Е. Д. Черменским. Это записка Совета объединенного дворянства, адресованная Столыпину, в которой мотивировано отрицательное отношение Совета к проекту волостного земства. Идея мелкой земской единицы признается Постоянным советом несвоевременной из-за антипомещичьих настроений крестьянства. «С прискорбием приходится засвидетельствовать,— говорилось в записке,— что во многих местностях деревня и помещичья усадьба представляют в настоящее время два враждебных стана: нападающих и обороняющихся. Удобен ли такой момент...» и т. д. [58].

Весьма точно суть разногласий между либералами и правыми по поводу реформ выразил Замысловский еще на первой сессии Думы. Маклаков увидел, заявил он, «что из этого (из реформ.— *А. А.*) ничего худого не произойдет. А мы боимся, что если все это сейчас ввести, то повторится то самое, что наступило после 17 октября» [59].

Либералы придерживались противоположной точки зрения. Они считали, что, если требуемые ими «реформы» не будут даны, новая революция неизбежна.

В связи с рассмотренным выше «министерским» кризисом 1909 г. П. Струве писал, что аграрная политика Столыпина «со всеми ее следствиями стоит в кричащем противоречии с его остальной политикой. Она изменяет экономический «фундамент» страны, в то время как вся остальная политика стремится сохранить в возможно большей неприкосновенности политическую «надстройку» и лишь слегка украшает ее фасад» [60]. Оценивая политические итоги 1909 г., П. Н. Милюков отмечал: «Постепенно уничтожаются все результаты, добытые манифестом 17 октября, возрождается революционное настроение, начинавшее уступать место строго-конституционному, и, таким образом, увеличивается острота борьбы и опасность столкновений...» [61]. «То, что называют «министерским» кризисом,— писало, в свою очередь, прогрессистское «Слово»,— имеет важное и общественное значение... Одна за другой за

---

[56] См. там же, стр. 38.

[57] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 6, стр. 322; т. 12, стр. 205—206.

[58] Цит. по Е. Д. Черменский. Указ. соч., стр. 25. П. Н. Дурново, требуя в мае 1914 г. от Государственного Совета отклонения законопроекта о волостном земстве, мотивировал это тем, что опасно допускать к местному хозяйству «тех самых крестьян, которые 8 лет тому назад грабили и жгли землевладельцев и которые до настоящего времени хранят в себе земельные вожделения за счет помещиков» («Государственный Совет». Стенографические отчеты. Сессия IX, стб. 2300; см. также Е. Д. Черменский. Указ. соч., стр. 346).

[59] «Государственная дума, 3-й созыв». Стенографический отчет. Сессия I. Ч. 2, стб. 255.

[60] «Русская мысль», 1909, № 11, стр. 149.

[61] «Речь», 1 января 1910 года.

эти годы с политической сцены сходили общественные группы, но перед исчезновением октябристов невольно охнешь и откроешь рот от изумления. Ведь если устанавливающейся системе управления Россией не нужны даже такие лица, как Гучков, оказавший громадную моральную поддержку правительству еще в кровавые дни московского восстания,— то кто же нужен?» [62].

В этих словах — гвоздь вопроса, центр тяжести всей проблемы. Не появились даже октябристские «реформы». Царизм не мог завершить своего превращения в буржуазную монархию, реализовать второй шаг даже в пределах столыпинско-октябристской программы. Препятствием этому был непрерывно зреющий революционный кризис. Особенность положения состояла в том, что обе стороны были в равной мере правы. Дать реформы означало приблизить революцию, не дать их — равязать ее с другого конца.

Помимо всех тех последствий, которые влек за собой этот факт для Думы и партий думского блока (о чем шла речь выше), он был также источником непрекращающегося кризиса верхов в его самых тяжелых и губительных для царизма формах, таких, как полное засилье «камарильи», «темных сил», с которыми столь безуспешно пытался бороться Гучков, как разложение и падение авторитета власти. Коль скоро нельзя было двигаться по избранному пути и в то же время отказаться от него, борьба в верхах неизбежно должна была привести к тому, что официальное правительство становилось безвольной игрушкой разных придворных интриг, группировок и влияний. Именно в это время начинается распутинщина и именно поэтому Гучков показывал Чрезвычайной следственной комиссии, что он «еще до физической смерти Столыпина изверился в возможности мирной эволюции для России» [63]. В связи с этим можно сделать следующий вывод: исход борьбы официального правительства с неофициальным целиком определяется возможностями буржуазной эволюции царизма; при наличии таких возможностей победа остается за официальным правительством, при исчерпании их хозяином положения становится «камарилья».

С кризисом третьеиюньской системы и общей революционной ситуацией в стране тесно связаны ленские события. «Ленский расстрел,— писал В. И. Ленин,— явился поводом к переходу революционного настроения масс в революционный подъем масс» [64]. Произошла та самая «быстрая перемена», которая, как подчеркивал В. И. Ленин, может произойти по любому поводу, когда налицо революционная ситуация, выраженная в революционном настроении масс.

Из контекста ленинской статьи «Революционный подъем» видно, что господство революционного настроения В. И. Ленин распространяет на весь период реакции, включая и 1908—1910 годы. Отмечая, что «известный поворот в настроении» наступил с конца 1910 г., В. И. Ленин, как нам представляется, имел в виду переход от простого настроения к активному действию. «1911-й год,— указывал он,— дает нам медленный переход в наступление со стороны рабочих масс... Усталость, оцепенение, порожденные торжеством контрреволюции, проходят... потянуло опять к революции» [65]. Как видим, речь идет о переходе к активным действиям, от обороны к наступлению. Такое же объяснение дает и резолюция Пражской конференции РСДРП «О современном моменте и

---

[62] «Слово», 30 апреля 1909 года.
[63] «Падение царского режима». Т. VI, стр. 253.
[64] В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 86.
[65] Там же.

задачах партии». «Рабочие стачки 1910—1911 гг., начало демонстраций и пролетарских митингов... и т. д.,— говорится в резолюции,— все это есть проявления нарастающего революционного настроения масс против режима 3 июня» [66].

В этой связи небезынтересны те признания, которые были сделаны участниками третьеиюньского блока от либералов до правых по поводу ленских событий. Они вынуждены были признать, что ленские события были результатом деятельности III Думы. «Возможность таких событий после пятилетнего существования третьей Думы,— говорилось в одной из передовых «Речи»,— служит лучшим показателем итогов ее работ» [67]. «Запрос о ленской трагедии,— отмечалось в другой статье,— красноречиво подводит итоги пятилетней работы Думы на пользу внутреннего мира...» [68]. Все усилия по «успокоению» пошли прахом, контрреволюция поставлена перед фактом полного возрождения в рабочем и студенческом движении методов и тенденций революции 1905—1907 годов. Недаром вся праволиберальная печать, после того как рабочий класс ответил на Ленский расстрел массовыми стачками и демонстрациями, заговорила об аналогии с 9-м января и 1905 годом. Показательна в этом отношении статья Меньшикова под характерным названием «Самозванная власть», посвященная первомайской демонстрации 1912 г. в Петербурге. Больше всего в этой демонстрации испугало нововременского публициста ее организованность. Рабочие, писал он, вели себя, «как бы подчиняясь невидимой дисциплине, но дисциплинированность народных масс в подобных случаях, пожалуй, опаснее, чем шумный безудерж обыкновенной толпы. Именно дисциплинированность отличает политическое движение от полицейского беспорядка. Очевидно, рабочий пролетариат Петербурга уже сорганизован для некоторых совместных действий. Очевидно, он имеет над собой им признанную какую-то тайную власть, более влиятельную, чем официальное правительство. Вот эти два обстоятельства очень тревожны» [69]. «Для бедного населения окраин,— развивает далее Меньшиков свою основную мысль,— революционные шествия всегда составляют долгопамятные события, воспитывающие умы, подготовляющие к новым — еще более внушительным выступлениям. С этой точки зрения громадную демонстрацию 1 мая в Петербурге следует считать удавшейся кому-то. Надо было заявить присутствие в столице огромной, революционно настроенной массы — и это сделано. Надо было показать сплоченность, дисциплинированность этой массы — и это показано. Надо было убедить в бессилии петербургской полиции предупредить забастовку и оборвать ее — и это тоже сделано. Все это пока еще не слишком страшно, ибо не перешло в открытый мятеж,— но это тревожно в том смысле, что революционные вожаки уже держат пролетариат в повиновении, в условиях постепенного накапливания сил и целесообразной их траты» [70].

Меньшиков специально подчеркивает, что первомайская демонстрация состоялась, несмотря на то, что правительство накануне выступило перед рабочим классом со своими двумя главными козырями, которые не произвели на рабочих ни малейшего впечатления. «Первомайская демонстрация еще и тем нехороша,— уныло вещал Меньшиков,— что является некоторым образом ответом на два крупных факта: назначение ревизующего, так сказать, сверхсенатора (то есть не только сенатора, как обычно, но еще и члена Государственного Совета, каковым был Манухин.— *А. А.)* для расследования ленских событий и принятия в Г. Думе

---

[66] «КПСС в резолюциях...». Ч. I, стр. 272.
[67] «Речь», 10(23) апреля 1912 года.
[68] «Речь», 11(24) апреля 1912 года.
[69] «Новое время», 3(16) мая 1912 года.
[70] Там же.

закона о страховании рабочих. Оба обстоятельства должны бы были подействовать успокоительно на рабочее население, но успокоения не получилось»[71]. Вывод автора крайне пессимистичен: правительство бессильно, «вражда к государству организуется почти на глазах у власти»[72].

Те же мотивы развивала и либеральная печать. «Вернулось дооктябрьское отношение к власти»,— писал в мае 1912 г. в «Русской мысли» некто «Современник»[73]. «Знаменитая ленская бойня,— писал год спустя его политический соратник,— была могилой дореформенного способа усмирения рабочих забастовок по типу когда-то прогремевших фанагорийцев». Оставлена надежда и на «зубатовщину»[74].

Крах третьеиюньского режима вынужден был признать и П. Струве. «Как показывает современное положение вещей,— писал он,— эпоха 1907—1913 гг.— эпоха так называемого «успокоения» — была потеряна в смысле органического укрепления власти»[75]. Причина состояла в провале третьеиюньской системы, в полном банкротстве того главного, что она должна была осуществить. «Русская реакция 1907 г. и последующих годов,— говорилось в заключение,— тем мелка и бессильна, что она не смогла усвоить идей русской революции, претворить и выработать их в государственную жизнь...»[76].

Ленская стачка не только подвела итоги работы III Думы, но и нанесла ей последний тяжелый удар, сметая напрочь остатки конституционных иллюзий.

Общественное возбуждение, вызванное ленскими событиями, было так велико, что даже октябристы внесли свой запрос, а националисты заявили, что будут поддерживать спешность запросов, подкрепив это заявление собственным вопросом к правительству о причинах происшедших событий. Обсуждение спешности запросов 9 апреля окончилось тем, что Дума не смогла принять спешность из-за... отсутствия кворума. К моменту голосования в зале оказалось всего 112 человек[77]. Лишь на другой день «с великими усилиями» собрали кворум и спешность, и запрос (кадетов) были приняты[78].

Даже Меньшикова поразил этот факт. «Возмутительнее всего,— негодовал он,— что почти две трети депутатов отсутствовали. Зал нашей нижней палаты казался пустыней, и наполнить его не могло даже ожидание «большого» (считай: скандального) дня. Под конец своей вообще плохой работы третья Гос. Дума как будто совсем впадает в паралич»[79]. Пресса «ответственной оппозиции», естественно, возмущалась еще громче[80]. Но это уже ничему не могло помочь, ибо дело было действительно в параличе Думы. Цитированная выше передовая «Речи», связывавшая Ленский расстрел с итогами работы Думы, указывала, что между этими итогами и отсутствием кворума «есть органическая связь». Думе уже «некуда торопиться»[81]. Эпизод с кворумом показал, что сами депутаты смотрели на Думу как на политический труп, отдавая себе полный отчет в том, что вопросы, связанные с Ленским расстрелом, уже решаются и будут решаться не Думой, а открытой классовой борьбой.

Тем не менее предание гласности фактов вопиющей эксплуатации ленских рабочих, связей «Лензото» со «сферами» и планомерно го-

---

[71] Там же.
[72] Там же.
[73] «Русская мысль», 1912, № 6, стр. 156.
[74] А. С. Изгоев. Летние забастовки. «Русская мысль», 1913, № 8, стр. 2.
[75] П. Струве. Оздоровление власти. «Русская мысль», 1914, № 1, стр. 149.
[76] Там же, стр. 158.
[77] «Государственная дума. 3-й созыв». Стенографический отчет. Сессия V. Ч. 3, стб. 1714.
[78] Там же, стб. 1825; «Русская мысль», 1912, № 5, стр. 130.
[79] «Новое время», 14(27) апреля 1912 года.
[80] «Русская мысль», 1912, № 6, стр. 129.
[81] «Речь», 10(23) апреля 1912 года.

товившейся полицейской провокации, неизбежно приведшей к расстрелу, и т. д. и т. п., не говоря уже о «знаменитой» фразе министра Макарова, сыграли немалую роль в дальнейшем развенчании всего третьеиюньского режима, правительства и Думы. Поскольку эти факты уже изучены и описаны, снова говорить о них нет никакой надобности. Но два момента заслуживают внимания.

Первый из них связан с позицией правых по отношению к Ленскому расстрелу. Факт был таков, что все они самым решительным образом напали на «Лензото» и горой встали на защиту «бедных рабочих», жестоко эксплуатируемых заправилами компании. Речи Маркова 2-го, Замысловского, Половцева и др. подымались до самых высоких нот обличения и негодования, с одной стороны, и беспредельного сочувствия — с другой. Тон всему этому задала суворинская газета. Вот несколько типичных выражений газеты, которые усердно варьировались и думскими правыми: «Зарвавшиеся монополисты» (заголовок редакционной статьи), «круговая кабала», «...господство монополистов, потерявших меру в своих притязаниях и не боящихся для защиты своих привилегий проливать кровь рабочих, создающих им их колоссальное богатство» (выражения, взятые из этой статьи) [82]. «Несчастные рабочие», «каторжный труд», Дума должна добиться «возмездия виновным»,— восклицал в своей статье «Жертвы биржи» Меньшиков [83].

Правда, многое объясняется здесь тем, что ленские события оказались для черносотенцев своеобразной «золотой жилой» в том отношении, что позволили им связать их с такими любимыми для них сюжетами, как антисемитизм, вред проанглийской ориентации, злокозненность министерства торговли и промышленности, пренебрегающего якобы интересами дворянства в угоду капиталистам, и т. д. Они просто не могли нарадоваться своей находке, которая позволяла им вволю порезвиться по части, например, таких тем, как «Евреи и золото» [84], «В царстве Гинсбургов» [85] и др., поднять демагогический крик о распродаже богатств страны коварным английским капиталистам, злорадно напоминать, что Тимирязев, один из заправил компании,— бывший министр торговли и промышленности в кабинете Витте и, следовательно, кадет, и т. д. и т. п. Но было бы наивно думать, что, не будь этих привходящих обстоятельств, позиция правых была бы иной. Социальная демагогия была у черносотенцев одним из средств защиты экономических интересов дворянского сословия и отражением традиционной политики царизма, основанной на уваровской формуле («народность») и чиновничьей «опеке» над рабочими и крестьянством, которая в третьеиюньский период приобрела еще добавочные бонапартистские черты.

Громы и молнии правых в адрес капиталистов были отнюдь не новы, они продолжались в Думе в течение всех пяти лет. В частности, перед этим правые проводили те же идеи в связи с обсуждением законопроектов о страховании рабочих. Новым и важным здесь было то, что эти выступления носили характер итога, смысл которого состоял в том, что, отправившись пять лет назад в совместный путь, помещики и верхи буржуазии ни на шаг не продвинулись вперед. Противоречия усилились, недовольство друг другом сильно возросло, и в предстоящей избирательной кампании в IV Думу это обстоятельство должно было сыграть свою немаловажную роль.

Другой важнейший момент, связанный с ленскими запросами, можно характеризовать как политическое торжество социал-демократической фракции над Думой черносотенцев и контрреволюционных

---

[82] «Новое время», 8(21) апреля 1912 года.
[83] «Новое время», 10(23) апреля 1912 года.
[84] «Новое время», 8(21) апреля 1912 года.
[85] «Новое время», 6(19) апреля 1912 года.

либералов. Дума была вынуждена покорно и безответно выслушать не только обвинение в том, что она в равной мере с правительством отвечает за ленскую бойню [86], но и проглотить слова И. П. Покровского в ответ на фразу министра внутренних дел, что на таких министров, как Макаров, необходимо надеть собачий намордник [87]. В своем дневнике октябрист Клюжев пишет, что Родзянко после заседания кричал на своих собратьев-октябристов за то, что они не ходят на заседания, оставляют его в меньшинстве и это приводит к тому, что «на министров надевают намордники» [88].

Для всех, кто еще в лагере контрреволюции был способен задумываться над завтрашним днем, было ясно, что отныне течение политической жизни России будет определяться событиями, развязанными ленской стачкой. Этот вывод рождал другой: на будущую, IV Думу надежд по части мирного конституционного развития, на то, что она все-таки сумеет стать центром политического притяжения, не было почти никаких.

Вскоре после начала работы IV Думы Изгоев писал: «Нам уже не раз приходилось отмечать, что мы не придаем нынешнему народному представительству особого значения. Девять десятых русской жизни течет вне фарватера Государственной Думы» [89]. В статье «Перед Вальпургиевой ночью» Изгоев писал: «Все признаки свидетельствуют о том, что приближается Вальпургиева ночь. Прогрессивные творческие элементы не в силах теперь устранить подымающиеся «клубы дыма». Все их усилия должны направиться на то, чтобы к тому моменту, когда дым рассеется, страна обладала большими кадрами влиятельных, знающих, смелых общественных деятелей, объединенных друг с другом в союзную силу» [90]. Это уже была совершенно другая песня: в ней уже не говорилось о том, как не допустить революцию, а давались советы, как овладеть ею «влиятельным и объединенным общественным деятелям», то есть буржуазии и помещикам, когда она свершится, вырвать плоды ее из рук народа.

Изгоев был «доктринером» либерализма, Милюков — его «реальным политиком». Первый теоретизировал, второй действовал. «Еще совсем недавно, в октябре 1911 г., он требовал от своей партии на выборах в IV Думу самых умеренных лозунгов, платформы, основанной на принципе «конституция попроще», резко возражал против выдвижения лозунга о всеобщем избирательном праве и т. д.» [91], а уже в 1913 г. он требует голосовать против части или всего бюджета, еще раньше выдвигает лозунг всеобщего избирательного права, а главное, требует связи с массами. Последний вопрос становится предметом частого обсуждения и забот кадетского руководства [92]. Это означало, что революция ушла уже далеко вперед.

Одним из важнейших итогов ленских событий явился крах ликвидаторства.

Если вдуматься, то центральная задача третьеиюньской системы заключалась в создании таких условий, которые обеспечили бы победу оппортунизма в рабочем движении. Достижение такого результата решило бы вопрос о гегемонии в буржуазно-демократическом движении в пользу либеральной буржуазии, а это и означало бы победу «конституционного» пути развития страны. Для осуществления указанной цели

---

[86] «Государственная дума, 3-й созыв». Стенографический отчет. Сессия V. Ч. 3, стб. 1676.

[87] Там же, стб. 3332.

[88] ЦГИАЛ, ф. 669, д. 10, тетрадь 13, л. 9.

[89] А. С. Изгоев. Перед Вальпургиевой ночью. «Русская мысль», 1913, № 4, стр. 147.

[90] Там же, стр. 148.

[91] ЦГАОР, ф. 523, д. 30, лл. 120—121.

[92] Там же, л. 252; д. 31, лл. 23, 41.

требовались три условия: 1) физическое уничтожение вождей революционной социал-демократии и подавление сознательной части рабочего класса — это пытался сделать Столыпин; 2) развенчание революции в глазах масс, дискредитация революционных методов борьбы, оплевывание революции — это делали кадеты и ликвидаторы; 3) осуществление реформ — это должны были делать Столыпин и кадеты вместе. Этого не произошло.

Еще во время избирательной кампании в III Думу Милюков объяснил партнерам по контрреволюции, что предпочитает видеть социал-демократов внутри Думы, а не на улице [93]. Состав социал-демократической фракции Думы и ее первоначальные ошибки настроили кадетов на самый оптимистический лад. Но уже дополнительные выборы в Петербурге по 2-й курии осенью 1909 г. принесли им первое жестокое разочарование. Оказалось, что ликвидаторы целиком выключены из избирательной кампании; борьба с кадетским кандидатом шла под руководством большевиков на неурезанных лозунгах 1905 г.; народники пошли на левый блок, безоговорочно приняв большевистскую избирательную платформу; социал-демократический кандидат получил больше голосов, чем его предшественник во время основных выборов. И все это происходило в самый разгар жесточайшей реакции, тогда, когда большевики переживали исключительно трудное время. Оценивая итоги дополнительных выборов, «Пролетарий» писал: «Это было приложение формулы «диктатура пролетариата и крестьянства» к маленькому политическому выступлению в 1909 году» [94].

По мере того как все больше обнаруживался провал III Думы, гасли и надежды кадетов на торжество ликвидаторства. Но они еще были, и последнее слово еще не было сказано. Его сказали ленские рабочие. «Нет ничего более лживого,— писал В. И. Ленин,— как либеральная выдумка, повторяемая вслед за ликвидаторами Троцким в венской «Правде», будто «борьба за свободу коалиций является основой как ленской трагедии, так и ее могучего отголоска в стране» [95].

Правоту ленинских слов прежде всего подтвердили сама ленская стачка, весь ее ход и конечный результат. В течение буквально нескольких месяцев разношерстный, сравнительно отсталый отряд рабочего класса превратился в поразившую всю страну стойкую, исключительно дисциплинированную, спаянную силу, показавшую образцы выдержки и организованности. В конечном итоге рабочие ленских приисков под руководством большевиков выступили против царизма в целом. Когда накануне отъезда Манухина из нескольких тысяч рабочих ни один не проголосовал за резолюцию с выражением верноподданнических чувств царю, которую сенатор хотел привезти в качестве подарка Николаю II,— это был факт огромного принципиального значения. Недаром по получении известия об итогах голосования Манухина поразило нечто вроде того, что тогда называли апоплексическим ударом, а теперь инсультом [96].

В обстановке нарастающего революционного подъема после ленских событий весьма тщетными и жалкими оказались попытки ликвидаторов внести раскол в ряды пролетариата, их стремление подменить революционную борьбу рабочих «петиционной кампанией», борьбой за «свободу коалиций». Только в большевистских революционных лозунгах народ находил четкое выражение своих стремлений, свидетельством чего являются, в частности, итоги выборов в IV Думу по рабочей курии. Громадное влияние партии большевиков, ее печатных органов и ее лозунгов

---

[93] «Речь», 28 июня 1907 года.

[94] «Пролетарий», № 49, 3(16) октября 1909 года.

[95] В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 86.

[96] М. И. Лебедев. Воспоминания о ленских событиях 1912 года. М., 1957, стр. 123; А. Тюшевский. К истории забастовки и расстрела рабочих на ленских приисках. Минск., 1923, стр. 70.

среди народных масс вынуждена была признать даже либеральная пресса. Рассматривая вопрос о конечном исходе борьбы между большевиками и ликвидаторством как вопрос жизни и смерти, признавая, что рабочий класс целиком идет за социал-демократией, что «Правда» побивает «Луч» в смысле влияния, либеральная пресса, весьма пессимистично настроенная, писала тогда: «Если напору реакции не будет положен предел, если конституционных сил России окажется недостаточно для мирного государственного преобразования, то большевизм несомненно будет победителем и загонит ликвидаторов в задний угол» [97].

Так оно и случилось. Ленская стачка, сыгравшая особую роль в революционно-классовом воспитании пролетариата, вызвала могучий рост революционного рабочего движения, в ходе которого ликвидаторство потерпело полный крах. Подавляющее большинство российского пролетариата было завоевано большевиками на свою сторону. Ленская стачка нанесла сильнейший удар по третьеиюньской монархии и открыла прямую дорогу к новой революции. В этом заключалось ее великое историческое значение.

---

[97] «Русская мысль», 1913, № 6, стр. 125.

А. И. ГЕРЦЕН И РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ — ПРЕДШЕСТВЕННИКИ ПЕРВОЙ «ЗЕМЛИ И ВОЛИ»

Я. И. Линков

В текущем году советская общественность широко отмечает 150-летие со дня рождения Александра Ивановича Герцена — великого русского революционера-демократа, философа-материалиста, блестящего публициста, сыгравшего «великую роль в подготовке русской революции» [1]. В выяснении этой роли большое научное значение имеет изучение идейного влияния А. И. Герцена и его изданий на революционные организации — предшественники «Земли и воли» 1860-х годов.

«Земля и воля» (1861—1864 гг.) возникла и действовала при руководящем участии великих русских революционных демократов — Н. Г. Чернышевского, А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Это была единственная революционная организация эпохи падения крепостного права, действовавшая в масштабе империи и обозначившая собой начало нового, разночинско-демократического этапа в развитии русского освободительного движения.

Характерная особенность возникновения и формирования этой самой крупной (после поражения декабристов) революционной организации в России была отмечена членом центрального комитета «Земли и воли» Н. И. Утиным в очерке ее истории — статье «Пропаганда и организация. Дело прошлое и дело нынешнее» [2], где он писал, что «тайное общество «Земля и воля» не было основой тайных обществ, они уже существовали во многих местностях, и каждое из них, отдельно взятое, могло бы представить весьма интересную и поучительную историю» [3].

Из слов этого весьма осведомленного современника, одного из виднейших организаторов «Земли и воли», правомерно заключить, что ее история не может быть правильно понята без истории ее непосредственных предшественников, поскольку эта организация возникла на их основе, да и была, в сущности, не чем иным, как федерацией многих местных кружков и тайных обществ. Вот почему историю революционных организаций — предшественников «Земли и воли» — по самой внутренней логике фактов следует рассматривать в органической связи с историей собственно «Земли и воли», как пролог к ней.

Список предшественников «Земли и воли» открывается Харьковско-Киевским тайным обществом — первой революционной организацией из возникших в России после Крымской войны. Вслед за нею должно быть названо самое многочисленное и весьма действенное Пермско-Казанское тайное общество. Несколько позже в Москве возник кружок

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 9.

[2] Н. И. Утин понимал данную свою статью именно как очерк истории «Земли и воли»; это видно из того, что в ней он писал о своем намерении «напомнить, хотя в очень общих чертах, о первых проявлениях революционной партии (под этим названием имеется в виду «Земля и воля».— *Я. Л.*), о ее побуждениях и путях... о препятствиях и неудачах, и, наконец, об общем значении всего движения» («Народное дело». Женева, №№ 2—3, октябрь 1868 г., стр. 28).

[3] Там же, стр. 33.

Аргиропуло — Заичневского, значительная часть членов которого влилась впоследствии в тайное общество «Земля и воля».

Каждая из этих трех организаций имеет свою историографию[4], но они никогда не рассматривались совместно, в сопоставлении друг с другом именно как предшественники «Земли и воли». В силу этого не выявлялась их общая коренная особенность: все они возникли под непосредственным и прямым воздействием пропагандистского центра, созданного А. И. Герценом в Лондоне, изданий его Вольной русской типографии; не определялось их место в едином по своему развитию процессе революционной борьбы за политическое освобождение России от царского деспотизма в эпоху падения крепостного права. Данная статья является попыткой на основе ранее опубликованных материалов, литературы вопроса и новых документов из фондов ЦГИАМ[5] рассмотреть историю этих трех организаций как предшественников «Земли и воли», показать общность причин их возникновения, направления, форм и методов деятельности, определить их место в развитии русского революционного движения той эпохи.

Все три рассматриваемые революционные организации возникли в обстановке нараставшего в стране после Крымской войны демократического подъема и сложившейся вслед за ним революционной ситуации. Решающее значение для их возникновения, как мы уже говорили выше, имела деятельность созданного А. И. Герценом русского пропагандистского центра в Лондоне. Его влияние сказалось прежде всего на Украине, и это не случайно, так как Герцен стремился именно через юг, через Украину, обеспечить проникновение своих изданий на родину[6]. Факты показывают, что данные замыслы Герцену, очевидно, с помощью польских национально-демократических организаций, удалось успешно реализовать; это подтверждается документами, хранящимися в Центральном государственном историческом архиве УССР. На протяжении второй половины 1850-х и начала 1860-х гг. издания Вольной русской типографии в значительной своей части попадали в Россию через Украину, главным образом через австрийскую границу[7].

Прямым откликом на революционную агитацию Герцена было возникновение в 1856 г. в стенах Харьковского университета тайного политического общества, цель которого состояла в том, чтобы «произ-

---

[4] См. литературу по истории Харьковско-Киевского тайного общества: Мих. Лемке. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». 2-е изд. СПБ. 1908. (Дело профессора Павлова. Молодость «отца Митрофана». Дело воскресников); Б. П. Козьмин. Харьковские заговорщики 1856—1858 годов. Харьков. 1930 (далее Харьковские заговорщики); А. З. Барабой. Харьковско-Киевское революционное тайное общество. 1856—1860 гг. «Исторические записки», 1955. Т. 52; Ф. Ястребов. Революционные демократы на Украине. Вторая половина 50 — начало 60-х гг. XIX ст. Киев. 1960. По Пермско-Казанскому тайному обществу: Ф. С. Горовой. Революционно-демократическое движение в Пермской губернии в 60-х годах XIX века. Пермь. 1952; Г. И. Ионова. Революционная агитация среди рабочих в начале 1860-х годов. Сборник «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.». М. 1960. По кружку Аргиропуло — Заичневского: серия исследований Б. П. Козьмина в журнале «Каторга и ссылка», опубликованных в 1930—1931 гг.; его же. П. Г. Заичневский и «Молодая Россия». М. 1932. На основе этих трудов им была составлена работа «П. Г. Заичневский и «Молодая Россия», помещенная в его посмертно изданной книге «Из истории революционной мысли в России». М. 1961.

[5] В их числе документы первостепенного научного значения: докладная записка флигель-адъютанта Мезенцева и приложенный к ней список членов Пермско-Казанского тайного общества, позволяющие значительно полнее осветить историю этой революционной организации и глубже понять ее значение. Кроме того, в статье используются некоторые документы из дела «О тайном обществе, открытом в городе Харькове» и «Поправки» А. Х. Христофорова (видного революционного деятеля 1860-х гг.) к статье «О жизни саратовских кружков 1860-х годов» в журнале «Былое».

[6] См. А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Под ред. и с предисл. М. К. Лемке. Т. VII, стр. 182, 184, 209. (Далее.— А. И. Герцен. ПСС).

[7] См. А. З. Барабой. Указ. соч., стр. 238—239.

вести всеобщий переворот в России, начав с освобождения крестьян»[8]. Один из его организаторов, Петр Завадский, в составленной им «Записке о истории Харьковского тайного общества» четко охарактеризовал силу идейного влияния Герцена на харьковское студенчество: «Студенты не дремали, отечественные события, начиная с заключения мира, находили горячее сочувствие в студентах Харьковского университета, огромный прилив сочинений А. Ив. И. (Искандера.— *Я. Л.*) воодушевлял каждого, раскрывая ему глаза»[9].

Деятельность тайного общества выразилась прежде всего в революционной агитации и пропаганде, главным образом путем распространения проникавших в Россию изданий Вольной русской типографии. «Наплыв сочинений Искандера,— писал П. Завадский,— занял, можно сказать, всю деятельность членов»[10]. Насколько именно эта сторона деятельности была характерна для тайного общества, видно также из показаний на следствии одного из его участников, Митрофана Левченко, отметившего, что «года два назад (то есть в 1958 г.— *Я. Л.*) ходили слухи, что несколько студентов в Харькове составили общество для распространения сочинений Искандера»[11]. Эта очень существенная деталь говорит о том, что в студенческом общественном мнении тайное общество и его деятельность связывались прежде всего с именем Герцена.

Членами тайного общества были написаны и распространялись собственные прокламации ярко выраженного антимонархического и антикрепостнического содержания, пропагандировавшие в той или иной форме идею революционного ниспровержения существовавшего на Руси строя: в 1856 г.— пародия на царский манифест по случаю окончания Крымской войны, а в 1857 г.—афиша, посвященная тысячелетию России, составленная одним из организаторов и руководителей тайного общества, Митрофаном Муравским, и пародия на царский манифест по случаю рождения великого князя Сергея Александровича. Значительным фактом являлось распространение в Харькове в декабре 1857 г. прокламации, вышедшей, вероятно, из среды тайного общества.

Основу этой прокламации составил текст известной статьи А. И. Герцена из первого листа «Колокола» от 1 июля 1857 г. «Что сделано для освобождения крепостных людей?», подвергшийся при этом некоторым существенным изменениям и дополнениям, в результате чего идея крестьянской революции зазвучала в прокламации с бóльшей силой[12].

Факт такого рода использования статьи Герцена очень симптоматичен. Он свидетельствует о большом идейном влиянии Герцена на участников освободительного движения: в их глазах он символ революционного начала, выразитель народных интересов. Вместе с тем, воспринимая идеи Герцена, харьковчане стремились усилить их революционное звучание, намеревались обратиться с проповедью лозунга крестьянской революции непосредственно к крестьянским массам.

В бумагах Митрофана Муравского была найдена прокламация «К украинцам», написанная на украинском языке. В ней также была выражена идея крестьянской революции. Царь в прокламации обличался как виновник того, «что крестьяне терпят величайшие бедствия... за все такие скверные дела надобно свергнуть царя. Цари совсем не нужны. Да еще надобно отобрать крестьян от господ, прогнать негод-

---

[8] Б. П. Козьмин. Харьковские заговорщики, стр. 50.

[9] Ф. Ястребов. Указ. соч., стр. 198. В 1858 г. основное ядро тайного общества перебралось в Киев, что дает основание называть его Харьковско-Киевским.

[10] Б. П. Козьмин. Харьковские заговорщики, стр. 51.

[11] ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп. 1860, д. 26, ч. 1, лит. А, л. 279.

[12] Полный текст прокламации см. Ф. Ястребов. Указ. соч., стр. 180.

ное начальство и поручить управление государством 50 выборным от всей империи, по одному от каждой губернии»[13].

У другого члена тайного общества, А. А. Тыщинского[14] (впоследствии члена «Земли и воли» 60-х годов), была найдена рукопись прокламации под названием «Голос з села», также обращенной к крестьянству[15].

Очень важно отметить, что члены тайного Харьковского общества стремились к конкретизации и практической разработке идеи вооруженного восстания. Один из его членов, В. Ивков, показал на следствии, что во время обсуждения в тайном обществе путей вооруженного выступления он высказал точку зрения, что лучшее средство для этого — «найти агентов между офицерами, служившими в Киеве, так как в этом городе находится сильная крепость и огромный арсенал... В числе средств я и некоторые другие считали также неудовольствие казаков и раскольников против правительства»[16]. Отсюда правомерно заключить, что в отношении движущих сил восстания (крестьянство, особенно раскольники, казаки, офицерство) члены Харьковского тайного общества как бы предвосхитили планы, намечавшиеся Герценом и Огаревым, а также «Землей и волей» 60-х годов.

Прокламации, написанные участниками Харьковского тайного общества,— факт большого принципиального значения. Он показывает, как воспринимались в России идеи, содержавшиеся в первых изданиях Вольной русской типографии Герцена, как они порождали стремление к планомерной революционной борьбе с самодержавием и, что особенно важно, каким образом они вызвали к жизни первую в эпоху падения крепостного права революционную организацию. Это частный пример, показывающий превращение идеи вооруженного восстания, которая овладела в данном случае сознанием группы разночинной интеллигенции, в материальную силу (пускай еще весьма скромную) в виде революционной организации.

Осенью 1859 г. один из руководителей Харьковско-Киевского тайного общества, Я. Н. Бекман, совместно с профессором П. В. Павловым и студентом Киевского университета Б. Вороным создали в Киеве две первые в России мужские воскресные школы[17]. Создание воскресных школ в Киеве, а также последующая популяризация и всяческое содействие организации подобных школ в других городах и селениях России следует признать одним из важнейших мероприятий, осуществленных Харьковско-Киевским тайным обществом. Организуя воскресные школы, Харьковско-Киевское тайное общество стремилось наряду с распространением общеобразовательных знаний в народе использовать их как удобную легальную форму развертывания систематической революционной пропаганды.

Есть весьма серьезные основания считать, что идея создания воскресных школ возникла у деятелей этого общества под прямым воздействием А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Об этом говорят следующие факты: одним из главных инициаторов создания воскресных школ в Киеве, а затем в Нежине и Петербурге был профессор Киевского университета П. В. Павлов. Весной 1858 г. он приезжал в Лон-

---

[13] Б. П. Козьмин. Харьковские заговорщики, стр. 56.

[14] Заметим, кстати, что в вышеназванной статье А. З. Барабоя неверно сказано, что дальнейшая судьба Тыщинского неизвестна. Биография его известна вплоть до 80-х годов, когда он отошел от революционного движения (см. «Деятели революционного движения в России». Биобиблиографический словарь. Т. 1, М. 1928. стр. 412).

[15] Б. П. Козьмин. Харьковские заговорщики, стр. 56.

[16] Там же.

[17] Незадолго до этого, в апреле 1859 г., в Петербурге была открыта женская воскресная школа Шпилевской (см. Я. В. Абрамов. Наши воскресные школы. СПБ. 1900, стр. 100).

дон и неоднократно посещал Герцена [18]. В одной из докладных записок III отделения говорилось: «Из близкого источника получены были следующие сведения: первую мысль об учреждении в России воскресных школ подал бывший профессор Киевского университета Павлов, которому она будто бы была внушена Герценом в бытность Павлова в Англии и который впоследствии развил ее в Киеве, при посредстве 10 молодых людей, условившихся с ним насчет основных начал и целей предприятия. Они высказали между собой необходимость составить «Общество распространения народной грамотности» с тем, чтобы посредством воскресных школ распространить и развить предположения Петрашевского, которых исполнение было остановлено арестованием и ссылкою его единомышленников» [19].

Если учесть линию, проводимую Герценом и Огаревым в своих изданиях в отношении воскресных школ, есть все основания думать, что Герцен мог дать и, видимо, дал такой совет Павлову, который, в свою очередь, передал его Я. Н. Бекману. Этот совет Герцена (к тому же, судя по цитированному документу, тесно связанный с революционными планами Петрашевского) будет понятен, если вспомнить, какое место отводили Герцен и Огарев революционному просветительству в связи с задачами дальнейшего развертывания освободительного движения в России.

В документах Огарева, составленных во второй половине 1850-х гг., в качестве одной из непременных задач тайного общества неизменно выдвигается популяризация научных знаний среди широких народных масс [20]. Вместе с тем Огарев в своих выступлениях на страницах «Колокола» и других изданий Вольной русской типографии в этот же период поставил задачу использования системы народного образования, включая воскресные школы, в целях революционного просветительства. Об этом, в частности, говорилось в четвертой статье, помещенной в серии «Русские вопросы» под заголовком «Преобразование чиновничества» («Колокол», л. 12) и перепечатанной затем в переработанном виде в сборнике «За пять лет», и в статье «Письма к соотечественнику» («Колокол», лл. 77—78). Отсюда следует вывод о том, что русский зарубежный революционно-пропагандистский центр в Лондоне во второй половине 1850-х гг. на страницах «Колокола» и других своих изданий выдвигал как одну из задач русского освободительного движения использование создаваемой общественностью системы народного образования для целей революционного просветительства, революционной пропаганды.

Связь членов Харьковско-Киевского тайного общества с А. И. Герценом поддерживалась не только через профессора Павлова. Бывший студент Харьковского университета И. Богомолов в годы своего пребывания за границей (1857—1859) бывал у Герцена. Возвратившись на родину, он установил контакты с одним из руководящих деятелей общества, К. Хлоповым. Последний на следствии показал, что он «познакомился с возвратившимся из-за границы Богомоловым», который «привез бездну запрещенных сочинений, особенно Искандера, у которого он был в Лондоне. Искандер особенно надеется на Малороссию и Харьков» [21]. Можно предполагать, что заключительные слова свидетельствуют об осведомленности Герцена о Харьковском тайном обществе. Характерно, что другой харьковчанин, член тайного общества Левченко, который был исключен из университета, предполагал выехать

---

[18] См. Н. А. Тучкова-Огарева. Воспоминания. Л. 1929, стр. 185.

[19] Я. И. Линков. Воскресные школы и русское революционное движение 1860 г. «Исторический архив», 1956, № 6, стр. 176—179.

[20] См. «Литературное наследство». Т. 39—40. М. 1941, стр. 326—327; там же. Т. 61. 1953, стр. 499.

[21] Ф. Ястребов. Указ. соч., стр. 224.

за границу не только с целью завершения своего образования, но и, как говорится в его показаниях, с «желанием мстить: он хотел выставить в «Колоколе» Искандера все, что казалось ему злоупотреблением, преимущественно в прежних начальниках, причем он намеревался быть посредником сношений между Искандером и теми, кто желал бы поместить что-нибудь в его журнале» [22].

Связи харьковчан с А. И. Герценом нашли прямое отражение на страницах «Колокола». В 1858—1859 гг. в нем были опубликованы статьи и заметки, освещавшие харьковские студенческие волнения. В одной из них редактор «Колокола» сообщал: «Мы получили подробную и прекрасно составленную записку о прошлогодней истории (имеются в виду студенческие волнения 1858 г.— *Я. Л.*), мы ее напечатаем в «Русских голосах» [23]. Записка эта была составлена членом тайного общества М. Левченко, который сообщал об этом на следствии: «В 1858 году, после апрельской истории в Харьковском университете, я написал подробную записку о ней (предисловие к этой записке написано Евгением Марковым), она была переписана многими студентами, а потом недавно я читал в 40 № «Колокола» объявление, что она будет напечатана в «Голосах из России», не знаю, кто переслал ее в Лондон» [24].

В ходе студенческих волнений в Харьковском университете 280 студентов в знак протеста против произвола властей подали просьбу об отчислении. «Колокол» в связи с этим поместил статью Герцена «Харьковская история», в которой резко обличалось университетское начальство и действия питерских властей, приветствовалось студенчество, протестующее против реакции и произвола.

В январе 1860 г. Харьковско-Киевское общество было раскрыто и разгромлено, а члены его арестованы и сосланы. Но и в ссылке они продолжали вести активную революционно-пропагандистскую деятельность, используя при этом произведения Герцена и Огарева и другие издания Вольной русской типографии. В одном из писем из ссылки в январе 1861 г. Муравский сообщал: «В литературные беседы... внесен искандеровский элемент: мне удалось достать в Уфе некоторые его статьи» [25].

С именами некоторых активных деятелей Харьковско-Киевского тайного общества тесно связано становление и развитие второй по времени возникновения крупной революционной организации, предшественника «Земли и воли» — Пермско-Казанского тайного общества.

Пермско-Казанская революционная организация образовалась в 1859 году. Причину ее возникновения пермский губернатор усматривал наряду с общими обстоятельствами («несчастная война, пробуждение России») «в чтении Искандера» [26]. Флигель-адъютант Мезенцев следующим образом характеризует историю образования этого общества. «До 1859 года,— писал он шефу жандармов Долгорукову,— в Перми было полное затишье; с открытием библиотеки, в сем году последовавшим, и коей основателем был А-др Иконников, начинается новый период пермской жизни, люди с либеральным направлением стали около него группироваться, живший вместе с ним А-др Вознесенский, товарищ его по Казанской духовной академии, бывший тогда преподавателем в семинарии, Алексей Моригеровский, Михаил Черемухин, Петр Громадин, лекарь Понятовский и священник Иван Поздилов вскоре примкнули к нему, и образовался домашний кружок людей со свободным обра-

[22] Там же, стр. 225.
[23] «Колокол», л. 40.
[24] Ф. Ястребов. Указ. соч., стр. 205.
[25] Мих. Лемке. Указ. соч., стр. 310.
[26] А. И. Герцен. ПСС. Т. XI, стр. 410 (комментарии).

зом мыслей... стали появляться печатные издания Герцена и компании, которые доставляемы были г. Смышляевым, получавшим их частью из-за границы, частью из Петербурга и Москвы. В это время кружок еще не имел ни правильной организации, ни строго определенной цели» [27].

Крупную роль в становлении и развитии Пермско-Казанской революционной организации сыграл Петр Ефименко. Это был «один из самых деятельных основателей Харьковского кружка,— писал о нем Мезенцев,— сосланный на жительство в Пермскую губернию и проживший в г. Перми несколько месяцев под предлогом болезни; человек серьезный, сосредоточенный, энергичный, притом безукоризненного образа жизни и весьма способный к политической деятельности. Ефименко с первой поры подчинил большинство Иконниковского кружка своему влиянию, кружок этот, дотоле не имевший определенного характера, получает от него направление политическое, начал около него сплачиваться» [28].

Кроме упомянутых лиц, Мезенцев относил к группе активных деятелей тайного общества Степана Шиловского, который был семинаристом, затем студентом Казанской духовной академии, позднее студентом Казанского университета; в начале 1860 г. Шиловский приехал в Пермь на жительство. «Пользовавшийся большим авторитетом в кругу товарищей и пострадавший за свои убеждения (владел даром слова, питал антипатию к семинарской рутине и ненависть к монахам), Шиловский положил себе задачей вырвать лучших воспитанников из семинарской среды и во что бы то ни стало отправить их в университет, он в этом вполне успел и приобрел огромное нравственное влияние на семинаристов, некоторое число коих отправилось в Казанский ун-т» [29].

В 1860 г. на заседании общества при участии Иконникова, Воскресенского, Ефименко, Моригеровского, Понятовского, Черемухина, Стефановского, Ильина и Тимофеева был утвержден его устав, автором которого был П. Ефименко. С точки зрения наших современных понятий это не устав, а программа, включавшая в себя и некоторые уставные положения. Нам он известен по докладной записке Мезенцева. Согласно уставу, цель тайного общества состояла в том, чтобы «всеми силами способствовать политическому перевороту, откуда бы он ни произошел». Это означало, что свою основную задачу члены общества видели в борьбе за политическое освобождение России от самодержавного деспотизма.

В уставе четко формулировались те методы и формы борьбы, которые должны были быть применены обществом: «1. Приготовить умы посредством распространения либеральных сочинений, печатаемых за границей. 2. Стараться приобрести влияние на воспитанников средних учебных заведений, в особенности на семинаристов, приготовляя из них будущих политических деятелей. 3. На народ действовать через распространение разных возмутительного содержания воззваний, как сочиненных за границей, так в случае надобности составляемых в среде общества. 4. Заводить везде, где только возможно, подобные кружки и связать их между собою, а потому каждый член, где бы он ни находился, обязывается не прерывать сношений своих с обществом. 5. Обнаруживать и предавать гласности все злоупотребления администрации, имея при этом в виду уничтожать всеми средствами доверие к ней народа. 6. Соединить членов общества с учащейся молодежью посредством литературных вечеров» [30].

---

[27] ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп. 1862, д. 67, л. 29.
[28] Там же, л. 28.
[29] Там же.
[30] Там же, л. 30.

Основной организационно-уставный принцип тайного общества сводился к тому, что «общество не должно было иметь ни правильной организации, ни письменных документов и принимать все меры, дабы в случае открытия не дать против себя никаких существенных фактов. Для удобнейшего прикрытия своих действий открыто с разрешения правительства создать общество распространения грамотности». На том же заседании «были выбраны Иконников казначеем, Воскресенский библиотекарем» [31].

Кроме членов общества в Перми и Казани, в Пермско-Казанскую революционную организацию входили на правах членов-корреспондентов лица, проживавшие в Вологде, Вятке, Омске, Саратове, Полтаве, Риге, Оренбурге, Екатеринбурге, Петербурге и некоторых других пунктах. Мезенцев сообщал в своей записке о том, что «членами-корреспондентами назначены были студент Петербургского ун-та Чернавин, студент Московского ун-та Лукашевич, врач Лякустин, проживавший в Омске, и многие другие» [32]. В основном деятельность общества распространялась на Урал, Приуралье и Среднюю Волгу.

Руководящее ядро Пермско-Казанского тайного общества с первых же шагов стремилось оградить свою организацию от случайных и сомнительных членов. С этой целью Александр Моригеровский, которого Мезенцев характеризовал в докладной записке как «человека весьма тонкого и с удивительным политическим тактом» [33], спустя два месяца после организации общества «без особой видимой причины объявил о своем намерении из него выйти, обстоятельство это после некоторых протестов привело к закрытию заседаний и временному прекращению действий общества, последствие же показало, что выход Моригеровского из общества был не что иное, как средство, продуманное им, дабы отделаться от некоторых членов, признанных неблагонадежными» [34].

Кто входил в состав тайного общества? Каково было количество его членов? Кто они были по своему социальному и служебному положению? Списки, приложенные к докладной записке Мезенцева от 14 марта 1862 г., дают основания для ответа на поставленные вопросы [35]. Даже если учитывать, что степень причастности к Пермско-Казанскому тайному обществу перечисленных в списках лиц была неодинаковой и кое-кто из них попал в списки случайно, правомерно сделать вывод о довольно широком по масштабам того времени размахе деятельности этой революционной организации.

37 фамилий, подчеркнутые в одном из списков красным карандашом,— это наиболее активные участники тайного общества. О многих из них известны дополнительные данные, подтверждающие их деятельное участие в революционной борьбе. По своему социальному положению (по-видимому, и по социальному происхождению) это сплошь разночинная интеллигенция. Более половины состава тайного общества (65 человек) составляли студенты университетов, слушатели духовной академии и духовных семинарий (34 студента Казанского университета, 3 студента из других университетов — Харьковского и Киевского, 3 слушателя Казанской духовной академии, 19 слушателей Пермской духов-

---

[31] Там же, л. 29.
[32] Там же.
[33] Там же, л. 32.
[34] Там же, л. 31.
[35] Обнаружено три списка: «Список лицам Пермско-Казанского кружка (ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп. 1862, д. 67, лл. 49—57) и «Дополнительный список лицам, участвующим в Пермско-Казанском кружке» (там же, л. 105). Затем имеется «Список лицам, участвовавшим в переписке и распространении «Послания старца Кондратия», в котором, кроме некоторых лиц, упоминавшихся в предыдущем списке, указаны 9 учеников Пермской учительской семинарии в возрасте от 14 до 19 лет (ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп. 1861, д. 148, лл. 31—33). Всего в трех списках значилось 112 человек.

ной семинарии, при этом 15 из вышеперечисленных были исключены из университета и духовной семинарии за участие в студенческом или революционном движении, 5 политических ссыльных и 1 находящийся в заключении в момент составления списка). Кроме того, в общество входили 12 учителей гимназии и семинарии или других средних и начальных учебных заведений, 2 профессора университета, 2 адъюнкта, 16 чиновников, 2 врача, 1 художник, 2 мировых посредника, 1 офицер, 3 священника. О шести членах тайного общества, в том числе о трех женщинах, в списках нет сведений. Говоря о священниках, Мезенцев высказывал сомнение в их действительном участии в тайном обществе. На наш же взгляд, они могли быть вовлечены в революционную организацию своими товарищами по семинарии или духовной академии. Но в какой мере их участие было действенным, сказать трудно за отсутствием конкретных материалов.

В составе Пермско-Казанского тайного общества мы видим активных деятелей Харьковско-Киевского тайного общества, к тому времени прекратившего свое существование, его руководителей: П. С. Ефименко, М. Д. Муравского, Я. Н. Бекмана, В. О. Португалова,— которые, как указывалось выше, и в ссылке продолжали энергичную революционную деятельность. Вот почему Мезенцев отнюдь не ошибался, когда писал в докладной записке, что с приездом в Пермь Петра Ефименко Пермско-Казанский кружок «получил более определенный политический характер и все последующее затем можно считать как бы продолжением предприятий Харьковского кружка 1857 года, коего главные деятели Ефименко, Бекман, Муравский по настоящее время не остаются в бездействии, распространяя пропаганду в местах своего жительства, почва же, способная к развитию их противоправительственных либеральных идей, была как бы нарочито подготовлена долгое время»[36].

Наличие в упоминаемых нами списках фамилии А. П. Щапова — еще одно весьма веское доказательство прямого участия этого известного русского ученого, одного из крупнейших революционных демократов той эпохи, в Пермско-Казанской революционной организации.

Более подробно его активная роль характеризуется в документе, принадлежащем перу А. Х. Христофорова — члена Пермско-Казанского тайного общества, а затем «Земли и воли». В своих «Поправках» к статье «О жизни саратовских кружков в 1860 годах», изъятых жандармами при обыске в редакции, А. Х. Христофоров писал: «За год или около того до моего отъезда в Саратов (имеется в виду 1860 г.— *Я. Л.*) в Казани уже образовался политический кружок из студентов унив-та с целью распространения революционных идей в обществе и, более всего, возбуждения восстания в народе. Он был естественным следствием духа времени, студенческого движения, натыкавшегося на политич. препятствия, и нервного напряжения крестьянства, получавшего не ту «волю», которую оно ожидало. Развитию политич. идей и стремлений в казанском студенчестве особенно много содействовал Щапов. Являясь на студенч. собрания, он со свойственным ему лихорадочным одушевлением говорил, что все студенческие волнения и протесты имеют характер кастальный, что нужно расширить рамы движения и повести борьбу не за интересы университетские, а народные. Когда же наш кружок (о котором сказано выше) решил издавать журнал революционного направления, то Щапов написал для этого издания (не осуществившегося вследствие разгрома, вызванного панихидой по Ант. Петр.) очень своеобразную и сильную по мысли и выражению программу, которая долго хранилась у меня в подлиннике, но которую, к сожалению, мне не удалось сохранить»[37]. Это чрезвычайно важное свидетельство

[36] Там же, 1 эксп. 1862, д. 67, л. 32.
[37] ЦГИАМ, ф. 1167, оп. 1, д. 2462, л. 2.

современника вместе с другими документами характеризует А. П. Щапова как вдохновителя и идеолога Пермско-Казанской революционной организации.

В дальнейшем такие видные члены Пермско-Казанской организации, как Петр Ефименко, Митрофан Муравский, Александр Христофоров, принимали активное участие в деятельности «Земли и воли» 60-х, а затем 70-х годов. Таким образом, новые материалы показывают их как революционных борцов, в чьей деятельности выразилась единая линия развития русского революционного движения от тайных обществ 50-х годов (от революционных организаций — предшественников «Земли и воли») к «Земле и воле» 60-х, а затем и 70-х годов.

Из других участников Пермско-Казанской организации необходимо отметить Берви-Флеровского, впоследствии автора широко известной книги «Положение рабочего класса в России» и члена первой «Земли и воли».

Согласно принятому уставу, Пермско-Казанское тайное общество соединяло легальные и нелегальные формы деятельности путем использования специально создаваемых им культурно-просветительных организаций (библиотеки, воскресные школы и т. д.). Главным опорным пунктом общества в Перми являлась библиотека А. И. Иконникова. В Перми было организовано, кроме того, 5 воскресных школ, 5 школ было создано в некоторых населенных пунктах губернии[38]. Через библиотеку распространялась нелегальная литература. Это были издания Вольной русской типографии: «Полярная звезда», «Колокол», «Голоса из России», отдельные произведения А. И. Герцена и т. д.[39].

Пермско-Казанское тайное общество распространяло среди населения как местные прокламации, так и прокламации, полученные из-за рубежа. Последние печатались в Вольной русской типографии.

Пермско-Казанская организация в начале 1861 г. выпустила одну из первых (если не первую) в России прокламацию, обращенную к крестьянам,—«Послание старца Кондратия»[40]. Ее название почти идентично с названием напечатанного в 1854 г. в Вольной русской типографии воззвания «Видение святого отца Кондратия», что является одним из свидетельств влияния А. И. Герцена на Пермско-Казанское тайное общество. В этой прокламации, облеченной в религиозную форму, содержался резкий протест против самодержавия и официальной православной церкви и призыв к революционной борьбе.

Во второй половине 1861 г. Пермско-Казанское тайное общество распространяло рукописную прокламацию — речь А. П. Щапова на Куртинской панихиде по расстрелянным в Бездне крестьянам под названием «Друзья, за народ убитые»[41]. Ко второй половине 1861 г. следует отнести составление и распространение прокламации «Пора» (она написана не ранее июля — августа 1861 г.: в ней есть прямые приметы времени — упомянуты мировые посредники). Ее авторами были, по всей вероятности, Василий Тихомиров и А. И. Иконников[42]. Прокламация «Пора» была пронизана духом революционного патриотизма[43]. Хотя в этой прокламации нет прямого обращения к определенному социальному слою, она, судя по содержанию, была адресована разночинно-дворянской интеллигенции. «Пора» — документ, написанный с позиций по-

---

[38] См. Мих. Лемке. Указ. соч., стр. 416.

[39] См. Ф. С. Горовой. Указ. соч., стр. 55.

[40] Впервые оно было опубликовано в 1919 г. М. К. Лемке. См. А. И. Герцен. ПСС. Т. XI, стр. 413—429 (комментарии).

[41] ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1862, д. 67, л. 4.

[42] Ее полный текст опубликован Ф. С. Горовым. См. «Ученые записки» Пермского государственного университета. Т. X. Вып. 3. 1957, стр. 138—142.

[43] «Ученые записки» Пермского государственного университета. Т. X. Вып. 3. 1957, стр. 142.

следовательного революционного демократизма, его главная идея — идея политического освобождения России путем вооруженного восстания и действительное освобождение крестьян. Для того времени прокламация «Пора» была зрелым и глубоко продуманным документом, в ней нашли свое отражение важнейшие стороны идеи политического освобождения России: проблема движущих сил революции, оценка крестьянской реформы, разоблачение самодержавия и его опоры — православия. В прокламации формулировалась также задача русско-польского революционного союза.

Одновременно с прокламацией «Пора» Пермско-Казанское тайное общество выпустило листовку под названием «Воля», обращенную к крестьянам. В ней содержался сильный и решительный призыв: «Беритесь за топор, требуйте земли со всеми угодьями даром — не то вас помещики совсем ограбят». Листовка носила не только антикрепостнический, но и резко выраженный антицаристский характер. «Сам царь заодно с ними (то есть с помещиками.— *Я. Л.*) хочет грабить вас» [44],— говорилось в ней.

Из прокламаций, напечатанных в Вольной русской типографии, члены тайного общества с конца 1861 г. распространяли следующие: «К молодому поколению» и «Что нужно народу».

Статья А. И. Герцена «Заводите типографии! Заводите типографии!», опубликованная в «Колоколе» в 1861 г. и обращенная к русским революционерам, надо полагать, укрепила намерения членов Пермско-Казанского тайного общества создать подпольную типографию. Но план этот был сорван вследствие предательства солдата С. Кулышова, привлеченного членами этого общества к делу организации типографии [45].

В какой мере было связано Пермско-Казанское тайное общество с «Землей и волей» во второй половине 1861 года? На этот вопрос трудно ответить точно за отсутствием материалов, но факт получения и распространения Пермско-Казанским тайным обществом прокламации «Что нужно народу»—первого программного документа «Земли и воли»—да и само намерение печатать ее таким большим по масштабам того времени тиражом — в 5 тыс. экземпляров позволяют сделать вывод о связях Пермско-Казанского тайного общества с центром формировавшейся «Земли и воли».

При попытках развертывания революционной агитации члены Пермско-Казанского тайного общества потерпели неудачу, приведшую к раскрытию этой организации полицейско-жандармскими органами. В январе 1862 г. один из ее членов, Илья Пономарев, воспитанник Пермской духовной семинарии, ездил на рождественские каникулы к своим родным в село Черомосское, Соликамского уезда, Пермской губернии, и там, как сообщалось в донесении, «вздумал распространять революционные идеи, склонял к свержению правительства и настоящего порядка вещей, подтверждал свои слова статьей «Пора», ...но не встретил в своих слушателях сочувствия, был арестован... В бумагах найдено письмо семинариста Константского... из которого видно, что и он начал распространять те же идеи, но потерпел еще бо́льшую неудачу, при первых попытках был побит слушателями, так что три дня не мог выходить из квартиры» [46].

Любопытна попытка Мезенцева объяснить причины этих неудач революционной агитации в народе. «Масса народонаселения так еще свежа и здорова,— писал он шефу жандармов,— что подобные предприятия, которые облечены доносами Пушкарева и Кулышова (имеются в виду доносы этих лиц органам III отделения о деятельности Пермско-Казанского тайного общества.— *Я. Л.*) с некоторою со стороны правительства

---

[44] Там же, стр. 137.
[45] См. Ф. С. Горовой. Указ. соч., стр. 74—77.
[46] ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп. 1862, д. 67, лл. 1—2.

бдительностью, будут всегда погибать в своем зародыше» и судьба «будущего спокойствия здесь зависит вполне от правильного развития крестьянского дела и обилия в урожае хлеба»[47]. На самом же деле неудачи революционной агитации были прямым следствием того, что в 1860-х гг. крестьянство в России, как отмечал В. И. Ленин, в силу своей неграмотности и забитости спало глубоким сном[48].

В ходе своей эволюции Пермско-Казанское тайное общество в 1861—1862 гг. смыкается с «Землей и волей», послужив основой для ее Казанской организации. Что касается собственно Пермского ответвления этого тайного общества, то на его последующую судьбу решающее значение оказало то обстоятельство, что оно дважды подвергалось разгрому: весной 1861 г. были арестованы члены семинарского кружка, а в феврале 1862 г.— руководящее ядро и раскрыт весь состав организации.

В связи с историей Пермско-Казанского тайного общества необходимо сказать об огромном влиянии Н. Г. Чернышевского на русскую молодежь, из числа которой формировались революционные организации— предшественники «Земли и воли». Приведем красноречивые характерные высказывания современников. Одно из них содержится в письме студента Казанского университета от 5 апреля 1856 года. Письмо это было перлюстрировано III отделением и доложено Александру II. В нем говорилось, в частности, следующее: «Кутежи наши имеют свой особенный характер, у нас обыкновенно являются разговоры о политике, о свободе и т. п. (известно, что саратовцы и сибиряки — отчаянные либералы), являются тосты — за Н. Г. Чернышевского первым долгом; потом мы воспеваем вольность, свободу... не может быть, чтобы тебе в душу не запали слова Николая Гавриловича, нашего просветителя. Ты не подумай, чтобы мы говорили о таких вещах за одними только кутежами; напротив, такие разговоры составляют самое лучшее, самое отрадное препровождение времени. Я говорю не шутя, а серьезно»[49].

Второе высказывание принадлежит Христофорову, уже упоминавшемуся нами активному участнику Пермско-Казанского тайного общества. В цитированных выше «Поправках» к статье «О жизни Саратовских кружков в 1860-х годах» он писал, что не был «непосредственным учеником Н. Г. Чернышевского, не имел с ним личного знакомства и никогда его не видал, так что все его влияние на меня было заочное, обусловленное его литературной деятельностью, которая оказывала могущественное действие на умы тогдашнего молодого поколения»[50].

Подтверждением этих высказываний служит также свидетельство современника об идейном облике А. Д. Топоркова, активного участника Пермско-Казанского тайного общества, который «до самой смерти (в конце 90-х годов) был верен знамени «шестидесятников-просветителей» материалистов, в частности, свято чтил память Чернышевского как своего учителя»[51]. Несомненно, что подобные настроения и убеждения были характерны в той или иной мере для широких слоев русских революционных демократов рассматриваемой эпохи.

В начале 1861 г. в Москве образовался кружок Аргиропуло—Заичневского[52]. Оба руководителя этой революционной организации, студен-

---

[47] Там же, л. 85.
[48] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 20, стр. 99.
[49] «Литературное наследство». Т. 67. М. 1959, стр. 130.
[50] ЦГИАМ, ф. 1167, оп. 1, д. 2462, л. 2.
[51] Ф. С. Горовой. Указ. соч., стр. 86.
[52] По материалам дела арестованного в 1863 г. Ивана Андрущенко видно следующее: «В 1859 году Андрущенко познакомился с бывшим студентом сначала Казанского, а затем Московского университета Макковеевым и был введен им в существовавший в то время в Москве кружок молодых людей под названием «Библиотека казанских студентов», в котором в первый раз встретил Юрия Мосолова. В начале 1861 г. выделился новый кружок, которым управлял Аргиропуло и отчасти Заичневский; последний кружок занимался, между прочим, литографированием университетских лек-

ты Московского университета, входили ранее в состав «Библиотеки казанских студентов» и принимали активное участие в ее деятельности. Можно предполагать, что они были связаны с революционными демократами в Казани.

П. Э. Аргиропуло и П. Г. Заичневский объединили вокруг себя 15—20 человек молодежи, преимущественно студентов Московского университета. Их кружок, по-видимому, не имел четко сформулированной программы и устава, но намечал вполне определенную политическую цель. П. Г. Заичневский после своего ареста 22 июля 1861 г. заявил одному из чиновников III отделения, «что они (члены кружка.— *Я. Л.*) имеют в виду произвести переворот в России»[53]. На идейное формирование П. Э. Аргиропуло и П. Г. Заичневского как революционных демократов и социалистов, по их собственному признанию, решающее влияние оказали произведения Герцена.

Заичневский на следствии показал: «Занимаясь в гимназии преимущественно историей, я в первый раз познакомился с действиями социалистов как политических людей. По прибытии в университет я прочел некоторые из сочинений Герцена и, встречая там почти на каждой странице слово «социализм», я стал изыскивать всевозможные случаи к прочтению социальных сочинений. Покупая эти сочинения, я увидел разумность мнений, излагаемых в них, и убедился в необходимости их приложения для выхода из положения, так тяготеющего над нами и убивающего все наши способности. Убедившись в этом, я стал постоянно спорить о политике и защищать разумность социализма. Этот-то беспрестанный спор и содействовал к развитию во мне социальных идей»[54].

Аргиропуло на вопрос, заданный ему в III отделении после ареста: «Откуда студентами Московского университета заимствовано социальное направление и под влиянием каких обстоятельств получило оно развитие?»— отвечал следующее: «Мне кажется, что такое направление получило свое начало в сочинениях Искандера»[55].

Еще будучи в составе «Библиотеки казанских студентов», Аргиропуло и Заичневский занимались литографированием и распространением запрещенной литературы. Это было ведущим направлением в деятельности их кружка.

В письме-некрологе, посвященном Аргиропуло, опубликованном в 1863 г. в «Колоколе», говорилось: «Убежденный в крайней необходимости освобождения русской мысли от цензурных колодок, он смело принялся за дело тайного книгопечатания. Не жалел он для такого дела ни трудов, ни сил, ни жизни. Сам переводил, поощрял целые десятки рук к тому же труду, платил бедным студентам хорошие деньги из своих скудных материальных средств. Когда же набиралось довольно материалов, все это печаталось и литографировалось в огромном количестве экземпляров и распродавалось по самой умеренной цене. Деньги, вырученные от такого дела, поступали в пользу бедных студентов в московскую студенческую кассу»[56].

Что же печатал и распространял кружок Аргиропуло—Заичневского? Во-первых, издания Вольной русской типографии, в числе которых были сочинения А. И. Герцена и Н. П. Огарева: «О развитии революционных идей в России», «На новый 1861 год», «С того берега», «Былое

ций и недозволенных цензурой сочинений». («Материалы для истории революционного движения в России в 60-х годах». Под редакцией Б. Базилевского. Париж. 1905, стр. 112).

[53] Б. П. Козьмин. Из истории революционной мысли в России. М. 1961, стр. 194.

[54] Мих. Лемке. Политические процессы в России в 1860-х годах (по архивным документам). М.-Птгр. 1923, стр. 18.

[55] Там же, стр. 25.

[56] «Колокол», 1863, л. 155, стр. 1293.

и думы», «Русский народ и социализм», «Разбор книги Корфа» и др.[57]; во-вторых, революционные стихотворения и песни Тараса Шевченко на украинском языке: «Кавказ», «Холодный яр», «Думка», «Послание землякам мертвым и живым» и др.[58]; в-третьих, западноевропейские социалистические и материалистические произведения, среди них — «Лекции о сущности религии» Фейербаха, «Сила и материя» Бюхнера и др.[59].

О масштабах литографирования можно судить по тому факту, что «Колокол» перепечатывался не только отдельными номерами, но и комплектами за полгода и даже за год[60]. Литографирование производилось в легальных типографиях под видом печатания университетских лекций. Вместе с тем кружок подготовлял организацию своей подпольной типографии, для чего был приобретен типографский станок[61]. Но арест руководителей помешал реализации этого плана.

Другой областью деятельности кружка Аргиропуло—Заичневского были воскресные школы. О весьма значительной роли, сыгранной кружком в работе воскресных школ в Москве, свидетельствует тот факт, что почти половина их преподавателей была членами организации. В апреле 1861 г. кружком был издан букварь, составленный преподавателем воскресной школы Смирновым. Букварь этот применялся не только в московских воскресных школах, но и рассылался организацией по провинциальным городам.

После того как царское правительство, опасаясь пагубных последствий деятельности воскресных школ, издало «Правила для воскресных школ Московского округа», в кружке был выработан проект (рукопись которого была изъята при обыске у Аргиропуло) организации всероссийского общества воскресных школ. В нем говорилось: «Правительство не захотело бы, верно, компрометировать себя в глазах всего света и запрещать образование народу. Оно дало бы устав обществу... Такое общество должно охватить всю Россию. Всякий, кто только хранит в душе своей любовь к родной земле, к русским людям (а таких, без сомнения, немало), может быть членом общества, и чем больше членов, тем лучше. Студенты университета могут взять на себя инициативу этого дела. Правительство, разрешая сперва такое общество, стало бы потом подозрительно смотреть на него, стало бы стараться душить его, но у правительства не хватало бы смелости совсем уничтожить такое общество»[62].

Кроме того, в рукописи содержалось предложение создать и другое общество — для распространения в народе книг для чтения. Наряду с изданием легальных книг оно должно было выпускать и нелегальные, «в которых будут простой русской речью излагаться для народа политические истины», «общество поэтому должно располагать своей типографией, которую не усмотрели бы зоркие глаза российского орла»[63]. Предполагалось при этом организовать распространение книг через ходебщиков и офеней. При чтении этой рукописи невольно напрашивается сравнение с подобного же рода проектами из конспиративных документов Огарева 1850-х годов[64].

Как бы в подтверждение приведенного нами документа Заичневский говорил в своих показаниях в III отделении: «Я имел личное намерение составить статьи и, напечатавши их в какой-нибудь типографии, прода-

---

[57] Мих. Лемке. Политические процессы в России, стр. 5, 6, 41.
[58] Там же, стр. 6.
[59] Там же, стр. 6, 41.
[60] См. там же, стр. 8.
[61] См. «Политические процессы 60-х годов». Под редакцией Б. П. Козьмина. М.-Птгр. 1923, стр. 222, 223.
[62] Там же, стр. 166—167, 168.
[63] Там же, стр. 168.
[64] См. «Литературное наследство». Т. 61, М., 1953, стр. 499.

вать народу по дешевой цене. Для успешного распространения я думал раздавать брошюры ходебщикам» [65].

Кружок Аргиропуло—Заичневского принимал самое активное участие в студенческом движении, происходившем осенью 1861 г. в Московском университете. Его члены выступали в качестве вожаков студенческой массы. Среди них прежде всего должны быть названы А. П. Покровский, И. В. Понятовский, В. С. Праотцев, Н. С. Славутинский, А. В. Новиков. Некоторые из членов кружка были арестованы за активное участие в студенческих волнениях и подверглись репрессиям.

Рассматриваемый кружок всячески стремился к расширению сферы своей революционно-пропагандистской и просветительской деятельности. При этом он не ограничивался Москвой и устанавливал связи со студенческими и интеллигентскими кругами в других городах, стремясь в то же время развернуть работу среди крестьянства.

Для этой цели, в частности, было решено использовать летние каникулы 1861 г., когда члены кружка разъезжались по разным городам и селам России. Александр Новиков поехал в Харьков, где установил связи с местным студенчеством и активно распространял привезенную им из Москвы нелегальную литературу. Приехавший в Рязань Праотцев наряду с распространением нелегальной литературы намеревался использовать для обучения крестьянских детей букварь Смирнова. Понятовский в деревне Кузьмищево, Нижегородской губернии, организовал школу для крестьянских ребят. Он же распространял «Былое и думы» А. И. Герцена. Покровский сообщал Аргиропуло о распространении им в Маклице нелегальной литературы, а также об организации школы для крестьянских детей.

Свою поездку в Орел П. Г. Заичневский решил использовать для пропаганды среди крестьян. Напомним, что это было лето 1861 г., вся крестьянская Русь пришла в движение. Уже прогремели выстрелы в Бездне и Кандеевке. Слухи о них распространились по всей стране. Об этих событиях Заичневский в своем письме к Аргиропуло писал: «Здесь проезжал полковой командир Казанского полка, ходившего на усмирение крестьян в Пензу, и рассказывал, что там взбунтовалось тысяч до тридцати, но которые были разъединены. Над первой толпой, встретившей их и состоявшей, по крайней мере, тысяч из двенадцати, развевалось красное знамя. В день восстания несколько мужиков ехали на телеге и везли красное знамя и говорили собравшемуся народу, чтобы он шел в заранее назначенную деревню. Три раза стреляли, и ни один из них не двинулся с места.

Вот оно,— делал из всего этого вывод Заичневский,— красное знамя начинает развеваться и у нас и осенять собой толпы собравшихся, хотя и не вооруженных, но все-таки на защиту великого дела социализма — общинного владения землей!!!» [66].

Эти слова Заичневского — ценное свидетельство того, что крестьянское движение было определяющим, формирующим фактором идеологии разночинно-демократической интеллигенции. Заичневскому удалось в этих словах рельефно выразить самую существенную особенность русской революционной демократии той эпохи. В его словах нашло яркое выражение народническое мировоззрение этой интеллигенции, облекавшей идею крестьянской демократии в форму общинного социализма. Как известно, В. И. Ленин считал народническую идеологию соответствующей точке зрения разночинца.

Письмо Заичневского — одно из подтверждений того, что народническая идеология формировалась в среде разночинно-демократической

---

[65] Мих. Лемке. Политические процессы в России, стр. 20.

[66] «Красный архив». Письма П. Г. Заичневского к П. Э. Аргиропуло и Н. Г. Заичневскому. 1922. Т. 1, стр. 277.

интеллигенции не только под влиянием произведений Герцена и Огарева, Чернышевского и Добролюбова, но и при непосредственном воздействии классовой борьбы крестьянских масс. Во время своей поездки Заичневский пытался включиться в ход этой борьбы. В письме к брату Николаю он сообщал о своем выступлении перед крестьянами, имевшем место в Подольске, по пути в Орел [67]. Впоследствии в своих показаниях в III отделении Заичневский по поводу этого выступления говорил: «Признавая, что владеть землей может только община, мир, я проводил это мнение крестьянам... Никаких советов и наставлений я им не давал, а только при рассказе об Антоне Петрове я им указывал на безрассудство возмущения без оружия и говорил, что, как бы ни многочисленна была толпа безоружных, ее всегда разгонят несколько десятков солдат; что для успеха возмущения нужно оружие, а оно — в городах» [68].

Революционная агитация Заичневского среди крестьян проводилась им, по сути дела, в духе типичной народнической идеологии. Призыв к вооруженному восстанию во имя интересов крестьянской демократии органически соединялся им с идеей общинного крестьянского социализма. Хотя все эти факты давно известны, о них не раз писали, но, на наш взгляд, они никогда не были оценены в соответствии с их объективной исторической значимостью, а она такова: это первый (из всех нам известных случаев в истории русского революционного движения) случай революционной агитации среди крестьянства в духе народнической идеологии. Приехав в Орел, Заичневский активно распространял там нелегальную литературу и прежде всего литографированные их кружком номера «Колокола» [69].

Вошел ли кружок Аргиропуло—Заичневского в тайное общество «Земля и воля»? А. Слепцов в своих воспоминаниях дает на это отрицательный ответ [70]. Между тем в фондах ЦГИАМ и ЦГВИА хранятся документы, позволяющие ответить на этот вопрос положительно. Это прежде всего донос участницы революционного движения 60-х годов Варвары Александровской, написанный ею в 1866 г. в адрес председателя следственной комиссии. В нем утверждается, что в 1862 г. в Москве образовалось тайное общество «Москва, Север и Восток», руководителями которого были Заичневский, Аргиропуло, Новиков и их товарищи по кружку. В марте 1862 г. представители этого общества Понятовский и Покровский приезжали в Петербург, вели переговоры с Н. И. Утиным и «соединили оба общества в одно» [71]. Документ, обнаруженный В. Н. Шульгиным в фондах ЦГВИА, подтверждает факт положительно завершившихся переговоров весной 1862 г. в Петербурге [72].

Б. П. Козьмин, впервые опубликовавший донос В. Александровской, считал, что поскольку участники переговоров — Поняговский и Покровский, придерживавшиеся более умеренных политических взглядов, чем Заичневский, после переговоров выехали в Нижний Новгород, то «это соглашение реализовано не было, и объединение московского кружка с петербургским не состоялось» [73].

Так ли это? Изучение выявленных документов, на наш взгляд,

---

[67] См. там же, стр. 278—279.

[68] Мих. Лемке. Политические процессы в России, стр. 17.

[69] Б. П. Козьмин с ссылкой на фонды ЦГИАМ писал: «Официальные источники отмечают совпавшее с приездом Заичневского в Орел появление там в значительном количестве литографированных листков «Колокола», которые местная полиция находила даже на улице» (Б. П. Козьмин. Из истории революционной мысли в России, стр. 183).

[70] См. А. И. Герцен. ПСС. Т. XVI, стр. 81.

[71] Б. П. Козьмин. Из истории революционной мысли в России, стр. 234.

[72] О нем впервые сообщила акад. М. В. Нечкина в своем докладе на группе по изучению революционной ситуации 1859—1861 годов в октябре 1959 г.: «К вопросу о взаимоотношениях «Молодой России» с «Землей и волей».

[73] Б. П. Козьмин. Из истории революционной мысли в России, стр. 239.

обусловливает следующий вывод: переговоры в Петербурге (в момент, когда Заичневский находился в заключении) привели к положительному решению вопроса, в результате чего часть кружка Аргиропуло—Заичневского влилась в состав московского отделения «Земли и воли». Как это видно из материалов дела Андрущенко, в составе этой организации в 1863 г. были следующие участники кружка Аргиропуло — Заичневского: Петр Лебединский [74], Иван Зайнчковский [75], Алексей Новиков [76], Яков Сулин [77], Александр Левашов [78], Павел Шипов [79]. Но был ли согласен сам П. Г. Заичневский на присоединение кружка к «Земле и воле»? Источники не содержат фактов для исчерпывающего ответа на этот вопрос. Нам думается, что он не был согласен с этим.

Б. П. Козьмин прав, когда говорит о том, что «Москва, Север и Восток» — название той всероссийской революционной организации, которую проектировали создать Заичневский и его товарищи [80]. Это явно не «Земля и воля»; так можно судить хотя бы по тому, что центр ее намечался не в Петербурге, а в Москве, что явствует из самого названия общества. Очевидно, арест и последовавшая за ним ссылка помешали Заичневскому осуществить намеченные планы.

Итак, мы рассмотрели историю трех революционных организаций второй половины 1850-х и начала 1860-х годов, непосредственных предшественников «Земли и воли». Каковы же их особенности, что общего и особенного в их появлении, в составе, целях и идейном облике, в их деятельности и роли в истории русского революционного движения вообще и в эпоху падения крепостного права в частности и, наконец, в их отношении к «Земле и воле»?

Все они возникли в эпоху падения крепостного права в обстановке демократического подъема и революционной ситуации, в условиях острых классовых противоречий и все более нарастающей социально-политической борьбы вокруг подготовки, а затем проведения крестьянской реформы. Все они были созданы в крупных университетских и учебных центрах, их преимущественный состав — студенчество. Это были революционные организации разночинно-демократической интеллигенции. Следовательно, самим фактом своего возникновения они обозначили новый этап в истории русского революционного движения — этап разночинно-демократический.

Огромную, если не сказать, решающую, роль в их возникновении сыграли революционная агитация А. И. Герцена, созданный его усилиями русский пропагандистский центр в Лондоне, издания Вольной русской типографии. Несомненно и то исключительно сильное идейное воздействие, которое оказали Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов на молодое поколение русской разночинной интеллигенции, из рядов которой формировались рассмотренные нами организации. Общая цель всех трех организаций — политическое освобождение России от самодержавного деспотизма и освобождение крестьянства от уз крепостничества.

Каждая из этих трех организаций внесла свою особую долю в дело развития революционной борьбы. Харьковско-Киевскому тайному обществу принадлежит высокая честь почина в развитии организованной подпольной борьбы за политическое освобождение России в эпоху падения крепостного права. Оно положило начало планомерному распространению революционных изданий Вольной русской типографии А. И. Герце-

---

[74] «Материалы для истории революционного движения в России в 60-х гг.», стр. 136.
[75] Там же, стр. 137.
[76] Там же, стр. 139.
[77] Там же, стр. 141.
[78] Там же, стр. 142.
[79] Там же, стр. 150.
[80] Б. П. Козьмин. Из истории революционной мысли в России, стр. 237.

на, активной политической агитации и пропаганды. Общество явилось инициатором создания и использования воскресных школ для целей революционной пропаганды. Руководящее ядро Харьковско-Киевского тайного общества сыграло значительную роль в создании революционных организаций в отдаленных от Украины районах России.

Членами Пермско-Казанского тайного общества были созданы и распространялись наиболее зрелые из написанных предшественниками «Земли и воли» агитационные документы («Пора», «Послание старца Кондратия», речь Щапова на Куртинской панихиде).

С наибольшей силой и четкостью из всех трех организаций социалистические убеждения проявились в кружке Аргиропуло—Заичневского. Это была первая революционная организация в России, члены которой, и прежде всего сам П. Г. Заичневский, пропагандировали идеи общинного крестьянского социализма в духе той народнической идеологии, которая в те годы получила свое обоснование и развитие в произведениях А. И. Герцена, Н. П. Огарева и Н. Г. Чернышевского.

Несомненна идейная общность всех трех организаций в понимании движущих сил революционного переворота (при некотором различии в частностях); их участники были убежденными сторонниками народной, точнее, крестьянской революции и придавали особое значение крестьянам-раскольникам, оставляя при этом руководящую роль за молодой разночинно-демократической интеллигенцией. Не в меньшей степени можно проследить общность методов и форм действий этих организаций в сфере революционной практики.

Будучи выразителями интересов крестьянской демократии, придавая решающее значение в деле совершения революционного переворота крестьянам, эти организации стремились развернуть среди них революционную агитацию и пропаганду, выступали как ревностные проводники революционного просветительства, соединяя борьбу за просвещение народа с революционной агитацией в нем. Для всех них характерно сочетание легальных и нелегальных форм деятельности, использование культурно-просветительных мероприятий для проведения революционной агитации.

С двумя из этих организаций (Пермско-Казанское тайное общество и кружок Аргиропуло — Заичневского) связаны проведение открытых публичных политических выступлений против царизма, а также попытка организовать подпольные типографии.

Несомненно непосредственное влияние массового крестьянского движения, особенно Бездненского и Черногай-Кандеевского восстаний, на идеологию и революционную деятельность Пермско-Казанского тайного общества и членов кружка Аргиропуло—Заичневского, выступавших с пропагандой имени Антона Петрова как символа крестьянского протеста.

История всех предшественников «Земли и воли» — яркий пример организующей роли революционной печати, в данном случае изданий Герцена и в особенности его «Колокола».

Каждая из трех организаций в той или иной степени послужила основой, на которой возникло и сформировалось в 1861—1862 гг. тайное общество «Земля и воля». Но эти организации были ее предшественниками не только в этом смысле. Они, по сути дела, были прямым ее прообразом по своему идейному облику, по тем целям и задачам, которые «Земля и воля» впоследствии поставила перед собой, по всему характеру своей революционной деятельности, ее формам и методам. Вот почему почти все особенности и характерные черты, которые отмечены нами в отношении данных организаций, в более развитом виде были присущи и самой «Земле и воле».

ИЗУЧЕНИЕ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

(НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПРЕДСТОЯЩИЕ ЗАДАЧИ)

С. С. Михайлов

История латиноамериканских народов своеобразна и сложна. Чрезвычайно интересна их культура. Но в наши дни не только это приковывает к странам Латинской Америки внимание всего мира. Сегодня Латинская Америка — борющийся континент.

С каждым днем возрастает международное значение Латинской Америки. Еще совсем недавно буржуазная печать расценивала ее как самый надежный тыл империализма. А сейчас Латинская Америка является новым мощным фронтом национально-освободительного движения, который играет все бо́льшую роль в борьбе с империализмом США — главным оплотом современного колониализма и сил мировой реакции.

Перед народами этого континента встали сейчас с особой остротой задачи огромной жизненной важности: прежде всего борьба против империализма и сил внутренней реакции, развитие своей собственной, национальной экономики и культуры и ликвидация нищеты и вековой отсталости. В современных условиях научная разработка этих проблем является чрезвычайно актуальной, ибо помогает народам Латинской Америки в их борьбе за достижение стоящих перед ними целей.

Знание исторического прошлого дает возможность правильно понять многие проблемы современности. В этой связи Фидель Кастро говорил: «...чем была наша история, как не борьбой против национальных и иностранных сил, которые препятствовали осуществлению... справедливых устремлений нашей нации?» [1]. То же самое можно сказать применительно к другим странам и народам Латинской Америки.

Проблемы Латинской Америки привлекают внимание ученых всего мира. Большой интерес к этой тематике проявляют и советские ученые — историки, географы, экономисты, которые вносят свой посильный вклад в разработку ряда научных проблем, имеющих для Латинской Америки большое практическое значение.

Усилия советских ученых в области изучения проблем Латинской Америки по достоинству оцениваются прогрессивными латиноамериканскими историками, заинтересованными в развитии отечественной науки. Их внимание привлекают не только содержание и научные достоинства советских исследований, но и прогрессивные методы и традиции советской науки. Некоторые работы советских историков широко известны в Латинской Америке. Опубликованная в журнале «Вопросы истории» (1956, № 11) статья советских ученых М. С. Альперовича, В. И. Ермолаева, И. Р. Лаврецкого и С. И. Семенова «Об освободительной войне испанских колоний в Америке (1810—1826 гг.)» была переведена на испанский язык и издана в ряде латиноамериканских стран. Данная в этой статье советскими учеными объективная оценка Симона Боливара оказала большую помощь прогрессивным историкам Латинской Аме-

---

[1] Ф. Кастро. Речи и выступления. М. 1960, стр. 247.

рики в их борьбе против реакционной исторической школы, искажающей точку зрения марксистско-ленинской историографии на важнейшие этапы национально-освободительного движения в Латинской Америке. Монография советских историков М. С. Альперовича и Б. Т. Руденко «Мексиканская революция 1910—1917 гг. и политика Соединенных Штатов Америки» (М. 1958) была издана на испанском языке в Мексике. В книге документально доказывается агрессивный характер политики США в Мексике в период революции. Видный мексиканский историк Кановас писал в предисловии к мексиканскому изданию данного труда, что эту книгу должен прочитать каждый мексиканец. Большой интерес вызвали в Мексике исследования по дешифровке письменности древних майя известного советского этнографа и лингвиста Ю. В. Кнорозова. Можно было бы привести еще много примеров, свидетельствующих о том, что труды советских ученых пользуются признанием и вниманием в Латинской Америке.

Изучение важнейших социально-экономических и политических процессов в Латинской Америке дает возможность сделать вывод, что развитие латиноамериканских стран проходит в рамках общих, присущих всему миру исторических закономерностей. Открытые марксистско-ленинской наукой законы социально-экономического развития действуют в Латинской Америке с той же силой, что и в других районах мира. Но Латинская Америка развивалась в особых исторических условиях, что наложило заметную печать своеобразия как на ее прошлое, так и на современную жизнь и борьбу латиноамериканских народов. Одной из главных особенностей исторического развития Латинской Америки является то, что на протяжении нового и новейшего времени Латинская Америка находилась под сковывающим ее материальные и духовные силы иностранным гнетом.

Известно, что народам Латинской Америки, едва освободившимся после длительной героической борьбы от испанского колониального господства, была постепенно навязана новая форма угнетения. Один из современных исследователей справедливо заметил, что страны Латинской Америки в начале XIX в. завоевали «знамя и герб», но в процессе образования колониальной системы империализма оказались в экономическом подчинении[2]. В этом коренятся главные причины общего отставания Латинской Америки в экономическом и социально-политическом отношении, именно этим можно объяснить своеобразные черты в развитии капитализма, а также консервацию феодальных и даже дофеодальных отношений в Латинской Америке.

В этой связи становится совершенно очевидной необходимость глубокого изучения проблем капитализма (промышленного и монополистического), феодализма, а также различных форм дофеодальных отношений в Латинской Америке (например, рабство в Бразилии, пеонаж в ряде латиноамериканских стран и др.). К сожалению, в нашей науке не сделано еще сколько-нибудь серьезных попыток изучения этих проблем в комплексе, если не считать разработки их отдельных аспектов. Вместе с тем только глубокое и всестороннее исследование этих проблем позволит понять многие важнейшие явления и в истории и в современной классовой борьбе и политической жизни Латинской Америки. У нас выходит очень мало научной литературы, в которой давался бы глубокий анализ экономических и политических процессов, происходящих сейчас в Латинской Америке. Отставание, наблюдающееся на этом участке наших общественных наук, должно быть как можно быстрее ликвидировано, ибо этого требует сама жизнь. Уместно поэтому поставить вопрос о том, каково положение с изучением Латинской Америки, что сделано и что предстоит сделать в ближайшем будущем, каковы перспек-

[2] «Проблемы мира и социализма», 1961, № 11, стр. 19.

тивы в этой области. Настоящая статья является попыткой дать на эти вопросы хотя бы приближенный ответ, который мог бы послужить отправной точкой для дальнейшего их обсуждения. Потребность же в таком обсуждении давно назрела.

★

Начало изучению проблем Латинской Америки в нашей стране было положено еще в дореволюционное время. Однако сколько-нибудь широкой научной исследовательской работы по этой тематике в царской России не велось.

После Великой Октябрьской социалистической революции, вызвавшей мощный революционный подъем в международном рабочем и национально-освободительном движении, в том числе и в странах Латинской Америки, изучению латиноамериканской истории, экономики и культуры стало уделяться больше внимания. Однако прошло немало времени, прежде чем появились кадры советских научных работников, достаточно подготовленных для того, чтобы подойти к изучению проблем с правильных, марксистских позиций.

Со второй половины 20-х годов, когда между Советским Союзом и некоторыми странами Латинской Америки были установлены дипломатические и торговые отношения, в ряде журналов появились статьи, посвященные латиноамериканской истории, политике и экономике. В конце 20-х — начале 30-х годов в Москве издавался специальный журнал «Южамторг», занимавшийся вопросами экономических связей Советского Союза со странами Латинской Америки, изучением латиноамериканской экономики и рынка.

Тем не менее в подавляющем большинстве опубликованных в то время газетных и журнальных статей рассматривались лишь отдельные аспекты прошлого и современной жизни Латинской Америки[3]. В этих работах затрагивались такие темы, как мировой экономический кризис 1929 г. и его влияние на экономику Латинской Америки, соперничество империалистических держав и экспансия США в латиноамериканских странах после первой мировой войны, проблемы революционного движения в Латинской Америке, положение рабочего класса и крестьянства в латиноамериканских странах и др. Наиболее детально освещались проблемы Аргентины, Мексики и Бразилии.

Теоретический уровень публиковавшихся в те годы работ не был достаточно высоким. Сказывался также и недостаток свежих фактических материалов из Латинской Америки. Тем не менее некоторые работы советских специалистов по Латинской Америке представляли и сейчас представляют несомненный научный интерес[4].

В дальнейшем, с начала 1930-х годов, когда при одном из секторов Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР был создан кабинет Южной и Карибской Америки в качестве первого специального центра исследований по Латинской Америке, было положено

---

[3] Общее представление об исследованиях по латиноамериканской проблематике до 1932 г. можно получить из библиографического обзора советской литературы о Латинской Америке, опубликованного журналом «Революционный Восток» (1932, № 3—4)

[4] См. Г. Донской. Борьба за Латинскую Америку. М. 1928; его же. Мексика, Куба, Аргентина. М. 1929; И. А. Витвер. Бразилия и Аргентина. М. 1930; его же. Карибские страны (Мексика, Центральная Америка, Вест-Индия). Из серии «Всемирная экономическая география». Т. XI. М. 1931; его же. Южная Америка. Из той же серии, т. X. М. 1930; А. Вольский (псевдоним С. С. Пестковского, первого дипломатического представителя СССР в Мексике). История мексиканских революций. М. 1928; его же (под псевдонимом Д. Ортега). Аграрный вопрос в Мексике. М. 1928; Ю. Н. Воронов. Полгода в Колумбии. (Впечатления участника советской экспедиции в Южную Америку в 1926 г.). Л. 1929; М. Коган. Экономический кризис в Латинской Америке. М. 1930; В. В. Светловский. Коммунистическое государство иезуитов в Парагвае в XVII и XVIII столетиях. Птгр. 1924.

начало более углубленному изучению основных проблем Латинской Америки, таких, как история национально-освободительного и рабочего движения, пути экономического развития латиноамериканских стран, аграрный и национальный вопросы и др.

В последние предвоенные годы В. М. Мирошевский написал для курса новой истории колониальных и зависимых стран три главы, в которых впервые систематически изложил некоторые основные моменты истории Латинской Америки с марксистских позиций [5]. Эта работа была крайне необходима, так как до того времени исторические исследования по Латинской Америке ограничивались лишь отдельными темами. В работе В. М. Мирошевского как в первой попытке дать марксистское освещение истории Латинской Америки имелись, конечно, неизбежные недостатки, но они не умаляют ценности проделанного автором большого труда.

В послевоенный период изучение Латинской Америки стало продвигаться более быстрыми темпами. Здесь сказалось возрастание в Советском Союзе интереса к Латинской Америке в связи с расширением дипломатических, торговых и культурных контактов с латиноамериканскими странами, а также и то обстоятельство, что в Советском Союзе в предвоенный период было подготовлено известное количество молодых специалистов по Латинской Америке. Приход этих новых научных сил способствовал более интенсивному изучению Латинской Америки.

После Великой Отечественной войны подготовка специалистов по Латинской Америке начала производиться в гораздо более широком масштабе, а ряд научно-исследовательских и высших учебных заведений как в Москве, так и на периферии занялся разработкой проблем Латинской Америки. Советские научные журналы предоставили свои страницы для систематической публикации материалов по Латинской Америке.

В связи с новым мощным подъемом национально-освободительного движения в странах Латинской Америки интерес к Латинской Америке и внимание к изучению ее проблем возросли еще более. После XX съезда КПСС, призвавшего к глубокой, всесторонней разработке истории с позиций творческого марксизма, в учебных пособиях по новой и новейшей истории стали систематически освещаться и вопросы истории латиноамериканских стран.

За последние годы в Советском Союзе по латиноамериканской проблематике опубликовано большое количество интересных статей, сборников, монографий и работ справочного и энциклопедического характера [6]. Советскими исследователями проделана значительная работа. В этом сказалось то огромное значение, которое имели для советской латиноамериканистики, как и для всей советской науки, исторические решения XX съезда КПСС. После того как партия смело и решительно раскритиковала и осудила чуждый марксизму-ленинизму культ личности Сталина, были созданы максимально благоприятные условия для творческого расцвета советских общественных наук, для продвижения вперед и устранения недостатков и ряда серьезных теоретических ошибок. Это сказалось и на состоянии исследований, посвященных Латинской Америке. Советские специалисты значительно активизировали свою научную работу, стали глубже подходить к теоретическому осмыс-

---

[5] «Новая история колониальных и зависимых стран». Т. 1. М. 1940.

[6] См. М. С. Альперович. Изучение истории Латинской Америки в Советском Союзе (краткий обзор). Сборник «Латинская Америка в прошлом и настоящем». М. 1960. Важными событиями в советской латиноамериканистике явились издания коллективных трудов «Очерки новой и новейшей истории Мексики. 1810—1945 гг.» (М. 1960) и «Очерки истории Аргентины» (М. 1961). В последнее время советские издательства стали чаще выпускать переводные книги иностранных авторов о Латинской Америке. Было издано несколько работ руководителей коммунистических и рабочих партий Латинской Америки, вышли также в свет отдельные произведения прогрессивных латиноамериканских ученых.

ливанию и анализу излагаемых фактов, расширили тематику исследований.

Благотворное воздействие на этот участок научной работы, особенно в том, что касается изучения проблем национально-освободительного и рабочего движения, оказали известное постановление ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях», принятое 9 января 1960 г., а также документы Совещаний представителей коммунистических и рабочих партий 1957 и 1960 гг., теоретически вооружившие исследователей Латинской Америки и открывшие перед ними новые перспективы и направления научной работы.

В последнее время широко практикуются такие эффективные методы работы, как научные конференции и сессии. Подготовка и проведение таких конференций позволяют мобилизовать на решение тех или иных важных проблем большой коллектив советских ученых разных специальностей.

Положительную роль в развитии советской науки по Латинской Америке сыграли прошедшие в 1960 г. научные конференции и сессии, приуроченные к 150-летию войны за независимость латиноамериканских народов. Научные сессии Института истории АН СССР, Института мировой экономики и международных отношений АН СССР, Института мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР внесли значительный вклад в изучение истории, экономики, политики и культуры стран Латинской Америки. Впервые советские специалисты так широко и всесторонне подвели итоги и поставили новые задачи по изучению коренных проблем развития Латинской Америки.

На сессии Института истории АН СССР, например, по-новому, более глубоко и верно были освещены такие крупные темы, как социально-экономические предпосылки войны за независимость 1810—1826 гг., ее характер, роль трудящихся масс в этой борьбе. Серьезной критике были подвергнуты реакционные концепции буржуазных ученых, пытающихся отрицать революционный характер войны за независимость, принизить роль народных масс и преувеличить роль отдельных исторических деятелей. Впервые в советской исторической науке была поставлена и весьма интересно освещена тема об отношении России и русского общества, в частности декабристов, к войне за независимость в Латинской Америке.

Значительный шаг вперед сделали советские специалисты и в изучении проблем современного экономического и политического развития латиноамериканских стран на сессии в ИМЭМО АН СССР, где глубокий анализ получили такие вопросы, как расстановка классовых сил в Латинской Америке, роль национальной буржуазии в настоящее время, вопрос о необходимости радикальных аграрных преобразований и т. д.

Одной из важных положительных сторон проведения научных конференций является то, что они содействуют научно-теоретическому росту наших молодых кадров, которые принимают активное участие в конференциях, выдвигают новые идеи, смело, по-новому ставят и решают ряд актуальных проблем.

В настоящее время благодаря борьбе латиноамериканских народов за свое национальное освобождение Латинская Америка приобретает особое значение в международной жизни. Позиции империализма на этом континенте становятся все более шаткими. С победой народной революции на Кубе в Латинской Америке начался новый этап национально-освободительной борьбы. «Шестидесятые годы нашего века,— сказал Н. С. Хрущев на XXII съезде КПСС,— войдут в историю как годы полного развала колониальной системы империализма»[7].

---

[7] Н. С. Хрущев. Отчет Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XXII съезду партии. М. 1961, стр. 22.

Долг советских ученых, изучающих Латинскую Америку,— учитывать в своей работе новые условия, сложившиеся в мировой обстановке, отразить их как в тематике своих исследований, так и в подходе к освещению и анализу тех явлений, которые характеризуют современное положение в Латинской Америке и ее место на мировой арене. Кое-что в этом направлении уже делается.

★

Институт истории Академии наук СССР, который недавно организовал специальный сектор истории стран Латинской Америки, планирует в ближайшее время издание нескольких важных работ. В числе их будут выпущены в свет коллективные труды: «Очерки новой и новейшей истории Бразилии (1500—1945 гг.)», сборник статей «К 150-летию войны за независимость в Латинской Америке», учебное пособие по новейшей истории европейских стран и стран Америки для исторических факультетов университетов, куда включается раздел «Латинская Америка в 1939—1961 гг.» и др. В X томе «Всемирной истории» будет помещена глава «Страны Латинской Америки в годы второй мировой войны». В перспективном плане института намечен выпуск целого ряда монографий по истории стран Латинской Америки.

В Институте этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР подготавливаются такие работы, как сборники «Вклад индейцев в сокровищницу культуры», «Формирование и развитие наций в Латинской Америке», двухтомная монография «Нации в Латинской Америке» и другие научные труды.

Академия общественных наук при ЦК КПСС намерена издать в 1962 г. коллективную научную работу на тему «Коммунистические партии Латинской Америки в борьбе за единство рабочего класса и единый антиимпериалистический фронт».

Издательство социально-экономической литературы планирует выпуск в 1962—1963 гг. двух коллективных работ: «Экономические проблемы Латинской Америки» и «Из героического прошлого народов Латинской Америки»,— а также ряда монографий по истории рабочего класса и крестьянства Латинской Америки, экспансии США и национально-освободительного движения латиноамериканских народов и др.

В издательстве Института международных отношений в 1962 г. предполагается выпустить в свет коллективные работы на темы: «Экономическое сотрудничество СССР со странами Азии, Африки и Латинской Америки», «Латинская Америка и международное право»,— краткий справочник о странах Латинской Америки.

В Государственном издательстве политической литературы редакция литературы по международным вопросам готовит выпуск серии популярных брошюр о странах Латинской Америки, которые будут составлять библиотечку «Латинская Америка сегодня».

Выход в свет этих книг восполнит до известной степени пробелы, существующие в нашей литературе по Латинской Америке. Однако, как видно из планов научно-исследовательской и издательской деятельности в области изучения Латинской Америки, еще очень и очень многое должно быть сделано для того, чтобы советские латиноамериканисты смогли наверстать упущенное в то время, когда исследованию проблем Латинской Америки не уделялось достаточного внимания, и поднять научную работу до уровня, который соответствовал бы возрастающим требованиям жизни.

★

Несмотря на успехи последних лет, необходимо признать, что в целом положение с изучением Латинской Америки остается все еще неудовлетворительным, особенно в свете тех больших задач, которые ставят перед советскими латиноамериканистами, как и перед всей советской наукой, решения XXII съезда КПСС.

Основной недостаток работы, ведущейся в СССР по изучению истории, политики, экономики и культуры стран Латинской Америки, заключается в том, что отсутствуют четкое планирование и координация исследовательской деятельности. Выбор тематики производится бессистемно, произвольно. Критерием для выбора часто является не научное значение темы, а личные склонности или интересы исследователя. Во многих случаях на выбор темы влияют соображения, связанные с наличием (или отсутствием) материала. Все это приводит к тому, что ряд важных проблем не получил и не получает разработки. Так, например, отсутствуют исследования, посвященные современному политическому и экономическому положению отдельных латиноамериканских стран и Латинской Америки в целом. Совершенно недостаточно внимание, уделяемое таким важным, актуальным вопросам, как развитие национально-освободительного и рабочего движения, развитие других прогрессивных общественных движений в Латинской Америке, анализ роли и позиции национальной буржуазии и так называемых «средних слоев» в национально-освободительной борьбе, разоблачение предательской деятельности социал-реформистских партий и др. Еще мало изучаются проблемы, связанные с колониалистской политикой империалистических держав, в первую очередь США, в отношении стран Латинской Америки, например, формы и методы этой политики. Не проанализированы противоречия империалистических держав, интересы которых сталкиваются в Латинской Америке, проблемы экономической интеграции латиноамериканских стран, планы создания региональных «общих рынков», роль государственно-монополистического капитализма в экономике стран Латинской Америки и др. Нет научных работ, посвященных дипломатическим, экономическим и культурным отношениям Советского Союза со странами Латинской Америки, хотя имеющийся в этой области опыт давно можно было бы обобщить и в связи с этим исследовать возможности и перспективы экономического, научно-технического и культурного сотрудничества стран социалистического лагеря с Латинской Америкой. Необходимо решительно актуализировать тематику исследований по Латинской Америке, имея в виду те задачи, которые поставила перед общественными науками новая Программа нашей партии. Жизнь требует исследований, посвященных таким важнейшим вопросам современности, как мирное сосуществование и экономическое соревнование двух систем, распад колониальной системы империализма. Необходимы борьба с буржуазной идеологией, разоблачение теорий антикоммунизма, реформизма и ревизионизма, а также новых форм и методов империалистической политики США в Латинской Америке, анализ до сих пор не выясненных у нас вопросов о неэквивалентном обмене, о «первоначальном накоплении» в освободившихся странах и др. Разумеется, перечень проблем, которые еще не получили достаточного освещения или совсем еще не исследовались, можно было бы продолжить.

Нельзя не отметить в качестве весьма существенного недостатка опубликованных до настоящего времени общих исследований по Латинской Америке отсутствие дифференцированного подхода к тем или иным латиноамериканским странам. Нередко их специфические особенности не только не конкретизируются, но, напротив, сглаживаются, так как исследование ведется в общей плоскости, без учета своеобразия этих стран.

У нас нет еще серьезных исследований по истории целого ряда стран Латинской Америки (Венесуэлы, Боливии, Эквадора, Перу, Колумбии, Уругвая и др.). Не решена еще такая важная проблема, как периодизация истории стран Латинской Америки. В большинстве случаев темы исторических работ слишком далеки от современности. Углубление в далекое прошлое отвлекает силы тех немногочисленных историков — специалистов по Латинской Америке, которыми мы располагаем, от изучения более близких к нам по времени проблем. В нашей научной литературе по вопросам Латинской Америки подавляющее большинство исследований ограничено очень узкими хронологическими рамками. Это не позволяет должным образом охватить развитие событий в более широком плане и дать анализ медленно протекающих, глубинных явлений. Иногда отсутствие такого широкого взгляда приводит к тому, что значение тех или иных явлений или процессов переоценивается, и от внимания исследователя ускользают отрицательные факторы, трудности борьбы, периоды отступлений и т. д.

Недостатки в изучении Латинской Америки в значительной мере связаны с острой нехваткой высококвалифицированных кадров специалистов по Латинской Америке. Настоятельная потребность в них, причем постоянно возрастающая, совершенно не удовлетворяется ни нашими высшими учебными заведениями и аспирантурой при них, ни аспирантурой при научно-исследовательских учреждениях. Нельзя не отметить тревожного положения с изучением испанского и португальского языков в высших учебных заведениях. Это положение должно быть выправлено, и чем скорее, тем лучше, ибо подготовка специалистов по Латинской Америке из лиц, не владеющих испанским или португальским языками, практически невозможна. Крайне необходимо, чтобы Министерство высшего и среднего специального образования СССР обратило внимание на расширение преподавания указанных языков в высших учебных заведениях. Следовало бы также увеличить объем сведений по истории и экономической географии стран Латинской Америки, сообщаемый студентам высших учебных заведений и учащимся средних школ. В настоящее время им дается очень мало знаний об этой части мира, которая начинает играть все более важную роль в международной жизни.

Большую пользу для углубленного изучения проблем Латинской Америки принесло бы установление более тесного сотрудничества между советскими научными работниками — специалистами по Латинской Америке и их коллегами из стран социалистического лагеря. Это сотрудничество могло бы дать весьма плодотворные результаты.

Неблагополучно обстоит дело и с координацией исследований по Латинской Америке между самими советскими латиноамериканистами. Следует надеяться, что создание по недавнему решению Президиума Академии наук СССР ряда Научных советов по комплексным проблемам с целью улучшения координации научно-исследовательских работ приведет к изменению такого положения. Латиноамериканская тематика охватывается двумя Научными советами по комплексным проблемам: «Экономическое соревнование двух систем и слаборазвитые страны» и «История национально-освободительного и рабочего движения». В последнем создана специальная секция по Латинской Америке. Советы должны объединить и координировать творческие усилия всех научных коллективов, работающих над соответствующими проблемами, путем организации совместных научных исследований и налаживания общественного контроля за правильным направлением этих исследований и их результативностью. В Научных советах найдет свое воплощение принцип коллективного руководства научными исследованиями; повысится роль научной общественности в деле организации исследований. По проблемам, связанным с изучением Латинской Америки, Научные советы должны, по нашему мнению, прежде всего вынести на обсужде-

ние самые актуальные задачи исследований, выработать планы научной работы, отвечающие требованиям жизни, наметить мероприятия по устранению недостатков, имеющихся как в трактовке проблем, так и в организации исследовательской работы. Научные советы, внеся в научно-исследовательскую работу по проблемам Латинской Америки элементы плановости и разделения труда, несомненно, будут способствовать лучшему использованию сил наших специалистов по Латинской Америке и повышению общего теоретического уровня научных исследований.

После XXII съезда КПСС, принявшего новую Программу партии — программу построения коммунизма,— задачи советских общественных наук неизмеримо возросли. Перед советскими исследователями Латинской Америки открывается широчайшее поле деятельности, где их ожидают в высшей степени важные и интересные темы для научных исследований. Есть много важных и политически острых актуальных проблем современной Латинской Америки, которые должны были бы изучаться нашими историками и экономистами.

Решению этих задач должен во многом содействовать недавно созданный Институт Латинской Америки АН СССР, который призван стать центром комплексного изучения проблем современной Латинской Америки. Научно-исследовательская работа института будет полезной также и государственным и общественным организациям, осуществляющим связи с Латинской Америкой, а тем самым — развитию и укреплению дружественных отношений между СССР и латиноамериканскими странами. Институт будет способствовать лучшей координации научной работы по Латинской Америке среди советских латиноамериканистов, установит творческий контакт с исследователями Латинской Америки в странах социалистического лагеря, с научными и культурными организациями Латинской Америки. Важной задачей института явится подготовка высококвалифицированных научных кадров в области политики и экономики стран Латинской Америки, чему будут способствовать создание при институте аспирантуры и предоставление Ученому совету института права принимать к защите кандидатские и докторские диссертации по вопросам, соответствующим профилю института.

В качестве одной из первых своих задач институт ставит подготовку ряда изданий справочного характера, в которых ощущается в настоящее время большая потребность. Имеется в виду, в частности, выпустить совместно с другими институтами и с издательством «Советская Энциклопедия» двухтомный энциклопедический справочник по истории, политике, экономике и культуре стран Латинской Америки. В планах института фигурирует также издание сборника статей, посвященного новому этапу национально-освободительного и рабочего движения в Латинской Америке, сборников статей о современной Бразилии, об успехах социалистического строительства на Кубе и многих других работ.

Нет сомнения в том, что советские ученые — специалисты по Латинской Америке активизируют свою работу и, положив в основу своей деятельности новую Программу КПСС и решения XXII съезда нашей партии, совместными усилиями добьются того, чтобы советские исследования проблем Латинской Америки явились достойным вкладом в развитие советских общественных наук и тем самым в общее дело советского народа, всего прогрессивного человечества — борьбу за создание на земле самого передового, самого справедливого и гуманного строя — коммунизма.

БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ГЕНЕЗИСА СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОСУДАРСТВ БАНТУ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АФРИКЕ

Л. А. Фадеев

В Юго-Восточной Африке на обширной территории междуречья Замбези — Лимпопо сохранились многочисленные памятники старинной африканской цивилизации: монументальные, до 100 метров в поперечнике, каменные сооружения циклопической кладки со стенами, достигающими 9 м высоты. Эти памятники, производящие потрясающее впечатление, группируются в обширные комплексы. Кроме крепостных руин, в междуречье сохранилось много шахт по добыче цветных металлов, а также земледельческих террас, покрывающих склоны холмов на огромной площади в 10 тыс. кв. км. В ходе раскопок, ведущихся уже около 70 лет, была обнаружена богатая материальная культура эпохи развитого железного века. По местному названию главного из комплексов величественных остатков — Большое Зимбабве — получила название и вся эта культура.

Письменные источники говорят о существовании в средние века на территории междуречья крупного государственного образования африканцев — Мономотапа. Выявление облика, специфических черт и происхождения культуры Зимбабве, ее связи с Мономотапой и история последней представляют большой интерес для науки. Речь идет не только о том, чтобы заполнить огромный пробел во всемирной истории. Следует помнить, что народы Юго-Восточной Африки, до сих пор страдающие от колониального гнета, внесли значительный вклад в мировую цивилизацию. Это обстоятельство замалчивается реакционной буржуазной историографией, стремящейся изобразить колониальную экспансию европейских держав в XVIII — XX вв. как «культуртрегерскую миссию», а покоренные народы Африки — не знавшими цивилизации «варварами». Вот почему изучение действительной истории африканских народов и разоблачение реакционных измышлений идеологов империализма и колониализма является насущной задачей науки нашего времени, идейно способствует борьбе народов Африки за их полное национальное и социальное освобождение.

Мировая научная общественность давно проявляла большой интерес к памятникам Зимбабве. Появление в стране, которая, как полагали ранее, не знала жилища совершеннее простой хижины, монументальных каменных зданий казалось загадкой. В буржуазном мире имелись и другие причины для возросшего интереса к этому району Африки. Территория современного Мозамбика и Родезии, ставшая во второй половине XIX в. объектом активной колониальной экспансии, приковывала к себе внимание множества различных предпринимателей, искавших легкого обогащения. Открытие южноафриканского золотоносного рифа в 1884 г., давние слухи о «золотом государстве» Мономотапа, находки заброшенных золотых рудников — все это разжигало страсти «рыцарей наживы». Если с Америкой была связана легенда о сказочном Эльдорадо, то Родезию стали считать страной библейского Офира. Авантюристы и читающая публика жаждали новых известий о «золотой» Мономотапе. Энтузиазм исследователей подогревался вызвавшими сенсацию накану-

не начала изучения Зимбабве поразительными раскопками Генриха Шлимана в Малой Азии: открытие легендарного Офира казалось делом не менее заманчивым, чем открытие Трои.

Нашедший Большое Зимбабве А. Рендерс оставил лишь краткую заметку о самом факте открытия. Но уже Карл Маух, посетивший Зимбабве в 1871 г., нашел «полное сходство» между этим памятником и храмом царя Соломона и впервые заявил, что живущие здесь банту не имеют никакого отношения к этим величественным руинам [1]. Ярым пропагандистом теории неавтохтонного происхождения культуры Зимбабве был англичанин Теодор Бент. В 1891 г. он посетил Юго-Восточную Африку, а затем подытожил результаты своих изысканий в книге «Разрушенные города Машоналенда». Еще в 1889 г. Бент обнаружил в захоронениях на островах Бахрейн древние вещи, близкие к финикийским, и на основании этого объявил Бахрейн колыбелью «финикийской расы», переселившейся отсюда на юг Аравии и в Финикию. Ведущим признаком этой расы Бент считал «предприимчивость» и поэтому предположил, что в поисках выхода для своей энергии южная, сабейско-химьяритская ветвь финикийцев занялась колонизацией и заселила богатое золотом междуречье Замбези — Лимпопо. В защиту своей гипотезы он привел несколько примеров архитектурного сходства между Зимбабве и храмом Мариба в Аравии. По мнению Бента, племена макаранга, издавна живущие близ Зимбабве, обнаруживали ряд семитических черт в обычаях и внешнем облике [2].

Несмотря на легковесность аргументации, теория Бента была поддержана Г. Шлихтером [3] и другими лицами, выдвинувшими в ее защиту ряд предположений, иногда с некоторыми оговорками. Так, Ричард Холл говорил о средиземноморско-финикийском происхождении Зимбабве. Однако особой разницы между этими понятиями он и сам не видел. У Холла прежняя версия приобрела вид непреложной истины. Этот автор разделил всю культуру Зимбабве на четыре периода, соответственно выделенным им архитектурным стилям. Временем высшего расцвета он считал древнейший период, к которому он относил главные сооружения Зимбабве: «Акрополь» и «храм»; с этим периодом он связывал обнаруживаемые при раскопках массивные золотые украшения. Второй период он называл временем менее импозантных сооружений (Дхло-Дхло, Кхами и др.), для которого он считал характерными фаллические изображения, фигуры птиц из мыльного камня и слитки металла в виде косого креста «ханда». Третий и четвертый периоды были, по его мнению, эпохой упадка, давшей лишь грубые каменные постройки, сходные с современными местными жилищами; изящные золотые украшения были заменены латунными, железными и медными; в быту преобладали примитивные поделки из плохого железа и грубая лепная керамика [4]. Классификация памятников, предложенная Холлом, не имела под собой серьезной основы; она не отражала действительной эволюции памятников в их хронологической последовательности. Да это и не интересовало Холла, ибо классификация была создана им для оправдания априорного деления истории междуречья на три культурно-исторические эпохи: доисторическую — время высшего расцвета культуры, «занесенной» на континент семитами Аравии и Средиземноморья задолго до нашей эры; историческую — когда семитическая культура «кафризировалась» под влиянием появившихся в IX в. банту (грубые стены и вещи «III стиля» Зимбабве); позднетуземную (после 1750 г.) — когда появились камен-

[1] K. Mauch. Reisen in Innern von Süd-Afrika, 1865—1872. «Petermann's Mitteilungen», 1899, Ergänzungsheft, № 37.

[2] T. Bent. The Ruined Cities of Machonaland. London. 1893, pp. 40, 52, 76.

[3] H. Schlichter. Travels and Researches in Rhodesia. «Geographical Journal», vol. XIII, 1899.

[4] R. N. Hall, W. G. Neal. The Ancient Ruins of Rhodesia. London, 1902, p. 166.

ные насыпи на вершинах холмов, а типичным сооружением стал современный крааль. Это культура племен макаранга, легойя и малемба.

Взгляды Холла были кульминационным пунктом в развитии теории древнесемитского происхождения Зимбабве. В ней полностью проявились беспримерный дилетантизм ученых этого направления и реакционная идеология адептов колониализма с ее разделением людей на «высшие» и «низшие» расы и неверием в творческие силы негритянских народов [5].

Родезийским памятникам был нанесен серьезный ущерб. Раскопки велись отдельными траншеями; материал, не имевший сенсационного значения, зачастую выбрасывался; стратиграфия отсутствовала. Позднейшие археологи с сожалением отмечали оставленные Холлом разрушения [6]. Из работ этих лет значительную ценность имеют лишь исследования Джорджа Тиля, содержащие большую сводку материалов [7], и археологические изыскания Фр. Уайта на Дхло-Дхло в 1898 году.

Новый период в истории изучения Зимбабве начинается с 1905 г., когда раскопки Р. Мак-Ивера дали первую научную стратиграфию родезийских древностей. Мак-Иверу удалось опровергнуть тезис Холла о культурном разрыве между «древним» слоем и средневековым, содержавшим привозное арабское стекло и китайский фарфор. Было получено неопровержимое доказательство того, что культура Зимбабве являлась средневековой [8]. Выступив против предположения о внедрении иноземной культуры в Родезию ранее XI в. н. э., Мак-Ивер первым заявил, что цивилизация Зимбабве была результатом естественной эволюции совершенно не подпадавших под чужое влияние негров-банту, а руины Иньянга и Умтали он определил как прототип Зимбабве. Мак-Ивер доказал, что материальная культура Зимбабве нисколько не противоречила письменным данным о негритянском государстве Мономотапа, а основой экономической жизни Зимбабве — Мономотапы он признал скотоводство и огородничество. Холл, подвергший первоначально книгу Мак-Ивера яростным нападкам, в конце концов вынужден был отречься от целого ряда своих прежних утверждений и, отказавшись от финикийской версии происхождения Зимбабве, ограничиться смутными рассуждениями о миграции какой-то иноземной семитической культуры. Следует заметить, что теории Мак-Ивера был присущ в то же время ряд серьезных недостатков. Его выводы опирались на довольно узкий фактический материал и были несколько декларативны; явно неосновательным было положение об Иньянга и Умтали как прототипе Зимбабве; взгляды Мак-Ивера страдали механистичностью, чрезмерным эволюционизмом. Тем не менее должно оценить заслугу Мак-Ивера как основоположника теории автохтонного происхождения памятников междуречья. Ее главные тезисы были подтверждены раскопками Дульсина и Мазэя в 1909 году [9].

Среди работ последователей Мак-Ивера наибольшее значение имели исследования Дорнана и Шофилда, подвергших уничтожающей критике «сабейскую» (арабскую) теорию происхождения Зимбабве. Эти авторы рассматривали «храм» Зимбабве как резиденцию вождя банту. В знаменитых монолитах, считавшихся ранее фаллосами, они видели могильные камни, воздвигнутые в честь умерших вождей; птицы из мыльного камня были, по их мнению, тотемными изображениями; мака-

---

[5] R. N. Hall. Prehistoric Rhodesia. London. 1909, p. 115.

[6] G. Caton-Thompson. Mapungubwe. The Excavations and Culture. «Antiquity». vol. 13, 1939, № 31, p. 325.

[7] G. Mac Coll Theal. Records of South-Eastern Africa. Vol. 1—9. Cape-Town. 1898—1903; ejusd. History of South Africa. London. 1927.

[8] R. Mac Iver. Mediaeval Rhodesia. London. 1906.

[9] F. E. Masey. Zimbabwe: an Architect's Notes. «Proceedings of Rhodesia Scientific Associations», vol. XI, 1911, pp. 39—40.

ранга и другие банту, полагали они, занимали Южную Родезию вплоть до прихода племен матабеле. Эти дополнения к теории Мак-Ивера казались правдоподобными; однако недостаточная изученность всех имевшихся материалов делала данные выводы не вполне убедительными.

В 1920-е годы вместе с ростом колониального гнета в период общего кризиса капитализма усилилось идеологическое наступление реакции в сфере общественных наук. В африканистике это проявилось в разработке новой, так называемой хамитской теории, в свете которой пересматривались все важнейшие вопросы этногенеза и культурной истории Африки. Немецкий этнограф Лео Фробениус [10] сформулировал версию о принадлежности одних народов Африки к активной, самостоятельной «хамитской» культуре, а других — к пассивной, социально зависимой «эритрейской». К последней принадлежали якобы и памятники Зимбабве. Эта точка зрения была поддержана и другими ярыми миграционистами, в частности Зелигманом и Шпаннаусом, выдвинувшими положение о хамитском влиянии на политическую структуру и социальную жизнь ряда государств банту, в том числе и Мономотапы. Отрицавшее возможность самостоятельного развития неграми высокой цивилизации, это положение открыто служило теории превосходства одних народов над другими, оправдывало расистские измышления буржуазных лжеученых. Оно нашло отражение и в работах реакционной школы «культурных кругов». В 1926 г. один из ее последователей, австрийский ученый Шебеста, опубликовал результаты своих исследований о Мономотапе [11]. Его работа содержала ряд важных, новых для науки данных об общественной и политической жизни негритянского государства (характеристика исключительно высокого положения женщин в стране; хронология правления вождей банту; тезис о преобладании народа макаранга и др.). Шебеста показал, что португальцы, сообщившие ряд сведений о Мономотапе, фальсифицировали ее историю. Однако порочный методологический подход к вопросу о происхождении Зимбабве, подчеркивание ведущей роли «северного влияния» грубо искажали подлинную картину событий и мешали разрешению проблемы о генезисе Мономотапы, лишь запутывая исследователей.

Последующие годы явились временем сбора археологами и этнографами новых данных о Зимбабве. Наибольшее значение имели работы Ван Рит Лоу, Чарльза Буллока [12] и Гертруды Кэтон-Томпсон. Исследовав Большое Зимбабве, Дхло-Дхло и руины резервата Саби, Кэтон-Томпсон издала капитальный труд по истории цивилизации Мономотапы. Ей удалось убедительно доказать средневековый характер и определенное единство культуры Зимбабве. Особенно ценным было сделанное Кэтон-Томпсон наблюдение о важной роли обработки железа в жизни насельников междуречья и сравнительно малом значении добычи и обработки золота. Тщательно изучив стратиграфию и местные постройки, Кэтон-Томпсон обнаружила, что руины насчитывают не более 1 000 лет существования, а расцвет их совпадает с исторически известной Мономотапой; что существует глубокая внутренняя связь Зимбабве с культурой аборигенов Родезии и Мозамбика [13]. Однако и полезные работы Кэтон-Томпсон не менее других отмечены чертами кризиса буржуазной историографии. Незнание подлинно научной методологии исследования

---

[10] L. Frobenius. Monumenta Africana. Frankfurt a. M. 1929; ejusd. Erythräa. Länder und Zeiten des heiligen Königsmordes. Berlin. 1931; ejusd. Zimbabwe. «Umschau, Bd. 35, 1931.

[11] P. P. Schebesta. Die Zimbabwe-Kultur in Afrika. «Anthropos», Bd. 21, 1926, S. 484—522.

[12] Van Reet Low. Preliminary Report on the Stone Huts of Vechkop. «Journal of Royal Anthropological Institute», vol. LVII, 1927; Ch. Ballock. The Mashona. Juta. 1929.

[13] G. Caton-Thompson. The Zimbabwe Culture. Oxford. 1931, pp. 190—197.

привело Кэтон-Томпсон к ряду уступок ее же противникам, обусловило ее беспомощность при попытке обобщения накопленного в ходе раскопок громадного фактического материала. Когда Кэтон-Томпсон попыталась выяснить, как возникла культура Зимбабве, она зашла в тупик. Характерное для Зимбабве строительство из камня вовсе не противоречило уровню развития тогдашних негров-банту; но Кэтон-Томпсон никак не могла понять, каким образом у банту возникла самая идея строить из камня. Верившая в примат духа и идей, Кэтон-Томпсон оказалась не в силах постичь, что каменное строительство явилось закономерным следствием прогресса общества и материальной культуры банту при наличии весьма пригодных для развития этой отрасли ремесла природных условий Южной Родезии. Поэтому она прибегла к версии о привнесении данных представлений из Индии или Аравии [14]. Так неверие в универсальность и значимость внутренних закономерностей развития общества неизбежно привело Кэтон-Томпсон к признанию теории диффузионизма (версии о распылении культурных достижений из одного центра) и защите миграционной теории зарождения культуры с проистекающей отсюда верой в загадочные «неизменные» свойства цивилизаций различных групп мигрантов.

Реакционная хамитская теория оказала сильное влияние на исследователей Юго-Восточной Африки. Вот почему ряд новых открытий археологов и этнографов, сделанных в 1920-е и 1930-е годы, не мог быть осмыслен с правильных теоретических позиций, а их истолкование в старом духе лишь содействовало нарочитому усложнению проблемы. Так, в 1931—1934 гг. на берегу р. Лимпопо возле Мессины были обнаружены следы бантуской цивилизации, близкой к Зимбабве [15]. Однако открывшие ее археологи Фуше и Джонс запутали вопрос об этой культуре, пытаясь определить роль «расового фактора» в ее развитии. Без должного внимания были оставлены работы Кроуфорда об ирригационных сооружениях Иньянга XVI в., свидетельствовавших о наличии у средневековых банту террасно-переложного земледелия [16]. Находки бантуских земледельческих террас и построек из камня в Восточной Африке были отнесены Хантингфордом, последователем школы «культурных кругов», к «азанийской цивилизации», созданной якобы мигрантами-хамитами и входящей в некий хамитический ареал (Уганда, Кения, Эфиопия, Западный Сомали), являющийся частью «мегалитического ареала» (от Пиренеев до Индонезии) [17]. Сторонники азанийской теории поспешили объявить мифическую Азанию архетипом Зимбабве [18]. Даже Вишхофф, успешнее других исследовавший руины Тере и Рузапе, а также на р. Шаши и в Западном Мозамбике и справедливо доказывавший местное, типично бантуское происхождение вещей, найденных при раскопках, подпал под влияние хамитской теории, не сумел разобраться в последовательной смене культур междуречья и безрезультатно пытался сочетать несовместимые представления Фробениуса и Мак-Ивера [19].

Таким образом, хотя к концу 1930-х годов неопровержимые факты заставили склониться большинство буржуазных исследователей к признанию тождества Зимбабве и Мономотапы, что практически означало признание автохтонности местной, негритянской цивилизации, даже наи-

---

[14] G. Caton-Thompson. Mapungubwe. The Excavations and Culture. «Antiquity», vol. 13, 1939. № 31, p. 327.

[15] L. Fouché. Ancient Bantu Civilization on the Limpopo. Cambridge. 1937.

[16] O. G. S. Crawford. Rhodesian Cultivation Terraces. «Antiquity», vol. XXIV, 1930.

[17] G. W. B. Huntingford. The Azanian Civilization of Kenia. «Antiquity», vol. VII, 1933; ejusd. The Hagiolithic Cultures of East Africa. «Eastern Anthropologist», vol. III, 1950, p. 234.

[18] S. Cole. Prehistory of East Africa. London. 1954, p. 271.

[19] H. A. Wieschhoff. The Zimbabwe-Monomatapa Culture in Southeast Africa. Menasha. 1941, pp. 42, 78, 110.

более передовые зарубежные ученые не могли сдвинуться с мертвой точки в вопросе об изначальном происхождении этой цивилизации. По-прежнему преобладали схематические построения, комбинировавшие элементы теории «диффузии» культурных элементов, теории «культурных кругов» и миграционистской теории, от которых попахивало утонченным расизмом. Наконец, ни один из представителей буржуазной историографии даже не поставил вопроса о сущности генезиса государства Мономотапа, о процессе классообразования в бантуском обществе. Формы государственности оказывались, таким образом, либо «привнесенными извне», либо появившимися неведомо откуда. Подобные представления идейно способствовали усилению колониального гнета, облегчали империалистическим кругам ведение пропаганды о «великой цивилизаторской миссии» европейцев, несших «высшие достижения» культуры неграм, никогда якобы не имевшим своих самостоятельных государств и неизбежно подчинявшихся иноземцам.

Углубление кризиса колониальной системы в послевоенные годы, широкий подъем национально-освободительного движения в Африке обострили идейно-политическую борьбу между разными направлениями в африканистике, сделали проблему происхождения негритянских государств политически злободневной и крайне актуальной в научном отношении. Пробудившееся национальное самосознание коренных жителей доминионов и колоний, их стремление утвердить самоценность своей уходящей корнями в историческое прошлое культуры содействовали в конечном счете развертыванию антиимпериалистической борьбы.

В этой обстановке сторонники реакционного направления в африканистике постарались подвергнуть некоторой поверхностной модификации прежние воззрения о насельниках Мономотапы, сохранив, однако, старую теоретическую базу. Так, Уэйнрайт выдвинул версию о народности галла как о передаточной культурной инстанции между семитами и банту в VII—IX вв. и как о творцах сооружений Зимбабве, лишь использовавших для возведения последних местную рабочую силу [20]. Коул попыталась доказать, что после эпохи мезолита Черная Африка погрузилась в спячку, из которой ее пробудили переселенцы с севера [21]. Взгляды Уэйнрайта и Коул ни в какой мере не соответствовали фактическому материалу, накопленному наукой. Более осторожную точку зрения проповедовал Брейтц, подвергший детальной классификации культурные памятники Юго-Восточной Африки. Брейтц разделил их на 11 типов, связываемых им с тремя историко-культурными «слоями»: бантуским, мегалитическим и поздненеолитическим. Подменив хамитов «носителями мегалитической цивилизации», Брейтц, в свою очередь, выводил истоки последней из Аравии, пославшей на юг несколько миграционных волн, каждая из которых якобы принесла с собой отдельные типы вещей, заимствованных банту [22]. Произвольно подбирая факты, Брейтц в ряде случаев шел на грубое искажение исторической действительности. Так, явно ненаучной, сугубо реакционной, отрицающей исторические достижения многих цивилизаций Африки и Востока является его попытка слить воедино разнородные и разновременные памятники, подогнать их под грани вышеупомянутой трехчленной схемы. Взгляды Брейтца характеризуют собой одно из наиболее реакционных течений в современной буржуазной этнологии. Они открыто служат «историческому обоснованию» объединения слаборазвитых территорий Афразии в рамках колониальных империй.

---

[20] G. A. Wainwright. The Founders of the Zimbabwe Civilization. «Man», vol. 49, 1949.

[21] S. Cole. Op. cit., p. 271.

[22] P.-L. Breutz. Stone Kraal Settlements in South Africa. «African Studies», vol. 15, 1956, № 4, pp. 121—125.

Прогрессивное направление в послевоенной буржуазной историографии представлено работами Шофилда и Саммерса, продолживших традиции школы Мак-Ивера. Шофилд создал логичную и довольно стройную теорию происхождения Зимбабве. Он показал единство культуры керамического производства в Юго-Восточной Африке с древнейших времен до наших дней. На первом этапе этого производства (IV—XI вв.) складываются предпосылки цивилизации Зимбабве, представленной вещами банту-батонга. На втором историческом этапе (XII—XVII вв.) банту-шона, использовав достижения батонга, основали государство Мономотапа. На третьем этапе (1693—1834 гг.) банту-розви, разгромившие шона, создали государство Мамбо, просуществовавшее вплоть до вторжения народности нгуни [23]. Ценность этой периодизации состоит в том, что она позволяет проследить развитие банту в период, предшествовавший усиленной колониальной экспансии Англии в Африке, и наносит удар по лживой пропаганде современных пособников империализма, «доказывающих», что только белые дали культуру негритянским народам, жившим еще по «доисторическим канонам».

Главные выводы Шофилда развил и дополнил Роджер Саммерс, самостоятельно исследовавший памятники Иньянга. В основу своей периодизации Саммерс положил развитие производительных сил в бассейнах Замбези и Лимпопо, в соответствии с которым он разделил историю этого района на эпоху штампованной керамики и раннего железного века, эпоху руинной керамики и развитого железного века, эпоху иньянгской керамики и совершенного железного века, эпоху керамики нгуни и современного железного века. В каждую эпоху, по Саммерсу, взаимодействовало два культурных потока. Один из них принес искусство обработки железа, другой — умение возводить гигантские сооружения. Саммерс не отрицает того, что в междуречье часто вторгались мигранты, но, в отличие от сторонников реакционного направления в историографии, считает все главные группы переселенцев волнами местного, бантуского происхождения. Согласно его теории, в I тысячелетии н. э. неолит в Родезии сменился железным веком: жившие к северу от Замбези племена, заняв междуречье, стали добывать здесь руды и разводить крупный рогатый скот. В XIV—XV вв. переселенцы из бассейна Конго, возведшие здания Большого Зимбабве, создали государство Мономотапа, с XVI в. вступившее в контакт с европейцами [24]. Главным выводом Саммерса явилось утверждение, что «Зимбабве построено африканцами для африканцев» [25].

Международная конференция археологов-африканистов и востоковедов (Лондон, 1953 г.) признала теорию Шофилда — Саммерса наиболее вероятной [26], что свидетельствовало о значительных успехах прогрессивного направления в буржуазной историографии. Тем не менее должно помнить, что и этой концепции присущи весьма серьезные недостатки, прежде всего безразличное отношение к социальным проблемам в истории Зимбабве. А ведь без разрешения данной проблематики невозможно выявить пути генезиса первых негритянских государств Юго-Восточной Африки. Шофилд и Саммерс, нередко страдавшие эклектизмом в своих взглядах, были далеки от историко-материалистической трактовки развития общества и не понимали закономерностей его эволюции. К тому

[23] J. F. Schofield. Primitive Pottery. Cape-Town. 1948; ejusd. A Survey of the Recent Prehistory of Southern Rhodesia. «South African Journal of Science» («SAJS»), vol. XXXVIII, 1942, pp. 81—111.

[24] R. Summers. Inyanga: a Preliminary Report. «Antiquity», vol. XXVI, 1952; ejusd. Iron Age Cultures in Southern Rhodesia. «SAJS», vol. XLVI, 1950; ejusd. The Dating of the Zimbabwe Ruins. «Antiquity», № 114, 1955; ejusd. Zimbabwe: Capitale of an Ancient Rhodesian Kingdom. «Africa South», vol. 2, 1958, № 2.

[25] R. Summers. Zimbabwe..., p. 57.

[26] «History and Archaeology in Afrika. Report of Conference Held in July 1953 at the School of Oriental and African Studies». London, 1953, pp. 75—80.

же в своей борьбе с реакционной теорией диффузионизма Саммерс был весьма непоследователен и порой склонялся к сходным воззрениям, отказываясь объяснить прогресс культуры Зимбабве внутренними причинами и уповая на якобы первенствующую роль миграционных потоков. В том же духе трактует историю мономотапских банту близкий коллега Саммерса Робинсон [27].

Таким образом, на сегодня наука располагает уже рядом фактов, позволяющих утверждать, что еще до европейского вторжения в Африку негры-банту обладали довольно высокой культурой железного века, имевшей отдаленные связи с цивилизациями бассейна Индийского океана; что эта культура, наиболее ярко проявившаяся в великолепных памятниках Зимбабве, нашла свое развитие в рамках государства Мономотапа; что цивилизация Зимбабве — Мономотапа — не случайное и не привнесенное откуда-то извне чужеродное явление, а закономерный этап исторической эволюции местного общества.

Однако в целом нельзя считать этот вопрос полностью ясным. Он подлежит дальнейшей длительной разработке и очищению от всех тех «теоретических» плевел, которые являются наследием антинаучных концепций, бытующих в буржуазной историографии. Необходимо глубокое изучение социально-экономических отношений в обществе Зимбабве и этногонических процессов в Юго-Восточной Африке VI—XIX столетий. Не до конца ясно, какое место занимает культура Зимбабве в африканской культуре вообще. Не выявлен характер взаимоотношений Мономотапы с мозамбикским государством Софала позднего времени и конголезским государством Балуба. На повестке дня — критический пересмотр всего фактического материала, накопленного буржуазной наукой, в связи с чем встают серьезные задачи перед советскими африканистами, только еще приступающими к детальной разработке данной тематики [28]. Особенно важно поставить с головы на ноги безнадежно запутанный буржуазными исследователями вопрос о социальных корнях и конкретных путях генезиса первых государств банту в Юго-Восточной Африке, дать четкую классовую характеристику общества Мономотапы.

Развитие научных представлений об истории Зимбабве идет в постоянной борьбе прогрессивного и реакционного направлений в зарубежной исторической науке. Идеологи империализма, адепты колониализма стремятся использовать любую возможность для того, чтобы одурманить сознание освобождающихся народов, навязать им свои реакционные представления, продлить свое господство на африканской земле. Страны междуречья Замбези и Лимпопо — один из последних колониальных бастионов британского и португальского империализма. Вот почему с такой остротой стоит сейчас вопрос о признании исторической самостоятельности культуры аборигенов этого района, вот почему сторонники реакционного направления идут на возрождение откровенно расистских взглядов, на подтасовывание фактов, на прямую фальсификацию. Однако ныне, когда «мощная волна национально-освободительных революций сметает колониальную систему империализма» [29], любые оправдывающие колониализм псевдонаучные этнологические и исторические концепции обречены на провал.

---

[27] K. R. Robinson. Khami Ruins. Cambridge. 1959.

[28] См. доклад В. В. Матвеева на XXV Международном конгрессе востоковедов в Москве (1960 г.) «Северные пределы распространения восточных банту (зинджей) в X в. по арабским источникам», а также наши статьи: «Проблема происхождения культуры Зимбабве» («Советская этнография», 1960, № 2); «Мономотапа» («Советская этнография», 1961, № 3). Ценные материалы содержатся в сборнике «Арабские источники VII—X веков по этнографии и истории Африки южнее Сахары». М.—Л. 1960.

[29] «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М. 1961, стр. 5.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

В Отделении исторических наук АН СССР и Научных советах

К ИТОГАМ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК АН СССР ЗА 1961 ГОД *

В 1961 г. Отделение исторических наук АН СССР (ОИН) и его учреждения в своей деятельности руководствовались научно-исследовательским планом по основным направлениям и проблемам исторической науки, определенным в соответствии с задачами, поставленными перед советской наукой решениями XX и XXI съездов КПСС и постановлением ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях». Большой творческий подъем в научной работе вызвал XXII съезд партии, принявший новую Программу КПСС [1]. К съезду институты Отделения сверх плана выпустили и подготовили к печати ряд работ на актуальные темы. В их числе коллективный труд «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС» (Институт истории), опубликованные накануне съезда сборники «Против фальсификации истории Востока» (Институт народов Азии), «Африка. 1956—1961 гг.» (Институт Африки), «Куба» (Институт этнографии, при участии видных кубинских общественных деятелей) и т. д.

Важную роль в улучшении научно-исследовательской и научно-организационной деятельности учреждений ОИН сыграли Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению координации научно-исследовательских работ в стране и деятельности Академии наук СССР» и Всесоюзное совещание научных работников, состоявшееся в Москве в июне 1961 года. В свете этого постановления и материалов совещания Отделение обратило особое внимание на активизацию деятельности Научных советов, призванных непосредственно осуществлять координацию исследовательской работы по важнейшим проблемам исторической науки. Одновременно была усилена координация научной деятельности по таким комплексным дисциплинам, как славяноведение и востоковедение [2].

Стремясь максимально приблизить научно-исследовательскую деятельность к задачам коммунистического строительства, коммунистического воспитания трудящихся, Отделение осуществило ряд мер по концентрации усилий научных коллективов на разработке наиболее актуальных направлений и проблем исторической науки.

В течение 1961 г. учреждениями ОИН по всем направлениям и разделам плана научных исследований завершены и подготовлены к печати 84 работы и издана 331 книга общим объемом свыше 6 тыс. печатных листов. Более полутора тысяч различных материалов (статей, сообщений, архивных документов, рецензий и т. п.) было опубликовано в 10 журналах Отделения и входящих в его состав институтов.

Значительное место в деятельности учреждений ОИН занимало создание обобщающих трудов. Вышел из печати 8-й том «Всемирной истории», охватывающий период революционного подъема 1917—1923 годов. В этом томе впервые в советской исто-

---

* Данный обзор составлен по материалам отчетов учреждений Отделения о научной деятельности за 1961 год.

[1] См. «Советские историки обсуждают задачи науки в свете решений XXII съезда КПСС». «Вопросы истории», 1962, № 1.

[2] В 1961 г. было проведено Первое координационное совещание по актуальным проблемам славяноведения (24—27 января) (см. «Вопросы истории», 1961, № 6, стр. 111—114) и Первое координационное совещание по востоковедению (27—29 июня).

риографии освещены в тесной взаимосвязи события Великой Октябрьской социалистической революции и происходившие под ее влиянием революционные движения во всех странах мира. Подготовлен к печати 9-й том «Всемирной истории», посвященный важнейшим историческим событиям, происходившим в Советском Союзе и в капиталистических странах Запада и Востока в 1924—1939 годах. Вышел из печати 1-й том «Советской исторической энциклопедии», подготовленный ОИН совместно с государственным издательством «Советская энциклопедия».

В Институте истории продолжалась работа по подготовке многотомной «Истории СССР». Ленинградским отделением того же института завершена работа над четвертым томом «Очерков истории Ленинграда», охватывающим период с апреля 1917 г. до начала Великой Отечественной войны. Подготовлена к печати книга для массового читателя по истории СССР с древнейших времен до наших дней.

Институт этнографии сдал в издательство три тома из серии «Народы мира»: «Народы Центральной и Юго-Восточной Европы», «Народы Восточной Азии», «Этнический состав и расселение народов мира». Заслуживает внимания выпуск многокрасочной карты народов мира (руководители Н. Е. Терлецкий, С. И. Брук). При помощи лингвистической классификации на карте обозначено около 800 народов и этнических групп.

Среди работ обобщающего характера по истории отдельных зарубежных стран следует отметить изданные Институтом истории «Очерки истории Аргентины», в которых освещаются основные моменты исторического развития страны, причем главное внимание уделяется периоду новейшей истории. Институтом народов Азии издан коллективный труд «Новая история Индии». Тем же институтом опубликована коллективная обобщающая работа «Республика Индонезия». Институтом славяноведения подготовлена двухтомная «История Югославии», в которой впервые дается систематическое изложение истории народов ФНРЮ с древнейших времен до 1945 года.

В учреждениях Отделения в минувшем году продолжалась работа по созданию трудов, направленных на разоблачение буржуазных фальсификаций истории, а также по изучению истории исторической науки. В этой связи прежде всего следует упомянуть опубликованный Ленинградским отделением Института истории сборник статей «Критика новейшей буржуазной историографии». Институтом народов Азии подготовлен сборник «Против фальсификации истории колониализма». Можно также назвать брошюру В. Т. Пашуто, В. И. Салова, А. Л. Хорошкевич «Против фальсификации истории нашей Родины в западногерманской историографии» (Институт истории), выполненную сверх плана.

Из завершенных работ по историографии следует отметить уже упоминавшийся выше сборник «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС» (в двух частях), подготовленный научными сотрудниками Института истории на общественных началах к XXII съезду КПСС. Первая часть сборника посвящена истории СССР, вторая — истории стран Западной Европы и Америки. Обе книги снабжены указателями работ по истории советской исторической науки. В Институте истории завершена работа над рукописью 3-го тома коллективного труда «Очерки истории исторической науки в СССР», который охватывает период с половины 90-х годов XIX в. до Великой Октябрьской социалистической революции.

По одному из ведущих направлений научно-исследовательского плана Отделения — «История социалистического и коммунистического строительства в СССР» — велась работа над комплексом вопросов истории Великой Октябрьской социалистической революции, истории социалистического строительства и культурно-бытовых изменений у народов СССР в период развернутого строительства коммунизма. Среди изданных работ по этим проблемам следует прежде всего упомянуть два сборника статей по истории рабочего класса. Один из них — «Изменения в численности и составе советского рабочего класса» (Институт истории) — посвящен малоизученной теме: количественным и качественным изменениям в составе рабочего класса за годы Советской власти. Второй сборник — «Союз рабочего класса и крестьянства на современном этапе» — подготовлен на основе материалов научной сессии, проведенной Институтом истории совместно с Академией общественных наук при ЦК КПСС (АОН). В статьях сборника рассматриваются мероприятия Коммунистической партии и Советского правительства по подъему сельского хозяйства между сентябрьским Пленумом ЦК КПСС

(1953 г.) и XXII съездом партии, показано их значение для дальнейшего укрепления союза рабочего класса и крестьянства. В специальных историографических статьях сборника подводятся итоги изучения этой проблемы и разоблачаются фальсификации буржуазных историков.

Истории комсомольско-молодежных и фронтовых бригад в период Великой Отечественной войны посвящен сборник статей, воспоминаний и документальных материалов «В труде, как в бою». В основу этого подготовленного вне плана сборника положены материалы совещания, проведенного группой по истории рабочего класса и промышленности СССР (Институт истории) совместно с Государственным музеем революции СССР.

Из работ, посвященных истории Великой Отечественной войны, заслуживает внимания опубликованный Институтом истории внеплановый коллективный труд «Битва под Москвой». Эта книга, основанная на неопубликованных архивных материалах, раскрывает организующую и руководящую роль Коммунистической партии, деятельность Московской партийной организации и Моссовета по мобилизации трудящихся столицы на отпор врагу, патриотизм и героизм москвичей в защите родного города, развертывание партизанского движения в Подмосковье. Подготовлен также коллективный труд «Великая Отечественная война Советского Союза (1941 — 1945 гг.). Хроника событий». История культурного строительства в СССР в годы Великой Отечественной войны освещается в подготовленной к печати монографии Л. В. Максаковой «Советская культура в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.)» (Институт истории).

Из опубликованных сотрудниками Института истории работ по вопросам послевоенной истории советского общества можно назвать две внеплановые брошюры: «Сельское хозяйство СССР в первые годы семилетки» и «О тех, кто идет впереди» (о зарождении и развитии движения за коммунистический труд на предприятиях Октябрьского района столицы).

По истории внешней политики СССР прежде всего следует отметить опубликованную Институтом народов Азии книгу «СССР и страны Востока. Экономическое и культурное сотрудничество», посвященную сотрудничеству нашей страны с азиатскими государствами. Кроме того, институтом выпущен сборник «Советско-арабские дружественные отношения», важное место в котором занимает освещение роли Советского Союза в создании нового типа международных отношений в Азии. Обе работы раскрывают большое значение помощи СССР для укрепления политической и экономической независимости слаборазвитых стран. В Институте истории подготовлена монография А. О. Чубарьяна «Брестский мир и позиция стран Антанты».

Разработке истории социалистического и коммунистического строительства в нашей стране существенно содействовало неоднократное обсуждение указанной тематики на общих собраниях ОИН, заседаниях Научных советов по проблемам, конференциях, сессиях и совещаниях. Так, на общем собрании Отделения были заслушаны сообщения чл.-корр. АН СССР М. П. Кима «О некоторых вопросах истории советского общества в свете решений XXII съезда КПСС», Ю. А. Полякова «О работе отдела истории советского общества Института истории АН СССР». Научный совет по проблеме «История социалистического и коммунистического строительства» (председатель чл.-корр. АН СССР М. П. Ким) провел сессию по истории советского крестьянства, обсудившую следующие проблемы: социально-экономические отношения в советской доколхозной деревне, социально-экономические преобразования в сельском хозяйстве СССР, новый этап в развитии колхозного строя (1953—1960 гг.) [3].

В Институте этнографии закончена монография Л. А. Анохиной и М. Н. Шмелевой «Культура и быт колхозников-льноводов Калининской области». Экспедиционные исследования по этой проблеме в 1961 г. охватывали, как и в предыдущие годы, такие аспекты, как изучение быта рабочего класса и колхозного крестьянства, семейно-бытового уклада народов СССР, процесса изживания религиозных и патриархально-бытовых пережитков. Сбором материалов по перечисленным вопросам занималась специальная комплексная экспедиция, а также другие экспедиции Института этнографии. В их работе принимали активное участие сотрудники местных науч-

[3] См. «Вопросы истории», 1962, № 2, стр. 20—43.

но-исследовательских учреждений. Ряд докладов об изменениях социально-бытового и культурного уклада народов СССР в период развернутого строительства коммунизма был заслушан на годичной сессии ОИН, посвященной итогам экспедиционных исследований 1960 года.

Из опубликованных работ по проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» в первую очередь следует назвать сборник статей «Зарубежная литература об Октябрьской революции», в основу которого легли материалы состоявшейся в 1959 г. сессии Научного совета по этой проблеме. В книге впервые в советской исторической литературе подробно анализируются труды иностранных прогрессивных авторов на данную тему, а также разоблачаются буржуазные фальсификации истории Великой Октябрьской социалистической революции. Этим же Научным советом совместно с АН Молдавской ССР проведена в Кишиневе сессия, на которой обсуждался ряд спорных вопросов истории социалистической революции в Молдавии [4]. Институтом истории подготовлен к изданию коллективный труд «Великая Октябрьская социалистическая революция», рассчитанный на широкие круги читателей. Вышел в свет четвертый том издания «Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий» (Институт истории). В томе освещаются события с 12 сентября по 25 октября 1917 года.

В истекшем году изданы две публикации по истории Великого Октября. В серии «Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы» вышел в свет 6-й том, подготовленный к печати Институтом истории совместно с Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ИМЛ), Центральным государственным архивом Октябрьской революции и местными архивами. Том охватывает один из наиболее важных периодов истории социалистической революции — период обострения общенационального кризиса и подготовки условий для перехода всей власти в руки Советов. Издан также сборник архивных документов «Великий Октябрь» (Институт истории), рассчитанный на широкие круги читателей. Кроме того, Институтом истории сданы в издательство два тома «Протоколов и переписки Петроградского военно-революционного комитета».

Среди работ, изданных Институтом истории по проблеме «История рабочего движения в России в эпоху империализма. Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции», можно указать на монографию Э. Э. Крузе «Петербургские рабочие в 1912—1914 годах». По этой же проблеме опубликована монография А. М. Анфимова «Российская деревня в годы первой мировой войны (1914—февраль 1917 г.)». Вышел в свет сборник архивных документов «Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1883—1914». Документы сборника разоблачают экспансионистскую политику американских нефтяных монополий и показывают полную несостоятельность концепции американской реакционной историографии о прогрессивном характере деятельности монополий США. Опубликованы два сборника архивных документов «Революция 1905—1907 гг. в России. Документы и материалы», содержащие документы апреля — сентября 1905 г. и мая — сентября 1906 года.

Секция «Общие закономерности и особенности развития России в период империализма» (председатель А. Л. Сидоров) Научного совета по проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» подготовила и сдала в печать сборник «Особенности аграрного строя России в период империализма». Существенное научное значение имела проведенная секцией в Ленинграде специальная сессия. В центре внимания ее участников стояли три вопроса: сущность «военно-феодального империализма», роль и место иностранных капиталов в системе российского империализма и советская историография истории российского империализма [5].

Отдельные вопросы истории революционного движения в России XIX в. получили освещение в ряде опубликованных и законченных в прошлом году работ. Вышел в свет сборник трудов ныне покойного Б. П. Козьмина «Из истории революционной мысли в России» (Институт истории), включающий его избранные статьи, среди которых следует выделить работу «Народничество на буржуазно-демократическом этапе освободи-

[4] См. «Вопросы истории», 1962, № 3, стр. 114—118.
[5] Там же, стр. 118—123.

тельного движения в России». Группа по истории революционной ситуации конца 50-х — начала 60-х годов XIX в. в России (руководитель акад. М. В. Нечкина) сдала в печать второй том сборника «Революционная ситуация в России». Подготовлена к печати монография Я. И. Линкова «Революционная борьба А. И. Герцена и Н. П. Огарева и тайное общество «Земля и воля». В связи с предстоящим 100-летним юбилеем восстания 1863 г. подготовлены к печати монографии А. Ф. Смирнова «Восстание 1863 г. в Белоруссии и Литве» (Институт истории) и М. В. Миско «Польское восстание 1863 года» (Институт славяноведения). Институтом славяноведения сдан в издательство сборник материалов «Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов XIX в.» (вып. 2).

Интенсивная работа велась в минувшем году по изучению истории аграрных отношений, крестьянства и крестьянских движений в России в XIX веке. В этой связи следует прежде всего отметить проведенную Научным советом по проблеме «Генезис капитализма» (председатель акад. С. Д. Сказкин) сессию «Падение крепостного права в России и в других странах», которая подвела итоги изучения проблемы в советской историографии и наметила задачи ее дальнейшей разработки [6]. Вопросам генезиса капиталистических отношений в сельском хозяйстве России было уделено значительное внимание на IV Межреспубликанском симпозиуме по аграрной истории Восточной Европы, состоявшемся в сентябре 1961 г. в Риге. Эти же вопросы затрагиваются в опубликованном сборнике материалов II Межреспубликанского симпозиума — «Ежегоднике по аграрной истории Восточной Европы. 1959 г.». Новые наблюдения и обобщения по истории России вводят в научный оборот статьи сборника «Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России», выпущенного Интитутом истории к 75-летию со дня рождения акад. Н. М. Дружинина. В серии «Крестьянское движение в России в XIX — начале XX века» Институт истории издал два тома архивных документов, охватывающие период с конца XVIII в. и до 1849 г.; подготовлены к печати очередные тома этой серии: т. 3 (1850—1856 гг.), т. 4 (1856—1861 гг.), т. 10 (1907—1914 гг.), т. 11 (1914—1917 гг.).

К исполняющемуся в текущем году 150-летнему юбилею Отечественной войны 1812 г. в Институте истории подготовлены монография Л. Г. Бескровного, сборник статей и сборник документов.

Продолжалась разработка истории внешней политики России, ее экономических и политических связей с другими государствами в период капитализма и феодализма. Институтом истории опубликованы монографии И. В. Бестужева «Борьба в России по вопросам внешней политики. 1906—1910», В. Н. Виноградова «Россия и объединение румынских княжеств», сборник документов и материалов «Объединение Италии в оценке русских современников», сборник статей «Международные связи России до XVII в.». Институтом славяноведения совместно с Болгарской Академией наук издан первый том («Освободительное движение южных славян в 1875—1876 гг. и Россия») трехтомной серии «Освобождение Болгарии от турецкого ига». В Институте истории завершены исследования М. К. Рожковой «Экономические связи России со Средней Азией в 40—60-х гг. XIX века», И. П. Шаскольского «Очерки по истории русско-шведской торговли в XVII в.», Е. Н. Кушевой «Народы Северного Кавказа и их связи с Россией во второй половине XVI — первой половине XVII века».

Значительное число завершенных и изданных Институтом истории в прошлом году работ посвящено изучению социально-экономической и политической истории России эпохи феодализма. Вышли в свет сборники статей «Русское государство в XVII веке. Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни», «Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России». Подготовлена монография С. М. Каштанова «Феодальный иммунитет в России в первой половине XVI века». Институтом славяноведения издан сборник исследований акад. В. И. Пичеты «Белоруссия и Литва XV—XVI вв.». Среди публикаций источников по отечественной истории периода феодализма представляет большой интерес осуществленное под руководством акад. М. Н. Тихомирова фототипическое воспроизведение «Мерила Праведного» по рукописи XIV в.; вышел в свет также 3-й том «Актов феодального землевладения и хозяйства». Завершена подготовка «Актов со-

[6] См. «Вопросы истории», 1962, № 1, стр. 116—122.

циально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI вв.» и двух томов «Актов хозяйства А. И. Безобразова» — важных источников по истории вотчинного хозяйства XVII века.

Отдельные вопросы истории и культуры Древней Руси освещаются в исследованиях сотрудников Института археологии. Вышли в свет монографии: А. Л. Монгайта «Рязанская земля», охватывающая период с середины I тыс. до н. э. до XIII в.; М. К. Каргера «Древний Киев» (т. II), посвященная памятникам зодчества X—XIII вв.; Н. Н. Воронина «Зодчество Северо-Восточной Руси периода феодальной раздробленности (XII — начало XV в.)» (т. I). Подготовлен к печати третий том «Трудов Новгородской археологической экспедиции», в котором на основе впервые примененных в археологии новейших методов биологии, физики, химии уточняется датировка новгородских древностей. Среди законченных работ заслуживает внимания монография чл.-корр. АН СССР П. Н. Третьякова «Древние городища Смоленщины». Изучением древней истории и культуры восточных славян занималось несколько экспедиций Института археологии, в том числе Днепровско-Славянская (руководитель акад. Б. А. Рыбаков), Новгородская (руководитель чл.-корр. АН СССР А. В. Арциховский), Прутско-Днепровская (руководитель Г. Б. Федоров) и др.

Существенное место в научной деятельности археологов, историков-античников, этнографов и антропологов по-прежнему занимала работа над комплексом проблем, имеющих важное значение для исследования общих закономерностей развития человечества на ранних, наиболее длительных этапах его истории. Сюда относятся проблемы происхождения человека, истории первобытного и рабовладельческого общества, а также этногенеза, этнического состава и формирования народов и наций. Среди сводных работ по данной тематике — опубликованный Институтом этнографии АН СССР «Антропологический сборник» № 3, содержащий исследования антропологических типов древнего и современного населения различных территорий СССР (Прибалтика, Нижнее Поволжье, Сибирь). В том же институте завершена коллективная монография «Этническая антропология русского народа», заполняющая некоторые пробелы в изучении вопросов происхождения и расселения русского народа. Отдельные вопросы истории материальной культуры различных племен, населявших территорию СССР в период первобытнообщинного строя, освещают изданные Институтом археологии работы Т. С. Пассек «Раннеземледельческие племена Поднепровья», Р. М. Мунчаева «Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа», Н. Н. Гуриной «Древняя история северо-запада Европейской части СССР», К. Ф. Смирнова «Вооружение савроматов». Этой же группе вопросов посвящены подготовленные исследования А. А. Формозова и Е. К. Черныш «Неолит юга Европейской части СССР», Ю. А. Заднепровского «Древнеземледельческая культура Ферганы», С. И. Руденко «Культура хуннов» и другие.

Полевыми исследованиями по истории первобытного общества на территории нашей страны занималось в той или иной степени 9 экспедиций институтов археологии и этнографии. В результате их работы открыта группа палеолитических рисунков в Каповой пещере (Уральская палеолитическая экспедиция — руководитель О. Н. Бадер); обнаружена в районе Арц-Богдо уникальная «мастерская», в которой на протяжении многих тысячелетий начиная с эпохи нижнего неолита производились добыча сырья для изготовления каменных орудий и его первичная обработка (Монгольская экспедиция — руководитель А. П. Окладников); раскрыты курганные могильники и погребальные сооружения на буграх Тагискен и Уйгарак (IX—V вв. до н. э.). Обнаруженный здесь материал, касающийся сакских племен, находит параллели в культуре скифо-сарматских племен Нижнего Поволжья и особенно Южного Приуралья (Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция — руководитель чл.-корр. АН СССР С. П. Толстов). Ряд вопросов истории первобытного общества был подвергнут обсуждению на сессии ОИН, посвященной итогам полевых исследований 1960 года. Особый интерес в данной связи вызвала серия докладов по сако-кушанской проблеме.

Интенсивно велось в Институте археологии изучение рабовладельческих обществ Северного Причерноморья. Изданы учебное пособие В. Д. Блаватского «Античная археология Северного Причерноморья», монографии Д. Б. Шелова «Некрополь Танаиса», М. М. Кобылиной «Терракоты Боспора», подготовлен к печати сборник «Пантикапей». Среди экспедиций Института археологии, занимавшихся изучением античной

истории Северного Причерноморья, следует отметить Подводную археологическую экспедицию (руководитель В. Д. Блаватский), производившую исследование затопленной части Ольвии; Нижне-Донскую (руководитель Д. Б. Шелов), продолжавшую изучение оборонительных сооружений, раскопки некрополя и жилых кварталов Танаиса; Таманскую (руководитель Н. И. Сокольский), обследовавшую городище Кепы.

Вопросы этнического состава народов СССР освещаются в законченных и опубликованных работах сотрудников Института этнографии. Сданы в печать карта народов СССР и карта плотности населения Советского Союза. При составлении первой из них использованы данные переписи населения СССР в 1959 году. Несколько изданных и завершенных трудов посвящено этнографии Сибири; среди них особо следует отметить вышедший в свет «Историко-этнографический атлас Сибири».

Продолжались также исследования в области вспомогательных исторических дисциплин. Вышел из печати сборник «Проблемы источниковедения», т. IX (Институт истории), в котором опубликованы новые материалы по источниковедению истории СССР различных периодов, главным образом XIX в., а также по другим вспомогательным дисциплинам. Завершена работа над XI выпуском этого издания, содержащим материалы, посвященные методике публикации источников по истории советского общества (X выпуск находится в печати). Закончена монография акад. М. Н. Тихомирова «Краткие сведения о русских летописцах» (описание летописцев из московских собраний), имеющая большое значение для изучения русского летописания в X—XVII веках. Подготовлено исследование В. М. Кабузана «Материалы ревизий как источник по истории народонаселения России XVIII — первой половины XIX в.» (Институт истории). Сдан в печать «Путеводитель по Архиву АН СССР». Развертыванию работы в области вспомогательных дисциплин во многом содействовала Археографическая комиссия ОИН, руководимая акад. М. Н. Тихомировым. Особо следует отметить в данной связи состоявшееся в июне 1961 г. общее собрание Комиссии, рассмотревшее итоги археографической работы по истории советского общества в период между XX и XXII съездами КПСС и вопрос о составлении сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР [7]. Лабораторией реставрации и консервации документов проведены дезинфекция и обеззараживание свыше 1 млн. листов, реставрировано около 20 тыс. документов. Результаты научно-исследовательской работы лаборатории за 1959—1960 гг. обобщены в подготовленном к печати специальном сборнике; изданы сборник «Вопросы реставрации и консервации книг и рукописей на бумаге и пергамене» и публикация «Неизвестный памятник книжного искусства XIII века» (реставрирован лабораторией).

Наряду с разработкой основных проблем отечественной истории учреждениями Отделения уделялось значительное внимание изучению истории зарубежных стран, в первую очередь истории социалистического строительства в странах народной демократии. Возникновению и развитию народно-демократического строя в странах Центральной и Восточной Европы посвящены две вышедшие в прошлом году монографии: Л. Н. Нежинского и А. И. Пушкаша «Борьба венгерского народа за установление и упрочение народно-демократического строя. 1944—1948 гг.» (Институт истории) и П. В. Галенко «Национализация основных средств производства в Польской Народной Республике» (Институт славяноведения). Вышла монография И. Н. Мельниковой «Классовая борьба в Чехословакии в годы частичной стабилизации капитализма (1924—1929 гг.)».

По проблеме «История и основные закономерности социалистического строительства в странах Востока» Институтом народов Азии издано 6 работ, среди которых следует указать на сборник статей «Монгольская Народная Республика 1921—1961 гг.». Кроме того, завершено 7 работ, в том числе коллективный труд «Очерки социалистического строительства в КНДР», монографии Ф. И. Куликовой «Закономерности социалистического строительства в КНДР», В. П. Курбатова «Государственный сектор в сельском хозяйстве КНР». В Институте народов Азии состоялась дискуссия на тему «Предпосылки социалистического развития в слаборазвитых странах». В ходе дискуссии был определен круг вопросов, первоочередное решение которых необходимо для дальнейшего углубленного изучения этой проблемы.

[7] См. «Вопросы истории», 1961, № 12, стр. 121—123.

В области новой и новейшей истории капиталистических стран особое внимание уделялось развертыванию исследований по истории международного рабочего движения. Среди работ, посвященных истории рабочего движения в период общего кризиса капитализма, следует отметить три сборника статей, опубликованных Институтом истории. Это прежде всего сборник «40 лет Французской Коммунистической партии», подготовленный совместно с АОН и ИМЛ при ЦК КПСС. Этими же тремя учреждениями подготовлен сборник «40 лет Итальянской Коммунистической партии», основанный на материалах совместной сессии, состоявшейся в январе 1961 года. Опубликован также сборник «Проблемы рабочего и антифашистского движения в Испании» (при участии историков Испании).

Из монографических работ, опубликованных Институтом истории в прошлом году, заслуживает внимания книга М. М. Карлинера «Рабочее движение в Англии в годы первой мировой войны». Вышли в свет книга И. Н. Ундасынова «Рабочее движение и лейбористская партия Великобритании в период мирового экономического кризиса» и монография В. С. Дякина «Коммунистическая партия Германии и проблема единого фронта в годы относительной стабилизации капитализма. 1924—1928 гг.». В двух изданных Институтом истории книгах рассматривается история рабочего движения в США в 20—30-х годах XX в. (авторы — В. Л. Мальков и С. А. Ованесьян). Опубликована монография И. М. Краснова «Классовая борьба в США и движение против антисоветской интервенции».

История рабочего и коммунистического движения на Востоке послужила темой для опубликованных Институтом народов Азии монографий А. С. Кауфмана «Рабочий класс и национально-освободительное движение в Бирме», Л. А. Гордона «К истории рабочего класса Индии», М. Н. Егоровой «Трудовое законодательство Индийской республики». Тем же институтом в минувшем году подготовлен сборник, посвященный актуальным проблемам рабочего движения в несоциалистических странах Азии и Африки за последние три года.

Среди опубликованных в прошлом году трудов по проблеме «История социалистических идей и классовая борьба пролетариата до общего кризиса капитализма» привлекает внимание сборник статей «История социалистических учений», составленный из работ крупных советских и зарубежных ученых по истории социалистических учений в странах Западной Европы XVII—XIX веков. За разработку домарксовых социалистических учений, результаты которых изложены в книге «Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке» (М. 1958), в серии «Предшественники научного социализма» и в других работах, в 1961 г. акад. В. П. Волгину была присуждена Ленинская премия.

Особо следует отметить выход двухтомного коллективного труда «Парижская Коммуна 1871 г.», в создании которого участвовали 30 советских и 6 зарубежных историков. В этой работе учтены новые материалы и дана развернутая картина событий, а также исследованы малоизученные или совсем не изученные вопросы. Впервые в книге освещены отклики на Парижскую коммуну в различных странах, влияние, оказанное ею на развитие международного рабочего и социалистического движения. Опубликован также «Французский ежегодник» (т. III). Большую часть его составляют статьи, приуроченные к 200-летию со дня рождения Г. Бабефа. В том включены статьи крупных французских ученых (М. Доманже, А. Собуль и др.). Во второй части ежегодника опубликован ряд исследований по истории Франции. Под редакцией акад. В. П. Волгина и с его вступительной статьей сдан в печать перевод работы В. Вейтлинга «Гарантии гармонии и свободы» (из серии «Предшественники научного социализма»). Акад. А. М. Деборином закончена работа над вторым томом монографии «Социально-политические учения нового времени (Эволюция социально-политической мысли Германии за период с XVII столетия до первой половины XIX в.)».

По этой же проблеме Институтом истории закончены и подготовлены к печати «Немецкий ежегодник», посвященный истории рабочего движения в Германии (в 2 томах), книга Б. А. Рожкова «Английское рабочее движение в 50-х гг. XIX века». монография В. М. Далина «Бабеф», посвященная наименее изученному периоду жизни и деятельности Г. Бабефа до 9 Термидора. Среди работ по новой и новейшей истории отдельных стран Западной Европы следует назвать вышедшую в свет книгу А. З. Манфреда «Очерки по истории Франции», в которую вошли статьи о важнейших этапах

истории Франции от Французской буржуазной революции до наших дней. Институтом истории издана монография Х. Гарсиа «Испания в годы военно-монархической диктатуры Примо де Ривера (1923—1930 гг.)».

Несколько законченных и опубликованных работ отражают результаты исследований средневековой истории европейских стран, в первую очередь Византии. К XII Международному конгрессу византинистов, состоявшемуся в сентябре 1961 г., был выпущен сборник «Византийские очерки», в который вошли статьи по проблемам социально-экономической истории Византийской империи. Вышла в свет монография Е. Э. Липшиц «Византийское общество и его культура в VIII—IX вв.». Значительная работа проделана в минувшем году по подготовке и изданию средневековых славянских источников. В этой связи прежде всего необходимо указать на публикацию краткой редакции «Закона судного людем», который является древнейшим памятником славянского законодательства (подготовили к изданию акад. М. Н. Тихомиров и Л. В. Милов). Он издан впервые по всем известным спискам XIII—XVII вв. с сохранением древней орфографии и фототипическим воспроизведением 5 древнейших, а также с подробным описанием всех других списков. Кроме того, акад. М. Н. Тихомировым издан «Закон судный людем» в пространной и сводной редакции.

Институтом славяноведения опубликована «Хроника Галла Анонима» и завершена работа над публикациями двух других средневековых славянских памятников: «Гуситской хроники Лаврентия из Бржезовой» и «Хроники Гельмольда». Среди публикаций по средневековой истории западноевропейских стран заслуживают внимания изданные Институтом истории «Акты Кремоны XIII—XVI вв.» (т. 2) и «Новые документы по истории гражданских войн во Франции середины XVI века».

В течение прошлого года значительно пополнилась новыми работами литература по истории национально-освободительной борьбы народов Азии, Африки и Латинской Америки против колониализма. По проблеме «Африка в колониальной системе империализма и национально-освободительное движение африканских народов» Институтом Африки опубликована монография Л. Н. Прибытковского «Нигерия в борьбе за независимость» — первое советское исследование о национально-освободительной борьбе нигерийского народа. В другой изданной институтом монографии — Н. И. Гаврилов «Западная Африка под гнетом Франции (1945—1959 гг.)» — дается анализ экономического и политического положения в бывших французских колониях в Западной Африке на протяжении последних 15 лет. В том же институте закончена монография В. А. Субботина «Колониальная политика Франции в Экваториальной Африке и на островах Индийского океана в конце XIX века». Подготовлены к печати также обзоры экономического положения стран Африки в 1960 году. В Институте народов Азии закончены монографии Л. Г. Гукасяна «Французские монополии в Африке (1940—1961 гг.)»; Л. Г. Гукасяна, М. М. Когана и А. М. Хазанова «Экспансия империалистических держав в Африке на современном этапе». Состояние и задачи изучения истории Африки были обсуждены в прошлом году на общем собрании ОИН. Следует упомянуть и состоявшиеся в Институте Африки дискуссии о новых формах колониальной политики империалистических держав в Африке, о месте и роли традиционных властей африканского общества в прошлом и настоящем.

Среди работ по истории национально-освободительной борьбы народов Азии, кроме уже упоминавшихся обобщающих трудов, можно назвать вышедшую в свет монографию М. Хана «Освободительная борьба корейского народа в годы японского протектората (1905—1910 гг.)». На основе изучения и обобщения уникальных, до последнего времени неизвестных в науке материалов (лишь недавно опубликованных в Китае) Институтом народов Азии подготовлен сборник «Синьхайская революция в Китае», посвященный 50-летию революционных событий 1911 года. С выходом в свет выполненных Институтом народов Азии двух коллективных трудов — «Политика США на Арабском Востоке» и «Политика США в странах Южной Азии» — продолжена работа по созданию 4-томной серии, освещающей основные особенности колониальной политики крупнейшей империалистической державы мира США в странах Азии после второй мировой войны. Тем же институтом опубликованы сборник «Колониализм — злейший враг народов Востока», монографии Л. И. Мирошникова «Английская экспансия в Иране (1914—1920 гг.)», А. И. Динкевича «Экономическая и военная «помощь» США Японии».

Заметно продвинулось в прошлом году изучение социально-экономической и политической истории отдельных стран Азии. В этой связи следует указать на опубликованные Институтом народов Азии монографии Р. Т. Ахрамовича «Афганистан после второй мировой войны», Ю. В. Ганковского, Л. Р. Гордон-Полонской «История Пакистана». Завершены работы Г. М. Петрова «Очерки новейшей истории Ирана (1917—1941)», Ю. Н. Розалиева «Развитие частного и государственно-капиталистического предпринимательства в промышленности Турции (1923—1960)», А. Д. Давыдова «Развитие капиталистических отношений в земледелии Афганистана», Л. А. Дмитриева «Экономика Таиланда» и др. Подготовлен к печати сборник «Вопросы государственных финансов, кредита и денежного обращения в странах Азии». Несколько работ, опубликованных Институтом народов Азии, посвящено исследованию аграрного вопроса и крестьянских движений в странах Востока. Изданы монографии В. А. Попова «Крестьянское движение в Японии после второй мировой войны», сборники «Аграрно-крестьянский вопрос в странах Юго-Восточной Азии» и «Аграрные реформы в странах Востока (материалы дискуссии)». Завершена монография А. М. Мельникова «Очерки крестьянского движения в Индии накануне второй мировой войны».

Вопросы социально-экономического развития стран Азии были предметом специальных дискуссий, проведенных в Институте народов Азии: о развитии крупного капиталистического предпринимательства в Турции, о социально-экономическом развитии современной Индии, о неэквивалентном обмене и т. д. Вопросы генезиса капитализма в странах Востока рассматривались на конференции, организованной Научным советом по проблеме «Генезис капитализма» и Институтом народов Азии. Оживленная дискуссия способствовала плодотворному решению ряда спорных и неясных вопросов [8].

В нескольких завершенных и опубликованных в прошлом году работах рассматриваются вопросы этнического состава народов Азии. Институтом этнографии издано два сборника, посвященных народам Восточной и Южной Азии. Один из них, «Индийский этнографический сборник», является первым совместным этнографическим трудом советских и индийских ученых. В другом, «Восточноазиатском сборнике» № 2, исследуются вопросы этногенеза народов Восточной и Юго-Восточной Азии. Опубликованы карта народов Передней Азии (исполнитель С. И. Брук), на которой выделено около 60 народов и этнических групп, и карта народов Индонезии, Малайи и Филиппин (исполнитель М. Я. Берзина). Институтом этнографии изданы также три монографии, посвященные народам Передней Азии. Работа О. Л. Вильчевского «Курды» посвящена древнейшему периоду этнической истории этого народа. Монография М. С. Иванова «Племена Фарса» представляет собой историко-этнографический очерк южноиранских племен. В монографии А. И. Першица «Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX — первой трети XX века» дается очерк социально-политической предыстории Саудовского государства. Несколько изданных Институтом народов Азии работ посвящено древней и средневековой истории народов Востока. Среди этих работ привлекают внимание исследования акад. В. В. Струве «Город Лагаш», А. Г. Лундина «Южная Аравия в VI в. н. э.», Л. С. Переломова «Империя Цинь — первое централизованное государство Китая» и др. Завершены работы И. Я. Златкина «Джунгарское ханство», А. Л. Гальперина «Очерки социально-экономической истории Японии (1740—1800 гг.)», А. С. Тверитиновой «Документы по аграрному строю Османской империи».

Продолжалось в минувшем году изучение истории культуры народов Востока. Институтом народов Азии выпущен в свет сборник «Рабиндранат Тагор», приуроченный к 100-летию со дня рождения крупнейшего индийского писателя и общественного деятеля. Сборник подготовлен при активном участии индийских ученых; в нем опубликованы также две статьи, присланные из европейских стран народной демократии. Заслуживают внимания издания памятников культуры и литературы народов Востока: Мухаммед Казим «Мироукрашающая Надирова книга» (факсимиле текста на персидском языке); «Китайская классическая книга перемен» (перевод на русский язык и исследование Ю. К. Шуцкого); «Сны о России» (перевод с японского) и др. Опубликован ряд описаний и каталогов восточных рукописей, хранящихся в Институте народов Азии (арабских, курдских, уйгурских и др.).

---

[8] См. «Вопросы истории», 1962, № 1, стр. 122—124.

Особо следует сказать о том, что в прошлом году наметились некоторые сдвиги в разработке истории и этнографии стран американского и африканского континентов. Кроме названных выше обобщающих коллективных работ и монографических исследований по истории рабочего и национально-освободительного движения в этих странах, Институтом истории изданы коллективный труд «Из истории гражданской войны в США» и книга А. М. Зориной «Из героического прошлого кубинского народа». В том же институте подготовлена монография М. Н. Захаровой «Движение против рабства в США накануне гражданской войны (1854—1861 гг.)». Институт этнографии опубликовал фундаментальное исследование Ю. П. Аверкиевой «Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки». В этом же институте закончен сборник «Вклад коренного населения Америки в мировую культуру» («Американский этнографический сборник», № 3). Из работ по истории и этнографии Африки можно назвать изданную Институтом этнографии карту народов Африки (исполнитель Б. В. Андрианов), на которой показано свыше 200 народов и этнических групп, а также подготовленный в том же институте «Африканский этнографический сборник», посвященный этнографии, истории и языкам народов трех ныне независимых государств: Гвинеи, Мали и Нигерии. Институтом истории опубликована монография Г. Г. Дилигенского «Северная Африка в IV—V вв.».

Несколько опубликованных и подготовленных в прошлом году работ посвящено истории религии и атеизма. Институтом истории издан 8-й выпуск сборника «Вопросы истории религии и атеизма», в котором дана характеристика современного состояния религиозных сект и показаны пути отхода бывших сектантов от религии. Можно упомянуть также новое издание монографии С. Г. Лозинского «История папства». Вышел в свет двухтомный сборник избранных произведений Вольтера «Бог и люди». Из подготовленных работ заслуживают внимания 11-й выпуск «Вопросов истории религии и атеизма», в который включены статьи о задачах атеистической пропаганды в свете решений XXII съезда КПСС, о роли религии в истории общества, а также статьи по истории свободомыслия; монографии У. Я. Когана «История русской атеистической мысли XVIII в.», Н. А. Смирнова «Очерки истории кавказского мюридизма и его идеологии».

При подведении итогов работы за 1961 г. на совместных заседаниях Бюро ОИН и ученых советов институтов Отделения был выявлен ряд пробелов в организации научной деятельности, планировании исследований и расстановке кадров. Недостаточно быстро развертывались исследования по некоторым новым крупным объектам плана. Далеко еще не ликвидирована порождаемая индивидуальными интересами отдельных научных сотрудников мелкотемность. До сих пор планируется мало коллективных исследований, являющихся одной из наиболее эффективных форм научной работы в области истории. Вместе с тем у многих сотрудников не изжито представление, будто важнейшим показателем значимости той или иной работы является ее объем. В результате публикуется немало книг, содержащих преимущественно описательный материал. В ряде институтов Отделения не всегда четко планируется рабочее время сотрудников, не изжита порочная практика утверждения к печати большинства законченных работ лишь в конце года. Вследствие недостатков планирования и контроля за научно-исследовательской работой не было выполнено несколько тем, намеченных к завершению в 1961 году.

Итоги работы учреждений ОИН за прошлый год были обсуждены на общем годичном собрании Отделения, состоявшемся 5—6 февраля 1962 года. Собрание заслушало доклад академика-секретаря ОИН акад. Е. М. Жукова. В истекшем году, подчеркнул он, научная деятельность Отделения протекала под знаком XXII съезда КПСС. Этому величайшему в жизни нашей страны событию был посвящен ряд работ, подготовленных сотрудниками учреждений ОИН; часть этих работ уже вышла в свет и получила положительный отклик научной общественности.

Главное требование, предъявленное партией и народом к советским историкам, сказал Е. М. Жуков,— это укрепление связей с жизнью, удовлетворение запросов нашего общества, активное участие в деле строительства коммунизма.

Е. М. Жуков охарактеризовал опубликованные в 1961 г. работы по истории советского общества. Исследования по советской тематике, сказал он, до сих пор плохо ко-

ординируются. В целом состояние изучения истории советского общества еще не может нас удовлетворить. Необходимо, в частности, усилить внимание к подготовке тех разделов многотомной «Истории СССР», которые посвящены истории советского общества. Для этого необходимо сконцентрировать лучшие силы, объединить специалистов различного профиля, умело сочетать молодые и более опытные кадры. Хороший пример показывает Ленинградское отделение Института истории, где 8 квалифицированных историков, занимавшихся ранее различными проблемами истории России, решили переключиться на исследование истории советского общества. Докладчик выразил надежду, что этому примеру последуют сотрудники Института истории, работающие в Москве. Следует расширить в первую очередь исследование проблем истории советского общества за 1953—1961 годы. Главным недостатком в работах по этому периоду, сказал далее Е. М. Жуков, является преобладание описательного метода подачи материала, отсутствие серьезных обобщений, что не позволяет сделать обоснованные выводы о закономерностях исторического прогресса.

Касаясь итогов работы в области изучения новейшей истории зарубежных стран, Е. М. Жуков отметил, что по этой тематике учреждениями ОИН в 1961 г. опубликовано свыше 40 книг. Однако не все они могут полностью удовлетворить нас своим качеством. Говоря о недостатках, присущих в той или иной степени большинству этих изданий, докладчик отметил прежде всего схематизм, который является одним из пережитков культа личности в области науки. В частности, авторы многих книг по истории рабочего движения ограничиваются повторением общеизвестных формул, не вскрывают довольно сложной механики воздействия буржуазии на интеллигенцию и рабочий класс. В этих книгах имеют место элементы лакировки действительности, в результате чего возникает несоответствие между описанием революционных процессов и их конечными результатами.

Положительный момент в деятельности учреждений ОИН за 1961 г., и в первую очередь Института истории и Института народов Азии,— усиление внимания к вопросам борьбы с буржуазными фальсификаторами. Однако сделано в этом направлении еще далеко не достаточно. К тому же не всегда критика нацелена на главное: наши историки еще слабо следят за эволюцией буржуазной, реформистской и ревизионистской историографии и поэтому часто запаздывают с выступлениями против нее по ряду основных вопросов.

Значительное место в докладе было отведено характеристике опубликованных и законченных в 1961 г. исследований по истории СССР досоветского периода, по новой, средневековой и древней истории зарубежных стран, по истории религии и атеизма, по этнографии и археологии, а также по литературоведению и языкознанию.

Потребности коммунистического строительства, сказал в заключение докладчик, настолько велики и разносторонни, они настолько быстро возрастают, что историки рискуют отстать, если не изменят характера своей работы, сделав ее более целеустремленной, более организованной, более коллегиальной. Пока в целом они работают довольно кустарно, делая чрезмерно большие уступки индивидуальным вкусам и интересам.

С содокладом о работе Бюро ОИН за 1961 г. выступил заместитель академика-секретаря В. И. Шунков. Наибольшее внимание, отметил он, в истекшем году Бюро ОИН уделяло определению путей развития исторической науки в современных условиях. Эти вопросы четыре раза выносились на рассмотрение общих собраний Отделения. На общих собраниях и заседаниях Отделения в 1961 г. было заслушано 8 научных докладов (академика М. Н. Тихомирова, членов-корреспондентов АН СССР В. М. Хвостова, С. П. Толстова, М. П. Кима, Н. В. Пигулевской и др.), посвященных истории советского общества, всеобщей истории новейшего времени, а также истории XVIII—XIX вв. и более ранних периодов. При этом Бюро ОИН, выдвигая на первый план вопросы социалистического строительства и новейшей истории капиталистических стран, стремилось уделять также внимание актуальным вопросам прошлого, независимо от их хронологических границ. Рассмотрение чисто научных проблем должно, по мнению В. И. Шункова, занять в дальнейшем еще большее место в деятельности Отделения.

Одним из главных направлений в деятельности Бюро ОИН была координация научных работ. Основной формой ее в масштабах страны по-прежнему являлись Научные советы, комиссии и группы по отдельным проблемам. Охарактеризовав их дея-

тельность, В. И. Шунков указал на необходимость дальнейшего улучшения координации исследований как внутри Отделения исторических наук, так и с другими отделениями АН СССР.

Важное место в деятельности Бюро ОИН занимали международные научные связи. Дальнейшее развитие получила такая форма научного сотрудничества с зарубежными учеными, как создание совместных работ. В 1961 г. члены Отделения и сотрудники входящих в его состав институтов приняли участие в 28 международных и национальных конгрессах, сессиях и совещаниях ученых. Ими было сделано за рубежом около 200 докладов, лекций и сообщений. Отделение приняло участие в советских выставках в Лондоне и Париже, подготовив для них раздел «Достижения исторической науки в СССР». В отчетном году были переведены на иностранные языки и изданы зарубежными издательствами 63 работы, выполненные в учреждениях ОИН. В. И. Шунков указал далее, что заграничные командировки ученых, будучи в большинстве своем краткосрочными, не дают возможности для серьезной научной работы; мало используются также возможности для публикации работ советских историков в иностранной периодике.

В прениях выступили академики В. П. Волгин, С. Д. Сказкин, И. И. Минц, члены-корреспонденты АН СССР А. А. Сидоров, Н. В. Пигулевская и др., затронувшие ряд важных вопросов научной и научно-организационной деятельности Отделения (о разработке истории мировой культуры, о профессиональном мастерстве историка, о научной информации по общественным наукам, о работе Научных советов по проблемам и т. д.) [9].

Одобрив деятельность Бюро ОИН и утвердив отчет за 1961 г., общее годичное собрание в своем решении подчеркнуло, что Отделение и его учреждения во всей своей деятельности должны руководствоваться задачами, выдвинутыми перед общественными науками XXII съездом КПСС и теоретическими положениями принятой им новой Программы партии. Общее собрание призвало ученых к глубокой разработке теоретических проблем исторической науки, что необходимо для понимания закономерностей общественного развития, определяющих движение человечества к коммунизму. Собрание подчеркнуло, что нужно мобилизовать усилия сотрудников учреждений Отделения для своевременного завершения коллективных трудов, подготавливаемых к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. В связи с этим в решении отмечена важность максимального кооперирования работы научных сотрудников в целях подготовки в сжатые сроки коллективных исследований на актуальные темы по основным направлениям исторической науки.

Ю. В. Бромлей

[9] На специальном заседании годичного общего собрания ОИН был заслушан также доклад И. И. Удальцова «Об изучении проблем народной демократии в свете решений XXII съезда КПСС».

Научно-исследовательская работа в высшей школе

В КИЕВСКОМ ОРДЕНА ЛЕНИНА ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ИМЕНИ Т. Г. ШЕВЧЕНКО [1]

Исторические решения XX съезда КПСС содействовали в огромной степени дальнейшему подъему научной работы в нашей стране. Вместе со всеми советскими учеными за последние годы заметно активизировали свою деятельность и историки Киев-

[1] О работе историков Киевского университета до 1958 г. см. «Вопросы истории», 1959, № 7.

ского университета (КГУ). Этому способствовало также проведение 125-летнего юбилея университета, отмечавшегося в 1959 году.

К 125-летию университета издан фундаментальный труд «История Киевского университета» (К., 1959, на укр. яз.). В написании исторических разделов этого труда приняли участие многие профессора и преподаватели историко-философского факультета. К юбилею университета были опубликованы также монография Н. П. Рудько «Тарас Шевченко и Киевский университет» (К., 1959, на укр. яз.), брошюра А. З. Жмудского и Н. П. Рудько «Киевский университет за 125 лет» (К., 1959, на укр. яз.) и статья П. А. Лаврова и М. И. Марченко об изучении отечественной истории в университете за 125 лет [2].

Историки университета принимают активное участие в создании учебников и учебных пособий для средней школы и высших учебных заведений. Уже написаны два учебника по истории народов СССР для 8-летней школы [3]. Совместно с работниками Института истории АН УССР преподаватели факультета создали учебник по истории Украинской ССР для 8-летней школы [4]. В 1961 г. издано пособие по внеклассному чтению для учащихся старших классов средней школы по истории Украинской ССР [5]. Коллектив кафедры новой истории и международных отношений издал первый том учебного пособия для высших учебных заведений по новейшей истории [6]. Второй том этого пособия находится в настоящее время в печати.

В 1960 г. опубликован фундаментальный труд «История Киева» (на укр. яз.) в двух томах, в создании которого приняли участие и историки университета. Важным достижением украинских историков является издание книги по истории Коммунистической партии Украины [7], в число авторов которой также входят работники университета. Сорокалетие Коммунистической партии Украины в 1958 г. было отмечено изданием двух сборников научных исследований [8], посвященных вопросам истории КП Украины и социалистического строительства. Две работы написаны о I съезде КП(б)У [9].

Большую работу провели историки КГУ по исследованию различных вопросов истории советского общества. Великой Октябрьской социалистической революции посвящена работа Н. А. Буцко, В. Н. Столяренко и И. Д. Ремезовского [10], а также научно-популярный очерк П. В. Шимко-Шмаги и брошюра И. Ф. Шатилюка [11]. Борьбу за власть Советов рабочих Киевского железнодорожного узла показывает в своей монографии Р. К. Чаленко [12]. О борьбе украинского народа против иностранных интервентов и внутренней контрреволюции пишут в своих работах Ю. Я. Белан [13] и С. Н. Саженюк [14]. Культурному строительству на Украине в первые годы Советской власти посвящена

---

[2] П. А. Лавров, М. І. Марченко. Вітчизняна історія в Київському університеті за 125 років. «Український історичний журнал». 1959, № 5.

[3] «Історія СРСР для 8-річної школи». Ч. І. К. 1960; «Історія СРСР». Ч. ІІ. К. 1960.

[4] В. А. Дядиченко, Ф. Є. Лось, В. Є. Спицький. Історія Української РСР для 8-річної школи. К. 1962.

[5] «Книга для читання з історії Української РСР». К. 1961.

[6] «Новітня історія (1918—1939)». Ч. І. К. 1960.

[7] «Нариси історії Комуністичної партії України». К. 1961.

[8] «Деякі питання з історії Коммунистичної партії України». К. 1958; «Вісник Київського університету», № 1. Серія історії та філософії. Вип. 1, 1958.

[9] О. А. Бородін. Перший з'їзд КП(б)У. «Комуніст України», 1958, № 6; Ф. П. Остапенко. Організаційне оформлення Комуністичної партії України. К. 1958.

[10] «Партія — натхненник і організатор перемоги Великої Жовтневої соціалістичної революції (березень — жовтень 1917)». К. 1960.

[11] П. В. Шимко-Шмага. Як робітники і селяни Росії стали господарями своєї країни. К. 1961; І. Ф. Шатилюк. Історичні місця — пам'ятки Великої Жовтневої соціалістичної революції на Україні. К. 1961.

[12] Р. К. Чаленко. Участь робітників Київського залізничного вузла в боротьбі за владу Рад. К. 1962.

[13] Ю. Я. Білан. Комуністична партія — організатор і керівник Вітчизняної війни українського народу проти німецьких окупантів у 1918 р. «Вісник Київського університету», № 1. Серія історії та філософії. Вип. 1, 1958; его же. Отечественная война украинского народа против немецких оккупантов в 1918 году. К. 1960 и др.

[14] С. Н. Саженюк. Комуністична партія — організатор і керівник боротьби трудящих мас проти білопольських загарбників на Україні в 1920 р. К. 1959.

монография И. Д. Золотоверхого [15]. Несколько работ касается отдельных проблем истории социалистического строительства [16].

Большое внимание историки университета уделили изучению истории западноукраинских земель. Р. К. Чаленко опубликовала монографию о воссоединении украинских земель в едином Украинском советском государстве [17]. Члены кафедры истории КПСС выпустили специальный сборник, посвященный борьбе Коммунистической партии за социалистические преобразования в западных областях Украины [18]. Вышла также монография В. Н. Столяренко о социалистическом преобразовании сельского хозяйства на Волыни [19].

Героической борьбе украинского народа в период Великой Отечественной войны посвящены две монографии [20]. События, связанные с героической обороной Киева в 1941 г., нашли отражение в статье П. М. Овчаренко [21]. П. В. Шимко-Шмага составил учебное пособие «СССР на новом этапе борьбы за коммунизм» (К., 1959, на укр. яз.).

Два сборника научных работ издали историки университета к 90-летию со дня рождения В. И. Ленина [22]. Статьи сборников характеризуют многостороннюю теоретическую и практическую деятельность В. И. Ленина главным образом по вопросам советского строительства. К этой же дате опубликованы статьи Г. Н. Цветкова [23] и В. И. Стрельского [24].

В 1961 г. подготовлен, а в начале 1962 г. вышел из печати сборник научных работ к 100-летию со дня смерти Т. Г. Шевченко [25], в который вошли и работы историков М. В. Демченко и В. Е. Спицкого. М. И. Марченко опубликовал к этой дате статью об исторических взглядах Т. Г. Шевченко [26].

Из трудов, написанных историками Киевского университета по истории нашей Родины в эпоху империализма, следует назвать монографию В. Е. Лося о борьбе большевиков во главе с В. И. Лениным за созыв и проведение III съезда РСДРП [27], работы И. Д. Ремезовского о революционной деятельности Ульяновых на Украине [28] и М. В. Демченко о рабочем и крестьянском движении под руководством большевистских организаций на Украине в годы столыпинской реакции [29]. Статьи П. А. Лаврова (о рабочем движении на Украине в годы нового революционного подъема) и М. В. Демченко (о рабочем движении в период столыпинской реакции) вошли в сборник, посвященный исто-

---

[15] І. Д. Золотоверхий. Становлення української радянської культури (1917—1920 рр.). К. 1961.

[16] Н. Т. Бортничук. Борьба Коммунистической партии за социалистическую индустриализацию и подготовку сплошной коллективизации сельского хозяйства (1926—1929). К. 1959; Ю. Я. Білан. Утворення СРСР. К. 1960; М. П. Рудько. Будівництво радянської системи вищої освіти на Україні в 1921—1925 рр. «Вісник Київського університету», № 2. Серія історії та філософії. Вып. 1, 1959.

[17] Р. К. Чаленко. Здійснення віковічної мрії українського народу (про возз'єдання українських земель в єдину Українську державу). К. 1960.

[18] «Коммуністична партія — натхненник і організатор соціалістичных перетворень в західних областях УРСР». К. 1960.

[19] В. Н. Столяренко. Соціалістичні перетворення сільского господарства на Волині. К. 1958.

[20] Є. В. Сафонова, М. З. Данилюк. Комуністична партія — натхненник і організатор перемоги радянського народу у Великій Вітчизняній війні (1941—1945). К 1958; Г. П. Міщенко, М. М. Матвійчук. Вихована партією комсомол і молодь Житомирщини у Великій Вітчизняній війні (1941—1945). К. 1960.

[21] П. М. Овчаренко. Героїчна оборона Києва в 1941 році. «Вісник Київського університету», № 2. Серія історії та філософії. Вип. 2, 1959.

[22] «Ідеї ленінізму живуть і перемагають». К. 1960; «Вісник Київського університету», № 3. Серія історії та філософії. Вип. 1, 1960.

[23] Г. М. Цвэтков. Ленінський принцип мирного співіснування перемагає «Український історичний журнал», 1960, № 2.

[24] В. І. Стрельський. Ленінський принцип партійності в історичному дослідженні. «Комуніст України», 1961, № 5.

[25] «Т. Г. Шевченко (До 100-річчя з дня смерті)». К. 1962.

[26] М. І. Марченко. Історичні погляди Т. Г. Шевченка. «Український історичний журнал», 1961, № 1.

[27] В. Є. Лось. Боротьба більшовиків на чолі з В. І. Леніним за скликання і проведення III з'їзду РСДРП. К. 1960.

[28] Й. Д. Ремезовський. Ульянови на Україні. К. 1960.

[29] М. В. Демченко. Робітничий і селянський рух на Україні в період столипінської реакції (1907—1910). К. 1959.

рии революционного движения на Украине в эпоху империализма [30]. А. К. Кошик написал докторскую диссертацию о рабочем движении на Украине в годы первой мировой войны и опубликовал по этой теме несколько работ [31], а также сдал в печать монографию.

Монографии А. К. Буцыка и В. И. Стрельского посвящены совместной борьбе русского и украинского народов против нашествия Наполеона в начале XIX века [32].

История освободительного и революционного движения в XIX в. исследуется в работах В. И. Стрельского [33] и А. И. Василенко [34]. Вопрос о начале рабочего движения и распространении марксизма в России рассматривается в работе Н. А. Буцко и И. Д. Ремезовского [35].

Из научных исследований по периоду феодализма следует отметить работы Л. Г. Мельника о первоначальном накоплении в России в XVII в. и имущественном расслоении торгующих людей в Устюге Великом [36]. Вопрос о формировании всероссийского рынка рассматривается в статье А. А. Введенского и Л. Г. Мельника [37]. Истории украинской культуры с древнейших времен до середины XVII в. посвящена монография М. И. Марченко [38]. В работах А. П. Маркевича характеризуется героическая борьба народов России против шведских захватчиков в первой четверти XVIII века [39].

Серьезную исследовательскую работу ведут сотрудники кафедры новой истории и международных отношений. Руководитель кафедры В. А. Тарасенко защитил в 1960 г. докторскую диссертацию «Атомная проблема во внешней политике США (1945—1949)» (опубликована в 1958 г.). В. А. Жебокрицкий написал докторскую диссертацию «Болгария и Балканские войны (1912—1913 гг.)» и опубликовал по этой теме две монографии [40] и ряд статей. Им же написана книга «Народная республика Болгария» (К., 1959, на укр. яз.). Болгарии и русско-болгарским внешнеполитическим отношениям в начале XX в. посвящены также две работы А. К. Мартыненко [41]. Нарастание империалистических противоречий в Европе характеризуется в другой работе А. К. Мартыненко [42].

Агрессивную внешнюю политику США разоблачает в своих работах Г. Н. Цветков [43]. В. И. Волковинский напечатал ряд работ по истории советско-китайских от-

---

[30] «Робітничий рух на Україні в період імперіалізму». К. 1961.

[31] О. К. Кошик. Антивоєнні виступи робітників і селян України на початку першої світової війни. «Український історичний журнал», 1959, № 3; его же. Робітничий рух на Україні в роки першої світової війни (1914—1915 рр.). «Вісник Київського університету», № 3. Серія історії та філософії. Вип. 2. 1960.

[32] А. К. Буцик. Вітчизняна війна 1812 р. і крах наполеонівської імперії. К. 1959; В. І. Стрельський. Участь українського народу у Вітчизняній війні 1812 р. К. 1959.

[33] В. И. Стрельский. Из истории освободительного движения народов крайнего Севера. «История СССР», 1961, № 1; его же. Освободительное движение ненцев и хантов в XIX в. «История СССР», 1960, № 6.

[34] І. А. Василенко. З героїчного минулого робітничого класу Росії 1861—1895 рр. К. 1961.

[35] М. О. Буцько, Й. Д. Ремезовський. Початок робітничого руху і поширення марксизму в Росії (1883—1894). К. 1960.

[36] Л. Г. Мельник. Про первісне нагромадження в Росії в XVII ст. К. 1960; его же. Имущественное расслоение торгующих людей в Устюге Великом. «Исторические науки», 1959, № 3.

[37] А. О. Введенський, Л. Г. Мельник. Селянська торгівля і «торгові селяни» в Поморʼї в XVII ст. (До питання про утворення всеросійського ринку). «Вісник Київського університету», № 2. Серія історії та философії. Вип. 2. 1959.

[38] М. І. Марченко. Історія української культури (з найдавніших часів до середини XVII ст.). К. 1961.

[39] А. П. Маркевич. Великий подвиг. К. 1959; его же. Полтавський бій. Сб. статей «250 років Полтавської битви». К. 1959.

[40] В. А. Жебокрицкий. Болгария накануне Балканских войн. К. 1960; его же. Болгария во время Балканских войн 1912—1913 гг. К. 1961.

[41] А. К. Мартыненко. Позиция России в связи с провозглашением независимости Болгарии в 1908 г. Сб. статей «Из истории русско-болгарских отношений». М. 1958; его же. З історії російсько-болгарських відносин у 1909—1910 рр. «Український історичний журнал», 1959, № 3.

[42] А. К. Мартиненко. Зростання імперіалістичних суперечностей в Європі. К. 1960.

[43] Г. М. Цветков. Американський імперіалізм — найлютіший ворог людства. К. 1958; его же. Кому в США потрібна «холодна війна». К. 1959.

ношений [44]. З. А. Энольский опубликовал статью об отношении основоположников марксизма к Китаю [45]. Издали свои работы А. Е. Джеджула о современной Франции [46], И. Д. Кундюба о советско-польских отношениях и успехах социалистического строительства в Польской Народной Республике [47]. В. С. Бруз [48] и А. Ф. Кизченко [49] опубликовали работы о сотрудничестве социалистических стран, о борьбе за национальную независимость народов Юго-Восточной Азии и о борьбе за мир на современном этапе.

Сотрудники кафедры истории средних веков издали ряд работ, посвященных различным вопросам истории средневековья. Руководитель кафедры В. А. Маркина написала докторскую диссертацию о социально-экономических отношениях на Правобережной Украине во второй половине XVIII в. По этой теме она опубликовала ряд статей [50] и монографию «Магнатское поместье Правобережной Украины второй половины XVIII в.» (К., 1962). Из других исследований членов этой кафедры надо отметить работы Л. С. Чиколини о социальной утопии Антонио Франческа Дони (Италия) [51], Т. П. Брянцевой о возникновении и развитии польских городов в XIV—XV вв. [52] и З. И. Мухиной о борьбе польских крестьян против феодального гнета в Польше в XVI веке[53].

Кафедра археологии и музееведения проводит большую работу по изучению скифской и славянской археологии, а также древнего города Ольвии. В результате археологических экспедиций члены кафедры опубликовали ряд исследований. Среди них следует отметить работы Л. М. Славина о периодизации исторического развития Ольвии, о поселениях ольвийской периферии, о градостроительстве Ольвии в VI—I вв. до н. э., об основных результатах и задачах раскопок Ольвии [54]; Н. Н. Бондаря о поселении скифского времени в районе Канева и памятниках древнего прошлого Каневского Приднепровья [55]. Г. Г. Мезенцева опубликовала монографию «Музеи на Украине» (К., 1959, на укр. яз.). Н. Н. Бондарь, Г. Г. Мезенцева и Л. М. Славин издали учебное пособие «Очерки музейного дела» (К., 1959, на укр. яз.).

В области источниковедения и историографии следует отметить работы А. А. Вве-денского о зарождении и развитии источниковедения в России в XV—XVIII вв., по

---

[44] В. І. Волковинський. Встановлення дипломатичних відносин СРСР з Китаєм (1917—1924 рр.). К. 1960; его же. З історії радянсько-китайських відносин в 1927—1929 рр. К. 1960 и др.

[45] З. А. Енольський. Карл Маркс і Фрідріх Енгельс про Китай. «Вісник Київського університету», № 2. Серія історії та філософії. Вип. 2, 1959.

[46] А. О. Джеджула. Франція сьогодні. К. 1960.

[47] І. Д. Кундюба. До історії дипломатичних відносин між СРСР і польським емігрантським урядом у Лондоні (30.VII. 1941—25. IV. 1943 рр.). «Вісник Київського університету», № 2. Серія історії та філософії. Вип. 2, 1959; его же. Успіхи соціалістичного будівництва в Польській Народній Республіці. К. 1959 и др.

[48] В. С. Бруз. Співдружність соціалістичних країн — могутній фактор миру. К. 1961; его же. Мир можна і треба зберегти. К. 1961.

[49] А. Ф. Кізченко. Азія повинна бути зоною миру. К. 1960; его же. Народи південно-східної Азії у боротьбі за національну незалежність. К. 1958.

[50] В. О. Маркіна. Документи польських архівів про соціально-економічні відносини на Правобережній Україні в другій половині XVIII ст. «Вісник Київського університету», № 3. Серія історії та філософії. Вип. 2, 1960; ее же. Про грошову і відробіткову ренту на Правобережній Україні в останній чверті XVIII ст. «Український історичний журнал», 1959, № 2; ее же. О характере эксплуатации крестьянства на Правобережной Украине во второй половине XVIII в. «Исторические науки», 1961, № 1.

[51] Л. С. Чиколини. Социальная утопия Антонио Франческа Дони. «Средние века», вып. XVII, 1960.

[52] Т. П. Брянцева. До питання про рівень економічного розвитку міст Польщі в XV ст. «Вісник Київського університету», № 2. Серія історії та філософії. Вип. 2, 1959; ее же. Деякі питання з історії внутрішньої торгівлі в Польщі в XIV ст. «Вісник Київського університету», № 3. Серія історії та філософії. Вип. 2, 1960.

[53] З. І. Мухіна. До питання про боротьбу селян проти феодального гніту в Польщі та залежних землях у XVI ст. «Вісник Київського університету, № 1. Серія історії та філософії. Вип. 2, 1958.

[54] Л. М. Славин. Периодизация исторического развития Ольвии. «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху». М. 1959; его же. Градостроительство Ольвии в VI—I вв. до н. э. «Советская археология», т. XXVIII, 1958 и др.

[55] М. М. Бондар. Пам'ятки стародавнього минулого Канівського Придніпров'я. К. 1959.

вопросам дипломатики в трудах В. О. Ключевского, о предмете и методе исторической науки[56]. Большой интерес представляют работы В. Н. Котова[57], М. И. Марченко[58] и В. И. Стрельского[59]. С. А. Яковлев сдал в печать учебное пособие «Украинская советская историография (1917—1941 гг.)». П. Д. Кудлай составил библиографический указатель «Научных записок» и работ кафедр истории государственных педагогических институтов Украинской ССР за 1939—1958 гг. и систематический указатель статей и публикаций по истории Украины в общесоюзных исторических журналах за 1921—1958 годы[60].

Следует также отметить, что в последние годы расширились связи ученых факультета с научно-исследовательскими учреждениями других городов Советского Союза, а также с историками зарубежных стран. Только в течение 1961 г. факультет посетили и выступили на нем с докладами зав. кафедрой марксизма-ленинизма Братиславского университета (Чехословакия) Ю. Шафранек («Решение национального вопроса в ЧССР»,), декан философско-исторического факультета Софийского университета (Болгария) Д. С. Ангелов («Внешняя политика балканских стран накануне турецких завоеваний»), зав. кафедрой истории Восточной Европы Лодзинского университета (Польша) С. Кучинский («Польско-украинские связи в X—XI столетиях») и зав. кафедрой истории Польши того же университета Б. Барановский («Этнографические источники по истории Украины в польских архивах»).

В настоящее время коллектив историков Киевского университета прилагает все силы к осуществлению задач, поставленных перед работниками общественных наук XXII съездом КПСС: создать фундаментальные научные исследования, обобщающие прежде всего практику социалистического и коммунистического строительства, анализирующие процессы, которые происходят в капиталистических странах, разоблачающие буржуазную идеологию и современный ревизионизм. Исходя из исторических решений XXII съезда КПСС, кафедры историко-философского факультета разработали перспективный план развития научных исследований на двадцать лет. В этот период научный коллектив факультета планирует проведение научно-исследовательских работ по таким проблемам, как «История Великой Октябрьской социалистической революции», «История КПСС и КП Украины», «Новая и новейшая история зарубежных стран», «Древняя история и археология Украины» и др. Кафедры факультета пересмотрели в свете решений XXII съезда КПСС тематику научных исследований профессорско-преподавательского состава, курсовых и дипломных работ и работ научного студенческого общества. План научно-исследовательской работы факультета пополнился такими темами, как «Киевщина за 50 лет Советской власти», «Новое, коммунистическое в труде и быту трудящихся», «Критика реакционной буржуазной идеологии и историографии», «XXII съезд КПСС о мирном сосуществовании» и др.

Таким образом, научная работа историков Киевского университета в ближайшем двадцатилетии будет сосредоточена на важнейших проблемах, имеющих большое теоретическое и практическое значение. При этом значительно большее внимание будет уделено изучению истории Великой Октябрьской социалистической революции и советского строительства, советского рабочего класса и крестьянства, международного рабочего движения, организующей и руководящей роли Коммунистической партии Советского Союза в период построения коммунистического общества в нашей стране.

М. В. Демченко

---

[56] А. О. Введенський. Зародження і розвиток документознавства в Росії в XV—XVII ст. «Вісник Київського університету», № 1. Серія історії та філософії. Вип. 1, 1958; его же. Питання дипломатики в працях В. О. Ключевського. «Український історичний журнал», 1959, № 1; его же. Предмет і метод історичної науки. К. 1960.

[57] В. Н. Котов. В. І. Ленін про історичний розвиток Росії. К. 1960.

[58] М. І. Марченко. Видатний український історик О. М. Лазаревський. К. 1958; его же. Українські козацькі літописи XVII—XVIII ст. К. 1959.

[59] В. І. Стрельський. Завдання радянської історичної науки в світлі рішень XX з'їзду КПРС. К. 1958; его же. Исчисление времени у разных народов. К. 1961; его же. Основные принципы научной критики источников по истории СССР. К. 1961.

[60] См. «Науково-інформаційний бюлетень Архівного управління Української РСР». 1959, № 1 (35); № 3 (37); № 4 (38).

Обзоры и рецензии

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА СССР

В решениях Коммунистической партии Советского Союза подчеркивается необходимость широкого использования документальных источников при разработке истории нашей Родины, особенно при создании трудов по истории советского периода, которые призваны раскрыть сущность и ход коренных преобразований в экономике, политике и духовной жизни народа после победы Октябрьской революции.

Важную роль в выполнении этой задачи призваны сыграть архивные учреждения страны, проводящие большую работу по выявлению и публикации исторических документов.

Среди узловых проблем истории советского общества значительное место занимают вопросы социалистического преобразования сельского хозяйства в СССР. Изучение и обобщение опыта этого преобразования имеет не только научное, но и весьма важное практическое значение.

До последнего времени публикации документов по истории советского крестьянства и коллективизации сельского хозяйства уделялось недостаточное внимание. До 1956 г. был издан лишь один сборник документов по истории аграрных преобразований [1]. В последующие годы вышло еще два сборника: «Коллективизация сельского хозяйства на Кубани. 1918—1927 гг.». Т. I (Краснодар. 1959) и «Из истории социалистического преобразования сельского хозяйства на Херсонщине (1918—1941 гг.)» (в трех выпусках) [2].

Документы, опубликованные в первом выпуске сборника, характеризуют состояние сельского хозяйства на юге Украины (ныне Херсонская область) до коллективизации и те перемены, которые происходили в деревне в процессе кооперирования крестьянских хозяйств. Особый интерес представляют данные о первых коллективных хозяйствах, созданных в 20-х годах, о работе партийных и советских органов по подъему сельского хозяйства. Во втором выпуске сборника раскрывается процесс подготовки сплошной коллективизации, обострение классовой борьбы на селе, показывается помощь рабочего класса в социалистической перестройке деревни, роль МТС в укреплении колхозов. Материалы третьего выпуска раскрывают ход сплошной коллективизации на Херсонщине и организационно-хозяйственное укрепление колхозов.

Указанные сборники документов, несмотря на ряд недостатков, содержат некоторые ценные материалы для исследования процесса коллективизации сельского хозяйства на Кубани и Херсонщине. К сожалению, до сих пор эти публикации не получили должной оценки научной общественности.

Вопросы социалистического переустройства сельского хозяйства нашли также освещение в сборнике документальных материалов «Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства 1927—1935 годов» (М. 1957), в «Сборнике законодательных материалов о земле» (М. 1960) и в учебном пособии для юридических факультетов и вузов «Колхозное право» (М. 1955). В эти сборники вошли в основном законодательные акты.

Большой интерес представляют «Материалы по истории СССР» (Тт. I, VII. М. 1955, 1959), изданные Институтом истории АН СССР. В указанных томах опубликован ряд документальных подборок по истории колхозного строительства, среди которых следует назвать публикации «Материалы по социальному составу сельскохозяйственной кооперации в 1926—1927 гг.» (составитель — В. П. Данилов) и «Двадцатипяти-

---

[1] «Аграрная политика Советской власти (1917—1918 гг.)». Документы и материалы. М. 1954.

[2] Первый выпуск охватывает 1918—1925 гг., второй — 1926—1929 гг., третий — 1930—1941 годы. В трех выпусках, вышедших в Херсоне, опубликовано 780 документов. Первый и второй выпуски были изданы в 1957 г., третий — в 1959 году.

тысячники и их роль в коллективизации сельского хозяйства в 1930 г.» (составители — Д. М. Езерская и Н. А. Ивницкий) [3].

В то же время нельзя не сказать и о том, что весьма мало документов по истории коллективизации сельского хозяйства СССР опубликовано в исторических журналах. В издававшемся до 1941 г. журнале «Красный архив» из 860 публикаций только четыре были посвящены истории советского крестьянства и первым мероприятиям по социалистической перестройке сельского хозяйства страны [4].

Журнал «Исторический архив» также мало публикует документов по истории социалистического переустройства сельского хозяйства СССР и о роли рабочего класса в проведении коллективизации.

Задачу создания источниковедческой базы, отражающей разнообразные процессы, происходившие в деревне при проведении коллективизации, можно решить только путем систематической публикации документов, хранящихся в архивах.

В государственных и партийных архивах Советского Союза, в архивах министерств, ведомств и предприятий хранится множество документов по истории советского крестьянства и развития сельского хозяйства в нашей стране после Октябрьской революции.

Крупнейшими хранилищами документальных материалов по истории советского общества являются Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР и Центральный государственный архив народного хозяйства СССР. В этих государственных архивах (ЦГАОР и ЦГАНХ) сосредоточено свыше 5 млн. единиц хранения, отражающих историю социалистического государства с 1917 по 1957 год.

В фондах высших органов государственной власти: ВЦИК, ЦИК СССР, СТО, ВСНХ, народных комиссариатов и министерств и т. д. — отложились документы, в которых запечатлен пройденный советским народом под руководством Коммунистической партии сложный и трудный путь борьбы за создание тяжелой индустрии — ведущего начала всей социалистической экономики страны и крупного социалистического колхозного и совхозного производства.

В настоящее время в ЦГАОР и ЦГАНХ сконцентрирована еще только часть документальных материалов по истории развития социалистического сельского хозяйства, в основном до 1937 года. В архивах находятся на хранении наиболее крупные фонды по истории сельского хозяйства: Наркомзема СССР за 1930—1940 гг., Наркомзема РСФСР за 1918—1926 гг., Наркомата совхозов за 1933—1940 гг., Колхозцентра за 1928—1932 гг., Союза союзов сельскохозяйственной кооперации (1924—1931 гг.), Всесоюзного совета сельскохозяйственных коллективов (1925—1929 гг.), которые активно используются исследователями.

Документы, хранящиеся в этих фондах, до сих пор еще мало известны широкому кругу исследователей, тогда как они имеют важное значение для изучения рассматриваемой проблемы. Так, в фонде Колхозцентра имеется обширный информационный обзор о ходе выполнения решений XV съезда партии за 1928 год [5]. В этом обзоре дается глубокий анализ работы партийных организаций и органов Советской власти по коллективизации сельского хозяйства в 1928 г., освещается динамика роста колхозов по районам страны, раскрывается роль беднейшего и среднего крестьянства в создании колхозов, показывается на конкретных примерах непреоборимость нового колхозного строя.

---

[3] Отдельные вопросы развития сельского хозяйства в восстановительный период и годы первой пятилетки получили освещение в сборниках «Советское строительство в аулах и селах Семиречья (1921—1925 гг.)». Алма-Ата. 1957; «Борьба трудящихся Харьковщины за создание фундамента социалистической экономики (1926—1932)». Харьков. 1959 (на укр. яз.); «Сибревком (1919—1925 гг.)». Новосибирск. 1959; «Борьба за упрочение Советской власти в Грузии (1921—1925 гг.)». Тбилиси. 1959; «Восстановление народного хозяйства Армении (1921—1928 гг.)». Ереван. 1958, и некоторых других.

[4] «К истории возникновения сельскохозяйственных коммун и артелей в СССР (1918 г.)». «Красный архив», 1940, № 101; «Социалистические формы сельского хозяйства в 1918—1919 гг.». «Красный архив», 1938, № 96; «К истории проведения в жизнь ленинского декрета о земле». «Красный архив», 1939, № 89—90; «О сельскохозяйственной выставке 1923 г.». «Красный архив», 1940, № 100.

[5] Центральный государственный архив народного хозяйства СССР (ЦГАНХ СССР), ф. Колхозцентра, оп. 1, д. 7, лл. 3—92.

Интересные сведения о ходе коллективизации в 1928 г. содержатся в докладе Всесоюзного совета колхозов от 27 марта 1929 года [7]. В нем, в частности, указывается, что за 1928 г. количество колхозов удвоилось: с 18,6 тыс. колхозов (на 1 октября 1927 г.) оно поднялось до 36,5 тыс. (на 1 октября 1928 г.). В марте 1929 г. насчитывалось уже 38 тыс. колхозов, объединявших до 650 тыс. крестьянских хозяйств. Ясно определились районы особенно высокой плотности колхозной сети: это, по преимуществу, районы товарного зерна на Северном Кавказе, Украине, Урале, в Поволжье и Сибири. Однако, констатируется в докладе, в среднем по СССР процент коллективизации оставался невысоким. Так, по предварительным данным колхозцентров, на конец 1928 г. в сельскохозяйственные коллективы было вовлечено примерно 2,5% крестьянских хозяйств, хотя по отдельным районам процент коллективизации крестьянских хозяйств достигал 40 и выше [8].

В докладе рассматриваются различные формы коллективного движения, социальный состав колхозов, вооруженность их средствами производства, намечается перспектива дальнейшего хода коллективизации, характеризуются прогрессивные сдвиги в полеводстве колхозов, состояние производительности труда и т. д. В докладе анализируются причины упадка и распада отдельных колхозов в некоторых районах страны. К докладу приложено 12 таблиц цифрового материала о состоянии колхозного движения по союзным республикам на 1 октября 1928 г., о группировке индивидуальных хозяйств и хозяйств колхозников по стоимости средств производства по отдельным районам, о составе культур посевной площади колхозов и индивидуальных крестьянских хозяйств по областям Центральной черноземной полосы, Западному району и Северному Кавказу; о количестве лошадей, коров и свиней на 100 га посева в колхозах и крестьянских хозяйствах различных районов страны и т. д. Анализ подобных документов, содержащих систематическое освещение хода коллективизации на определенных этапах, дает большие возможности исследователю в изучении процесса социалистической перестройки сельского хозяйства в стране.

Аналогичные материалы имеются в других фондах архивов. Многочисленные доклады, сводки, постановления и отчеты показывают борьбу Коммунистической партии и советского народа за оснащение деревни новой сельскохозяйственной техникой, поиски форм ее использования в интересах укрепления обобществленного сельского хозяйства. Так, в обзоре НК РКИ РСФСР о состоянии тракторного парка к концу 1929 г. [9], составленном по результатам обследований Рабоче-крестьянской инспекции, содержатся данные о наличии тракторов, их поступлении, распределении по районам и коллективным хозяйствам, дается технико-экономическая характеристика тракторного хозяйства РСФСР и его значения для повышения продуктивности сельскохозяйственного производства.

В 1924—1929 гг. в стране было изготовлено для нужд сельского хозяйства 6 169 тракторов, из них в 1928—1929 гг.— 3 120 штук [10].

В обзоре особо подчеркивается та непреложная истина, что трактор в сельском хозяйстве СССР, помимо чисто технического значения, имеет огромное социальное значение как «материальный агитатор» за социалистическое преобразование мелкотоварного крестьянского хозяйства. «Можно определенно утверждать,— отмечалось в обзоре,— что между внедрением тракторов в сельское хозяйство и процессом коллективизации существует неразрывная связь» [11].

Приведенная в обзоре таблица с данными о механизации и коллективизации сельского хозяйства в отдельных районах РСФСР подтверждает этот вывод. Она свидетельствует о том, что чем больше процент механизации сельского хозяйства, тем выше процент коллективизации крестьянских хозяйств [12].

В этих и других аналогичных документах дается широкая картина организации МТС и тракторных колонн, их роли в колхозном строительстве.

---

[7] Там же, ф. 5446, оп. 10, д. 569-а, лл. 77—124.
[8] Там же, л. 77.
[9] Там же, ф. 4085, оп. 9, д. 864, лл. 1—60.
[10] Там же, л. 2.
[11] Там же, л. 21 об.
[12] Там же, л. 22.

По материалам фондов Колхозцентра, НК РКИ и др. можно проследить развитие новых, социалистических форм организации труда в деревне: ударничества, социалистического соревнования между бригадами и колхозами за повышение урожайности, расширение посевных площадей. Так, в информационной сводке Колхозцентра в НК РКИ о ходе социалистического соревнования в колхозах РСФСР в 1929 г. указывается, что по Средней Волге в результате соревнования «посевная площадь с весны увеличилась с 318 тыс. га до 733 тыс. га» [13]. В обзоре говорится о подъеме энергии, об инициативе и самодеятельности бедняцко-середняцких слоев деревни вообще и колхозников в особенности [14]. Наряду с этим в сводке отмечаются серьезные недостатки в развитии социалистического соревнования в ряде областей РСФСР (Северный район, Нижегородский край и др.).

Одним из крупнейших хранилищ документальных источников по истории социалистического преобразования сельского хозяйства нашей страны является архив Министерства сельского хозяйства СССР, в котором хранятся материалы в основном с 1930 года. Здесь сосредоточены исторические документы не только Народного комиссариата земледелия — Министерства сельского хозяйства СССР, но и ряда других министерств, центральных ведомств и учреждений, функции которых после их ликвидации или реорганизации были переданы Министерству сельского хозяйства СССР. В архиве хранятся фонды бывших министерств хлопководства, совхозов, заготовок, лесного хозяйства, Главного управления лесоохраны и лесонасаждений, Главного переселенческого управления, Совета по делам колхозов при Совете Министров СССР и т. д.

В настоящее время в связи с реорганизацией Министерства сельского хозяйства СССР и изменением его функций большая часть его фондов будет передана на постоянное хранение в Центральный государственный архив народного хозяйства СССР, что, несомненно, расширит возможности их использования в научных целях.

Весьма большое количество ценных документальных материалов по рассматриваемой проблеме хранится в республиканских, краевых и областных государственных архивах и их филиалах, а также в фондах партийных архивов при ЦК компартий союзных республик, крайкомах и обкомах. В сконцентрированных здесь фондах отражена деятельность местных партийных организаций, Советов, общественных организаций по подготовке и проведению социалистической перестройки сельского хозяйства, по подъему и развитию колхозного производства, показана роль рабочего класса в процессе социалистического развития сельского хозяйства, деятельность колхозов и совхозов. К сожалению, эти материалы плохо используются исследователями.

Например, до сих пор почти не изучены историками документы Государственного архива Ивановской области, характеризующие активное участие рабочих этой промышленной области в преобразовании деревни. Ивановские рабочие вели работу в деревнях и селах не только своей области, но и в западных областях, в Средней Азии и других районах страны.

Следует признать, что и сами архивы недостаточно пропагандируют документальные материалы по истории развития социалистического сельского хозяйства. До сих пор почти не публикуются обзоры архивных фондов по этой проблеме. Издание и широкое распространение подобных научно-справочных пособий способствовало бы популяризации источников, ускорило бы их введение в научный оборот.

Учитывая необходимость серьезной перестройки публикаторской работы, Главное архивное управление при Совете Министров СССР (ГАУ) разработало перспективный план научно-исследовательской работы на 1961—1965 гг., предусматривающий систематическую подготовку документальных изданий по истории СССР, в первую очередь серийных сборников документов по основным проблемам и этапам истории советского периода.

Вся публикаторская работа по важнейшим проблемам истории советского общества в настоящее время проводится на основе тесного контакта и сотрудничества Главного архивного управления, государственных архивов СССР, Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, институтов истории, экономики, истории искусств, мировой литературы АН СССР с местными научными учреждениями.

---

[13] Там же, д. 762, л. 140.
[14] Там же, л. 144.

Перспективный план научно-издательской деятельности ГАУ предусматривает дальнейшее укрепление сотрудничества государственных архивов с научно-исследовательскими учреждениями страны.

По-новому стала планироваться и организовываться работа по подготовке публикаций. Вместо издания сборников документов отдельными областными государственными архивами и соответствующими областными научными учреждениями подготовка публикаций и их издание будут проводиться путем совместной деятельности архивных и научных учреждений ряда краев и областей под общим руководством Главного архивного управления.

Такая организация публикаторской работы даст возможность преодолеть серьезные недостатки по изданию исторических источников, в частности избежать случайности в выборе тем для публикаций, позволит обеспечить глубокое изучение и научно обоснованный отбор материалов для сборников и их высокое качество.

Подготовкой серийных многотомных изданий документов «История индустриализации СССР (1926—1941 гг.)» [15] и «История коллективизации сельского хозяйства (1927—1937 гг.)» [16] руководят созданные при Главном архивном управлении главные редакции, в состав которых входят представители институтов истории и экономики АН СССР, Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ГАУ и научных учреждений союзных республик. Главные редакции рассматривают и утверждают проспекты всех томов серии, разрабатывают общие принципиальные вопросы издания документов по теме, консультируют работников редакций томов, обсуждают подготовленные к сдаче в производство тома серии.

Серия сборников документов «История коллективизации сельского хозяйства СССР (1927—1937 гг.)» будет состоять из тридцати томов [17].

Главное архивное управление совместно с институтами истории и экономики АН СССР и Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в настоящее время готовит три тома материалов общесоюзного значения, отражающих деятельность партийных и советских органов по руководству массовым колхозным движением и содержащих итоговые данные о ходе коллективизации по всей стране, о создании МТС, об активном участии рабочего класса в перестройке сельского хозяйства и т. п. Уже подготовлен том, посвященный периоду 1927—1929 гг., и завершается работа над сборником, характеризующим процесс сплошной коллективизации в 1929—1932 годах.

Главной редакцией при ГАУ рассмотрен и одобрен к печати отдельный том по истории коллективизации в Узбекистане, подготовленный архивными учреждениями республики совместно с Институтом истории, археологии и этнографии АН Узбекской ССР и Институтом истории партии при ЦК КП Узбекистана.

Планы-проспекты указанной серии сборников документальных материалов разработаны в большинстве союзных республик, а также в координационных центрах по РСФСР. Они представлены на рассмотрение главной редакции при Главном архивном управлении. Проспекты группируют документы по трем основным периодам: подготовка условий для перехода к сплошной коллективизации на основе решений XV съезда пар-

---

[15] Серию сборников «История индустриализации СССР (1926—1941 гг.)» намечается издать объемом свыше 30 томов.

[16] Продолжением этой серии явится запланированное на следующее пятилетие (1965—1970 гг.) многотомное издание документов на тему «Дальнейшее развитие сельского хозяйства СССР в 1938—1960 гг.».

[17] Подготовку отдельных томов этой серии ведут архивные и другие научно-исследовательские учреждения Украины, Белоруссии, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Туркменистана, Казахстана, Грузии, Армении, Азербайджана, Молдавии. В РСФСР создано 11 координационных центров по основным экономическим районам (Северный Кавказ, Поволжье, Центральная черноземная область, Центральный промышленный район, Западный район, Ленинградский район, Северный район, Урал, Западная Сибирь, Восточная Сибирь и Дальний Восток), вокруг которых группируются соответствующие архивные и другие научно-исследовательские учреждения автономных республик, краев и областей, ведущих основную работу по подготовке и изданию отдельных сборников серии. Так, в подготовке томов серии по истории коллективизации на Северном Кавказе участвуют архивные и научные учреждения Краснодарского и Ставропольского краев, Ростовской области, Дагестанской, Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской и Чечено-Ингушской АССР. Работа координируется архивными учреждениями Краснодара.

тии (1927 — ноябрь 1929 гг.), развертывание сплошной коллективизации и ликвидация на ее базе кулачества как класса (ноябрь 1929—1932 гг.); борьба за укрепление колхозов и победа колхозного строя (1933—1937 гг.).

В настоящее время в масштабе страны в государственных и партийных архивах выявляются и отбираются документы по истории коллективизации сельского хозяйства. Подобная работа, когда по единым установкам проводится подготовка сборников документов на основе объединения усилий многих архивных и других научных учреждений, организуется у нас впервые. Ее успех в значительной степени будет определяться четкой организацией, согласованностью действий, коллективным обсуждением всех встающих в процессе работы вопросов, как организационных, так методических и научных.

Стремясь обеспечить единство действий участников этой большой и сложной работы, Главное архивное управление при Совете Министров СССР совместно с Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Институтом истории Академии наук СССР провело в 1961 г. ряд координационных совещаний составительских и редакторских коллективов, приступивших к подготовке серийных сборников документов по истории индустриализации и коллективизации сельского хозяйства СССР.

В качестве изданий, дополняющих материал общесоюзных серийных сборников по истории коллективизации сельского хозяйства СССР, в перспективном плане предусматривается подготовка сборников документов по истории отдельных колхозов и совхозов.

Перспективный план ГАУ ориентирует государственные архивы также на новый вид публикаторской деятельности — подготовку и издание сравнительно небольшим тиражом микрофотосборников. К микрофильмам прилагаются описи зафиксированных на пленку документов. Этот вид публикаторской деятельности имеет большие перспективы, так как он значительно удешевляет работу, позволяет более быстро и оперативно знакомить широкие круги научной общественности с документальными богатствами советских архивов.

В 1960 г. в качестве опыта одним из архивов было изготовлено четыре сборника документальных материалов в виде микрофильмов, включающих 19,5 тыс. документов. Если бы это количество документов издать типографским способом, то потребовалось бы выпустить 88 томов объемом по 25 печатных листов каждый, а стоимость издания возросла бы почти в 30 раз.

Мероприятия КПСС по искоренению ошибок, связанных с культом личности Сталина, и восстановлению ленинских норм партийной и государственной жизни создали благоприятную обстановку для развития общественных наук.

Известно, что культ личности нанес немалый вред исторической науке, в том числе разработке истории социалистического переустройства деревни. События, связанные с проведением коллективизации сельского хозяйства, лакировались исследователями. Широкая публикация исторических документов по данной проблеме не поощрялась.

Публикация документальных материалов по истории советского крестьянства, коллективизации сельского хозяйства, отдельных колхозов, намеченная перспективным планом научно-исследовательской работы Главного архивного управления и архивных учреждений СССР на 1961—1965 гг., отвечает задачам, поставленным партией перед исторической наукой и поможет исследователям воссоздать действительную историю социалистической перестройки сельского хозяйства в нашей стране.

В основу разработки перспективного плана публикаций были положены решения XX, XXI и XXII съездов КПСС.

В соответствии с историческими решениями партии и новой Программой КПСС архивные учреждения страны дополнительно готовят ряд документальных сборников на актуальные темы. Несомненный интерес представят публикации документов: «Из истории освоения целинных и залежных земель на севере Казахстана», «Молодежь Ленинграда в борьбе за освоение целинных земель (1954—1958 гг.)», «Молодежь в освоении целинных и залежных земель (1954—1960 гг.)» и т. д. Государственными архивами готовятся также сборники о движении за коммунистический труд в Брянской, Иркутской, Пензенской, Псковской, Донецкой, Луганской областях, Красноярском крае, Казахстане и др.

В многочисленных документах, хранящихся в государственных и ведомственных архивах, отражен коллективный опыт — опыт миллионов трудящихся по строительству социализма в СССР. Общесоюзные серийные издания документов по истории коллективизации сельского хозяйства, отдельные сборники документов по истории колхозов, совхозов помогут сделать этот опыт достоянием широких кругов научной общественности Советского Союза и стран социалистического лагеря.

Г. А. Белов

В. Я. НЕПОМНИН. *Исторический опыт строительства социализма в Узбекистане (1917—1937)*. Госиздат Узбекской ССР. Ташкент. 1960. 382 стр. Тираж 5 000. Цена 69 коп.

Исторической заслугой Коммунистической партии, подчеркивалось на XXII съезде КПСС, является правильное разрешение в нашей стране национального вопроса. «Советский строй,— говорил Н. С. Хрущев,— поднял к новой жизни, привел к расцвету все ранее угнетенные и бесправные народы, стоявшие на разных ступенях исторического развития, от патриархально-родового строя до капиталистического. Отсталые ранее народы при помощи более развитых и прежде всего великого русского народа миновали капиталистический путь, поднялись до уровня передовых»[1]. Замечательные достижения ленинской национальной политики, опыт социалистического строительства в ранее отсталых районах России служат ярким, вдохновляющим примером для народов Азии, Африки, Латинской Америки в их борьбе против империализма и колониализма, за свою свободу и независимость.

В связи с этим заслуживает внимания книга В. Я. Непомнина, в которой показаны переход народов Узбекистана от феодальных отношений к социализму, процесс ликвидации фактического неравенства и бурный подъем на путях социализма экономики и культуры узбекского народа, расцвет его как социалистической нации. Рецензируемый труд, на наш взгляд, является хорошей иллюстрацией к положениям новой Программы КПСС о том, что только в условиях социализма происходит расцвет наций, укрепляется их суверенитет, растет братская взаимопомощь, крепнет дружба народов.

За последние годы опубликован ряд работ по истории Узбекистана в советский период. Книга В. Я. Непомнина выгодно отличается от большинства из них тем, что это труд обобщающего характера. Этим, собственно, определяется место, которое занимает рецензируемая монография в историографии Советского Узбекистана.

В своей книге В. Я. Непомнин прослеживает широкий круг вопросов: экономические последствия присоединения Средней Азии к России, основные черты общественно-экономического развития Туркестана в конце XIX — начале XX в., некоторые особенности революционного движения в Туркестане; победа Великой Октябрьской социалистической революции в Туркестане и создание советской государственности, проведение первых социалистических преобразований (рабочий контроль, национализация банков и промышленности, развертывание социалистической революции в кишлаке и ауле, первые шаги культурного строительства и т. д.), советское строительство в Бухарской и Хорезмской народных советских республиках и особенности их развития; национально-государственное размежевание Средней Азии, земельно-водная реформа и ликвидация пережитков докапиталистических отношений, первые шаги социалистической индустриализации Узбекистана; процесс социалистической реконструкции народного хозяйства Узбекской ССР в годы первой и второй пятилеток, победа социализма в Узбекистане и ликвидация его экономической и культурной отсталости.

Большое число сложных вопросов, на которых останавливается автор, не помешало ему подчинить весь свой труд одной ведущей идее — всестороннему выяснению

[1] Н. С. Хрущев. О Программе Коммунистической партии Советского Союза. М. 1961, стр. 9—10.

путей и методов перехода Узбекистана от феодализма к социализму, показу особенностей и специфики этого перехода. Постановка проблемы социалистического преобразования Узбекистана в таком широком плане стала возможной потому, что В. Я. Непомнин в своем исследовании опирался на большую работу, уже проделанную советскими историками, особенно историками Узбекистана. Библиография, приведенная в книге, содержит обширный перечень трудов различных авторов по истории Средней Азии и Узбекистана, документальных сборников и статистических обзоров. В. Я. Непомнин привлек также ценный архивный материал. Некоторые разделы его книги написаны почти целиком по документам, извлеченным из центральных и местных партийных и советских архивохранилищ.

Говоря о положительных сторонах работы, следует прежде всего отметить плодотворную попытку автора проследить основные особенности перехода Узбекистана к социализму. Он видит эти основные особенности, во-первых, в том, что Узбекистан к началу Октябрьской революции не располагал развитой крупной промышленностью, не имел многочисленных кадров промышленных рабочих — ведущей силы социалистической революции и социалистических преобразований; во-вторых, в господстве в сельском хозяйстве феодальных и полуфеодальных отношений, что ставило перед Советской властью и Коммунистической партией задачу ликвидации докапиталистических отношений и пережитков в кишлаке как необходимого условия развития производительных сил и социалистического преобразования сельского хозяйства республики; в-третьих, в том, что до революции Узбекистан представлял собой отсталую в культурном отношении страну, а это, естественно, затрудняло социалистическое строительство в республике.

В. Я. Непомнин убедительно показывает ряд важных факторов, которые облегчали и ускоряли темпы социалистического строительства. Одним из таких факторов, отмечает автор, являлось то, что основная отрасль сельского хозяйства Средней Азии — хлопководство — была более тесно связана с социалистической промышленностью, чем другие отрасли сельского хозяйства. Хлопководство, пишет В. Я. Непомнин, «находилось в сфере более сильного и непосредственного влияния и воздействия социалистического уклада. Это не могло не сыграть положительной роли с точки зрения социалистической реконструкции сельского хозяйства Узбекистана» (стр. 26).

Некоторые важные научные вопросы поставлены и разрешены автором при освещении национально-государственного размежевания и земельно-водной реформы, хотя эта тема в советской исторической литературе изучена довольно широко. Известно, что в оценке характера земельно-водной реформы в Узбекистане до сих пор еще имеются различные точки зрения (буржуазно-демократический или социалистический характер реформы). В. Я. Непомнин дает следующую формулировку: «...земельно-водная реформа в Узбекистане, направленная против феодальных земельных отношений, являлась крайне важным этапом на пути к социалистическому преобразованию сельского хозяйства в прошлом колониальной страны — Узбекистана, необходимым и закономерным звеном в переходе от феодализма к социализму» (стр. 218). Здесь подчеркивается переплетение и взаимосвязь двух сторон. Дело в том, что земельно-водная реформа нанесла сильный удар не только по феодальным, но и по капиталистическим элементам кишлака, хотя последние в результате реформы и не были ликвидированы. Но непосредственно предшествуя коллективизации, реформа усилила наступление на байство и кулачество и проходила в борьбе с капиталистическими элементами деревни.

Интересен и содержателен раздел книги, посвященный периоду 1929—1937 гг., когда произошли коренные качественные изменения в экономике и социальной структуре Узбекистана, окончательно сложилась узбекская социалистическая нация, в основном было ликвидировано фактическое неравенство, оставшееся в наследство от прошлого, и решены важнейшие задачи построения социалистического общества в республике. В специальном разделе показано всемирно-историческое значение социалистического преобразования национальных республик Средней Азии. Эти страницы книги привлекают не только обилием и свежестью фактического материала, наглядно показывающего гигантские изменения, которые произошли в Узбекистане в результате выполнения первой и второй пятилеток, но и многими обобщениями и выводами. Автор раскрывает значение и место социалистической индустриализации, коллективизации сельского хозяйства и культурной революции в социалистическом

преобразовании Узбекистана, показывает преимущества социалистической системы, роль экономических законов социализма, теснейшую взаимосвязь экономики различных районов Советского Союза как частей единого социалистического хозяйства. Говоря о том, что темпы развития промышленности и сельского хозяйства Узбекистана были выше, чем в целом по СССР, автор убедительно показывает, что это стало возможно благодаря ленинской национальной политике Коммунистической партии — организатора и вдохновителя социалистического строительства в нашей стране.

Анализируя главные этапы социалистического преобразования Узбекистана, В. Я. Непомнин пишет о тех огромных трудностях, которые стояли на пути республики к социализму. Эти трудности прежде всего объясняются историческими условиями развития Узбекистана, последствиями колониальной политики русского царизма и капитализма. В книге хорошо показано, как под руководством Коммунистической партии народы Узбекистана в невиданно короткий срок полностью покончили со своей экономической и культурной отсталостью.

Автор отмечает великое значение нерушимой братской дружбы народов СССР — одного из важнейших источников могущества советского многонационального государства. Великий русский народ с первых дней установления Советской власти в Туркестане оказывал узбекам, казахам, таджикам, туркменам, киргизам и каракалпакам постоянную и все возраставшую помощь в хозяйственном, государственном и культурном строительстве. Важнейшие пролетарские центры СССР — Москва, Ленинград, Харьков, Иваново-Вознесенск, Баку и другие города — готовили кадры квалифицированных рабочих местных национальностей, снабжали народное хозяйство Средней Азии различными машинами и оборудованием, помогали местным трудящимся строить новую жизнь и культуру.

Однако нельзя не отметить ряда пробелов, имеющихся в рассматриваемой работе. В ней недостаточно показан опыт Коммунистической партии, обеспечившей закономерный процесс слияния национально-освободительной, антиимпериалистической и антифеодальной борьбы народов Средней Азии с борьбой российского пролетариата в 1917 году.

Известно, что идеи В. И. Ленина о создании могучей социалистической индустрии на Востоке, о создании промышленных очагов в восточных республиках СССР лежали в основе важнейших мероприятий, которые партия осуществляла на национальных окраинах страны. Этот важный вопрос, однако, не нашел всестороннего освещения в книге В. Я. Непомнина. В частности, не вполне глубоко вскрыты особенности индустриализации в Советском Узбекистане и недостаточно ярко обрисован ход этого процесса.

Автор не уделил должного внимания и разоблачению буржуазных фальсификаций истории Советской Средней Азии.

Одним из самых существенных недостатков книги следует считать то, что в ней мало уделено внимания деятельности широких масс трудящихся Узбекистана, процессу изменения этих масс, росту их производственной и политической активности, национального самосознания и в связи с этим деятельности таких организаций, как Советы, профсоюзы, комсомол и т. д. Не получила должного отражения в работе история культурного строительства в Узбекской ССР в первые два десятилетия существования Советской власти. В монографии отсутствует глубокая разработка важной проблемы формирования и развития узбекской национальной советской интеллигенции.

В целом же монография В. Я. Непомнина по широте охвата и богатству содержания является серьезным научным трудом по истории советского общества в Узбекистане.

Ю. Н. Алескеров,
Я. М. Серый

«Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции». Под редакцией В. Е. Иллерицкого и И. А. Кудрявцева. М. Соцэкгиз. 1961. 512 стр. Тираж 12 000. Цена 86 коп.

Курс историографии на исторических факультетах университетов принадлежит к числу важнейших дисциплин. Он играет большую роль в теоретической подготовке студента, вооружает его необходимыми знаниями для самостоятельной работы с исторической литературой, умением разбираться в методологии изучения исторических явлений и процессов. Между тем длительное отсутствие учебников по этому предмету было серьезным тормозом в его изучении. Правда, за последние годы появилось несколько работ, восполняющих в какой-то степени пробел в этой области. Вышли в свет два тома «Очерков истории исторической науки в СССР», курсы лекций Л. В. Черепнина и В. И. Астахова, содержательная книга С. Л. Пештича о русской историографии XVIII в., много статей и других материалов. Но во всех перечисленных выше работах изложение материала не простиралось далее конца XIX столетия. Поэтому выход в свет учебного пособия по историографии истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции, подготовленного коллективом авторов Московского историко-архивного института, является очень своевременным.

Немалые трудности стояли перед авторским коллективом. Отобрать огромный материал истории исторической науки в нашей стране было, конечно, нелегким делом. Такой важный раздел, как развитие исторической науки в период империализма, обобщенно вообще еще не излагался (если не считать попытки, предпринятой двадцать лет тому назад Н. Л. Рубинштейном в его «Русской историографии»). Нужно было также обработать и дать в соответствующем для учебного пособия изложении результаты многих новейших исследований в области историографии. Если оценить рецензируемый труд в целом, то можно сказать, что коллектив его авторов и редакторов со своей задачей справился. Получилась компактная, содержательная учебная книга, написанная со знанием дела, вполне отвечающая задачам использования ее в учебном процессе. Сильной стороной учебного пособия является постоянное внимание к вопросам идейно-политического, классового содержания исторических теорий и концепций. Борьба социально-политических идей, красной нитью проходящая через историю исторической науки, получила яркое отражение на страницах книги. В ней уделено большое внимание революционно-демократической исторической мысли. Авторы поставили также своей задачей дать развернутый анализ ленинского этапа в марксистской историографии и ленинской концепции русского исторического процесса, что имеет принципиальное значение для построения курса историографии.

Материал многих разделов книги умело отобран и обдуман. Так, в главах, посвященных русской историографии первой половины XIX в. (автор Н. Л. Рубинштейн), нет ничего лишнего и в то же время сказано все, что нужно для характеристики методологических особенностей и социально-политического содержания различных направлений в историографии. То же следует сказать о главе, характеризующей исторические взгляды декабристов (автор В. Е. Иллерицкий). Удачной является глава о Н. М. Карамзине. Автор (И. А. Кудрявцев) сумел показать реакционность политической идеологии Карамзина и вместе с тем раскрыть то новое, что внес этот историк в науку. Много свежего материала в главах, посвященных развитию марксистской исторический мысли в конце XIX — начале XX в. (авторы А. С. Рослова и И. К. Додонов). Каждая глава снабжена кратким указателем основной литературы по теме, что дает возможность студентам более глубоко изучить относящийся к данной теме материал.

Имея в виду, что рецензируемая книга со временем превратится в учебник, полезно обратить внимание на отдельные недочеты и спорные, на наш взгляд, решения, имеющиеся в этом пособии. Это касается прежде всего периодизации истории исторической науки. На наш взгляд, принятая в пособии (как и в программе курса) общеисторическая периодизация не дает возможности оттенить в полной мере особенности и своеобразие каждого этапа развития исторической науки. Как известно, грани между этапами в истории науки и культуры отнюдь не тождественны рубежам социально-экономического развития. Поэтому неправомерно, с одной стороны, расчленять

между двумя основными этапами, указанными в книге («историография эпохи феодализма» и «историография эпохи капитализма»), развитие русской буржуазной исторической науки и революционно-демократического направления в русской историографии, а с другой — объединять рамками одного этапа («историография эпохи феодализма») такие разнородные явления, как «Степенная книга» и историческая концепция С. М. Соловьева. Периодизация истории науки по формациям в данном случае мешает уловить этапы развития исторических знаний и исторической науки. Столь же неправомерно, на наш взгляд, выделение исторических знаний XVII и первой четверти XVIII в. в особый период. Именно внутри этого периода происходят весьма существенные изменения в характере исторических знаний. Как правильно отмечает автор соответствующей главы Е. В. Чистякова, «книга Манкиева, как и труды историков последней четверти XVII в., отразила переломный период в русской историографии» (стр. 70). Принципиально важный период превращения исторических знаний в науку как бы затушевывается при механическом перенесении общеисторической периодизации на историю науки. Еще более важным рубежом в истории исторической науки является такой факт, как возникновение марксистской исторической науки в России, а в пособии этот вопрос рассматривается «внутри» второго большого этапа — «историография эпохи капитализма».

В то же время, определяя этапы развития науки, необходимо четко показать, как общественно-экономический строй на каждом этапе воздействовал на состояние исторической науки, какие социально-политические задачи выдвигались различными классами перед историографией. Нужно ясно отметить, как и какими средствами осуществлялось определяющее влияние общественно-экономических отношений на историческую науку. Авторы соответствующих вводных глав к разделам, посвященным историографии в первой и второй половинах XIX в. (Н. Л. Рубинштейн и В. Е. Иллерицкий), в общем удачно показали условия развития исторической науки. Но здесь не хватает анализа одного существенного фактора — правительственной политики в области историографии. А от этого зависело многое: организация научных учреждений и система подготовки кадров, направление преподавания истории, характер деятельности научных обществ, публикация исторических материалов и исследований. Анализ правительственной политики дал бы возможность глубже и ярче показать те условия, в которых приходилось работать представителям передовой научной мысли, показать влияние феодально-крепостнического режима и его остатков на развитие русской историографии, влияние господствующих классов царской России на науку. Это один из аспектов истории науки. С другой стороны, не менее важно было отметить и отношение различных слоев общественности к развитию исторической науки. Нельзя недооценить, например, воздействие роста национального самосознания после Отечественной войны 1812 г. или обострения общественно-политической борьбы в период подготовки и отмены крепостного права на развитие исторической науки. Правда, в книге об этих факторах говорится, но полезно было бы дать некоторые обобщения и в соответствующих введениях, чтобы глубже показать связь исторической науки на каждом этапе ее развития с современностью. На наш взгляд, было бы полезно ввести в пособие и небольшие заключения, обобщающие основные характерные черты развития науки в тот или иной период. Это повысило бы теоретический уровень пособия и было бы важно в чисто методическом отношении.

Нуждаются в уточнениях, а частично и в доработке некоторые положения и разделы в пособии. Так, в главах, написанных С. О. Шмидтом в целом удачно, в отдельных случаях заметен более источниковедческий, нежели историографический, подход к анализу материала (например, оценки житийной литературы, Устюжского летописного свода, «Ливонской хроники»). В главе о В. Н. Татищеве необходимо учесть результаты исследования С. Л. Пештича, показавшего определенную тенденциозность Татищева в обращении с материалом и причины этой тенденциозности, связанной с общественно-политическими взглядами этого историка.

Нельзя согласиться с тем, что в пособии оказался совершенно опущенным важный вопрос о возникновении норманской теории. Упоминаний о борьбе с этой теорией в главах о Татищеве и Ломоносове совершенно недостаточно. Без рассмотрения норманистов XVIII в. сглаживается вся острота борьбы в исторической науке того времени. Но еще более важно то обстоятельство, что норманская теория представляет собой и сейчас идейное оружие враждебных нашему народу сил за рубежом. Поэтому раскрытие

ее политической реакционности и научной несостоятельности в учебном пособии по историографии совершенно необходимо.

В главе 8 содержится хороший материал о начальном этапе буржуазной исторической науки в России, дан анализ методологии С. Е. Десницкого, И. А. Третьякова, но нет характеристики методологии В. В. Крестинина и И. И. Голикова, что упрощает довольно сложную картину возникновения буржуазной историографии.

Как уже отмечено, наибольшие трудности стояли перед авторами разделов, посвященных историографии конца XIX — начала XX века. Не все здесь удалось авторам, некоторые вопросы еще требуют уточнений и доработки. Так, нуждаются в более углубленной историографической характеристике труды Г. В. Плеханова. В книге говорится о его заслугах в распространении марксизма, о его борьбе против народников. Но нужно было бы сосредоточить главное внимание на глубоком раскрытии значения трудов Плеханова для исторической науки, а не просто упомянуть о его работах в области теории исторического материализма и истории русского рабочего движения.

Глава об М. Н. Покровском (автор А. С. Рослова) содержит попытку пересмотреть укоренившиеся в нашей литературе под влиянием культа личности неверные представления о научной деятельности этого видного историка-марксиста. Научное наследство М. Н. Покровского требует внимательного и беспристрастного изучения, чтобы правильно оценить его роль в развитии марксистской историографии в России. К сожалению, в учебном пособии главное внимание сосредоточено все же на ошибочных положениях М. Н. Покровского и недостаточно раскрыто значение его трудов в изучении русского исторического процесса с марксистских позиций.

Большая глава посвящена ленинской концепции русского исторического процесса (автор И. К. Додонов). В ней в основном раскрыты наиболее важные ленинские идеи, характеризующие марксистскую концепцию истории России. И все же глава нуждается в доработке, в углублении анализа материала. Не отмечена, например, важнейшая ленинская идея единства закономерностей всемирно-исторического процесса. Именно здесь нужно было показать, какое значение придавал В. И. Ленин марксистско-ленинской теории для исследования истории, его решительную борьбу против субъективизма и догматизма, его указания об отношении к буржуазной историографии, его характеристику буржуазной историографии начала XX века. Принципиальные методологические требования В. И. Ленина, его оценка значения истории для дела революционной борьбы рабочего класса должны были явиться предметом глубокого анализа. Следовало бы гораздо больше сказать и об источниковедческой базе трудов В. И. Ленина, о его приемах работы над источниками; общего, неконкретного абзаца, имеющегося на стр. 373, здесь явно недостаточно. Есть, к сожалению, в этой главе и отдельные неточности. На стр. 375—376 автор неточно излагает известную ленинскую периодизацию истории России феодальной эпохи. Он не обратил внимания на социально-экономическую характеристику «местных союзов» в период русского средневековья — у В. И. Ленина речь идет о процессе закрепощения крестьян. Кроме того, автор пишет, что к XVII в. произошло действительно фактическое слияние русских областей, земель и княжеств. Но у В. И. Ленина речь идет о другом — о новом периоде русской истории, который характеризуется этим слиянием, а этот период лишь начинается «примерно с 17 века». В. И. Ленин очень четко противопоставляет здесь новый период русской истории «эпохе московского царства», когда «государство распадалось на отдельные «земли», частью даже княжества...»[1]. Глава в целом довольно рыхла, анализ ленинских положений нередко подменяется простым пересказом их. Но главный недочет главы состоит в недостаточном раскрытии ленинской методологии изучения исторического процесса, ленинской теории исторической науки.

Некоторое недоумение вызывает и глава 27 (автор И. К. Додонов), где речь идет о буржуазно-дворянской историографии периода империализма. Курсивом здесь выделены основные разделы текста — «буржуазно-либеральное направление», «официально-консервативное (охранительное) направление» и «коллективные работы по русской истории». Но ведь и «коллективные работы» следовало бы анализировать в свете определенных направлений, а не выделять их в особую рубрику из-за своеобразия формы исторических трудов. Глава в целом содержит интересный материал. Но, к примеру, если в ней есть довольно пространная характеристика сборника «Вехи», то нет даже упоминания об очень характерном для бур-

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. I, стр. 137.

жуазной историографии того же времени сборнике статей в честь В. О. Ключевского. Кстати сказать, среди авторов этого сборника были и те лица, которые участвовали в «Вехах». Неясно охарактеризованы труды Н. П. Павлова-Сильванского. Непонятно, почему автор рассматривает их по томам сочинений Павлова-Сильванского (стр. 421). Но главное то, что политическое содержание исторической концепции этого ученого остается нераскрытым. В главе есть такая фраза: «Здесь данными русской истории, несомненно, выражен политический идеал кадетов» (стр. 419). Возникает вопрос: а у П. Н. Милюкова «данными русской истории» разве не был «выражен политический идеал кадетов»? И вообще: имел какое-либо политическое значение спор между Павловым-Сильванским и Милюковым или же он носил чисто академический характер?

В целом же нельзя не отметить, что И. К. Додонов проделал очень большую работу, его главы по историографии начала XX в. богаты по материалу и представляют собой первый опыт обобщения последнего.

Самым слабым местом в пособии оказалась глава 30, посвященная историографии народов России конца XIX — начала XX века. Она плохо связана с основным содержанием книги, а в некоторых случаях самый предмет изложения избран в ней неправильно. Очень трудно, подчас невозможно объединить в одном логическом изложении материал из истории исторической науки разных народов. Но в то же время нельзя подменять историю исторической науки в Средней Азии, например, историей изучения Средней Азии русскими историками. В результате характеристика исторической мысли народов России получилась очень хаотичной и неясной, совершенно случайной по материалу. Например, в тексте о Закавказье ничего не говорится о формировании буржуазной историографии в Грузии во второй половине XIX в., не упоминается о работах Б. Бакрадзе, А. Цагарели и других. Зато здесь говорится об изучении «хизанства и хизанского вопроса» (стр. 492); в учебном пособии надо бы пояснить, что это такое. Об армянской историографии вообще ничего не сказано, а в Армении работали в указанный период такие крупные историки, как Аракел Бабаханян (Лео), Н. Адонц, и другие.

Отмеченные недочеты не колеблют общую положительную оценку книги. Теперь надо позаботиться и о том, чтобы рецензируемое пособие через некоторое время превратилось в учебник, и о том, чтобы скорее появилось пособие по советской историографии. Нельзя не пожалеть и о малом тираже книги: несомненно, это пособие будет пользоваться большим спросом у студентов-историков.

А. М. Сахаров

Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года. Под ред. С. О. Шмидта. Ответственный редактор академик М. Н. Тихомиров. Изд-во восточной литературы. М. 1960. 195 стр. Тираж 1 600. Цена 1 руб. 5 коп.

Скудость сохранившихся до наших дней источников — одна из основных трудностей, встающих перед исследователем, изучающим сложные и важные проблемы истории Русского государства XV—начала XVII века. Многочисленные пожары и вражеские нашествия сделали немало, чтобы уничтожить ценнейшие документы, хранившиеся в деревянных зданиях московских приказов. Тем большую ценность приобретают сохранившиеся описи архивных материалов, сделанные в XVI—XVII вв., описывающие иногда суммарно, а иногда подробно документы и материалы, увидеть которые лишен возможности современный историк. Например, только из описи архива Посольского приказа 1626 г. исследователь может узнать имена основных обвиняемых по новгородскому делу 1570 г.— они содержатся в приведенном в описи названии документа. Однако, хотя в отдельных работах, посвященных истории Русского централизованного государства, архивные описи XVI—XVII вв. использовались как один из источников, специального источниковедческого их изучения до последнего времени не проводилось; большая часть их оставалась неизданной, некоторые (например,

описи Посольского приказа 1614 и 1626 гг.) были изданы в выдержках [1], и только опись Царского архива была опубликована полностью, но неудовлетворительно, с рядом неточностей и ошибок [2]. Впервые после вышедшей еще в прошлом веке работы А. Н. Ясинского [3] к этой полузабытой разновидности исторических источников привлек внимание С. О. Шмидт, который исследовал вопрос о происхождении и назначении самих архивов и времени, способах и приемах составления описей [4].

Издание описей Царского архива и Посольского приказа дает в руки исследователей научно выверенный текст этих важных исторических источников. Характер этих источников таков, что они нужны для изучения самых различных сторон истории Русского централизованного государства. Сведения о приеме и пребывании в России послов иностранных государств, в том числе и стран Востока, о заключении договоров с ними, о русских посольствах в зарубежные государства дополняют данные не полностью дошедших до нас посольских книг и делают описи необходимыми для исследователя внешней политики Русского государства XV — начала XVII века. Особенно это относится к подготовленной к печати С. А. Левиной описи архива Посольского приказа 1614 г., где чрезвычайно подробно говорится о материалах по истории внешней политики за счет несколько более суммарного описания оказавшихся в архиве Посольского приказа материалов по другим вопросам.

Немалое количество важных сведений найдет в подготовленной к печати С. О. Шмидтом описи Царского архива историк, занимающийся изучением внутренней политики России. В сочетании с показаниями других источников эти сведения проливают дополнительный свет на сложные и запутанные моменты истории Русского государства XVI века. Так, сообщение о том, что в 222 ящике хранились «соборные дела, списки черные Матфея Башкина, да Ортемья, бывшего игумена троецкого, и Федоса Косова, и иных старцов...», безусловно, важно для исследователя русской общественной мысли XVI в. В описи можно найти множество свидетельств той острой политической борьбы, которая шла внутри господствующего класса во второй половине XVI века. Тут и сведения о многочисленных доносах («сказках») и челобитных, и поручные записи, и сыскные дела. Интересны многочисленные пометы об отправке дел к Ивану IV. Так, над текстом, содержащим описание ящика 174, «а в нем отъезд и пытка во княже Семенове деле Ростовского», имеется помета: «Взят ко государю во княж Володимерове деле Ондреевича 7071 июля в 20 день...» — важное свидетельство того, что дело князя С. Ростовского, пытавшегося бежать в Литву после своего участия в боярском «мятеже» 1553 г., вновь привлекло внимание царя через 10 лет, накануне опричнины, в связи с роспуском двора Владимира Старицкого.

Новый свет на новгородское дело проливает запись о документе, хранившемся в ящике 191. Там говорится о челобитной, обвинявшей Петра Волынского, «что будто Петр слышал у Федора у Новосильского про государя непригожие речи», помета же сообщает, что эта челобитная была взята к царю дьяком В. Щелкаловым в ноябре 1569 г., то есть всего за месяц до выступления Ивана IV в поход на Новгород. Если вспомнить, что летописное сказание, записанное в Новгороде в XVIII в., называет виновником новгородского погрома некоего Петра Волынца [5] и что В. Щелкалов был, видимо, причастен к следствию по новгородскому делу [6], а сам Петр Волынский благополучно пережил обвинение в недоносительстве по политическому делу и уже в 1570 г. был приставом при литовском посольстве [7], то можно прийти к выводу, что последний действительно сыграл какую-то роль в обвинении Новгорода в измене. Это только один из многих примеров того, как глухие упоминания описей

[1] См. «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей». М.-Л. 1950. Приложение.

[2] «Акты Археографической экспедиции». Т. I. СПБ. 1836. № 289.

[3] А. Н. Ясинский. Московский государственный архив в XVI в. Киев. 1889.

[4] С. О. Шмидт. Царский архив середины XVI в. и архивы правительственных учреждений (Опыт изучения описи Царского архива). «Труды Московского государственного историко-архивного института (МГИАИ), т. 8. М. 1957; его же. К истории Царского архива середины XVI в. «Труды» МГИАИ, т. 11. М. 1958; его же. К истории составления описей Царского архива XVI века. «Археографический ежегодник за 1958 год». М. 1960.

[5] «Новгородские летописи». СПБ. 1879, стр. 468—469.

[6] «Новое известие о России времени Ивана Грозного». Сказание Альберта Шлихтинга. Л. 1934. стр. 46—47.

[7] «Сборник Русского исторического общества». Т. 71. СПБ. 1892, стр. 626—638.

Царского архива и архива Посольского приказа помогают при изучении различных сторон политической жизни Русского государства XV—XVI веков.

Наконец, описи расширяют наши представления об организации архивного дела и делопроизводства в Русском государстве XVI—XVII веков.

Пользование описями намного упрощается благодаря продуманной системе тщательно составленных указателей — предметно-терминологического, личных имен и географических названий. Большая и сложная работа была проделана при этом по установлению правильной транскрипции иностранных имен, зачастую искаженных до неузнаваемости в передаче русских людей XVI—XVII веков.

Издание осуществлено на высоком археографическом уровне. Однако, думается, оно выиграло бы, если бы, кроме текстологического комментария, был дан хотя бы небольшой реальный комментарий, содержащий указания на наличие в наших архивах упоминаемых в описях документов или списков с них. Это не только облегчило бы пользование изданием, но и дало бы возможность более отчетливо представить значение этого источника.

Издание описей Царского архива и архива Посольского приказа 1614 г.—это только начало публикации ценных для исторической науки комплексных источников. Ждут, например, издания опись архива Посольского приказа 1626 г., описи монастырских архивов (например, Соловецкого). Нельзя в связи с этим не отметить инициативу Издательства восточной литературы, выпустившего книгу, являющуюся важным вкладом в корпус источников по истории русского феодализма.

В. Б. Кобрин

Н. И. ЛЕБЕДЕВ. *Румыния в годы второй мировой войны. (Внешнеполитическая и внутриполитическая история Румынии в 1938—1945 гг.).* М. Изд-во ИМО. 1961. 319 стр. Тираж 2000. Цена 1 руб. 5 коп.

В ряду пока еще немногих крупных исследований советских авторов по истории Румынии монография Н. И. Лебедева, бесспорно, выделяется большой политической актуальностью сложнейших научных проблем, поставленных и в значительной степени разрешенных автором. К их числу относятся вопросы экономического и политического развития Румынии в годы второй мировой войны, внутренней и внешней политики правящих кругов страны, борьбы народных масс против фашистского режима и преступной антисоветской войны, не находившие ранее всестороннего освещения в нашей исторической литературе. Монография Н. И. Лебедева восполняет этот пробел и тем самым дает возможность советскому читателю глубже понять ход исторических событий, приведших позднее Румынию на путь построения социализма. Изложение доведено автором до марта 1945 г., когда в Румынии был свергнут буржуазно-помещичий режим и установлен народно-демократический строй.

Введение посвящено итогам экономического и социально-политического развития Румынии в период между двумя мировыми войнами. Антинародная направленность политики правящих партий Румынии привела к потере страной национальной независимости. Определенное внимание уделено автором борьбе румынских трудящихся против наступления сил реакции, особенно усилившегося в 1930-е годы. Однако освещению этого вопроса автору следовало бы, на наш взгляд, уделить больше места. Подчеркивая заслуги Коммунистической партии Румынии в организации борьбы народных масс против фашизации страны (стр. 24—25), Н. И. Лебедев должен был бы показать, что КПР руководствовалась решениями VII конгресса Коминтерна и использовала опыт международного рабочего движения по созданию Народного фронта.

В основных главах работы автор приходит к правильным, научно обоснованным выводам относительно социально-экономических предпосылок развития революционного процесса в Румынии и причин, обусловивших подъем национально-освободительной борьбы румынского народа в годы второй мировой войны. В книге Н. И. Лебедева

анализируются не только внутренние условия, но и внешние факторы, приведшие к победе народно-демократической революции.

В первой главе, исследуя социально-экономический строй буржуазно-помещичьей Румынии, автор справедливо утверждает, что фашизация политической жизни Румынии была следствием усиления господства монополистического капитала, стремившегося методами открытой диктатуры подавить растущую борьбу трудящихся масс. Интересен вывод автора о характере установленной в Румынии в феврале 1938 г. монархической диктатуры, являвшейся, по существу, фашистской диктатурой (стр. 49). Автор убедительно аргументирует этот вывод, связывая проводившуюся румынской буржуазией в союзе с ее зарубежными покровителями политику фашизации страны с обострением экономических и политических противоречий, при которых буржуазно-помещичья верхушка не могла уже управлять страной в условиях буржуазного парламентаризма. Впрочем, некоторые противоречия в оценке политического строя, господствовавшего в Румынии, встречаются и в рецензируемом труде. При общей правильной характеристике природы румынского фашизма автор порой противопоставляет довоенную диктатуру Кароля II диктатуре И. Антонеску в годы второй мировой войны. Непонятно, например, о ликвидации каких «остатков демократических свобод» пишет Н. И. Лебедев, излагая события сентября 1940 года (стр. 82).

Война на стороне гитлеровской Германии принесла румынскому народу нищету и разорение. Опираясь на официальные документы, Н. И. Лебедев показывает, что за годы гитлеровской оккупации страна была попросту разграблена немецкими войсками, причинившими Румынии с осени 1940 г. до 23 августа 1944 г. ущерб в 12 годовых бюджетов (стр. 111). Основная тяжесть оккупации пала на плечи трудящихся. В то же время правящая верхушка неслыханно обогатилась. В Румынии отмечался колоссальный рост социальных противоречий. Только присутствие немецких войск спасло фашистский режим в Румынии от немедленного краха. Н. И. Лебедев убедительно опровергает фальсификаторский тезис буржуазных историков об отсутствии в Румынии объективных внутренних предпосылок для свершения народно-демократической революции.

Одной из центральных тем книги является проблема взаимоотношений правящей румынской буржуазно-помещичьей верхушки с монополистическими кругами Англии, Франции и США. Читатель знакомится с активным участием этих держав в организации «бессарабского конфликта» (стр. 29—30), с деятельной поддержкой ими позднее профашистского курса правящей клики в Румынии (стр. 51) и поощрением экономической экспансии Германии в этом районе Европы (стр. 59). Приводимый в книге богатый фактический материал, подтверждающий наличие в канун второй мировой войны фактического англо-германского соглашения о разделе сфер влияния в Юго-Восточной Европе, обусловливает справедливый вывод автора о том, что «проводившаяся империалистическими кругами западных держав политика направления гитлеровской агрессии против СССР включала в себя превращение Румынии в антисоветский плацдарм и поставщика важнейшего стратегического сырья для германских фашистов, а если удастся, то и в союзника гитлеровской Германии в войне против СССР» (стр. 73). Тесное сотрудничество с германским капиталом позволило англо-американским монополиям даже в годы войны оградить свои интересы в Румынии. Массированные налеты англо-американской авиации на нефтяной центр Плоешти начались лишь после того, как стала очевидной возможность освобождения Румынии Советской Армией (стр. 171—173).

Особый интерес представляют главы, посвященные подготовке и проведению вооруженного восстания 23 августа 1944 г., а также развитию народной революции в Румынии вплоть до 6 марта 1945 года. Организатором и руководителем борьбы всех патриотических сил Румынии за свержение военно-фашистской диктатуры и выход из преступной войны была Коммунистическая партия Румынии. Находясь в глубоком подполье, она сохранила и расширила свои связи с массами, мобилизовала трудящихся на антифашистскую борьбу. В конце 1943 — начале 1944 г. в Румынии резко обострился политический кризис, что явилось результатом жестоких поражений, нанесенных Советской Армией фашистским войскам, развала национальной экономики, нищеты и голода трудящихся масс. Это усугубило ненависть народа к режиму Антонеску и гитлеровцам. В Румынии сложилась революционная ситуация (стр. 201).

В конце 1943 г. КПР выработала план

подготовки вооруженного восстания, целью которого было свержение военно-фашистской диктатуры, выход из антисоветской войны, вступление в антигитлеровскую коалицию, поворот оружия против германского блока и создание демократического правительства. Одновременно укрепилась сама КПР, из ее рядов были изгнаны враждебные элементы. Это содействовало объединению сил рабочего класса, повышению его руководящей роли (стр. 210). В мае 1944 г. был создан Единый рабочий фронт. На его основе возникли «комитеты действий» из коммунистов, социал-демократов и беспартийных рабочих, руководившие борьбой за права трудящихся, организовывавшие саботаж на предприятиях, ведшие антивоенную пропаганду. Усилилось национально-освободительное движение, принимавшее различные формы: операции партизанских отрядов, диверсии и т. д. «Партизанское движение, хотя и не охватило всей Румынии, наносило чувствительные удары по гитлеровской военной машине» (стр. 219). Кроме того, оно имело большое моральное и политическое значение. Партизаны проводили также разъяснительную работу среди населения, печатая и распространяя агитационные материалы КПР. Положительным в монографии Н. И. Лебедева является всестороннее освещение роли КПР в подготовке и проведении вооруженного восстания 23 августа 1944 года. Линия КПР на организацию вооруженного восстания и борьбу с гитлеризмом в государственном масштабе диктовалась реально сложившейся обстановкой. В начале августа 1944 г. Антонеску вернулся из ставки Гитлера с планом тотальной военной мобилизации. Если бы румынской правящей клике удалось осуществить свой преступный план, то Румыния превратилась бы в арену опустошительной войны, народные массы понесли бы ненужные жертвы.

Автор подводит читателя к выводу о том, что вооруженное восстание, явившееся началом народной революции, было делом рук широких народных масс, и дает решительный отпор тем буржуазным историкам, которые, фальсифицируя события и подтасовывая факты, говорят об «экспорте» революции. Одновременно, показывая выдающуюся роль компартии в вооруженном восстании 23 августа 1944 г., автор разоблачает попытки недругов народной власти умолчать о решающем значении действий КПР в этих событиях и представить в качестве «ведущей силы» буржуазные партии и короля Михая (стр. 235—237). К сожалению, Н. И. Лебедев недостаточно полно освещает участие Румынии в антигитлеровской войне. Автор ограничился одним абзацем, в котором привел обобщающие цифры о вкладе Румынии в эту войну (стр. 310).

Упущением является отсутствие историографического обзора, что затрудняет ориентацию читателя в имеющейся литературе. В таком обзоре автору следовало бы критически рассмотреть антинаучные концепции буржуазных фальсификаторов современной истории Румынии. В ряде случаев в издание вкрались фактические ошибки и досадные опечатки.

В целом книга Н. И. Лебедева, являясь первой советской монографией по новейшей истории Румынии, представляет несомненный интерес для советского и зарубежного читателя. Широко используя специальную литературу, а также многие источники, автор воссоздает правдивую картину исторических событий и тем самым вносит ценный вклад в разработку новейшей истории Румынии.

Ю. К. Толшин, А. А. Языкова

Н. М. ЛУКИН. *Избранные труды. В трех томах.* Редакционная коллегия: В. П. Волгин (главный редактор), В. М. Далин, Э. А. Желубовская, А. З. Манфред, Ф. В. Потемкин, С. Д. Сказкин. Т. I. М. Изд-во АН СССР. 1960. 514 стр. Тираж 3 000. Цена 2 руб. 15 коп.

«Одной из характернейших особенностей работ Ленина, начиная с его капитального исторического труда «Развитие капитализма в России» и кончая любой публицистической статьей, написанной по какому-либо злободневному вопросу текущей политики, является проявление того единства теории и практики, той непримиримой партийности в области исторической науки, которая так ярко сказывается во всех исторических ра-

ботах Маркса и Энгельса и которая обязательна для всякого пролетарского ученого-революционера»[1]. Эта высказанная Н. М. Лукиным мысль четко выражала отношение к научной деятельности и самого автора приведенных строк, виднейшего историка-коммуниста. Переиздаваемые ныне избранные труды Н. М. Лукина показывают, насколько цельную творческую натуру являл собой этот ученый. Смолоду вступив в ряды большевистской партии, он отдал свой талант исследователя и публициста служению рабочему классу и был верен ему до конца своего трагически оборвавшегося жизненного пути (Н. М. Лукин стал жертвой неоправданных репрессий в период культа личности).

Научная деятельность Н. М. Лукина началась в стенах Московского университета еще до революции. Великий Октябрь позволил ему проявить в полной мере свое незаурядное дарование исследователя и организатора. Н. М. Лукин принадлежал не к той части университетской интеллигенции, перед которой встал вопрос, «принять» или «не принять» пролетарскую революцию, а к тем ученым, которые сами активно участвовали в подготовке Великой Октябрьской социалистической революции. С девятнадцатилетнего возраста Н. М. Лукин являлся активным членом Московской большевистской организации, работая в Замоскворечье, а затем в Рогожском районе, преимущественно пропагандистом. Его партийная деятельность в годы революционного подполья кратко освещена в биографическом очерке, предпосланном I тому его «Избранных трудов» (стр. 5—12). Некоторые приводимые в очерке сведения, впрочем, хотелось бы уточнить. Например, в качестве причины ареста Н. М. Лукина в 1907 г. названо на основании официальных документов университетского архива простое участие его в «неразрешенной сходке»; между тем материалы, содержащиеся в работе акад. Н. М. Дружинина, написанной в 1931 г. (отчасти по личным воспоминаниям), свидетельствуют, что Н. М. Лукин был арестован не как рядовой участник собрания, а как районный пропагандист или партийный организатор Рогожского района[2].

Творческий путь Н. М. Лукина весьма знаменателен. Профессор МГУ, член Коммунистической академии и с 1929 г.— действительный член АН СССР, участник и докладчик международных конгрессов историков, один из руководителей Общества историков-марксистов и ответственный редактор журнала «Историк-марксист», один из зачинателей издания многотомной «Всемирной истории», директор Института истории АН СССР до 1938 г., Н. М. Лукин постоянно сочетал большую организационную работу с напряженной научной деятельностью. Все произведения Н. М. Лукина, начиная с его дипломной работы «Падение Жиронды» и статей в нелегальной партийной печати (под псевдонимом Н. Антонов) и кончая фундаментальными трудами, изданными уже в годы Советской власти, отличались острой политической направленностью и большой эрудицией, шла ли в них речь о борьбе с надвигавшейся угрозой мировой империалистической войны (1913 г.), о III Интернационале (1917 г.) или о других проблемах современности. Свои глубокие познания Н. М. Лукин успешно использовал в повседневной работе партийного пропагандиста. Например, разоблачая «директорию» Керенского, Н. М. Лукин рассказал в издававшемся московской организацией РСДРП(б) «Социал-демократе» об истории французской Директории и показал обреченность пародийной российской «директории». Статьи и очерки, опубликованные в «Социал-демократе» и «Правде», многочисленные брошюры на исторические темы Н. М. Лукина представляют собой образцы содержательной и доходчивой научно-политической литературы[3]. Эти работы не вошли в состав «Избранных трудов» Н. М. Лукина, но мы называем их, чтобы показать, насколько плодотворной была его деятельность уже к тому времени, когда Великая Октябрьская социалистическая революция открыла перед ученым широкие научные возможности.

Уже в 1919 г. Н. М. Лукин сдал в печать (в известной в свое время популярной серии «Кому пролетариат ставит памятники») книгу, до сих пор остающуюся лучшей биографией Робеспьера: «Максимилиан Робеспьер.

---

[1] Н. М. Лукин. Ленин и проблема якобинской диктатуры (рец. изд., стр. 324).

[2] См. Н. Дружинин. История Пролетарской (бывш. Рогожско-Симоновской) большевистской организации. 1906—1916. М.-Л. 1931, стр. 75; ср. его же. Воспоминания и мысли историка. «История СССР», 1961, № 6, стр. 138.

[3] Приведем названия некоторых из них: «Борьба за колонии» (1917), «Милитаризм» (1917), «Германская социал-демократия и война» (1917), «Как пало царское самодержавие» (1918), «Карл I — Людовик XVI — Николай II» (1918), «Церковь и государство» (1918).

Очерк из истории Великой французской революции». Ею и открывается посвященный Французской революции конца XVIII в. рецензируемый том. Через четыре года автор переиздал эту книгу. Не нарушая ее доступности, он привлек дополнительно ряд первоисточников и внес много нового, опираясь на результаты коллективной работы руководимого им в то время семинара в Институте красной профессуры. В предисловии ко второму изданию этой книги автор отмечал: «Возможно, что в результате... дополнений и некоторых изменений в первоначальном тексте личность самого Робеспьера несколько отодвинулась на задний план; зато, как нам кажется, работа в большей, чем прежде, степени получила характер учебного пособия по истории Великой революции» (стр. 16). Последнее обстоятельство было весьма положительным, если учесть, что марксистской книги по истории Французской буржуазной революции 1789—1794 гг. у нас тогда еще не существовало; работа Н. М. Лукина явилась полезным пособием для слушателей коммунистических университетов и губпартшкол. Многие положения этой работы, преследовавшей в первую очередь цели популяризации исторического революционного опыта, были еще четче сформулированы автором и обоснованы документами в написанной позднее для первого издания «Большой Советской Энциклопедии» (т. 58) статье, имевшей уже задачу систематического изложения истории жирондистского периода Французской революции.

Особый интерес проявлял Н. М. Лукин к аграрной истории Франции. Две из его статей («Революционное правительство и сельскохозяйственные рабочие в период действия второго и третьего максимума» и «Борьба классов во французской деревне и продовольственная политика Конвента в период действия второго и третьего максимума»), вошедшие в рецензируемый том, представляют собой главы книги, оставшейся недописанной: «Крестьянство и продовольственная политика революционного правительства». Они принадлежат к разряду тех немногочисленных произведений специальной литературы, в которых освещается положение сельскохозяйственных рабочих Франции и их борьба во время якобинской диктатуры. Указанные произведения занимают важное место в советской историографии Французской революции конца XVIII века. Изучив материалы Национального архива в Париже, Н. М. Лукин дал яркое описание классовой борьбы, бушевавшей во французской деревне, показал «войну за хлеб», ведшуюся городскими санкюлотами и деревенской беднотой, с одной стороны, и имущей сельской верхушкой — с другой. По достоинству оценивая выдающуюся историческую роль якобинцев, Н. М. Лукин вскрыл в то же время их мелкобуржуазную ограниченность, проявлявшуюся, в частности, в политике революционного правительства в отношении сельскохозяйственных рабочих.

К числу статей Н. М. Лукина, сохранивших свое большое научное значение, следует отнести работу «Ленин и проблема якобинской диктатуры». Н. М. Лукин был первым из советских историков, кто с предельной тщательностью и скрупулезностью изучил все, что писал и говорил В. И. Ленин о Французской революции конца XVIII века. Он внимательно продумывал ленинские оценки, находил все новое и новое подтверждение их в конкретном материале источников. Н. М. Лукину удалось показать в рамках этой работы ленинскую концепцию якобинизма как исторического и общественно-политического явления. В статье показано, насколько умело использовал В. И. Ленин опыт Французской революции в своей деятельности теоретика и революционного вождя рабочего класса, строителя первого социалистического государства. Анализируя произведения В. И. Ленина, относящиеся еще к периоду революции 1905—1907 гг., Н. М. Лукин пришел к следующему выводу: «Можно без преувеличения сказать, что изучение опыта Великой французской революции, и особенно опыта якобинской диктатуры, несомненно имело крупнейшее значение при выработке организационных и тактических принципов большевизма. В частности, опыт этой диктатуры сыграл немаловажную роль при построении ленинского учения о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства» (стр. 327). Позднее, в период подготовки Октября, и затем, находясь во главе Советского государства, В. И. Ленин часто обращался к опыту Французской революции. В то же время он, как отмечает Н. М. Лукин, постоянно подчеркивал принципиальное отличие буржуазной революции во Франции от пролетарской революции в России. Н. М. Лукин неоднократно указывал на исключительное методологическое значение марксистско-ленинского понимания Французской буржуазной революции для изучения многих исторических явлений и в осо-

бенности для решения вопроса о проведении исторических аналогий.

Было бы неверно полагать, что указанной статьей в какой бы то ни было мере исчерпывается весь итог работы Н. М. Лукина по изучению богатого ленинского наследства в этой области. Он развивал марксистско-ленинскую историческую концепцию и во многих других работах и выступлениях.

Немалый интерес представляют результаты занятий Н. М. Лукина историографией Французской революции. Из-под его пера вышли обстоятельные и точные характеристики ряда историков, писавших в конце XIX и начале XX века. В рассматриваемом томе публикуется превосходный этюд об Альфонсе Оларе и дан портрет Жана Жореса как автора «Социалистической истории Французской революции». Нужно отметить, что точка зрения о Жоресе, развитая Н. М. Лукиным в статье, целиком совпадает с оценкой, которую дают ныне Жоресу французские историки-коммунисты. Весьма ценны статьи Н. М. Лукина об Альбере Матьезе. Н. М. Лукин подвергал последовательной критике те места в работах Матьеза, которые находились в противоречии с материалистическим пониманием истории. Вместе с тем он высоко ценил труды этого ученого, особенно его борьбу с либерально-буржуазным направлением в историографии и то, что он сделал для разрушения культа Дантона. В рецензируемом томе воспроизведен содержательный разбор Н. М. Лукиным лучшей книги А. Матьеза (вышедшей почти одновременно на французском и русском языках): «Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора».

Н. М. Лукин, всегда живо интересовавшийся аграрной историей Франции, первым обратил внимание советских читателей на значение работ выдающегося французского историка Жоржа Лефевра. Он неоднократно касался его книги «Крестьяне Севера во время революции», а работе Лефевра «Аграрный вопрос в эпоху террора» посвятил особую статью. Весьма интересна вступительная статья Н. М. Лукина к публикации донесений И. М. Симолина, российского посла в Париже в годы Французской революции. В ней дан всесторонний анализ тогдашней международной ситуации и роли внешней политики Екатерины II.

Редакция «Избранных трудов» поступила правильно, включив в I том несколько рецензий Н. М. Лукина; написанные на высоком научном уровне, они характеризуют общий стиль и метод работы их автора. Наряду с разбором изданий, вышедших за рубежом, мы встречаем здесь отзывы разных лет о монографиях П. А. Кропоткина, А. К. Дживелегова и книге Е. В. Тарле «Наполеон».

Помимо очерка жизни и деятельности Н. М. Лукина, «Избранным трудам» предпослано предисловие редактора I тома В. М. Далина. Эти материалы помогают создать цельное впечатление о Н. М. Лукине как историке.

Следует, однако, заметить, что не все в литературном наследии Н. М. Лукина имеет одинаковую ценность. Естественно, что его труды соответствуют тому уровню советской исторической науки, который был характерен для нее в начальный период развития. Некоторые страницы его ранних произведений, касающихся экономического положения Франции, содержат преувеличение роли торгового капитала и отражают представления, существовавшие в советской исторической науке в годы ее становления. Правда, в дальнейшем эти ошибки были Н. М. Лукиным преодолены. К числу неправильных методологических приемов относится, в частности, встречаемое у Н. М. Лукина стремление найти для каждой политической группировки, действовавшей в годы Французской революции конца XVIII в., ее точный экономический субстрат. Редакция совершенно справедливо указывает на наличие в работах Н. М. Лукина и ряда других спорных или устарелых положений. Тем не менее, как верно отмечает редакция, его труды и сейчас не утратили своего значения «как образцы тщательного исследования исторических фактов и последовательного применения к изучению исторического процесса основных принципов марксистской методологии» (стр. 12).

Выход в свет I тома «Избранных трудов» Н. М. Лукина уже вызвал сочувственные отклики среди прогрессивных зарубежных специалистов по истории Французской революции конца XVIII века. Так, видный французский историк Альбер Собуль, отмечая деятельность Н. М. Лукина по ознакомлению западноевропейских читателей с достижениями советской исторической науки, подчеркивает большое научное значение написанной Н. М. Лукиным биографии Робеспьера[4]. Следует пожелать скорейшего выхода в свет следующего тома трудов

[4] «Annales historiques de la Révolution Française», № 161, Juillet-Septembre 1960, pp. 349—350.

Н. М. Лукина, посвященного истории Парижской коммуны. Характеризуя книгу Н. М. Лукина «Парижская коммуна», В. П. Волгин отмечал в 1929 г., что «ни в западноевропейской, ни в нашей советской исторической литературе пока не появилось работы, хотя сколько-нибудь равноценной труду Н. М. Лукина. Не могут идти с ней в сравнение и работы, появившиеся до нее»[5]. Хотя с тех пор появились новые работы о Парижской коммуне, однако читатель все же с интересом ознакомится с тем, что в свое время было написано по этой крупнейшей проблеме Н. М. Лукиным.

Нам кажется уместным поставить здесь вопрос: почему «Избранные труды» выпускаются лишь в трех томах, которые не вместят даже наиболее ценных произведений Н. М. Лукина? Судя по проспекту издания, за рамками его осталось, к сожалению, большое, могущее составить самостоятельный том исследование «Из истории революционных армий», посвященное вооруженным силам времен Английской революции, революции 1789—1794 гг. и Парижской коммуны. Не только историки и военные работники, но и широкие круги советских читателей будут благодарны, если им предоставят возможность прочитать этот, давно ставший библиографической редкостью труд. Приходится пожалеть и о том, что насыщенный фактами, хотя и весьма краткий, очерк о жизни и деятельности Н. М. Лукина не сопровожден списком его печатных работ. Нужно надеяться, что полная библиография трудов Н. М. Лукина будет помещена в заключительном томе «Избранных трудов». Переиздание сочинений Н. М. Лукина существенно обогащает советскую историческую литературу. Работы этого крупного ученого-марксиста, несомненно, заинтересуют не только историков, но и самые широкие круги читателей.

В. В. Альтман

[5] «Записки об ученых трудах действительных членов Академии наук СССР по Отделению гуманитарных наук, избранных 12 января и 13 февраля 1929 г.». Л. 1930, стр. 66.

А. А. ГУБЕР. *Филиппинская республика 1898 года и американский империализм*. Изд. 2-е, испр. и доп. М. Изд-во восточной литературы. 1961. 382 стр. Тираж 2 200. Цена 1 руб. 80 коп.

В дореволюционной России не появилось в свет (если не считать краткого этнографического этюда Н. Н. Миклухо-Маклая о пигмеях Лусона) ни одного научного труда по Филиппинам. Начало их изучению в СССР было положено в середине 30-х годов, когда А. А. Губер опубликовал свою книгу «Филиппины» и биографическое исследование (в соавторстве с О. К. Рыковской) о филиппинском национальном герое Хосе Рисале. Эти книги дали толчок к более углубленному изучению истории Филиппин. Автором первого капитального исследования в этой области также явился А. А. Губер, который в результате многолетнего труда опубликовал в 1948 г. монографию «Филиппинская республика 1898 г. и американский империализм», переизданную ныне в исправленном и дополненном виде.

Борьба филиппинского народа на рубеже XIX и XX вв. против испанских, а затем американских колонизаторов вызвала к жизни обильную историческую литературу, особенно в США. Большинство американских историков, особенно те, кто занимал высокие посты в колониальной администрации (Д. Уорчестер, Д. Хейден, Д. Малькольм, К. Форбс и др.), развивают в своих книгах утверждение, восходящее к лживым декларациям американских официальных лиц в 1898 г., о том, что Филиппинская республика была «фикцией», на архипелаге царил хаос, а американская армия явилась силой, установившей порядок «на благо населения». В этих книгах филиппинцам приписывается провоцирование войны с США, филиппинские партизаны объявляются «бандитами», а зверства карателей замалчиваются. Особняком стоят в американской литературе некоторые работы начала 20-х годов (Ч. Рассель, М. Стори, М. Личауко), написанные с либерально-буржуазных позиций и осуждающие вероломные методы захвата Филиппин и зверства, совершавшиеся американской военщиной.

В произведениях филиппинских историков до недавнего времени события 1896—1901 гг. находили освещение лишь с точки зрения консервативных буржуазно-помещичьих кругов: наряду с робким осуждением американской агрессии в них оправдывается капитулянтская политика Патерно и Агинальдо, лидеров правого крыла республиканского правительства 90-х годов, принижается роль народных масс в защите независимости Филиппин. Таковы работы Т. Калау, М. Калау, Э. Алипа. Но за последние годы под влиянием подъема освободительного движения на Филиппинах появились исторические исследования, отражающие взгляды прогрессивных представителей национальной буржуазии. К ним принадлежат прежде всего книги Т. Агонсильо. Его работы проникнуты горячим патриотизмом; он подчеркивает ведущую роль народных масс в борьбе против колонизаторов и воздает должное Бонифасио как вождю наиболее последовательного, плебейского крыла в революционном лагере. Но и Агонсильо, склонный затушевывать классовые противоречия внутри филиппинского общества, не избежал идеализации деятельности Агинальдо.

Книга А. А. Губера занимает совершенно особое место в историографии Филиппин, будучи единственной марксистско-ленинской работой по истории освободительных войн 1896—1901 годов. Поставив перед собой задачу выявить роль различных классов филиппинского общества и отдельных группировок внутри них в революционных событиях конца XIX в., автор начинает исследование с характеристики социально-экономического строя Филиппин до испанского завоевания, прослеживает изменения в общественных отношениях под влиянием трехсотлетнего колониального гнета, анализирует методы феодальной эксплуатации крестьянства. Обзор истории крестьянского движения в XVII—XIX вв., обычно принимавшего в условиях Филиппин форму то христианских ересей, то тайных союзов с проповедью всеобщего равенства, то борьбы за воцарение «справедливого монарха», показывает истоки тех организационных и идеологических форм, в которые было облечено выступление крестьянских масс в период революции 1896 года.

Роль филиппинской национальной буржуазии и мелкобуржуазной интеллигенции в освободительной борьбе конца XIX в. также находит у А. А. Губера свое объяснение на основе анализа всего длительного процесса формирования этих общественных групп. Причины крайне слабого развития капиталистических отношений на Филиппинах автор видит в особенностях испанской колониальной политики, которую он исследует в различных аспектах (административном, идеологическом, земельном, налоговом, торговом) и показывает, что эта политика отражала немощь испанской монархии, слабость испанской буржуазии. Значительное внимание уделено в книге влиянию международных противоречий на политику Испании, пытавшейся защитить свои владения от посягательств более сильных колониальных держав. А. А. Губеру удалось привлечь здесь весьма интересные, никем ранее не использовавшиеся источники из Архива внешней политики России.

Центральная проблема исследования А. А. Губера — проблема объективного классового содержания событий 1896—1901 гг.— находит в его книге решение на основе обстоятельного анализа действий внутренних и международных сил, пришедших в столкновение на Филиппинах в последние годы XIX века. Филиппинской революции присуща специфическая особенность: в колонии, экономически крайне отсталой, произошло победоносное национальное восстание, была провозглашена первая в Азии республика, принята одна из самых демократических буржуазных конституций того времени и сделано для разрешения аграрного вопроса больше, чем любой из буржуазных революций, происходивших на Востоке в период до наступления общего кризиса капитализма. Автор справедливо объясняет это своеобразие тем, что испанская монархия, сохраняя средневековые методы колониальной эксплуатации, сама довела до предела накал антиколониальной борьбы не только масс трудящихся, но и зажиточных слоев населения. Поэтому даже наиболее консервативная часть буржуазно-помещичьего руководства республики не смогла долго сопротивляться требованиям восставшего народа, что привело к принятию прогрессивной Малолосской конституции и законов о конфискации монастырских земель и запашке пустошей.

Выясняя классовый характер власти, установленной в результате победы антииспанского восстания, А. А. Губер тщательно анализирует основные конституционные акты Филиппинской республики (их тексты приложены к книге) и приходит к выводу, что они устанавливали типично буржуазный порядок. Ставя актуальный

вопрос о путях формирования нации в стране, насчитывающей семь крупных народностей и несколько десятков мелких этнических групп, автор полагает, что на архипелаге к концу XIX в. наметились две тенденции — как к формированию единой филиппинской нации, так и к появлению нескольких наций (тагальской, висайской, илоканской и др.). Эта гипотеза находит себе подтверждение и в последующей истории Филиппин. В то же время А. А. Губер справедливо отмечает, что «первая национально-колониальная революция эпохи империализма обнаружила уже тенденцию к созданию унитарного государства», направленную на укрепление политической и экономической самостоятельности страны (стр. 205). Автор убедительно доказывает, что Революционный конгресс и созданное им правительство представляли интересы различных национальных районов, что освободительная борьба в целом носила общефилиппинский характер, а не являлась, как утверждал Уорчестер и некоторые другие буржуазные авторы, узко тагальским движением.

Другой круг проблем, поставленных и решенных в работе, касается внешних факторов, определявших ход филиппинской истории на рубеже XIX и XX веков. А. А. Губер показывает трагедию филиппинского народа, победившего в освободительной революции против испанского гнета, но побежденного в неравной борьбе с вторгшимися на острова американскими империалистами. Анализируя мотивы и пути захвата Филиппин Соединенными Штатами автор вступает в острую полемику с официозной американской трактовкой событий. Он отвергает с фактами в руках попытку американских генералов, министров и вторящих им историков свести подъем освободительного движения на Филиппинах в 1898 г. к последствиям Испано-американской войны и игнорировать внутренние причины движения. Раскрывая империалистический характер Испано-американской войны, А. А. Губер доказывает, что захват Филиппин и превращение их в колонию были одной из целей войны, заранее обдуманным намерением правительства США, вопреки рассчитанным на обман общественного мнения лицемерным заявлениям президента Мак-Кинли о том, что решение об аннексии архипелага было «вынужденным» и «непредвиденным».

При захвате Филиппин американские войска использовали в действиях против испанской армии помощь местных патриотов, выдавая себя за поборников независимости Филиппин. Впоследствии военный министр Рут и адмирал Дьюи отрицали, что филиппинским лидерам были даны какие бы то ни было обещания о предоставлении независимости. А. А. Губер приводит многочисленные свидетельства, изобличающие Рута и Дьюи во лжи, и устанавливает, что в апреле 1898 г. Агинальдо заключил с консулом США в Сингапуре Праттом и с Дьюи соглашение о том, что филиппинские повстанцы окажут помощь войскам США, а США обеспечат полную независимость Филиппин после поражения Испании. Эти обещания были грубо и вероломно нарушены американскими захватчиками.

Значительное место в книге уделено рассмотрению методов американской колониальной политики на Филиппинах. А. А. Губер отмечает, что для нее было характерно сочетание самого жестокого насилия (военные карательные экспедиции, зверские пытки пленных, массовый террор против мирного населения) с тактикой уступок верхушке имущих классов филиппинского общества. Кратковременное существование независимой республики оставило неизгладимый след в памяти народа, и американским колонизаторам пришлось с этим считаться. А. А. Губер справедливо связывает политику колониальной администрации в земельном вопросе в 1903—1905 гг. с аграрным законодательством филиппинского правительства 1899 г. и с тем фактом, что после поражения республики более десяти лет продолжалась крестьянская партизанская борьба против захватчиков. Однако вряд ли правильно утверждать (стр. 287), что «американские власти вынуждены были пойти по пути, намеченному филиппинской революцией» в аграрном вопросе. Если революционное правительство конфисковало монастырские земли безвозмездно, то колониальная администрация выкупила их, щедро компенсировав церковь за счет налогоплательщиков и распродавая земли по взвинченным ценам; если правительство республики санкционировало распашку крестьянами заброшенных помещичьих земель, то американские власти запретили ее. Нельзя согласиться и с утверждением автора (стр. 288), что американская земельная политика привела к «некоторым отличиям в положении крестьянства на Филиппинах от других колоний» (А. А. Губер имеет здесь в виду более быстрое развитие капитализма в сельском хозяйстве).

Ведь в годы американского господства помещичье землевладение неуклонно росло (абсолютно и относительно), а капиталистические отношения в деревне развивались довольно медленно, во всяком случае, не быстрее, чем в большинстве колоний.

В книге правильно выявлены специфические особенности колониальной политики США по сравнению с политикой других империалистических держав. Отмечая, что США в большей мере, чем Англия, Франция или Голландия, шли на политические уступки помещичьим и буржуазным кругам колонии, А. А. Губер показывает, что США были вынуждены идти на это под сильнейшим давлением освободительной борьбы народных масс. Таким образом, не остается места для настойчиво повторяемой американскими буржуазными историками легенды о некоем «особом», чуть ли не «антиколониальном» характере американского империализма, о «добровольности» уступок, завершившихся провозглашением независимости Филиппин в 1946 году.

Выводы автора имеют весьма актуальное научное и политическое значение. Его труд носит в целом остро полемический характер, он наносит чувствительный удар по некоторым колонизаторским концепциям в исторической науке. Не случайно именно эта сторона книги А. А. Губера вызвала в свое время неудовольствие у американского рецензента ее первого издания И. Стоуна, вынужденного, впрочем, признать, что эта книга «является результатом серьезного и компетентного исследования»[1].

Проблемы, нашедшие свое освещение в данной работе, выходят далеко за рамки вопросов истории Филиппин конца XIX века. Исследование А. А. Губера не только позволяет глубже понять всю последующую историю Филиппин, но и имеет большое значение для разработки истории и теории национально-освободительного движения в эпоху империализма.

Г. И. Левинсон

[1] «Journal of Modern History». Vol. XXII. Chicago. March 1950, № 1, pp. 64—65.

НОВЫЕ КНИГИ

История СССР

XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17—31 окт. 1961 г. Стеногр. отчет. В 3-х т. Т. I. М. Госполитиздат. 1962. 608 стр. 250 000 экз. 1 р. 15 к.

Бессуднов С. И. *Международное значение Программы КПСС.* М. «Знание». 1961. 79 стр. 8 000 экз. 12 коп.

Бовыкин В. И. *Из истории возникновения первой мировой войны. Отношения России и Франции в 1912—1914 гг.* М. Изд-во Моск. ун-та. 1961. 208 стр. 1 750 экз. 80 коп.

Борьба за победу Октябрьской социалистической революции на Урале. Свердловск. кн. изд. 1961. 427 стр. 3 000 экз. 68 коп.

Бурмистрова Т. Ю. *Ленинская политика пролетарского интернационализма в период образования РСДРП.* 1894—1903 гг. Л. Изд-во Ленингр. ун-та. 1962. 320 стр. 2 000 экз. 1 р. 49 к.

Великая битва под Москвой. Краткий ист. очерк. М. Воениздат. 1961. 303 стр. 20 000 экз. 77 коп.

Великий Октябрь. Сборник документов. (Сост. Н. С. Архангородская и др. Под ред. Л. С. Гапоненко). М. Изд-во АН СССР. 1961. 428 стр. 2 500 экз. 1 р. 40 к.

Вопросы истории Казахстана XIX — начала XX века. Алма-Ата. Изд-во АН КазССР. 1961. 203 стр. (Труды Ин-та истории, археологии и этнографии. Т. II). 1 750 экз. 1 р. 44 к.

Воробьев Ф. Д. и Кравцов В. М. *Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945 гг.* Краткий военно-исторический очерк. М. Воениздат. 1961. 456 стр. 17 000 экз. 1 р. 16 к.

Восстановительный период на Дону. 1921—1925 гг. Сборник документов. (Сост. А. Г. Беспалова и др.). Ростов н/Д. кн. изд. 1962. 496 стр. 2 000 экз. 86 коп.

Гаджиева С. Ш. *Кумыки.* Историко-этнографическое исследование. М. Изд-во АН СССР. 1961. 387 стр. 3 300 экз. 2 р. 33 к.

Галактионов И. и Чистякова Е. *А. Л. Ордин-Нащокин — русский дипломат XVII в.* М. Соцэкгиз. 1961. 134 стр. 20 000 экз. 10 коп.

Гернет М. Н. *История царской тюрьмы.* В 5 т. Изд. 3-е. Т. 3. 1870—1900. М. Госюриздат. 1961. 430 стр. 18 000 экз. 1 р. 82 к.

Говорят погибшие герои. Предсмертные письма советских борцов против немецко-фашистских захватчиков. 1941—1945 гг. М. Госполитиздат. 1961. 327 стр. 100 000 экз. 35 коп.

Елеуов Т. *Установление и упрочение Советской власти в Казахстане. Март 1917 — июнь 1918 года.* Алма-Ата. Изд-во АН КазССР. 1961. 528 стр. 2 600 экз. 1 р. 83 к.

Ефремов П. Н. *Внешняя политика*

России. 1907—1914 гг. М. Изд-во ИМО. 1961. 304 стр. 2 250 экз. 1 р. 10 к.

Затеев В. И. *Формирование и расцвет бурятской социалистической нации.* Улан-Удэ. Бурят. кн. изд. 1961. 195 стр. 2 000 экз. 24 коп.

Зыбко Н. П. *Тамбовская партийная организация в годы гражданской войны и иностранной интервенции.* 1918—1920 гг. Тамбов. кн. изд. 1961. 40 стр. 5 000 экз. 5 коп.

Исторические записки. Т. 70. М. Изд-во АН СССР. 1961. 296 стр. 1 400 экз. 1 р. 71 к.

Копылов А. *Трудными дорогами.* Архангельск. кн. изд. 1961. 271 стр. 10 000 экз. 52 коп. (Об истории революционного движения на Севере в период трех русских революций, о деятельности революционеров, находившихся в архангельской ссылке).

Крестьянское движение в Воронежской губернии. 1861—1863 гг. Документы и материалы. (Сост. В. Н. Бригиневич и М. М. Шевченко). Воронеж. Изд-во Воронежского ун-та. 1961. 135 стр. 1 200 экз. 50 коп.

Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг. Сборник документов. (Сост. З. И. Кудрявцева и др.). М. Соцэкгиз. 1961. 984 стр. 2 000 экз. 1 р. 80 к.

Кутаков Л. Н. *Портсмутский мирный договор.* Из истории отношений Японии с Россией и СССР. 1905—1945 гг. М. Соцэкгиз. 1961. 291 стр. 3 000 экз. 74 коп.

Куцентова З. В. *Книга В. И. Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» и ее значение для современного коммунистического и рабочего движения.* Л. Изд-во. Ленингр. ун-та. 1961. 80 стр. 1 500 экз. 33 коп.

Куцентов Д. Г. *Деятели петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».* Краткие биографические очерки. М. Госполитиздат. 1962. 163 стр. 45 000 экз. 18 коп.

Лазутка С. А. *Революционная ситуация в Литве.* 1859—1862 гг. М. «Высшая школа». 1961. 260 стр. 2 000 экз. 79 коп.

Малышев В. П. *Борьба за власть Советов на Амуре.* Благовещенск. Амурское кн. изд. 1961. 382 стр. 2 000 экз. 1 р. 67 к.

Матушкин П. Г. *Ленин об Урале.* Исторический очерк. Челябинск. кн. изд. 1961. 343 стр. 5 000 экз. 39 коп.

Маценко Н. И. *Большевики Донбасса в период реакции.* 1907—1910 гг. Донецк. кн. изд. 1961. 63 стр. 2 000 экз. 7 коп.

Милованов Г. *Орденоносная текстильная.* История фабрики им. III Интернационала. Махачкала. Дагкнигоиздат. 1961. 81 стр. 3 000 экз. 7 коп.

Наумов М. *Степной рейд.* Киев. «Молодь». 1961. 257 стр. 30 000 экз. 70 коп. (Документальная повесть о партизанах Украины).

Носов А. Ф. *Октябрьская революция в Грозном и в горах Чечено-Ингушетии.* К истории народов Чечено-Ингушетии. Воспоминания. Грозный. Чечено-Ингуш. кн. изд. 1961. 156 стр. 1 500 экз. 29 коп.

Октябрь на Амуре. Сборник документов. 1917—1922. Благовещенск. Амурское кн. изд. 1961. 458 стр. 3 000 экз. 75 коп.

Остроухова К. А. *Шестая (Пражская) Всероссийская конференция РСДРП.* М. Госполитиздат. 1961. 88 стр. 45 000 экз. 11 коп.

Очерки истории Воронежского края. (В 2-х т. Т. 1). С древнейших времен до Великой Октябрьской соц. революции. Воронеж. Изд-во Воронежского ун-та. 1961. 521 стр. 40 000 экз. 1 р. 10 к.

Прокопенко Н. И. *КПСС в борьбе за подготовку массового колхозного движения.* 1927—1929 гг. М. Изд-во Моск. ун-та. 1961. 184 стр. 10 500 экз. 30 коп.

Пронштейн А. П. *Земля Донская в XVIII веке.* Ростов н/Д. Изд-во Рост. ун-та. 1961. 375 стр. 1 000 экз. 1 р. 90 к.

Симонов К. *Штрихи эпопеи.* Ташкент. Гослитиздат. УзССР. 1961. 52 стр. 15 000 экз. 6 коп. (Очерк об истории завода «Таштекстильмаш»).

Табышалиев С. *Коммунистическая партия Киргизии в период развернутого строительства коммунизма.* Фрунзе. Киргизгосиздат. 1961. 62 стр. 3 000 экз. 6 коп.

Ткаченко П. С. *Революционная народническая организация «Земля и воля».* 1876—1879 гг. М. «Высшая школа». 1961. 298 стр. 2 500 экз. 90 коп.

Файнштейн Л. А. и Шасконьский И. П. *Тихвин.* Историко-краеведческий очерк. Л. Лениздат. 1961. 183 стр. 10 000 экз. 31 коп.

Черменский П. Н. *Прошлое Тамбовского края.* Тамбов. кн. изд. 1961. 199 стр. 10 000 экз. 45 коп.

Шапиро А. Л. *Русская историография в период империализма.* Курс лекций. Л. Изд-во Ленингр. ун-та. 1962. 235 стр. 2 000 экз. 1 р. 12 к.

XIII съезд Коммунистической партии Литвы. (Сборник материалов). Вильнюс. Госполитнаучиздат. 1961. 180 стр. 2 000 экз. 15 коп.

40 лет автономии Карачаево-Черкессии. (Сборник статей). Черкесск. Карачаево-Черкес. кн. изд. 1962. 276 стр. 2 000 экз. 25 коп.

Всеобщая история

Агахи А. М. *Распространение идей марксизма-ленинизма в Иране.* (До второй мировой войны). Баку. Изд-во АН АзССР. 1961. 252 стр. 1 000 экз. 1 р. 5 к.

Авейде О. *Показания и записки о польском восстании 1863 года.* (Предисл. И. Миллера). Материалы и документы. М. Изд-во АН СССР. 1961. XLVIII. 663 стр. 1 850 экз. 3 р. 20 к.

Бабаходжаев А. Х. *Провал английской политики в Средней Азии и на Среднем Востоке.* 1918—1924. М. Изд. вост. лит. 1962. 169 стр. 2 300 экз. 80 коп.

Буато П. *Мадагаскар.* Очерки по истории мальгашской нации. Пер. с франц. М. Изд. вост. лит. 1961. 435 стр. 1 200 экз. 1 р. 60 к.

Воробьев М. В. *Древняя Корея.* Историко-археологический очерк. М. Изд. вост. лит. 1961. 147 стр. 1 000 экз. 1 р. 35 к.

Восленский М. С. *Внешняя политика и партии ФРГ.* М. Изд-во ИМО. 1961. 343 стр. 4 000 экз. 1 р. 15 к.

Гайковский Ю. В. и Гордон-Полонская Л. Р. *История Пакистана.* М.

Изд-во вост. лит. 1961. 382 стр. 3 000 экз. 1 р. 50 к.

Глинкин А. Н. *Новейшая история Бразилии.* 1939 — 1959 гг. М. Изд-во ИМО. 1961. 403 стр. 2 500 экз. 1 р. 40 к.

Гончаров Л. *Империалистическая эксплуатация английских колоний в Африке.* М. Изд-во ИМО. 1961. 152 стр. 3 700 экз. 53 коп.

Гордон Л. А. *Из истории рабочего класса Индии.* Положение бомбейского пролетариата в новейшее время. М. Изд. вост. лит. 1961. 251 стр. 1 800 экз. 95 коп.

Егорова Н. *Страна за решеткой.* М. Госполитиздат. 1961. 75 000 экз. 7 коп. (Брошюра о современной Португалии).

Жорес Ж. *Против войны и колониальной политики.* Пер. с франц. М. Изд. иностр. лит. 1961. 238 стр. 62 коп.

Замятнин С. Н. *Очерки по палеолиту.* М.-Л. Изд-во АН СССР. 1961. 176 стр. 1 600 экз. 1 р. 14 к.

Из истории польского рабочего движения. Сборник статей. К 20-летию Польской рабочей партии. 1942 — 1962. (Под ред. А. Я. Манусевича и И. А. Хренова). М. Соцэкгиз. 1962. 447 стр. 3 000 экз. 1 р. 25 к.

Керам К. В. *Узкое ущелье и Черная гора.* Пер. с нем. М. Изд. вост. лит. 1962. 215 стр. 15 000 экз. 48 коп. (Очерк истории открытий, благодаря которым стала известна культура Хеттского царства — II тысячелетие до н. э.).

К столетию гражданской войны в США. (Сборник статей). (Под ред. А. В. Ефимова и Л. И. Зубока). М. Соцэкгиз. 1961. 586 стр. 3 500 экз. 1 р. 70 к.

Лаврецкий И. *Кардиналы идут в ад.* М. Госполитиздат. 1961. 264 стр. 80 000 экз. 63 коп. (О реакционной деятельности и политических махинациях Ватикана).

Лещинский Л. М. *Хойзингер — военный преступник!* М. Изд-во ИМО. 1961. 304 стр. 2 250 экз. 1 р. 10 к.

Мукимджанова Р. М. *Политика США в Пакистане.* 1947— 1960. М. Соцэкгиз. 1961. 224 стр. 3 000 экз. 45 коп.

Нежинский Л. Н. и Пушкаш А. И. *Борьба венгерского народа за установление и упрочение народно-демократического строя.* 1944 — 1948. М. Изд-во АН СССР. 1961. 552 стр. 1 500 экз. 2 руб.

Недорезов А. И. *Национально-освободительное движение в Чехословакии.* 1938 — 1945. М. Соцэкгиз. 1961. 370 стр. 3 000 экз. 95 коп.

Международная солидарность трудящихся в борьбе с фашизмом, против развязывания второй мировой войны. 1933 — 1937. (Сост. А. И. Логинова и др.). М. «Сов. Россия». 1961. 552 стр. 5 000 экз. 1 р. 3 к. (Из истории международной пролетарской солидарности. Документы и материалы. Сб. 5).

Последнее действие. Авт.: И. Хорват и др. Сокр. пер. с венгер. Львов. кн.-журн. изд. 1961. 388 стр. 65 000 экз. 1 р. 30 к. (Книга об истории событий в Венгрии с марта 1944 по апрель 1945 г.).

Розанов Г. Л. *Германия под властью фашизма.* 1933 — 1939 гг. М. Изд-во ИМО. 1961. 503 стр. 4 300 экз. 1р. 76 к.

Рубцов Б. Т. *Подвиги таборитов.* М. Изд-во АН СССР. 1961. 132 стр. 12 000 экз. 21 коп.

Страны и народы Востока (Сборник статей). Вып. 2. География, этнография, история. М. Изд-во вост. лит. 1961. 284 стр. 1 800 экз. 1 р. 75 к.

Струве В. В. *Государство Лагаш.* Борьба за расширение гражд. права в Лагаше XXV—XXIV вв. до н. э. М. Изд-во вост. лит. 1961. 104 стр. 1 600 экз. 40 коп.

Тарле Е. В. *Талейран.* М. Изд-во АН СССР. 1962. 270 стр. 75 000 экз. 65 коп.

Французский ежегодник. Статьи и материалы по истории Франции. 1960. М. Изд-во АН СССР. 1961. 543 стр. 1 600 экз. 3 р. 5 к.

Хальгартен Г. *Империализм до 1914 года.* Пер. с нем. М. Изд-во иностр. лит. 1961. 695 стр. 4 р. 30 к.

Хрестоматия по истории средних веков. В 3-х т. (Под ред. С. Д. Сказкина). Т. I. Раннее средневековье. М. Соцэкгиз. 1961. 688 стр. 27 000 экз. 1 руб.

Шапошниченко П. П. *Политика Бонна — угроза безопасности в Европе.* Очерк внешней политики ФРГ. 1949 — 1961 гг. М. Соцэкгиз. 1962. 133 стр. 16 000 экз. 20 коп.

Эррио Э. *Эпизоды 1940 — 1944.* Мемуары. Пер. с франц. М. Изд-во ИМО. 1961. 120 стр. 75 000 экз. 40 коп.

Юровская Е. Е. *Практикум по новой истории.* 1870 — 1917. М. «Высш. школа». 1961. 370 стр. 11 000 экз. 49 коп.

VIII съезд Коммунистической партии Японии. Токио. 25 — 31 июля 1961 г. М. Госполитиздат. 1961. 303 стр. 57 коп. (Документы и материалы зарубежных коммунистических и рабочих партий).

XVI съезд Коммунистической партии Люксембурга. г. Дифферандж. 24—25 дек. 1960 г. Пер. с нем. М. Госполитиздат. 1961. 71 стр. 8 коп.

СТАТЬИ В СОВЕТСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛАХ

«Вопросы истории КПСС № 1. 1962. П. А. Гладков. Всемирно-историческое значение опыта построения социализма в СССР; А. К. Колесников. Решения XXII съезда КПСС и некоторые вопросы партийно-организационной работы; С. П. Трапезников. Социалистическая кооперация — ленинский путь крестьян к коммунизму; П. М. Кирьяев. XXII съезд КПСС об укреплении Вооруженных Сил и обороноспособности Советского Союза; С. М. Петров, В. Я. Климушев. В. И. Ленин и Пражская конференция РСДРП; А. С. Черняев. Современный реформизм в рабочем движении Западной Европы; А. Н. Карамелев. Движение тридцатитысячников и укрепление колхозов; Г. А. Чигринов. Мероприятия партии по развитию сельскохозяйственного производства в предвоенные годы; Э. С. Дабагян. Литература по истории коммунистического и рабочего движения в странах Латинской Америки. (Историографический обзор).

«История СССР» № 1. 1962. К новому творческому подъему. К. А. Белов. Московское народное ополчение 1941 года; М. А. Вылцан. Колхозный строй накануне Великой Отечественной войны; В. В. Мавродин. Советская историография социально-экономического строя Киевской Руси; И. Д. Ковальченко. Об изучении мелкотоварного уклада в России XIX века; С. О. Шмидт. О предмете советской историографии и о некоторых принципах ее периодизации; Э. Э. Янвярк. Подготовка и повышение квалификации рабочих кадров в Эстонии в годы четвертой пятилетки; М. П. Губенко. К экономической характеристике районов РСФСР, освобожденных от фашистской оккупации в 1943 г.; Д. К. Шелестов. О начале поворота сибирского трудового крестьянства в сторону Советской власти; В. И. Старцев. К вопросу о составе рабочей Красной гвардии Петрограда; А. И. Буковецкий. Финансово-налоговая политика царизма на колониальных окраинах России; Ю. М. Гарушянц. Первые отклики на Великую Октябрьскую социалистическую революцию в Китае; Л. В. Черепнин. Во всеоружии вести борьбу с буржуазной историографией.

«Военно-исторический журнал» № 12. 1961. Советские Вооруженные Силы на страже строительства коммунизма; В. Соколовский. О советском военном искусстве в битве под Москвой; С. Кляцкин. К вопросу об использовании русской армии для нужд обороны Советской республики; В. Дашичев. Агрессия фашистской Германии против Польши и позиция западных держав; П. Власов. Успех в бою надо закреплять; В. Кузнецов. 1-я ударная армия в боях под Москвой; И. Стрельбицкий. В боях за Севастополь. Провал наступления немецко-фашистской армии на Москву.

«Военно-исторический журнал» № 1. 1962. С. Красильников. В. И. Ленин — основоположник советской военной стратегии; М. Тур. Развитие противовоздушной обороны войск в Великой Отечественной войне; И. Плиев. О военно-исторической работе в войсках Северо-Кавказского военного округа; К. Телегин. Московская зона обороны; Е. Федосеев. Внезапность при форсировании рек бронетанковыми соединениями; А. Смирнов-Несвицкий. Ледовая переправа через Керченский пролив.

«Украинский исторический журнал» № 1. 1962. (На украинском языке). А. Н. Шлепаков. Новая Программа КПСС и банкротство ее буржуазных «критиков»; Е. С. Короед. Из истории движения коллективов и ударников коммунистического труда в сельском хозяйстве Украины; В. С. Петренко. Повышение культурного уровня и коммунистической сознательности колхозного крестьянства Украины (1953—1961 гг.); П. С. Крывко, В. А. Птущенко. Новые формы соревнования в сельском хозяйстве. (На материалах Винницкой области); Д. П. Костенко. Партийные организации Днепропетровщины в борьбе за внедрение передового опыта в колхозное производство (1953—1961 гг.); В. П. Столяренко. Роль партийных организаций западных областей Украины в организации шефства города над селом (1948—1950 гг.); В. И. Яненко. Перестройка управления промышленностью Украины в первые годы нэпа; И. Д. Бойко. Промыслы на Украине в XVI — первой половине XVII в.; А. В. Санцевич. Происки Ватикана и католической реакции против народной Польши (1945—1961 гг.); Д. М. Филипенко. Экспансия французского империализма в Турции (1918—1922 гг.); Н. И. Барабаш, А. В. Иванченко. Из опыта перестройки преподавания истории в 5—6-х классах восьмилетней школы; П. Ф. Лаптин. Исторические взгляды М. М. Ковалевского, В. У. Павелко. М. А. Максимович — археограф.

«Вестник Московского университета» № 1. 1962. Серия IX. История. Историческое значение XXII съезда КПСС. В. М. Селунская. Учение В. И. Ленина о союзе рабочих и крестьян и его дальнейшее развитие в новой Программе КПСС; А. Ф. Чмыга. О численности и формах колхозов Украины в 1919 году; Г. И. Моисеева. Вопросы внутренней политики Англии и лейбористская партия в начале второй мировой войны (сентябрь 1939 — май 1940 года); В. И. Бовыкин, К. Ф. Шацилло. Личные унии в тяжелой промышленности России накануне первой мировой войны; В. П. Наумов. Научная конференция по историографии.

«Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР». 59. Экономика социалистических стран Азии. 1961. И. Н. Коркунов. Земельный фонд и его использование в Китайской Народной Республике; Л. М. Гатауллина. Значение сотрудничества со странами социализма

для подъема экономики Монгольской Народной Республики; Г. С. Матвеева. Развитие земледелия в Монгольской Народной Республике; П. Г. Королев. Некоторые вопросы социалистического строительства в сельском хозяйстве Корейской Народно-Демократической Республики (1953—1961 гг.); А. Г. Мазаев. Восстановление народного хозяйства в Демократической Республике Вьетнам (1955—1957 гг.); И. М. Щедров. Внешнеэкономические связи Демократической Республики Вьетнам (1945—1960 гг.).

«Материалы и исследования по археологии СССР» № 104. Институт археологии АН СССР. И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа.

«Научные работы и сообщения Академии наук Узбекской ССР». Отделение общественных наук. Книга 3. 1961. У. Н. Мирзаходжаев. К вопросу о социальной структуре общественного продукта в Узбекской ССР; Н. Насырова. Неделимые фонды как основа развития материально-технической базы колхозов (на материалах Узбекской ССР); К. М. Якубов. Резервы повышения производительности труда в хлопководстве (на примере колхозов Хорезмской области); Р. Курбанов. О развитии колхозного производства и росте доходов колхозов Андижанской области УзССР; К. Ф. Култасова. Участие молодежи в освоении Голодной степи в 1956—1958 гг.; Н. Бекназов. Роль совхозов в развитии сельскохозяйственного производства Узбекистана; А. Нуруллаев. Мероприятия партии и правительства по созданию кадров рабочих совхозов и МТС Узбекистана (1929—1932 гг.); К. Юсупов. Новая экономическая политика и восстановление сельского хозяйства Узбекистана; М. Т. Турсунова. Развитие материально-технической базы сельскохозяйственного производства Узбекистана в восстановительный период (1921—1928 гг.); Х. Ю. Мусаев. Некоторые особенности образования общественных фондов колхозов до сплошной коллективизации сельского хозяйства Узбекистана; Д. Г. Мурсалимов. Из истории организационно-хозяйственного укрепления колхозов Сухандарьинской области УзССР (1931—1934 гг.); Ш. Самибаев. Некоторые сведения из истории развития потребительской кооперации Узбекистана; Н. Рахманов. Из истории подготовки учительских кадров в Бухаре (1925—1932 гг.); Б. Давранов. Об участии комсомола Узбекистана в оборонной работе и в создании резервов для фронта в годы Великой Отечественной войны; Г. А. Михалева. Поселения среднеазиатских купцов в Оренбурге и их роль в развитии русско-бухарских торговых связей (2-я половина XVIII в.); Д. Огильдиев. К истории англо-русского соперничества в Афганистане (1901—1907); Т. Файзиев. К вопросу изучения узбеков-кураминцев; Т. Агзамходжаев. Погребения IV — V вв. н. э. в Катартале; Г. В. Шишкина. Археологическая разведка на городище Кум-Султан (Бухарская область); М. Р. Касымов. Добыча и техника обработки кремня в каменоломнях-мастерских Средней Азии; Ф. А. Бурнашева. Опыт технологического исследования глазурей керамической мозаики XV в. из медресе Улугбека; А. М. Юлдашев. Московские банки в дореволюционном Туркестане; Т. Абдушукуров. Технический прогресс и формирование нового типа рабочего в социалистической промышленности; М. А. Батунский. Из истории зарождения западноевропейского буржуазного исламоведения.

«Палестинский сборник Академии наук СССР». Вып. 8(71). Российское Палестинское Общество. 1961. А. Г. Лундин. Южная Аравия в VI веке.

«Труды Белорусской сельскохозяйственной академии». Т. XXXIII. Кафедра марксизма-ленинизма. 1960. Н. Д. Вороненков. К вопросу о последствиях немецко-фашистской оккупации в Могилевской области; Н. Д. Вороненков. Деятельность Могилевской партийной организации по восстановлению народного хозяйства области и оказанию помощи фронту (сентябрь 1943 — май 1945 года); Н. А. Шитов. К вопросу о деятельности Коммунистической партии Белоруссии по реорганизации МТС и дальнейшему развитию сельского хозяйства (1958—1959 гг.); А. С. Черкасов. Основные формы экономического сотрудничества стран, входящих в мировую социалистическую систему хозяйства; С. В. Игнатенок. Борьба за Советскую власть в Горецком уезде, Могилевской губернии (1917—1919 гг.); С. В. Игнатенок, А. А. Левский. Деятельность Горецкого сельскохозяйственного института в 1930—1941 годы; М. Г. Дюбакова. Политико-массовая работа Коммунистической партии Белоруссии среди работниц республики (1926—1932 гг.); М. Г. Дюбакова. Борьба Компартии Белоруссии за вовлечение женщин республики в строительство социалистической промышленности (1926—1932 гг.).

«Труды научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР». Выпуск 21. Серия историческая. 1961. А. Л. Киселев. Программа работы на семилетие; М. С. Букин. Образование Мордовской автономной области и ее развитие (1930—1934 гг.); И. П. Пахомов. Борьба трудящихся Мордовии за восстановление и развитие социалистической промышленности (1921—1928 гг.); Л. А. Куркина. К истории профсоюзного движения в Мордовии; Е. А. Зиновьев. Крестьянские земельные комитеты Мордовии в период от февраля к октябрю 1917 года; Л. Г. Филатов. Положение рабочих и служащих Московско-Казанской железной дороги накануне первой русской революции; Л. Г. Филатов. Железнодорожники Московско-Казанской железной дороги во Всероссийской Октябрьской политической стачке 1905 года; В. Н. Бочкарев. Василий Осипович Ключевский. К 120-летию со дня рождения и 50-летию со дня смерти. К 55-летию Рузаевской республики. Воспоминания участников первой русской революции;

П. И. Анисимова, С. Я. Арапов, В. В. Бодрин. К 40-летию первого Всероссийского съезда коммунистов — мордвы в г. Самаре.

«Труды Харьковского политехнического института имени В. И. Ленина. Т. 42. Серия истории КПСС. Вып. 1. Коммунистическая партия Украины — организатор трудовой активности масс в период борьбы за построение социализма и коммунизма. 1961. Н. Д. Нагорный. Деятельность партийных организаций Украины по оживлению производственных совещаний в первые годы индустриализации страны; Н. Д. Нагорный. Производственные совещания на предприятиях тяжелой промышленности Украины в первые годы индустриализации (1926—1928 гг.); А. Ф. Руденко. Перестройка работы шахтных партийных организаций на основе решений XVI съезда партии (на материалах Донбасса); А. М. Филиппов. Коммунистическая партия Украины — организатор идейно-политического и трудового воспитания студентов педагогических учебных заведений (1928—1932); Г. Г. Петрова. Борьба Коммунистической партии Украины за развитие школы-интерната как очага трудового воспитания подрастающего поколения (1956—1960 гг.); Г. Г. Петрова. Коммунистическая партия Украины — организатор трудового воспитания подрастающего поколения в сельской школе республики (1956—1960 гг.); А. М. Лисецкий. Деятельность большевиков по руководству забастовкой рабочих Харьковского паровозостроительного завода в августе 1917 года; А. М. Лисецкий. Из истории пролетарского интернационализма (участие иностранцев в революционной борьбе трудящихся России в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции); И. Т. Пинегин. О работе Харьковской областной партийной организации по подбору и расстановке руководящих партийных и советских кадров (1943—1945 гг.).

«Ученые записки Иркутского государственного педагогического института». Вып. 18(7). Кафедра истории. 1961. Г. А. Терюшков. Стачечная борьба рабочих Восточной Сибири в годы первой русской революции (1905—1907 гг.).

«Ученые записки Казахского государственного университета имени С. М. Кирова. Т. 35. Вып. I. 1957. А. Г. Ахметов. Начало массового социалистического соревнования на предприятиях Казахстана (1929—1930 гг.); Г. Жуматов. Из истории борьбы партийной организации Петропавловского округа за проведение массовой коллективизации сельского хозяйства (1929—1930 гг.); К. Абдвахишов. Некоторые итоги перестройки партийного руководства колхозным производством в свете решений сентябрьского Пленума ЦК и XX съезда КПСС; И. Д. Назаренко. Укрепление сельского хозяйства квалифицированными кадрами — важнейшее условие его крутого подъема; З. Амангалиев. О роли и значении производственной смычки между городом и деревней в подготовке массовой коллективизации сельского хозяйства в Казахстане; В. К. Сидоров. К вопросу о деятельности партийных организаций в проведении земельно-водной реформы в южных областях Казахстана (1921—1922 гг.); З. Мусурманов. Пропаганда опыта передовиков и достижений сельскохозяйственного производства — неразрывная часть массово-политической работы партийных организаций.

«Ученые записки Кемеровского педагогического института». Кафедра истории. Выпуск 4. 1961. И. М. Костин. Подъем зернового хозяйства Кузбасса (1954—1957 гг.); Б. Г. Рубин. Некоторые вопросы использования трудовых ресурсов Кемеровской области; Е. А. Кривошеева. Коммунистические формы труда (субботники и воскресники) на шахтах Кузбасса в первые годы Советской власти; З. Г. Карпенко, Е. А. Кривошеева, Г. Г. Халиулин. Развитие кабинетской промышленности Кузбасса в 60—80-х годах XIX столетия; А. И. Мартынов. Материалы к археологической карте Кемеровской области; В. Г. Мирзоев. Первые русские литературные известия о Сибири.

«Ученые записки Куйбышевского планового института. Кафедра истории КПСС и философии». Вып. 7. 1961. Г. С. Галиев. Ленин об особенностях формирования русского пролетариата; В. А. Виноградов. Борьба В. И. Ленина за гегемонию пролетариата в период подготовки и в ходе первой русской революции; Ю. Н. Щербаков. Деятельность иностранных коммунистов в Среднем Поволжье в конце 1918 и в первой половине 1919 года; Н. П. Пашенцев. В. И. Ленин о пролетарском интернационализме. Н. П. Бородин. Экономическое положение промыслового крестьянства Орловской губернии в конце XIX в. (1880—1900 гг.).

«Ученые записки Тартуского государственного университета». Вып. 107. 1961. С. Г. Исаков. Остзейский вопрос в русской печати 1860-х годов.

«Ученые записки Туркменского государственного университета имени А. М. Горького». Вып. XIX. 1961. Б. А. Черепанов. Создание Туркменского советского социалистического государства; Х. Б. Мередов. Перспективы развития тяжелой промышленности за годы семилетки (1959—1965 гг.) и борьба трудящихся республики за ее осуществление; Б. Кулиев. Распространение ислама в Туркмении в период раннего феодализма; Л. Н. Гителис. Борьба Французской коммунистической партии против ликвидации четвертой республики (май 1958 г.); А. М. Чиперис. К истории Чембальского восстания.

Хроника научной жизни

О РАБОТЕ ГРУПП ПО ИЗУЧЕНИЮ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

При Институте истории АН СССР действуют группы по изучению истории социалистических идей, истории Франции, Германии, Испании, Англии и Италии. Эти группы имеют примерно одинаковую структуру и ставят перед собой сходные методологические задачи, но несколько расходятся как в выборе тематики для исследования, так и в конкретных методах работы. Данная информация освещает деятельность этих групп до середины 1961 года.

★

Группа по изучению истории социалистических идей исследует предпосылки и генезис великих идей основоположников марксизма-ленинизма, под воздействием которых развивается ныне все передовое человечество. Как возник марксизм? Каковы его идейные истоки? Ответ на эти вопросы, как известно, дали Ф. Энгельс в своей работе «Развитие социализма от утопии к науке» и В. И. Ленин в статье «Три источника и три составных части марксизма». Основоположники марксизма-ленинизма указывали, что одним из идейных источников теории научного социализма является утопический социализм. Углубленное исследование истории социалистической мысли, в частности истории утопического социализма, является поэтому важной задачей советских историков. В условиях, когда идеи коммунизма все более овладевают обществом, когда социализм превратился в мировую систему, по проблемам истории социалистических учений идет острая идеологическая борьба. Буржуазные философы и историки прилагают немало усилий, чтобы извратить и фальсифицировать историю социалистических идей, пытаются представить марксизм «случайным» явлением, «лишенным» глубоких исторических корней, настойчиво отрицают принципиальное отличие марксизма от утопических построений предшественников К. Маркса и Ф. Энгельса. Советские историки, вооруженные марксистско-ленинской методологией, опровергают фальсификаторские теории, противопоставляя им серьезные научные труды, основанные на тщательном изучении архивных и литературных источников.

В Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС была собрана в свое время одна из самых богатых в мире коллекций источников, в том числе архивных, по истории социалистических идей. Она послужила первоосновой, на базе которой Институтом истории АН СССР в течение ряда лет издавалась под руководством академика В. П. Волгина многотомная серия «Предшественники научного социализма». Данные публикации и фундаментальные многолетние исследования В. П. Волгина привели к выработке цельной концепции истории развития социалистических идей и заложили основы ее как особой научной дисциплины в советской исторической науке. В 1961 г. академик В. П. Волгин был удостоен «за разработку истории домарксовых социалистических учений» Ленинской премии.

Труды В. П. Волгина и некоторых других советских исследователей заложили историографические основы для монографического изучения различных аспектов истории социалистических идей. Однако в десятилетие, предшествующее 1958 г., как справедливо указывалось в журнале «Коммунист», советские ученые несколько ослабили разработку вопросов истории социалистической мысли, деятельности ее представителей, судеб их творческого наследия [1]. В связи с этим в 1958 г. при секторе новой истории западноевропейских стран Института истории была создана группа по изучению истории социалистических идей, которой руководит бюро во главе с доктором исторических наук Б. Ф. Поршневым. Группа готовит к изданию свои труды под названием «История социалистических учений»; в состав редколлегии входят академик В. П. Волгин, кандидат исторических наук Е. П. Кандель и члены бюро группы.

До середины 1961 г. группой было заслушано около 30 докладов и сообщений. 5 из них (авторы докладов — Н. А. Бах, М. И. Михайлов, Ю. М. Раппопорт, Ф. А. Хейфец) были посвящены выдающейся деятельности основоположников марксизма и руководимых ими пролетарских организаций; 7 (академик В. П. Волгин,

[1] «Коммунист», 1957, № 17, стр. 122—128.

В. М. Далин, Ю. М. Мошковская, Б. Ф. Поршнев, В. Р. Алексеев-Попов, Г. С. Кучеренко) — Бабефу и бабувистам; 4 (Н. Е. Застенкер, И. И. Зильберфарб, Э. А. Желубовская) — французским социалистам первой половины XIX века и 1 (Л. С. Гордон) — французским социалистам середины XVIII века; 3 (И. И. Зильберфарб, Б. Ф. Поршнев) — общим проблемам историографии социалистических идей; 3 (В. С. Бондарчук, Л. С. Чиколини, Л. Э. Штекли) — итальянским утопическим социалистам; 3 (академик А. М. Деборин, М. А. Барг, В. М. Лавровский) — английским утопическим социалистам; по 1 (Я. М. Захер, Е. П. Кандель) — взглядам «бешеных» и шведских утопистов.

В большинстве докладов ставились проблемы, недостаточно разработанные в исторической науке. Наибольший интерес представляют итоги обсуждения вопроса о социальных истоках ранних форм утопического социализма, о соотношении утопического социализма и эгалитаризма. Докладчики и участники прений приводили материалы об исторической связи идеологии пролетариата с борьбой демократической части крестьянства за землю и свободу и городского плебса за «истинное равенство». Эти наблюдения имеют большое теоретическое значение, так как показывают глубочайшую идейную основу союза рабочего класса с широкими массами трудящихся города и деревни в борьбе против капиталистического рабства.

Доклад о Карло Пизакане (В. С. Бондарчук) послужил началом разработки группой вопроса о революционном направлении в утопическом социализме, исследования идей тех представителей передовой общественной мысли, которые призывали революционным путем прийти к «обществу социальной справедливости», где не будет частной собственности. Основоположником этого направления являлся Жан Мелье. Проследить историю идей революционного утопического социализма от Мелье до Бабефа и «Заговора равных», от Бабефа и Буонарроти до Дезами, Бланки, Пийю, Парижской коммуны, оценить воздействие этого направления французской общественной мысли на социалистическую мысль других стран — таково одно из главных направлений дальнейшей работы группы. Исследование этого вопроса имеет особый политический смысл в связи с пропагандой современными правосоциалистическими реформистами и ревизионистами фальшивых теорий о «мирном врастании» социализма в капитализм, о так называемом «демократическом», «гуманном» капитализме и т. п.

Несколько своих заседаний, совместно с другими группами Института истории АН СССР, группа посвятила юбилейным датам (100-летию со дня смерти Р. Оуэна, 200-летию со дня рождения Сен-Симона и Бабефа), а также обсуждению жизни и творческого наследия выдающихся представителей утопического социализма («Социальная утопия в Италии XVI в. и Кампанелла»; «Кампанелла и инквизиция»; «Новые материалы о Шарле Фурье»). Нет необходимости говорить о значении заседаний, посвященных Сен-Симону, Фурье и Оуэну, трем мыслителям, «которые,— по словам Ф. Энгельса,— несмотря на всю фантастичность и весь утопизм их учений, принадлежат к величайшим умам всех времен и которые гениально предвосхитили бесчисленное множество таких истин, правильность которых мы доказываем теперь научно...»[2].

Значительная часть докладов была посвящена истории возникновения марксизма, его борьбе с различными формами ненаучного социализма, исследованию отдельных сторон жизни и деятельности Карла Маркса и Фридриха Энгельса, их борьбы за пролетарскую партию. В этих докладах наглядно было показано принципиальное, коренное отличие марксизма, научного социализма от всех предшествующих теорий утопического социализма и подчеркивалось, что с самого возникновения марксизм носил характер интернационального учения, развивавшегося в острой борьбе с утопическим социализмом, который к концу 40-х годов XIX в. все больше превращался в фактор, тормозивший массовое рабочее движение.

Весьма актуальным явился доклад «Прудон и февральская революция во Франции». Прудонизм, потерпевший полный крах в период Парижской коммуны, в XX в. стал знаменем маскирующейся под социализм буржуазной науки. В 1920-х годах ревизионисты объявили Прудона «властителем дум» современности; в 40—50-х годах они называли его «отцом французского социализма»; именем Прудона пользуются ныне французские буржуазные и правосоциалистические деятели из так на-

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 18, стр. 499.

зываемой группы «левых некоммунистов» для обоснования оппортунистической теории «третьей силы». Выявление подобного рода извращений, их научно обоснованное разоблачение, оценка с марксистско-ленинской точки зрения — важная и ответственная задача советских историков.

Большое место в работе группы заняли вопросы борьбы с буржуазной историографией. Все доклады содержали разделы, посвященные марксистско-ленинскому анализу мировой литературы по данному вопросу. Докладчики противопоставляли измышлениям буржуазных историков марксистско-ленинское решение проблем. Было намечено создать специальный раздел историографии в «Трудах» группы и обратиться к видным зарубежным историкам-коммунистам и другим прогрессивным историкам с предложением о сотрудничестве.

Значительным событием в жизни группы было обсуждение работ академика В. П. Волгина, выдвинутых группой на соискание Ленинской премии. В обсуждении приняли участие видные представители советской исторической науки: академик М. В. Нечкина, профессора В. М. Далин, В. М. Лавровский, А. З. Манфред, А. И. Молок, Б. Ф. Поршнев и другие.

Группа поддерживает деловые связи со многими советскими исследователями. В ее работе принимают участие или поддерживают с ней связь специалисты Москвы, Ленинграда, Перми, Одессы и других городов, а также ряд зарубежных историков и философов, коммунистов и других прогрессивных ученых, в том числе Р. Гароди, В. Жоаннес, Г. Аптекер, А. Мортон, Э. Хобсбаум, Дж. Берти и другие.

В ближайшие планы группы входит расширение тематики докладов и публикация наиболее интересных из них, а также привлечение к работе более широкого круга специалистов по истории социалистической мысли.

★

Группа по изучению истории Франции была создана в конце 1956 года. Ее возглавляет бюро, председателем которого является лауреат Ленинской премии академик В. П. Волгин. Основная цель группы — объединение сил и координация работы специалистов по истории Франции для обсуждения важнейших исторических проблем, выдвижения новых, мало разрабатываемых вопросов, ознакомления общественности с трудами, предназначенными к печати, а также установления тесного научного контакта с прогрессивными зарубежными историками.

Выбор научной проблематики группой обусловливается тем, что история Франции до XX в. является своеобразным эталоном для постановки и изучения таких коренных вопросов развития исторического процесса, как буржуазно-демократические революции, аграрные реформы, классовая борьба в городе и деревне и прочие. В связи с этим группа занимается разработкой наиболее актуальных вопросов социально-экономической и политической истории Франции от средних веков до наших дней. В центре внимания группы стоят вопросы французского рабочего и социалистического движения, русско-французских и советско-французских связей, а также проблемы отечественной и зарубежной историографии.

В состав группы входит более 130 специалистов — сотрудников научно-исследовательских институтов, редакций журналов, преподавателей университетов и педагогических институтов Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Еревана, Алма-Аты, Одессы, Перми, Воронежа, Львова, Ульяновска, Иванова, Кирова, Челябинска, Уфы, Свердловска, Петропавловска-на-Камчатке и многих других городов СССР.

До середины 1961 г. группа провела 37 заседаний, заслушав и обсудив на них 46 докладов и сообщений. Самое серьезное внимание уделяется группой изучению теоретического наследия основоположников марксизма-ленинизма. Большой интерес вызвал доклад академика В. П. Волгина «Ленин и революционные традиции французского народа». 2 доклада (авторы — Ф. А. Коган-Бернштейн, А. В. Конокотин) были посвящены истории средних веков; 3 (Ф. А. Коган-Бернштейн, Л. С. Гордон) — эпохе Просвещения во Франции; 13 докладов и сообщений (академик В. П. Волгин, В. М. Далин, Н. Е. Застенкер, С. А. Лотте, С. С. Дмант, Я. М. Захер, А. З. Манфред и др.) — Французской революции конца XVIII в. и ее деятелям; 5 (А. З. Манфред, Б. Ф. Поршнев и др.) — русско-французским и советско-французским отношениям; 10 (Б. Ф. Поршнев, Э. А. Желубовская, Б. Г. Вебер, Н. Е. Застенкер, М. М. Штранге, А. П. Аверьянов и др.) — проблемам историографии; 4 (А. И. Молок, А. З. Манфред, Н. Е. Застенкер, Ю. Г. Трунский) — истории нового времени; 5 (В. И. Московченко, Е. В. Ру-

бинин, Н. Г. Цырульников и др.) — проблемам новейшей истории [3].

Специальные заседания посвящаются важнейшим памятным датам и обсуждению кардинальных проблем. Так, большой интерес советской научной общественности вызвали заседания, посвященные 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции, историческим традициям русско-французских связей (к визиту Н. С. Хрущева во Францию), 200-летним юбилеям со дня рождения Анри де Сен-Симона [4], Гракха Бабефа [5], Максимилиана Робеспьера, 100-летию со дня рождения Жана Жореса.

Одной из задач группы является налаживание научных связей с зарубежными исследователями. Установлен тесный контакт с французскими прогрессивными учеными А. Собулем, П. Анграном, Ж. Брюа, Ж. Дотри, Ж. Бувье, Р. Бресси и рядом других. В группу приходят также письма и материалы от специалистов по истории Франции из ГДР, Польши, США и других стран.

Одной из наиболее эффективных форм научных контактов являются встречи на коллоквиумах и совместных заседаниях. Так, был очень интересен и дал большие научные результаты франко-советский коллоквиум, состоявшийся в Париже в 1958 году. На нем были обсуждены разнообразные вопросы истории Франции и России (экономическое развитие государств, история идей, международные отношения и др.), вызвавшие острые дискуссии.

Члены группы выступали с научными докладами во Франции (Э. А. Желубовская, Б. Ф. Поршнев, А. Р. Иоаннисян, Н. А. Сидорова) и знакомили французскую научную общественность с результатами исследований советских авторов. В свою очередь, французские ученые и политические деятели делают доклады на заседаниях группы. Величайший интерес вызвали доклады Жака Дюкло «Ленин и уроки французской истории» и Роже Гароди «О деятельности прогрессивных общественных сил и идеологической борьбе в современной Франции». Группа заслушивала также доклады проф. Фернана Броделя «Современное состояние исторической науки во Франции» и проф. Роже Порталя на ту же тему. Большую дискуссию между членами группы и проф. Ролланом Мунье вызвал его доклад «О собственности в Европе в XVI—XVIII вв.». Советские специалисты противопоставили мнению докладчика свою точку зрения по вопросам о месте феодализма в истории и закономерностях развития классовой борьбы во французской деревне во время буржуазной революции конца XVIII века.

Группа регулярно выпускает «Французский ежегодник», отражающий состояние ее работы. В настоящее время вышло в свет три его тома, а вскоре появится и четвертый. На страницах «Ежегодника» выступают специалисты из разных городов СССР, а также зарубежные историки, в том числе Ж. Дюкло, А. Собуль, П. Анран, Ж. Брюа, Ж. Бувье, Р. Сюратто, Ж. Дотри, В. Марков, С. Бернстайн и другие.

Под эгидой той же группы самостоятельно (хотя и в тесной связи с ней) действует ее филиал при Ленинградском отделении Института истории, объединяющий 24 специалиста по истории Франции из ЛОИИ, Государственного Эрмитажа, Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, Пушкинского Дома и ленинградских вузов. Возглавляет филиал проф. О. Л. Вайнштейн.

Основное место в деятельности филиала занимает изучение проблем истории народных движений, историографии и источниковедения. По последним двум темам выступали с докладами О. Л. Вайнштейн, Я. М. Захер, А. Д. Люблинская, С. А. Лотте, В. И. Райцес, Т. Г. Хатисова, В. Е. Балахонов, Л. Г. Катушкина, И. С. Книжник-Ветров, В. С. Люблинский, Т. П. Воронова, С. М. Маневич и др.; по истории народных движений — Я. М. Захер, Р. Л. Сабсович, С. А. Лотте, В. С. Люблинский, Л. Г. Катушкина и В. И. Райцес.

Были сделаны научные сообщения о русско-французских и советско-французских связях (И. С. Шаркова, Ю. Б. Соловьев, Б. Г. Реизов, В. Е. Балахонов, А. Д. Люблинская и др.).

Большое внимание общественности привлекли доклады И. Г. Гуткиной «Некоторые проблемы французского рабочего движения в работах В. И. Ленина» и О. Л. Вайнштейна «Развитие В. И. Лениным учения К. Маркса о Парижской коммуне как диктатуре пролетариата».

Филиал широко отмечал 40-летие Великого Октября, 90-летие со дня рождения В. И. Ленина и другие памятные даты.

Из комплексных мероприятий следует на-

---

[3] Подробнее о содержании докладов см. «Французский ежегодник» за 1958, 1959 и 1960 годы. М. 1959—1961.

[4] См. «Вопросы истории», 1961, № 4, стр. 167—169.

[5] См. «Вопросы истории», 1961, № 2, стр. 105—109.

звать подготовку коллективного труда по истории предреволюционного кризиса 1787—1789 гг., для чего создана специальная комиссия (Е. Л. Зельманова, А. И. Коробочко, Б. Я. Рамм, Т. Г. Хатисова и др.).

Члены филиала активно участвуют в общественной работе. Они выступают по радио для французских слушателей, сотрудничают с Обществом дружбы и культурной связи с зарубежными странами, публикуют результаты своих исследований.

В ближайшей перспективе деятельности филиала — комплексное изучение проблем развития современной французской истории и культуры, а также обсуждение подготавливаемых к печати исследований, принадлежащих А. Н. Изергиной, Г. П. Морозову, И. И. Фроловой.

★

Созданию группы по изучению истории Германии предшествовало в 1955 г. несколько заседаний большого коллектива историков-германистов, заслушавших ряд научных лекций и докладов. Зародившаяся тогда идея о превращении подобных заседаний в регулярные привела к организационному возникновению в 1956 г. самой группы, научным руководителем которой является проф. А. С. Ерусалимский.

В состав группы входит около 90 специалистов, занимающихся историей Германии, из Москвы, Ленинграда, Одессы, Еревана, Горького, Ярославля и других городов. В их числе сотрудники Высшей партийной школы, Института марксизма-ленинизма, Академии общественных наук при ЦК КПСС, работники академических институтов, редакций журналов, профессора и преподаватели высших учебных заведений.

Основную свою задачу группа видит в объединении сил научных работников, исследующих историю Германии, для совместного изучения наиболее актуальных проблем немецкой истории, особенно истории ГДР. Несколько десятков докладов и сообщений, подготовленных членами группы, можно подразделить по трем основным проблемам, которые стоят в центре внимания группы.

К первой из них относится изучение историографии ГДР. Наиболее важные мероприятия группы в этом направлении были приурочены к празднованию 10-летия ГДР в 1959 г., 140-летия со дня рождения Ф. Энгельса в 1960 г. и 75-летия со дня рождения Э. Тельмана в апреле 1961 г., в связи с чем были заслушаны доклады А. С. Ерусалимского, И. С. Галкина, Е. А. Степановой, Хорста Бартеля (ГДР), К. Оберманна (ГДР), Я. Н. Линкова, Г. Н. Севастьянова, Д. С. Давидовича. Группа принимала активное участие в заседаниях, посвященных памяти А. Бебеля. С воспоминаниями об Августе Бебеле выступили академики А. М. Деборин и И. М. Майский; о материалах из архива Бебеля, хранящихся в ИМЛ, сделала сообщение И. М. Синельникова. По различным проблемам истории исторической науки и вопросам работы в архивах ГДР выступали в разное время С. П. Сурат, Г. Н. Горошкова, А. В. Гулыга и ученые из ГДР — академик Л. Штерн, Вальтер Бартель, С. Дёрнберг.

Другой важной проблемой, привлекшей внимание группы, явился круг вопросов, связанных с новейшей историей Германии. К 40-летию Ноябрьской революции группа совместно с сектором новейшей истории Института истории организовала широкую дискуссию о характере и движущих силах революции. В дискуссии приняли участие многие представители периферийных учебных заведений. Проблемы Ноябрьской революции обсуждались также на совместных заседаниях группы и Комиссии историков ГДР и СССР, где были заслушаны доклады академика Л. Штерна, В. Бартеля, Я. С. Драбкина. Интересные материалы по истории Германии 1933—1945 гг. представили Е. А. Бродский, Б. Н. Михалевский, Л. М. Лещинский, А. А. Галкин, О. М. Накропин. Вальтер Бартель, принимавший деятельное участие в организации антигитлеровского движения Сопротивления среди узников концлагеря Бухенвальд, выступил с докладом на широком собрании ученых, бывших узников фашистских концлагерей и представителей московской общественности.

Третьим, особенно важным направлением в работе группы является борьба с идеями западногерманского реваншизма и милитаризма в науке. С докладами и сообщениями о реакционной политике аденауэровского правительства, о развитии буржуазной историко-философской мысли и исторической науки в ФРГ выступали академик Л. Штерн («О некоторых направлениях в современной реакционной историографии ФРГ»), академик А. М. Деборин («Канцлер Аденауэр и неонацизм»), А. С. Ерусалимский, Т. И. Ойзерман, И. С. Кон, Г. Л. Розанов, Л. М. Лещинский, В. Т. Фомин.

Видное место в деятельности группы занимает участие в работе научных сессий

Комиссии историков СССР и ГДР. На совместных заседаниях комиссии и группы заслушивались сообщения академика Л. Штерна, Г. А. Деборина и Б. Г. Тартаковского. Группа содействовала укреплению научных контактов между историками братских государств социалистического лагеря. На заседаниях группы присутствовали многие ведущие немецкие исследователи, а также представители посольства ГДР. Труды группы переводятся на немецкий язык и печатаются в изданиях ГДР. Члены группы неоднократно направлялись в зарубежные научные командировки. Входящие в состав группы советские историки А. С. Ерусалимский и М. М. Смирин избраны членами-корреспондентами Немецкой Академии наук в Берлине.

Помимо написанного членами группы большого количества статей, помещенных в различных печатных изданиях, группой в целом опубликован ряд научных трудов: сборники «Из истории Германии нового и новейшего времени» (М. 1958), «Ноябрьская революция в Германии» (М. 1960) и другие.

В качестве программы деятельности на ближайшее будущее группа наметила изучение таких вопросов: история германского империализма и его особенности; экспансия германских монополий и создание Германией колониальной империи в конце XIX — начале XX в.; генезис капитализма в Германии; критика реакционной историографии ФРГ; проблемы истории германской внешней политики и дипломатии; изучение выдающегося наследия К. Либкнехта и Р. Люксембург. В задачу группы входит также дальнейшая активизация ее работы, организация планомерных комплексных научных исследований, привлечение большего числа периферийных историков к деятельности в составе группы, расширение и укрепление контактов с учеными Германской Демократической Республики.

★

Группа по изучению истории Испании была создана в июне 1957 года. Руководителем коллектива является академик И. М. Майский. В состав группы входят как историки, так и иные испанисты — экономисты, философы, географы, этнографы, писатели. Активное участие в работе группы принимают испанские и советские участники национально-революционной войны 1936—1939 гг. в Испании.

Группа ставит своей целью координацию работы советских испанистов в целях изучения коренных проблем испанской истории с древнейших времен до наших дней. За время своего существования группа провела 15 заседаний и организовала ряд важных научных дискуссий.

Одно из первых заседаний было посвящено обсуждению причин экономического упадка Испании в XVI—XVII вв. (доклад Э. Э. Литавриной). В дальнейшем работа группы сосредоточилась на разработке проблем новейшей истории Испании: 2 заседания были посвящены вопросам испанской истории 1917—1930 гг., 1 — периоду 1931—1936 гг., 7 — национально-революционной войне 1936—1939 гг., 4 — современной Испании.

В ознаменование 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции был заслушан и обсужден доклад Э. Н. Рапп-Лантарон «Некоторые вопросы влияния Великой Октябрьской социалистической революции на революционный подъем в Испании (1917—1920 гг.) и на образование компартии», в котором приводились новые факты о развитии революционного подъема в Испании и, в частности, об аграрном движении в 1917—1920 годах. Характер диктатуры Примо де Ривера освещался в докладе Хосе Гарсиа. Первому периоду испанской буржуазно-демократической революции был посвящен доклад Е. М. Тепера о восстании астурийского пролетариата в октябре 1934 года. Докладчик подробно остановился на разборе тактики Испанской социалистической рабочей партии накануне восстания, на создании единого пролетарского фронта в Астурии и его влиянии на ход октябрьских боев 1934 года.

Наибольшее внимание группа уделила разработке проблем гражданской войны в Испании 1936—1939 годов. Интерес к этой теме определялся как исключительной актуальностью уроков истории испанской войны для наших дней, так и наличием в составе группы ряда непосредственных участников самой войны. Группа получила возможность привлечь обширные, в том числе архивные, материалы для изучения этого периода испанской истории. Разработка данной проблематики началась с доклада К. Л. Майданика «Историография национально-революционной войны в Испании». Проанализировав основные направления историографии этого вопроса, К. Л. Майданик нарисовал картину крайне ожесточенной идеологической борьбы, которая и по-

ными ведется вокруг испанских событий 1936—1939 годов. Бывший офицер 12-й интербригады А. В. Эйснер сделал доклад об интернациональных бригадах в Испании. А. В. Эйснер отметил, что существующая по этому вопросу литература отрывочна и часто содержит ошибки фактического характера. Докладчик сообщил много нового об организации и составе бригад, об их героическом боевом пути.

Три заседания были посвящены борьбе испанских коммунистов против контрреволюционного переворота Касадо в марте 1939 года. С воспоминаниями выступили члены КПИ Ф. Сиутат, Сиприано Гонсалес, Санчес, В. Льянос, Талон, Пара, Молеро, Х. Саинс, Кордон и другие. Интересный доклад о деятельности Генерального военного комиссариата Испанской республики сделал генерал запаса И. Н. Нестеренко, находившийся в 1936—1937 гг. в Испании. Он осветил историю выступления кабальеристов против комиссариата в апреле 1937 г., а также провал их планов в результате того, что 17 мая 1937 г. было сформировано второе правительство Народного фронта во главе с Х. Негрином. На расширенном заседании с чтением неопубликованных глав своих воспоминаний о Народном фронте в Испании выступил писатель О. Г. Савич.

Группа организовала просмотр кинодокументов из Центрального кино-фото-фоноархива о национально-революционной войне и оказала помощь работникам архива в систематизации испанских материалов. Ряд фотодокументов был использован для иллюстрирования подготовленного группой сборника статей.

Вопросы разоблачения современного франкистского режима также стояли в центре внимания группы. Луис Арана, сравнительно недавно вернувшийся из Испании, сделал сообщение об экономическом и политическом положении страны. С сообщением о современной Испании выступил также Е. В. Ковалев, совершивший в сентябре 1958 г. поездку в Испанию. Посетивший Уругвай Хосе Гарсиа рассказал о своих встречах с испанскими эмигрантами в Монтевидео.

Специальное заседание группы было посвящено обсуждению проблем аграрного строя франкистской Испании. В основу обсуждения были положены материалы состоявшегося в сентябре 1957 г. пленума ЦК КПИ, принявшего новую аграрную программу КПИ для современного этапа антифранкистского движения. Доклад об аграрных отношениях во франкистской Испании сделал Е. В. Ковалев.

Разоблачению реакционной сущности политики и идеологии католического общества «Opus dei», которое за последние годы стало играть крупную политическую роль в Испании, был посвящен доклад Х. Дауро.

Члены группы приняли также участие в организованной Компартией Испании теоретической конференции о монополистическом капитале и национальном вопросе в современной Испании.

Большое место в работе группы занимает подготовка к изданию научных исследований и воспоминаний: в 1959 г. вышел из печати сборник статей «Из истории освободительной борьбы испанского народа»; в 1960 г.— сборник «Проблемы рабочего и антифашистского движения в Испании».

Перед советскими специалистами стоит сложная задача написания научной истории испанской революции 1931—1939 годов. Разработка проблем этого периода явится в ближайшие годы одним из важнейших направлений в работе испанской группы. Вместе с тем было решено уделять в дальнейшем больше внимания вопросам средневековой и новой истории Испании. Начата подготовка к изданию сборника статей по проблемам испанской экономической истории.

★

Группа по изучению истории Англии действует около 6 лет. Созданная по инициативе сектора истории средних веков, она работала первоначально под руководством академика Е. А. Косминского над различными проблемами средневековой истории Англии. С 1956 г. в состав группы вошли специалисты по новой и новейшей истории. В связи с этим расширилась и тематика докладов, охватившая всю историю Англии.

Группа проводит как пленарные заседания, так и заседания по секциям (медиевистики, новой и новейшей истории). С 1960 г. ею руководит академик И. М. Майский. В настоящее время в группу входит более 60 специалистов по истории Англии из ИМЛ при ЦК КПСС, Института истории, МГУ, ИМО, Института мировой экономики и международных отношений, педагогических институтов, редакций журналов и газет Москвы, Ленинграда, Горького, Ярославля, Калинина, Перми и других городов. В 1956 г. состоялась встреча членов группы с известным английским историком Чарлзом Уэбстером. Советские историки рассказали о

своих работах и планах; Ч. Уэбстер поделился опытом работы английских историков и ответил на многочисленные вопросы. Группа заслушала и обсудила ряд интересных докладов. В докладе «Абсолютизм Тюдоров в новейшей английской историографии» В. Ф. Семенов дал марксистский анализ классовой природы английского абсолютизма. В докладе «Проблема первоначального накопления в Англии в трудах советских историков» В. М. Лавровский остановился на вкладе в изучение вопросов генезиса капитализма, сделанном учеными СССР. Н. П. Дмитревский («Проблема разделения властей в памфлетной литературе периода Английской буржуазной революции XVII века») привлек ряд интересных материалов о политических концепциях времен Английской революции и сопоставил их с теориями идеологов нарождавшейся буржуазии в европейских странах периода позднего феодализма.

В докладе Н. А. Ерофеева «К вопросу о хронологических рамках промышленного переворота» рассматривалась периодизация и была дана характеристика этапов экономической истории Англии XVIII—XIX веков. Если буржуазные историки, отождествляющие промышленный переворот с техническим, считают, что он завершился в конце XVIII в., то историки-марксисты подчеркивают социальную сторону промышленного переворота и доказывают, что его завершение относится к значительно более позднему периоду; Н. А. Ерофеев выдвинул аргументы в пользу того, что эта дата приходится на середину XIX века.

Академик И. М. Майский («Проблема второго фронта в англо-американской историографии»), опираясь на многочисленные произведения публицистического, мемуарного и других жанров, проследил отношение различных кругов в Англии и США к проблеме второго фронта и подверг резкой критике работы реакционных авторов и политических деятелей Запада, фальсифицирующих историческую действительность.

С. Мадзаевский выступил с докладом «Современная колониальная политика Англии», вызвавшим большой интерес. Докладчик подробно охарактеризовал социально-экономическое и политическое положение различных частей Британской империи после второй мировой войны; особое внимание было уделено проблеме взаимоотношений переселенцев из метрополии с коренными жителями доминионов и колоний.

В ближайшие планы группы входит разработка наиболее актуальных проблем истории Англии, борьба с реакционной буржуазной идеологией и ее проявлениями в современной историографии.

★

Работой группы по изучению истории Италии руководит бюро во главе с академиком С. Д. Сказкиным. Она создана в 1957 г. и является постоянным добровольным объединением советских италоведов. Группа направляет и координирует разработку вопросов истории Италии в нашей стране, устанавливает научные контакты с итальянскими прогрессивными историками, оказывает научную помощь молодым специалистам по истории Италии. В состав группы входят 35 историков Москвы, в том числе 10 научных сотрудников Института истории АН СССР, а также италоведы из Киева, Харькова и Риги.

Группа является коллективным членом общества «СССР — Италия», что облегчает установление контактов с итальянскими историками и прогрессивными политическими деятелями.

Основными формами работы группы являются постановка и обсуждение научных докладов по различным проблемам истории Италии периода средних веков, нового и новейшего времени, а также публикация докладов в тематических сборниках, один из которых уже вышел в свет в 1960 г. («Из истории трудящихся масс Италии»), что было отмечено журналом «Studi storici» (1961, № 1), издаваемым в Италии Институтом Грамши.

Проблематике средних веков были посвящены доклады А. Э. Штекли «Кампанелла и инквизиция», Л. С. Чиколини «Социальная утопия в Италии XVI в. и Кампанелла», А. Х. Горфункеля «Новые данные о Джордано Бруно». Совместно с сектором средних веков была проведена дискуссия о периодизации эпохи Возрождения, в которой приняли активное участие историки и искусствоведы Москвы, Ленинграда, Харькова и Риги.

Последние два года в центре внимания группы стояли проблемы новой истории Италии в связи со 100-летием объединения страны. На заседаниях группы, а также в обществе «СССР — Италия» были заслушаны и обсуждены доклады об итальянском Рисорджименто (В. С. Бондарчук «А. Грамши и проблемы Рисорджименто» и «Утопический социализм и концепция итальянской

революции в работах К. Пизакане»; З. М. Цыпкина «А. И. Герцен и деятели итальянского революционного движения 50-х годов»; В. Е. Невлер «Дж. Гарибальди и русское общество»; З. М. Потапова «Русско-итальянские литературные связи в период Рисорджименто»). Той же проблеме посвящены сборник документов «Отклики в России на объединение Италии» (редакторы академик С. Д. Сказкин и К. Ф. Мизиано) и сборник статей «Объединение Италии», подготовленные к печати членами группы.

Группа приняла активное участие в двух исторических конгрессах, проведенных в Италии и посвященных 100-летию объединения страны. В 1960 г. на конгрессе в Риме сделал сообщение о русско-итальянских связях в эпоху Рисорджименто член-корр. АН СССР В. М. Хвостов. Академик С. Д. Сказкин и К. Ф. Мизиано приняли участие в работе международного конгресса в Палермо (апрель 1961 г.), посвященного 100-летию легендарного похода гарибальдийской «тысячи». Выступление С. Д. Сказкина и сообщение К. Ф. Мизиано об откликах в России на поход Гарибальди и участии в нем русских людей вызвали большой интерес среди делегатов конгресса.

При разработке новейшей истории Италии основное внимание было уделено вопросам рабочего и революционного движения. Группа заслушала доклады И. В. Григорьевой «К вопросу о распространении влияния бакунизма в итальянском рабочем движении (70-е годы XIX в.)» и Е. А. Амбарцумова «Итальянское социалистическое движение на современном этапе», а также приняла активное участие в подготовке объединенной научной сессии ИМЛ и АОН при ЦК КПСС и Института истории АН СССР, посвященной 40-летию Итальянской коммунистической партии[6]. К этой сессии силами группы были подготовлены доклады К. Ф. Мизиано и Б. Р. Лопухова «Образование Итальянской компартии», Г. С. Филатова «Руководящая роль ИКП в движении Сопротивления», Н. П. Комоловой «Борьба ИКП за союз рабочего класса и крестьянства».

Важное место в работе группы занимало изучение истории Италии между двумя мировыми войнами (доклады Б. Р. Лопухова «История возникновения и прихода фашизма к власти в Италии» и П. А. Лисовского «К вопросу о кризисе фашистского режима в 1943 г.»). Были проведены специальные заседания группы, посвященные 14-й и 15-й годовщинам народного восстания 25 апреля 1945 г., и заслушаны доклады Г. С. Филатова «Мемуарная литература об итальянском движении Сопротивления» и «Концепция второго Рисорджименто в итальянской историографии». С воспоминаниями о движении Сопротивления выступали итальянские партизаны Дж. Сербандини, Дж. Манцон, а также советские товарищи О. Курбан-Ниязов и А. Б. Гиоев (от Советского комитета ветеранов войны).

Группа стремится устанавливать и расширять контакты с итальянскими прогрессивными историками, прежде всего с Институтом Грамши в Риме, который является научным центром, объединяющим итальянских историков-марксистов, а также прогрессивных буржуазных историков. Был организован ряд встреч и собеседований с видными итальянскими учеными: с Дж. Канделоро, Р. Батталья, Ф. Ферри и Ф. Вентури — о состоянии исторической науки Италии; с руководящими деятелями ИКП Джанкарло Пайетта, Марио Аликата, Дж. Амендола, Лучано Группи — по вопросам современного политического положения в Италии и рабочего движения. Член руководства ИКП Эмилио Сереии сделал интересный доклад о положении крестьян и классовой борьбе в современной итальянской деревне. Содержательными были встречи с деятелями Итальянской социалистической партии Л. Лидзадри, Л. Бассо, Р. Ломбарди.

В ближайшие годы группа предполагает по-прежнему изучать проблемы итальянского рабочего и антифашистского движения, современной итальянской историографии, а также разрабатывать совместно с прогрессивными итальянскими историками вопросы русско-итальянских и советско-итальянских связей. Группа надеется принять участие в работе предстоящего конгресса Института Грамши по проблемам истории Италии периода фашистской диктатуры.

Г. С. Кучеренко,
И. И. Сиволап,
С. А. Лотте,
Б. М. Туполев,
Л. В. Пономарева,
А. Г. Судейкин,
Н. П. Комолова

[6] Материалы сессии опубликованы в сборнике «40 лет Итальянской коммунистической партии». М. 1961.

Хроникальные заметки

◆ Вышел в свет «Тематический обзор документальных материалов Государственного архива Омской области по восстановлению народного хозяйства в Омской губернии (1919—1925 гг.)», изданный архивным отделом УВД облисполкома совместно с облгосархивом. В нем описаны 34 основных фонда архива: исполкомов губернского и городского Советов, статистического управления, фабрик, заводов, предприятий торговли, учреждений культуры и науки. Во введении дана общая характеристика развития промышленности, приводятся таблицы, характеристики документальных материалов и справочного аппарата. В разделе «Культура, просвещение, наука» названо, в частности, письмо венгерского культпросветотдела за подписью Ярослава Гашека.

◆ Главным архивным управлением при Совете Министров СССР в 1960 г. получен из ФРГ микрофильм писем русских деятелей Г. Ф. К. Штейну (1757—1831). В микрофильм включены письма М. И. Кутузова, статс-секретаря по иностранным делам И. Каподистрии, русских дипломатов В. П. Кочубея и М. Ф. Орлова и других. Письма И. Каподистрии за 1814—1815 гг. касаются переговоров Александра I с союзниками во время Венского конгресса и вскоре после него, позиции Англии и Австрии, не желавших усиления России и заключивших союз между собой. В письмах И. Каподистрии за 1822—1829 гг. говорится о тяжелом положении греческого народа и его борьбе за национальное освобождение. Переписка В. П. Кочубея со Штейном за 1813—1816 гг. связана в основном с деятельностью созданного в 1813 г. по инициативе Пруссии и России Центрального совета, который руководил борьбой германских князей против Наполеона. В некоторых письмах имеются сведения о переговорах министра иностранных дел России К. Нессельроде с английской и австрийской сторонами накануне Венского конгресса, об отношениях России с Германией, об интригах Талейрана, о причинах поражения Наполеона и целесообразности восстановления Бурбонов во Франции и др. Переписка со Штейном М. Ф. Орлова и его жены (урожденной Раевской) за 1812—1820 гг. отражает военные и политические события того времени, в том числе переговоры Александра I с союзниками в Париже, совещания русских дипломатов с представителями Англии, Австрии и Пруссии и т. д. Большой интерес представляют письма будущего декабриста Н. И. Тургенева, который был тогда представителем России в созданной в Германии Центральной комиссии по управлению областями, оккупированными союзниками. В микрофильм включены также письмо Штейну генерал-интенданта Канкрина от 9 марта 1815 г. и письмо последнего Дансу от 27 июня 1815 г., в котором излагается позиция союзников и России при заключении Парижского мира. Указанные материалы представляют интерес для изучения истории дипломатии и международных отношений первой трети XIX века.

◆ В Кокчетавском областном государственном архиве хранятся тысячи ценнейших документов: о работе уездного и волостных ревкомов, исполкомов Советов киргизских и казачьих депутатов в селах и аулах; о деятельности общественных организаций, комбедов, кресткомов, союза Кошчи. Архив имеет сведения об организации колхозов и совхозов, о деятельности комитетов помощи больным и раненым, инвалидам и их семьям, о культурно-массовой работе на селе и в ауле. Здесь же хранится комплект газеты «Красный пахарь», органа Кокчетавского укома РКП(б) и Кокчетавского уисполкома за 1921 год.

◆ В 1961 г. отряд ученых Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР провел большую работу по сбору юридических документов и наскальных надписей в Старой Матче и Айни. За два месяца отряду удалось собрать более 500 восики (купчая о купле и продаже земли, воды, построек) и ярлыков (приказы о назначении на какую-нибудь должность того или иного лица). Все найденные документы уникальные. Один из них представляет собой не что иное, как список 98 дехканских хозяйств и мечети с точным указанием количества пахотной земли каждого хозяйства (в начале XX века). Интересен документ под названием «дафтари улпонпули» (тетрадь налогов), где помещен список жителей нескольких кишлаков Айнинского района: Урмитан, Дар-Дар, Кум и Вишканд — с перечислениями налогов. Десять документов, относящихся к XVII в., помогли узнать, что в конце XVII в. Матча и Фальгар (Айнинский район) подчинялись одному шахству. Почти все документы, найденные в 1961 г., принадлежат к XVI—XIX векам. Они раскрывают новые страницы средневековой истории не только Таджикистана, но и Средней Азии. Другие ценные исторические находки — наскальные надписи. В 1961 г. удалось обнаружить более 100 наскальных надписей с различным содержанием. Обнаружена надпись Бабура — основателя империи Великих Моголов в Индии. Это уже третья надпись с именем Бабура. За три года сектором истории средних веков Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР собрано около 1 500 документов, относящихся к XV — началу XX в., и более 200 наскальных надписей. Изучение этих документов откроет новые страницы в средневековой истории таджикского и других народов Средней Азии.

◆ На очередном заседании Омского отдела Всесоюзного географического общества демонстрировались снимки, сделанные с самолета на Иртыше, в районе Тобольска. На снимках видны очертания остатков столицы Кучумова царства — крепости Искер — и контуры «Царева городища», существование которого до сих пор считалось легендой о трудолюбии первых сибирячек, которые якобы насыпали городище, прино-

ся горсти земли. Летчикам удалось обнаружить следы древних сооружений благодаря тому, что растительность, покрывающая развалины, которые с земли невозможно заметить, резко контрастирует с окружающим зеленым ландшафтом, как бы воссоздавая план исчезнувших поселений.

◆ «Краткая беседа милости с истиною» — так называется издание петровской эпохи, найденное ленинградскими историками в фондах рукописного отдела библиотеки Академии наук СССР. Это одна из первых книг, выпущенных Петербургской типографией. Она датирована 1712 годом. Автор ее — Андрей Христофорович Белобоцкий, философ и поэт, бежавший из Польши в Москву от преследования иезуитов и принявший русское подданство. Книга написана в виде стихотворного диалога и касается морально-философских проблем. Есть основания предполагать, что почти весь ее тираж был уничтожен Синодом. Дошедший до нас экземпляр представляет собой рукописный список с печатного издания, сделанный в 1737 г. рукой Андрея Богданова — историка Петербурга, библиотекаря Академии наук.

◆ Центральный государственный архив кино-фото-фонодокументов пополнился новыми ценными коллекциями редких фотографий. Одна из них — собрание снимков фотографа Д. Ермакова. Более 2 700 его снимков посвящены Закавказью, и в частности Грузии. В коллекции имеется множество снимков с текстами древнегрузинских надписей, часть которых не сохранилась до наших дней. Интересны фотографии людей и жилищ того времени (1876—1916 гг.).

◆ Сто тринадцатью рукописями пополнился в 1961 г. фонд Матенадарана — Научно-исследовательского института древних рукописей при Совете Министров Армянской ССР. Они относятся к X—XIX вв. и посвящены теологическим, ритуальным, научно-историческим темам. Одна из средневековых рукописей содержит 150 армянских басен; имеется ценная рукопись армянского перевода «Метафизики» Аристотеля, выполненного с латинского языка в 1675 г. Степаносом Лехаци. Среди новых поступлений — труды древних армянских историков, врачей, космографов, философов, математиков, которые воспроизводят картину торговых, экономических и культурных связей между народами, показывают воззрения, научные взгляды людей давно минувших времен. В настоящее время в сейфах и специальных шкафах этой уникальной библиотеки хранятся 10 836 древних рукописей, в том числе 10 103 — армянских, а 733 — арабских, персидских, греческих, грузинских, старославянских, латинских, древнееврейских и других.

◆ В сентябре 1961 г. на территории Молдавии у села Карбуна, Чимишлийского района, был открыт богатейший клад вещей раннего триполья, среди которых сотни предметов из самородной красной меди. В Карбунском кладе 844 предмета: два каменных и два кованных из меди топора, 30 штук различных по размерам и форме антропоморфных статуэток из медных пластин, две медные дисковидные пластины с выбитыми точками крестообразными лучами, возможно, изображающими солнце, культ которого у земледельческих народов востока и юго-запада Средиземноморья был распространен со времен глубокой древности. Наибольшее количество вещей Карбунского клада — это женские украшения. Найденные вещи принадлежали, по-видимому, родоплеменному вождю, который, как это видно из атрибутов культового характера, выполнял и функции колдуна, жреца. Накопление в одних руках таких ценностей свидетельствует о появлении имущественного неравенства у ранних трипольцев. Примечательно также и то, что среди всего вещевого комплекса, довольно многочисленного, нет предметов боевого, военного назначения, тогда как в более позднее время, в эпоху бронзы, наличие оружия в кладах — обычное явление. Огромное значение Карбунского клада заключается еще и в том, что он позволяет на основе фактического материала более определенно говорить о балкано-средиземноморском происхождении трипольской культуры.

◆ Летом 1961 г. в районе Ржищева украинские археологи произвели раскопки двух древнерусских городов. Обнаружены руины древнего городища Чючин, где хорошо прослеживается система фортификационных укреплений, состоящих из двух поясов городен (скрепленные бревенчатыми клетями земляные валы). Сохранились части обгорелых деревянных домов, глинобитные печи. Найдены также предметы труда, домашнего обихода, оружие, женские украшения. Большой интерес представляют раскопки Путивльского Кремля — княжеского двора Игоря Святославовича. В 1961 г. закончены исследования остатков дворцового храма — уникального памятника древнего русского зодчества. В 12 погребах обнаружены орнаментированная керамическая посуда, женские украшения, оружие, сбруя, железные хозяйственные предметы. Архитектурные памятники, предметы труда и быта, найденные археологами, свидетельствуют о самобытной культуре местного населения, высоком уровне земледелия, скотоводства и ремесел.

Обзоры и рецензии

ИЗ ИСТОРИИ ДРУЖБЫ И БРАТСТВА НАРОДОВ СССР И ЧЕХОСЛОВАКИИ

Одним из важнейших этапов в истории народов Чехословацкой Социалистической Республики является их борьба за освобождение страны от фашистских оккупантов в годы второй мировой войны. «Подлинная история показывает, что наиболее крупных успехов наш народ добился именно тогда, когда он опирался в своей борьбе на помощь и поддержку трудящихся других стран,— писал пражский журнал «Tvorba».— Поэтому важной задачей историков является воспитание и укрепление у наших трудящихся чувства пролетарского интернационализма, глубокого понимания необходимости прочного и нерушимого единства международного рабочего движения, могущества и силы социалистического лагеря, возглавляемого Советским Союзом»[1]. Следуя этому призыву, чехословацкие историки и публицисты выпустили за последние годы ряд интересных книг[2], в которых обстоятельно рассказывается о братской помощи и поддержке, оказанной Советским Союзом народам Чехословакии в годы войны против германского фашизма и в послевоенный период, а также сборников документов о советско-чехословацкой дружбе и сотрудничестве. Среди них привлекает внимание сборник «На помощь чехословацкому народу. Документы о чехословацко-советской дружбе в 1938—1945 гг.»[3]. Его составитель и автор предисловия — чехословацкий историк Честмир Аморт, активный участник партизанской борьбы против немецко-фашистских оккупантов, написавший ряд работ о национально-освободительном движении чехов и словаков в годы второй мировой войны, о советско-чехословацкой дружбе.

Отличительная черта сборника состоит в том, что он содержит по сравнению с ранее опубликованными книгами бо́льшее количество документов о советско-чехословацких отношениях, дружбе и взаимопомощи в период войны. Ч. Аморт и научный редактор тома В. Крал проделали значительную работу по отбору материала. В книгу включено 324 документа из фондов Чехословацко-советского института при ЧСАН, архивов ЦК КПЧ, Института истории КПЧ, президента республики, министерств внутренних и иностранных дел, Государственного центрального архива и Военно-исторического архива. Широко использованы также материалы советских архивных фондов. Сборник в отличие от предыдущих подобных изданий, на которых лежал отпечаток культа личности, показывает прямое участие в политической, дипломатической, экономической и военной деятельности весьма широкого круга партийных, государственных и общественных работников. Довольно полно использованы записи, дневники, статьи видных чехословацких деятелей. Книга снабжена справочным аппаратом, указателем имен и источников, схемами и картами боевых операций советских и чехословацких войск на территории Чехословакии в 1944—1945 гг., рядом редких фотоснимков.

Центральной идеей, пронизывающей всю книгу, является тезис о прочном союзе и вечной дружбе народов ЧССР и СССР.

---

[1] «Tvorba», 1959, № 37, str. 871.

[2] См. их характеристику в обзоре Я. Беранека «Изучение в ЧССР за последние годы истории второй мировой войны» («Вопросы истории», 1961, № 11, стр. 205—209).

[3] Č. Amort. Na pomoc československému lidu. Dokumenty o československo-sovětském přátelství z let 1938—1945. Praha. ČSAV. 1960. 519 str., přílohy, mapy.

Эта славная дружба, отмечается в предисловии, «является частью их патриотизма, национальной истории и тесно связана с их борьбой против иностранного ига, против буржуазии и фашизма. С дружбой с русским народом связано национальное освобождение чехов и словаков. С победой русского пролетариата в Великой Октябрьской социалистической революции связано возникновение самостоятельного чехословацкого государства. А с победой народов Советского Союза в Великой Отечественной войне непосредственно связано и рождение новой Чехословакии, народно-демократического государства» (стр. 5). В материалах сборника, расположенных в хронологическом порядке, раскрыта позиция СССР в 1938 г., когда резко возросла угроза независимости Чехословакии со стороны гитлеровской Германии, и показано решающее значение советской помощи народам Чехословакии в годы фашистской оккупации страны и начала социалистического строительства в послевоенный период.

Из документов 1938 г. явствует, что Советский Союз без колебаний готов был выполнить свои союзнические обязательства по отношению к Чехословакии. Во время беседы с главным редактором газеты «Rude Právo» и членами рабочей делегации Чехословакии (сентябрь 1945 г.) Н. С. Хрущев подтвердил, что у Советского правительства накануне Мюнхена все было готово для оказания военной помощи Чехословакии (стр. 495). Ряд материалов свидетельствует о неутомимой деятельности Н. С. Хрущева в период Великой Отечественной войны, о важной роли, которую сыграли в истории сформированной в СССР чехословацкой воинской части крупные советские военачальники (стр. 264, 267, 274 и др.).

Документы сборника хорошо отражают боевой путь этой части. Чехословацкие воины приняли участие в боях на Воронежском, I Украинском и IV Украинском фронтах. Помогая Советской Армии, чехословацкие воины тем самым ревностно служили делу разгрома гитлеровского блока и приближали час освобождения своей родины. В этой патриотической деятельности они опирались на братскую помощь советского народа. Под Киевом была создана школа по подготовке руководителей партизанских отрядов для Чехословакии. Эти отряды получали вооружение, снаряжение, боеприпасы. Их снабжение обеспечивали 30 скоростных самолетов. В конце февраля 1945 г. ими было переброшено для партизан 23 т оружия и взрывчатки. По просьбе ЦК КПЧ Украинский штаб партизанского движения выслал своих представителей для координации действий наступающих частей Советской Армии и чехословацких партизан (стр. 109—110). Народы Чехословакии выражали горячую признательность советским людям. Это нашло отражение в письме ЦК КПЧ Н. С. Хрущеву с благодарностью ЦК КП Украины за помощь партизанскому движению в Чехословакии и в других документах (стр. 436—437, 468—469).

Многие документы сборника свидетельствуют о бескорыстной помощи советского народа Чехословакии в период ее непосредственного освобождения. В свою очередь, чехи и словаки оказывали всяческое содействие наступающим советским войскам, проявляли заботу о советских людях.

«Советская Армия ушла,— говорится в предисловии к сборнику,— но результаты ее героизма, ее жертв, ее братской помощи остались на века. Чехословацкий народ навсегда останется свободным... избавленным от капиталистической эксплуатации. Советский Союз, разгромив гитлеровских фашистов и освободив Чехословакию, спас ее народы от физического уничтожения, обеспечил им свободную и радостную жизнь и открыл путь в еще более сияющий завтрашний день, путь к социализму и коммунизму» (стр. 132). Эти знаменательные слова как бы подытоживают документированную летопись дружбы и братства ЧССР и СССР.

Материалы сборника дают резкий отпор попыткам буржуазных историков и публицистов извратить и фальсифицировать историю второй мировой войны, исказить внешнюю политику Советского Союза по отношению к странам Восточной Европы, разоблачают ложь врагов мира и социализма, стремящихся обвинить Советский Союз в проведении политики «диктата» по отношению к государствам народной демократии и призывающих к «освобождению» Восточной Европы. Сборник наглядно показывает, кто принес свободу народам Чехословакии и кто является их подлинным другом, еще раз напоминает о боевом содружестве социалистических стран, их единстве, сплоченности, готовности постоять за свою независимость, за великие достижения социализма.

Рецензируемый сборник является существенным вкладом в освещение и разработку вопросов становления и укрепления единства и сплоченности всех стран социалисти-

ческого лагеря, советско-чехословацкого сотрудничества и дружбы.

Эта дружба ныне возросла и окрепла. Народы ЧССР, вдохновленные замечательными перспективами счастливого будущего, прилагают все усилия к тому, чтобы и в Чехословакии [4] уже нынешнее поколение людей жило при коммунизме.

Ф. П. Петров

[4] «Život strany», 1962. № 1, str. 3.

Л. САЙЯН. *Всемирная федерация профсоюзов на службе трудящихся всех стран.* М. Профиздат. 1960. 151 стр. Тираж 5 000. Цена 27 коп.

Имя Луи Сайяна, генерального секретаря Всемирной федерации профсоюзов (ВФП), хорошо известно трудящимся всего земного шара. Выступая в Москве на V Всемирном конгрессе профсоюзов, Л. Сайян дал характеристику деятельности ВФП за последние четыре года и ее борьбы на «благо международного рабочего класса..., за его коренные интересы..., в целях координации в международном масштабе массовых кампаний и выступлений за мир и разоружение, против агрессивных происков империализма в Азии, на Среднем Востоке, в Латинской Америке, против гонки вооружений и германского милитаризма» [1]. Рецензируемая книга, охватывающая более длительный период, содержит анализ работы ВФП с момента ее возникновения, освещает поучительную историю этой международной организации трудящихся. Автор прослеживает этапы развития ВФП, начиная с Лондонской конференции и I (Парижского) конгресса 1945 г. и кончая 1960 годом. Рассказывая о создании ВФП, Л. Сайян подчеркивает, что она появилась на свет как детище единства трудящихся в их борьбе против фашизма и сразу стала весьма представительной организацией. Уже на Парижском конгрессе было представлено 67 млн. членов профсоюзов из 56 стран.

Борьба ВФП за улучшение экономического положения рабочего класса, за его демократические права и свободы, за прочный и длительный мир, против фашизма и войны снискала ей доверие многих десятков миллионов трудящихся, высоко подняла ее авторитет. ВФП добилась признания как международная организация с консультативным статутом категории «А», что дало ей право вносить для разбора в Экономический и Социальный совет ООН свои вопросы и выступать там в защиту собственных предложений. Специальные комиссии ВФП, действовавшие в ряде стран капиталистического лагеря (Япония, ФРГ, Греция, Иран и др.), способствовали созданию единых демократических профсоюзов, организовывали массовые кампании международной солидарности трудящихся. В 1951 г. в ВФП числилось более 78 млн. членов. Как известно, на сегодняшний день она насчитывает в своих рядах уже свыше 107 млн. рабочих пяти континентов.

С первых дней существования ВФП ей пришлось вести упорную борьбу с международной реакцией и агентурой империализма в рабочем движении, против саботажа мероприятий ВФП лидерами Британского конгресса тред-юнионов и Американской федерации труда, против подстрекательской политики руководства Международной конфедерации свободных профсоюзов. Учитывая опыт истории, помня о том, как накануне второй мировой войны врагам единства рабочего класса удалось расколоть его, ВФП строит всю свою деятельность на основе сплочения рабочих масс, укрепления их солидарности, повышения их организованности и сознательности.

Интересны страницы книги, посвященные истории Красного Профинтерна. Л. Сайян убедительно доказывает, что в отличие от Международной федерации профсоюзов и секций Амстердамского Интернационала Профинтерн за 14 лет своего существования сумел добиться очень многого, успешно содействовал укреплению единства действий рабочих всех стран (стр. 17—32). Автор уделяет большое внимание ВЦСПС, показывает его выдающиеся заслуги перед международным пролетарским движением, подчеркивает огромное значение опыта ВЦСПС для организации работы профсоюзов в других социалистических государствах, а также в странах капиталистического лагеря.

Особое место занимает в книге рассказ о

[1] «Известия», 4 декабря 1961 года.

борьбе ВФП за ликвидацию позорной колониальной системы, за быстрое экономическое развитие молодых государств Азии и Африки. Нельзя не согласиться с выводом автора о том, что ныне «профсоюзное движение всех свободных наций объединено... во Всемирной федерации, которая авторитетно выступает от имени рабочего класса всего мира» (стр. 45).

Л. Сайян приводит факты, убедительно свидетельствующие о том, что работа внутри ВФП строится на принципах полной демократии, что национальные организации, входящие в нее, действуют в тесной связи, оказывают друг другу большую помощь, крепят пролетарскую солидарность. Книга Луи Сайяна ярко освещает крупную роль ВФП в истории современного рабочего класса, учит, что рабочее движение станет несокрушимым, если будет создан общий фронт борьбы за жизненные интересы трудящихся, за демократию и социальный прогресс, за всеобщий мир и национальную независимость, за торжество идеалов счастливого будущего народов земного шара и уничтожение цепей колониализма и капиталистической эксплуатации.

В. Г. Чумаченко

O. P. SANTOS. *El Imperialismo Norteamericano en la Economía de Cuba.* La Habana. «Editorial Lex». Año de la reforma agraria (1960). 101 p.

О. П. САНТОС. *Североамериканский империализм в кубинской экономике*

За последние годы появилось несколько работ кубинских авторов, освещающих историю превращения Кубы в полуколонию американского империализма[1]. Среди них заметное место занимает рецензируемая книга. Ее автор, Оскар Пино Сантос, один из видных специалистов по истории кубинской экономики, сумел последовательно проследить процесс внедрения в местное хозяйство североамериканского капитала и убедительно показать трагические последствия этого явления для народных масс Кубы. Эпиграфом книги служит знаменитый призыв из выступления Фиделя Кастро: ¡ Cuba sí, Yanquis no!

В предисловии О. П. Сантос останавливается на некоторых важнейших преобразованиях, осуществленных кубинской революцией, особенно на аграрной реформе, временем проведения которой датирована и сама книга. Изложение текста также доведено до событий, непосредственно предшествовавших выходу книги в свет. Таким образом, основанная на новейших статистических данных работа О. П. Сантоса содержит весьма свежий материал.

Автор рассматривает первые шаги американского империализма на Кубе, проникновение его в местную торговлю, кредитно-финансовое дело и землевладение. Особенно интересны страницы, на которых освещается связь монополий США с кубинской «феодальной элитой» (стр. 49—68), являвшейся главной социальной базой контрреволюции. Начало активной американской экономической экспансии на Кубу О. П. Сантос справедливо связывает с утверждением на острове режима американской военной оккупации в 1898—1902 гг. и принятием к кубинской конституции 1901 г. так называемой «поправки Платта», санкционировавшей интервенцию США, а также с заключением в 1902 г. кабального американо-кубинского торгового договора, после чего порабощение местной экономики иноземными монополиями резко усилилось.

За короткое время финансовая олигархия США экспортировала на Кубу огромные капиталы. Если в 1903 г. сюда было ввезено 98 млн. песо, то в 1928 г. ввоз капитала достиг 1 505 млн. песо, из них около 800 млн. было вложено в сахарную промышленность (стр. 21). Монополии США превратили Кубу в свою «сахарницу», в результате чего экономика страны получила односторонее развитие и стала довольно неустойчивой. Отныне судьбы кубинских тружеников полностью зависели от сбыта их продукции на сахарном рынке США. В период с 1946 по 1955 г. производство сахара приносило в среднем 30% национального дохо-

[1] F. Figueros. Cuba y su evolucion colonial. 1959; S. Guerra. Azucar y poblacion en los Antilles. 1961, etc.

да, причем значительная часть последнего утекала за пределы страны. Восемь главных американских компаний, распоряжавшихся сентралями (сахарными предприятиями) и имевших около 52 млн. песо капиталовложений, получили с 1935 по 1957 г. более 265 млн. песо дохода (стр. 24); с 1946 по 1955 г. иностранные, преимущественно американские, монополии выкачали из Кубы свыше 638 млн. песо чистой прибыли.

Свое господство на Кубе капиталисты США утверждали через банки. После ликвидации в 1921 г. Национального банка финансовая система страны оказалась под контролем нью-йоркских «Ферст Нэшнл бэнк», «Чейз Манхэттен бэнк» и бостонского «Ферст Нэшнл бэнк». Та же картина наблюдалась в кубинской деревне: американская «Кубэн Атлантик шугар компани» владела 18 510 кабальерий * земли, «Хулио Лобо» — 13 900 каб., «Кубэн третинг» — 13 300 каб., «Кубэн Американ шугар милз» — 10 720 каб., «Юнайтед фрут компани» — 8 200 каб. и т. д. 28 компаний США обладали 83% площади, занятой под сахарным тростником (около 23% пашни; стр. 53). В результате наметилось монокультурное развитие хозяйства; Куба стала ввозить необходимое ей оборудование, промышленные товары и даже продовольствие; жизненный уровень трудящихся оказался крайне низким.

О. П. Сантос показывает, сколь неравноправными были так называемые «обоюдные» торговые договоры с США периода 1902—1934 гг.: их итогом явилось превращение Кубы в придаток американской промышленности. Особую роль в этом сыграла таможенная реформа 1927 г., создавшая привилегированный торговый режим для товаров США. Полуколониальная Куба была не в состоянии обеспечить занятость трудящихся. В 1957 г. постоянную работу имело лишь 65% самодеятельного населения, да и то за гроши: 62% тружеников получали ежемесячно менее 75 песо.

Кардинальные перемены произошли на острове с началом революции. Были национализированы американские банки и предприятия, проведена аграрная реформа, навсегда покончено с экономической зависимостью страны от монополий США. Революционная Куба быстро развивает свою национальную экономику, руководствуясь генеральным планом роста народного хозяйства, и добилась уже значительных успехов.

Сравнительно небольшой объем книги не позволил автору дать развернутый анализ процесса захвата кубинской экономики монополиями США. Тем не менее приходится сожалеть, что последнему десятилетию автор уделил меньше внимания, чем предыдущей эпохе. Недостаточное внимание обращено в книге и на ту существенную помощь, которую оказали революционной Кубе ее многочисленные друзья, в первую очередь страны социалистического лагеря. Книга во многом выиграла бы, если бы О. П. Сантос привел некоторые данные о перспективах развития кубинской экономики на 1962—1965 гг., намеченных революционным правительством. Ведь за эти четыре года предусмотрено построить свыше 100 фабрик и заводов; запланировано дальнейшее развитие государственных хозяйств в деревне; год назад в стране уже существовало 263 госхоза и 622 сахарных кооператива, которым принадлежал 41% всей земельной площади [2]. Недостаточно показан в книге и социально-политический фон рассматриваемых автором экономических процессов. Наконец, нельзя было не сказать и о том сильнейшем воздействии, которое оказывают революционные преобразования в кубинской экономике на экономическое развитие других стран Латинской Америки [3], о чем автор, к сожалению, не пишет. Однако все эти замечания не могут умалить вывода о положительном значении весьма интересной и своевременной работы О. П. Сантоса.

О. М. Олтяну

* 1 кубинская кабальерия = 13,4 га.

[2] A. Nuñez Jimenez. Informe el pueblo sobre dos años de reforma agraria, «Hoy», 17.V.1961.

[3] См., например, разносторонние данные по этому вопросу в статистическом выпуске «Die Agrarreform in Cuba und ihre Wirkung in Lateinamerika». Deutsches Wirtschaftsinstitut. Bericht 21. Berlin. 1961, S. 16—19.

M. MAC KISACK. *The Fourteenth Century (1307—1399)*. «Oxford History of England». Vol. V. Oxford. 1959. 598 p., 6 maps.

М. МАККИСАК. *Четырнадцатое столетие (1307—1399 гг.)*. «Оксфордская история Англии». Т. V

Рецензируемый том «Оксфордской истории Англии» является одним из последних томов названной серии[1], начавшей выходить в свет в середине 1930-х годов. Первым по времени опубликования был X том (1934 г.). До начала второй мировой войны были опубликованы также тт. I, VIII, IX, XI, XIII и XIV. Во время войны был издан второй том. В послевоенные годы выходят тома III—VII, XII. Богатый фактический материал, довольно полный подстрочный аппарат ссылок, тщательно отшлифованные язык и стиль изложения, обширные библиографические приложения к каждому тому — все это, несомненно, составляет положительную сторону издания. Серия читается с интересом. Ознакомление с новыми фактами, содержащимися в серии, историографическими очерками и библиографией по истории Англии полезно для историка-специалиста.

Однако в «Оксфордской истории Англии» заметны и другие черты, вызывающие ряд возражений. Советский читатель не может согласиться с принципами, на основе которых написаны тома серии. Прежде всего представленная в них история Великобритании — это главным образом внутренняя и внешняя политическая история страны. Социально-экономические проблемы занимают второстепенное место, и главы, посвященные этим проблемам, представляют собой в каждом томе лишь придаток к политической истории. Таким образом, не только с точки зрения марксистско-ленинского понимания истории, но даже и с позиций буржуазного экономизма, характерного для историков-позитивистов конца XIX — начала XX в., «Оксфордская история Англии» дефектна, поскольку она не придает социально-экономическим процессам должного методологического значения.

Серьезным недостатком серии является принятая в ней периодизация и связанная с этим структура томов. По существу, изложение ведется по чисто хронологическому (деление на столетия) и династическому (по царствованиям королей) принципам. Вследствие этого во многих томах нередко говорится о совершенно различных этапах исторического развития. Так, в XII томе к царствованию Георга III механически привязаны промышленный переворот, наполеоновские войны и общественные движения в Англии в конце XVIII — начале XIX века.

Крупным недостатком серии является также слабое внимание авторов к революционному движению. Авторы «Оксфордской истории Англии», как правило, избегают останавливаться сколько-нибудь подробно на описании и анализе революций или часто недооценивают прогрессивный характер народных выступлений. Стоит указать на такой поразительный факт, как отсутствие тома, специально посвященного истории Английской буржуазной революции середины XVII в., имеющей всемирно-историческое значение. Вместо этого в IX томе помещена глава «Гражданская война парламента с королем», в которой революция рассматривается как конституционный спор, очередной конфликт короны с парламентом и не вскрывается социальный характер движения. Консервативная направленность авторов различных томов сказывается в крайней идеализации королевских династий (например, Тюдоров, тт. VII и VIII), в осуждении такого оппозиционного общественного движения, как пуританизм (т. VII). С откровенно империалистических позиций излагается история захвата Англией колоний начиная с XVI века. В этом отношении

---

[1] Приводим названия всех четырнадцати томов: vol. I: R. Y. Colingwood and J. N. L. Myres. Roman Britain and the English Settlements. Oxford. 1936. Second Ed.— 1937; vol. II: F. Stenton. Anglo-Saxon England, 450—1087. 1943. Second Ed.— 1947; vol. III: A. X. Poole. From Domesday Book to Magna Carta 1087—1216. 1951. Second Ed.— 1955; vol. IV: M. Powick. The Thirteenth Century, 1215—1307. 1953; vol V: M. McKisack. The Fourteenth Century (1307—1399). 1959; vol. VI: E. F. Jacob. The Fifteenth Century, 1399—1485 (preparing); vol. VII: J. D. Mackie. The Earlier Tudors, 1485—1558. 1952; vol. VIII: J. B. Black. The Reign of Elizabeth, 1558—1603. 1936; vol. IX: G. Davies. The Early Stuarts, 1603—1660. 1937. Second Ed.— 1959; vol. X: G. Clarke. The Later Stuarts, 1660—1714. 1934. Second Ed.— 1956; vol. XI: B. Williams. The Whig Supremacy 1714—1760. 1939. Second Ed.—1942; vol. XII: J. S. Watson. The Reign of George III, 1760—1815. 1960; vol. XIII: L. Woodward. The Age of Reform 1815—1870. 1938; vol. XIV: R. Ensor. England, 1870—1914. 1936.

«Оксфордская история Англии» придерживается апологетической, замалчивающей наиболее мрачные стороны в истории колониализма точки зрения, которая вообще характерна для новейшей английской буржуазной историографии, независимо от того, являются ли авторы по своим политическим симпатиям либералами или консерваторами [2].

Не ставя себе целью разобрать все тома серии, мы намерены остановиться на одном из позднейших томов, V, освещающем историю Англии XIV в.— периода, вызывавшего глубокий интерес у многих русских дореволюционных и советских авторов. Мы имеем в виду такие события, как восстание Уота Тайлера, которому посвящена известная монография Д. М. Петрушевского [3] и о котором много писал Е. А. Косминский [4], и проблему раннего развития английского парламента в XIII—XIV вв., также рассматриваемую в ряде серьезных работ [5]. История Англии XIV в. содержит, помимо того, ряд других важных проблем (Джон Виклеф и лолларды, ранний английский гуманизм, Дж. Чосер и др.), интересовавших советских историков.

V том «Оксфордской истории Англии», написанный проф. Мэем Маккисаком [6], состоит из шестнадцати глав, которые можно свести, в общем, к нескольким основным темам: царствование Эдуарда II (гл. I—III); Столетняя война (гл. IV—X); экономическое развитие Англии в XIV в. и восстание Уота Тайлера (гл. XI—XIII); последние годы правления Ричарда II после восстания 1381 г. (гл. XIV—XV); развитие английской культуры в XIV в. (гл. XVI).

Первый раздел книги интересен тем, что вводит нас в атмосферу ожесточенных междоусобиц в среде баронов — крупнейших феодалов Англии начала XIV века. Королевская власть, достигшая при Эдуарде I некоторых успехов в деле централизации страны, оказалась при Эдуарде II бессильной против баронской оппозиции. Король пытался править при помощи своего фаворита Пьера Гавестона. Но бароны потребовали изгнания его из Англии. Держа в своих руках парламент, оппозиция создала в 1310 г. комитет реформ, выработавший 41 статью; согласно им, королевская администрация, суд и финансы поступали под контроль баронов, демагогически выступавших от лица «всей Англии». Бароны организовали конфедерацию «семи графов», которой удалось добиться казни королевского фаворита (стр. 26). В последующие годы конфедерация распалась, и король смог расправиться с главой оппозиции графом Ланкастерским. Власть при дворе захватили новые фавориты, братья Диспенсеры. Недовольные бароны снова объединились; в результате произошел переворот 1327 г., в ходе которого Эдуард II был низложен по постановлению парламента, заключен в тюрьму и вскоре убит (стр. 91—96). Королем был провозглашен малолетний Эдуард III (1327—1377 гг.), а фактическим правителем королевства стал граф Мортимер, создавший себе в короткое время колоссальное состояние. Но в 1330 г. и он был свергнут баронами и присужден к повешению (стр. 100—101). Такова сложная и в то же время трафаретная картина феодальных усобиц времен Эдуарда II, отраженная позднее в драмах Кристофера Марло, современника Шекспира.

Весь очерк написан Маккисаком весьма живо, на основании обильных документальных данных. Следует отметить осуждение автором политики баронов, преследовавшей «консервативные по своему существу», узкоклассовые задачи. На наш взгляд, в этом разделе есть явно спорные моменты. Прежде всего автор не выяснил происхождения системы «фаворитизма», связанной с определенной политической тенденцией. По существу, фавориты тоже были феодалами, но обязанными своим богатством короне. Подобные лица опирались на королевское дворцовое хозяйство, доходы от которого делали короля в финансовом отношении не-

---

[2] См. Дж. М. Тревельян. Социальная история Англии (М. 1959) с нашей вступительной статьей. См. также В. Ф. Семенов. Проблемы политической истории Англии в работах современных английских буржуазных историков. «Вопросы истории», 1959, № 4.

[3] Д. М. Петрушевский. Восстание Уота Тайлера. Изд. 1-е. 1897 и 1901 гг.; 2-е—1914 г.; 3-е и 4-е—1927 и 1937 гг.

[4] Е. А. Косминский. Английская деревня в XIII в. М. 1935; его же. Исследования по аграрной истории Англии в XIII в. М. 1947. Во всех названных работах Е. А. Косминский связывал историю аграрных отношений XIII в. с предпосылками восстания Уота Тайлера в XIV веке.

[5] Д. М. Петрушевский. Очерки из истории английского государства и общества в средние века. Изд. 1903, 1909, 1930 и 1937 гг.; Е. В. Гутнова. Возникновение английского парламента. М. 1960.

[6] Он является также автором монографии «The Parliamentary Representation of the English Baronage during the Middle Ages». London. 1936.

зависимым от парламента, а его служащие частично вели дела в государственных центральных учреждениях, создавая там кадры «образцовой бюрократии», наиболее послушной королю. В дальнейшем, в конце XIV в., на этот путь встал Ричард II. Неправомерна также и авторская трактовка дворцового переворота 1327 г. как «революции». Ведь социальная сущность государственной власти при замене одного короля другим оставалась абсолютно неизменной. Автор недооценивает роли общин в парламенте в 20-е годы XIV в., считая, что бароны в этот период полностью распоряжались им (стр. 103). Нам представляется, что уже при Эдуарде II значение общин заметно выросло. Ведь переход Лондона на сторону баронов и королевы Изабеллы в 1327 г., по сути дела, определил судьбу Эдуарда II, и в 1330 г., когда бароны свергли Мортимера, на это уже потребовалось согласие общин.

Во второй проблеме — Столетняя война — интересно освещение причин войны. Основной причиной ее принято считать «фландрский вопрос». Фландрия сопротивлялась включению ее в состав французских королевских владений и экономически тяготела к Англии, получая оттуда шерсть, необходимую для фландрского суконоделия. Маккисак, подобно французскому историку Эдуарду Перуа[7], на первое место среди предпосылок англо-французского конфликта ставит «гасконский вопрос». Он вскрывает двойственное положение английского короля как правителя страны и как вассала французского короля по своим гасконским владениям. Английские феодалы обзавелись в Аквитании многочисленными поместьями; с Аквитанией у Англии были в XIV в. оживленные торговые сношения. Большое значение Маккисак придает также «шотландскому вопросу», обычно недостаточно учитывавшемуся историками Столетней войны. Первая половина XIV в. явилась временем резко враждебных отношений между Англией и Шотландией, французский же король был союзником Шотландии (стр. 116—118).

Маккисак приводит колоритный материал об эволюции военного дела у англичан во время этой войны, о громадных денежных расходах Англии на армию, о влиянии войны на положение господствующего класса Англии — лордов и рыцарей. Однако читатель напрасно стал бы искать в книге осуждения автором английской агрессии во Франции. Маккисак описывает с явной симпатией «подвиги» английских феодалов, любуется бытом рафинированного придворного рыцарства, «культивировавшего военные чувства», считавшего себя военным братством и выдвигавшего особые «высокоморальные» принципы (стр. 249). Эта идеализация английского рыцарства полностью противоречит исторической действительности. Маккисак опускает известные данные о жестокостях «Черного принца» (сына Эдуарда III), сжегшего и опустошившего сотни городов и селений Южной Франции.

В третьем разделе книги (царствование Эдуарда III) имеется интересный материал о повышении роли парламента в середине XIV в.; об укреплении центрального и местного административного аппарата, в частности, о начале деятельности знаменитых мировых судей, ставших основными звеньями королевской администрации на местах. Здесь же вскрывается картина большой финансовой напряженности, создавшейся в стране в ходе войны с Францией. Анализируя состояние администрации и суда, Маккисак признает, что чиновники Плантагенетов не отличались ни беспристрастием, ни честностью. Подкупы, взятки, вымогательства у населения были повседневным явлением; коррупция шерифов вошла в пословицу (стр. 205—206). Большой, частью малоизвестный материал приводится Маккисаком также и по вопросу о взаимоотношениях государства с церковью. При общем росте бюрократического аппарата в стране, усилении парламента и оформлении его деятельности как ранненационального сословно-представительного учреждения в политической истории Англии XIV в. наблюдалось одно любопытное явление, которое находит известную аналогию в истории Франции конца XIV — начала XV в.: «феодализм принцев». Размножившаяся королевская фамилия владела громадной территорией: Честером, Корнуэллом, Уэльсом, частью Ирландии, герцогством Ланкастерским, Линкольнширом, Лейстером, Дербиширом, Кэмбриджширом, Гетерфордом, Эссексом, Нортгемптонширом (стр. 266—268). Однако автор, приводя эти интересные факты, не обобщает их и не анализирует эту своеобразную форму политической надстройки над феодальной собственностью, приведшую к длительной междоусобице во второй половине XV века. Для Маккисака характерна также идеализация Эдуарда III,

[7] E. Perroy. La Guerre de Cent ans. Paris. 1945, pp. 40—48.

правившего в Англии в течение пятидесяти лет. Он считает его крупной политической фигурой. Однако в свое время еще Стэббс дал характеристику Эдуарда III как довольно посредственного правителя. Последнее десятилетие его царствования явилось временем сильного упадка королевской власти.

Наибольший интерес для советского историка представляют главы XII и XIII о развитии английской деревни и восстании Уота Тайлера в 1381 году. Мы встречаемся здесь с новым материалом по истории манора. Это материалы поместий епископа Винчестерского, Кентерберийского и Лейстерского монастырей, а также маноров графа Т. Беркли. Автор приходит к заключению, что в XIV в. светские лорды стремились повысить денежные доходы со своих поместий. Часть продуктов, производимых в их манорах, продавалась на рынке, но многое еще потреблялось в домашнем хозяйстве самого лорда. Тем не менее денежная рента с конца XIII в. быстро развивалась, хотя этот процесс происходил неровно по разным графствам: быстрее — в мелких поместьях, медленно — в крупных. Следствием Черной смерти 1348 г. явилась значительная убыль рабочих рук. Однако вопреки представлениям историков XIX в. (школа Роджерса) Маккисак считает, что смертность населения в 1348 г. не была высокой. Все же недостаток рабочих рук и повышение заработной платы — это реальные явления середины XIV в., что заставляло лендлордов сдавать в аренду значительную часть домена, ранее обрабатывавшуюся крепостным трудом. С другой стороны, следствием этого явилось «рабочее законодательство», принуждавшее трудящихся работать за плату, существовавшую до эпидемии (стр. 331—335). Но Маккисак не придает значения феодальной реакции, роль которой прежние историки восстания 1381 г. (в Англии — Т. Роджерс, в России — Д. М. Петрушевский) особенно подчеркивали[8]. Между тем феодальная реакция создала весьма напряженное положение в английской деревне накануне 1381 г., затронув всю массу английского крестьянства. Проходя мимо этого важнейшего факта, Маккисак приукрашивает положение крепостных крестьян в английских манорах XIV века. Оговариваясь, что и до сих пор «мы еще слишком мало знаем о положении массы крестьянства», Маккисак тем не менее категорически отрицает наличие эксплуатации в средневековой деревне и совершенно безосновательно выступает против концепции историков-марксистов (стр. 342). Излагая выводы названной выше работы Е. А. Косминского, Маккисак замечает, что «речь идет о классе безземельных или почти безземельных сельских рабочих, которых он (Косминский.— *В. С.*) считает безжалостно эксплуатируемыми как лордами, так и зажиточными односельчанами» (стр. 338). По мнению Маккисака, лорд был полностью связан обычаем и договорными отношениями, в результате чего его отношения к крепостным «отличались мягкостью» (стр. 343). Если кто и был виноват в злоупотреблениях и обидах по отношению к крестьянам, то это отнюдь не лорды, а их администрация (стр. 344). Ясно, что подобная попытка перенести ответственность с феодалов на их подчиненных не может быть признана сколько-нибудь серьезным объяснением растущих социальных противоречий в английской деревне кануна восстания 1381 года.

Антинародные настроения, осуждение крестьянского движения проявились у Маккисака и в главе о восстании Уота Тайлера. «Тайлер обратился к королю с подчеркнутой наглостью»,— пишет автор, рассказывая о свидании с королем восставших крестьян в Лондоне на Смитфилде (стр. 413). В то же время вероломный поступок Ричарда II, использовавшего роялистские настроения крестьян и приказавшего им покинуть Смитфилд, чтобы потом расправиться с ними, Маккисак расценивает как верх храбрости, находчивости и политического такта. «Была какая-то мистическая сила в его царственных словах...» (стр. 423),— замечает Маккисак. И это написано в конце 50-х годов XX века!

Главы XIV и XV относятся к последним годам царствования Ричарда II. В них содержится много фактического материала, ярко рисующего картину феодальных усобиц английского общества конца XIV века. Рассказывая о перевороте 1399 г., Маккисак правильно подчеркивает один момент, на который ранее не обращалось достаточного внимания. Среди причин недовольства феодалов Ричардом II было возмущение его

---

[8] Несогласие с тезисом «феодальная реакция» выражал в свое время еще Ч. Омэйн (Ch. Oman. The Great Revolt 1381. London. 1906. p. 8). См. В. Ф. Семенов. Восстание Уота Тайлера в исторической литературе и концепция Д. М. Петрушевского («Средние века». Вып. II. 1946). Иного мнения придерживается А. Л. Мортон (А. Мортон. История Англии. М. 1952, стр. 106).

внешней политикой, а именно примирением с Францией. Знать и рыцарство Англии мечтали о новых походах во Францию. Это в дальнейшем отчетливо сказалось на политике Ланкастеров, усиленно готовившихся при Генрихе IV к войне, а при Генрихе V возобновивших ее (стр. 475—476). К сожалению, исчерпывающего анализа переворота 1399 г. в книге не содержится. Читателю многое остается неясным (в частности, причины, заставившие Лондон поддержать Ланкастеров; позиция общин в парламенте; место Ричарда II в развитии государственной централизации). Автор предпочитает укорять Ричарда II в «тирании», «деспотизме» и «политическом безумии», но не вскрывает социальную сущность противоречий в государстве (стр. 496—498). Последняя глава посвящена обзору английской культуры XIV века. Здесь наиболее любопытны страницы, посвященные деятельности Джона Виклефа и творчеству Джеффри Чосера.

Таковы содержание и главные особенности разобранного нами V тома «Оксфордской истории Англии». Этот том типичен для всей серии, в целом написанной в консервативном духе и невыгодно отличающейся даже от «Кембриджской истории», отражавшей точку зрения либерально настроенной части английских буржуазных историков. Нужно признать, что в рецензируемой книге содержится много интересного фактического материала по истории Англии в один из наиболее бурных периодов ее прошлого. Однако несостоятельность методологического подхода автора к историческому процессу, явная ошибочность его основных теоретических положений не позволили ему дать объективный анализ истории Англии XIV века.

В. Ф. Семенов

По страницам зарубежных журналов

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛОВ, ВЫХОДЯЩИХ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

«Nghiên cú'u lich sú'». Hà-nôi. 1962, № 34.

Задачи исследований на 1962 г.; Зыонг-Минь. Вопросы истории, изучавшиеся и обсуждавшиеся в 1961 г.; Обсуждение деятельности некоторых исторических личностей; Ван-Тан. Лыу-винь-Фук — руководитель черных флагов, и его деятельность во Вьетнаме; Во-ван-Нюнг. Политика порабощения, проводимая США в Латинской Америке, и ее крах; Хау-нгоай-Лы. Проводить научно-исследовательскую работу в соответствии с высокими требованиями; Буй-хыу-Кхань. Некоторые соображения об антифеодализме в движении за создание советов в Нге-ане и Ха-тине; И. С. Кон. Буржуазная философия истории в тупике; Хоанг-Хынг. Об эпохе бронзовых зеркал в пещере Тхиеу-Зыонг.

«Nghiên cú'u lich sú'». 1962, № 35.

Чан-хюн-Льеу. Об изучении истории отдельных отраслей хозяйства, предприятий, районов; Хонг-Куанг. Некоторые замечания об изучении исторического смысла и содержания советов в Нге-ане и Ха-тине; Нгуен-фан-Куанг. О крестьянском движении Тэй-шонов; Нгуен-Вьет. О ростках капитализма во Вьетнаме в эпоху феодализма: Ван-Тан. К критике книги Чан-куок-Выонга и Ха-ван-Тана «Первобытнообщинный строй во Вьетнаме»; И. С. Кон. Буржуазная философия истории в тупике (продолжение).

«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1961, № 8.

Рольф Рудольф. XXII съезд КПСС; Макс Штейнмец. Задачи региональных исторических исследований при разработке национальной исторической концепции; Иоахим Штрейзанд. Прогрессивные традиции и реакционные анахронизмы в немецкой историографии; Рольф Бадштюбнер. К проблематике и историческому значению принятой в Алене программы западногерманской партии ХДС; Индржих Шебанек. О вспомогательных исторических дисциплинах. Их место и задачи в исторической науке; Вернер Бертольд. О некоторых методологических вопросах научной разработки всемирной истории; Хорст Лашица. Фашизм и Сопротивление — фальсификация и действительность. Опровержение взглядов западногерманских историков Г. Ротфельса и В. Хофера; Эдуард Винтер. Примечательная беседа

царя Николая I с Меттернихом в новогодний день 1846 года.

«Unsere Zeit», Berlin. 1961, № 4.

Исторический партийный съезд строителей коммунизма; Рудольф Бетиг. Советская инициатива от 10 января 1959 г. в деле заключения мирного договора с обоими германскими государствами и ее значение для мирного разрешения германской проблемы (январь — март 1959 г.); Отто Готше. Новый этап в развитии нашей социалистической демократии; В. Н. Караваева. Борьба народных масс в Западной Германии против атомного вооружения бундесвера (1957—1958 гг.); Адольф Рюгер. Германо-африканские отношения нового типа; Марианна Геммерлейн. Пишется история Социалистической единой партии Германии; Герберт Бертш. Почему мы заботимся о великих национальных традициях германского народа и оберегаем их? Бруно Кресс. Неделя скандинавских исследований; 15-летие Немецкого института современной истории.

«Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung». Berlin. 1962, № 1.

О значении XXII съезда КПСС и XIV пленума Центрального Комитета СЕПГ для работы историков партии; Мартин Гюбнер, Хельмут Рейц. XXII съезд КПСС и задачи рабочего класса ГДР в строительстве социализма; Арнольд Рейзберг. Ленин — друг и вождь международного рабочего класса (К изданию биографии В. И. Ленина на немецком языке); Курт Финкер. О борьбе Красного фронта молодежи против милитаризма и за боевую подготовку рабочей молодежи. Хейнц Вельцель. К статье Вальтера Бартеля о движении Сопротивления и союзниках во время второй мировой войны; Клаус Хеммо. Мероприятия ГДР в знак солидарности с рурскими горняками во время кризиса угольной промышленности 1958—1959 гг.; Вальтер Бертхольд. Борьба рабочих Хемница против милитаристской контрреволюции в августе 1919 года.

«Kwartalnik historyczny». Warszawa. 1961, № 4.

К столетию со дня смерти Иоахима Лелевеля; Тадеуш Котарбиньски. Выступление на открытии сессии Польской Академии наук, посвященной Иоахиму Лелевелю; Мариан Г. Серейски. Иоахим Лелевель и историческая наука его времени; Франтишек Броновски. Идея первоначального демократического строя во взглядах И. Лелевеля на всеобщую историю; Казимеж Тыменецки. Лелевель как последователь истории крестьянства и крестьянский заступник; Елена Венцковска. Лелевель в глазах польских историков; Вацлав Жачек. Иоахим Лелевель в Чехии и Словакии; Анджей Надольски. Вклад Иоахима Лелевеля в археологию; Мариан Гайсиг. Значение Лелевеля для европейской нумизматики; Анджей Ф. Грабски. Деятельность Иоахима Лелевеля в Варшавском обществе друзей науки (1808 -1815—1831); Зыгмунт Колянковски. Рукописи научных трудов Иоахима Лелевеля в польских коллекциях; Юзеф Дуткевич. Лелевель и наше политическое воспитание.

«Z pola walki». Warszawa. 1961, № 4.

XX годовщина создания Польской рабочей партии; Мечислав Мочар. Некоторые соображения по поводу юбилея ППР; Мариан Малиновски. Формирование программных основ польского коммунистического движения в 1939—1942 гг.; Ежи Павлович. Политика ППР в области создания демократического национального представительства (март — декабрь 1943 г.); Хелена Яворска. Союз борьбы молодых (1943—1948); Фридерик Збиневич. Роль польских коммунистов в организации и деятельности Союза польских патриотов и Польских Вооруженных Сил в СССР (май 1942 — июль 1944 г.); Ришард Назаревич. Создание ППР в Ченстоховско-Петроковском районе; Бронислава Юрковска. Создание и развитие организации ППР Вольского района г. Варшавы (1942—1943 гг.); Норберт Коломейчик. Изменения в социальном составе ППР (1944—1946 гг.). Документы: Радиотелеграммы ЦК ППР Г. Димитрову (1942—1943); Мариан Спыхальски. Доклад представителя ЦК ППР на собрании польских коммунистов в Москве 8 июня 1944 г. Первые дни народной власти в Польше в докладах деятелей ППР; К объединению ППР и Польской социалистической партии: избранные документы. Воспоминания: Влодзимек Домбровски. Воспоминания деятеля ППР; Ядвига Людвиньска. Создание ППР (воспоминания); Ядвига Иссат-Кошутска. Последний день старого года (как я узнала о прибытии инициативной группы ППР); Мечислав Руг-Свиостек. Мой путь к ППР; Павел Войас. Мои воспоминания о варшавском восстании; Юзеф Ковальски. Радиостанция имени Тадеуша Костюшко (из воспоминаний); Феликс Барановски. Польские социалисты в период гитлеровской оккупации. Из воспоминаний деятеля РППС; Антони Кожицки. О создании и деятельности крестьянской партии «Воля Люду». Биографические статьи и материалы.

«Wiadomosci historyczne». Warszawa. 1961, № 5.

З. Ландау. Экономика межвоенной Польши. Промышленность. Г. Марковский. История в 8-летней общей школе.

ОБЗОРЫ ЖУРНАЛОВ

«PAST AND PRESENT». LONDON

«Past and Present» занимает особое место среди исторических журналов, выходящих в Англии. Он был основан в 1952 г. группой прогрессивных историков, среди которых были такие хорошо известные советским читателям исследователи, как профессор Лондонского университета археолог Гордон Чайлд, специалист по экономической истории профессор Кембриджского университета М. Х. Добб, историк английской революции, лектор Бирмингамского университета Р. Х. Хилтон, и др.

В настоящее время председателем редакционной коллегии журнала является профессор Лондонского университета Джон Моррис, вице-председателем — профессор того же университета Э. Дж. Хобсбаум и секретарем — Т. К. Астон из Оксфорда. Журнал выходит регулярно два раза в год (в апреле и ноябре) книжками примерно в 100 страниц каждая и имеет непрерывную нумерацию. В редакционной статье, предпосланной первому номеру журнала, сказано, что платформой, объединяющей его сотрудников и авторов, является признание объективной закономерности исторического процесса, изучение которой составляет цель исторической науки. Сделав такое заявление, инициаторы нового журнала тем самым отмежевывались как от релятивистских и субъективистских концепций, широко распространенных в современной реакционной буржуазной историографии, так и от той склонности к крохоборческой фактографии, к увлечению второстепенными деталями и маловажными сюжетами, которая характерна для многих буржуазных историков-«объективистов» наших дней.

Этому девизу журнал старался следовать все десять лет своего существования. И действительно, на фоне обычного для современной буржуазной исторической периодики мелкотемья и стремления фиксировать внимание на второстепенных, зачастую взятых вне их внутренней связи единичных фактах и явлениях «Past and Present» выделяется тем, что на его страницах ставятся и делаются попытки решать многие узловые проблемы исторической науки. Ряд авторов статей журнала стоит на позициях исторического материализма (Г. Чайлд, М. Добб, Р. Хилтон и др.). Плодотворное влияние марксизма сказывается и на работах других ученых, сотрудничающих в журнале. Следует отметить, что «Past and Present» публикует также исследования иностранных историков. В частности, в нем была напечатана статья известного французского историка-марксиста А. Собуля о проблемах Французской буржуазной революции XVIII века (в № 5, 1954 и № 10, 1956). Из советских историков в «Past and Present» печатались Е. А. Косминский, выступивший со статьей об английском маноре (№ 7, 1955), и Б. Ф. Поршнев, опубликовавший работу «XVII столетие в истории Франции» (№ 8, 1955).

Актуальность и проблемность статей, строгая научность, которая, как правило, сочетается с доступным изложением, снискали журналу популярность среди профессиональных историков и интересующихся историей широких читательских кругов. Успеху журнала также содействовало и то обстоятельство, что его редакция устраивала время от времени хорошо подготовленные встречи с читателями. На этих читательских конференциях часто происходили дискуссии по актуальным вопросам современной исторической науки. По инициативе редакции «Past and Present» в 1955–1958 гг. были, например, проведены дискуссии «Характер английских революций XVII в.», «Происхождение и особенности промышленного переворота» и ряд других. В дискуссиях приняли участие многие английские и зарубежные историки. Из практики подобных форм регулярного общения с читателями журнала возникла идея создать специальное историческое общество с журналом «Past and Present» в качестве печатного органа.

Учредительное собрание этого общества состоялось в Лондоне 31 марта 1959 года. На нем был принят устав, избрано правление и утверждена новая редакционная коллегия журнала. Цели общества определены вторым пунктом его устава: обеспечить форум для обсуждения проблем истории и публикацию результатов исторических исследований, касающихся социальных, экономических и культурных изменений во всех частях света. Членами общества состоят все подписчики журнала; форумом, о котором говорится в уставе, является рассматриваемый журнал, а также регулярные годичные собрания историков, посвященные дискуссиям по различным проблемам исторической

науки. Так, в июле 1961 г. на очередном собрании обсуждался вопрос «Война и общество, 1300—1600 гг.».

В каждой книге «Past and Present» значительная часть объема обычно предоставляется исследовательским статьям. В отличие от многих других исторических журналов «Past and Present» не имеет обширного отдела хроники, нет в нем и регулярного отдела библиографии. Однако в конце многих номеров журнала печатаются обзорные статьи, являющиеся, по существу, рецензиями на новую историческую литературу. Следует отметить, что подобных статей появляется в журнале все больше и больше. Например, в ноябрьском номере за 1960 г. напечатаны три статьи-рецензии на книги, трактующие проблемы позднего средневековья.

Особое внимание «Past and Present» уделяет проблемам социально-экономических отношений, массовым народным движениям, буржуазным революциям и т. п. Вместе с тем в журнале не публикуются специальные статьи по вопросам историографии и методологии исторического исследования.

Подавляющее большинство статей, напечатанных в журнале, посвящено вопросам далекого прошлого: древней и особенно средневековой истории и первому периоду новой истории. За последние три года на страницах «Past and Present» не появилось ни одной статьи по новейшей истории. В общем, следует сказать, что журнал реализует пока главным образом первую часть своего заголовка, «Past» (прошлое), что же касается «Present» (настоящее), то здесь предстоит еще многое сделать. Это серьезно снижает научные достоинства журнала.

Ряд статей имеет своей целью осветить особенности социально-экономического развития неевропейских стран. Так, Ф. Катц в статье «Общественная эволюция у ацтеков» (№ 13, 1958) ставит вопрос о своеобразии классового общества у ацтеков. Е. В. Лич в работе «Гидравлическое общество на Цейлоне» анализирует особенности возникновения и развития феодализма на Востоке, который складывался в условиях существования сложной системы ирригационных сооружений. Однако истории стран Азии, Африки и Латинской Америки журнал уделяет мало внимания.

Эволюции аграрных отношений в Римской империи посвящена статья А. Х. М. Джонсона «Римский колонат» (№ 13, 1958). Автор, к сожалению, ограничился лишь выяснением юридических отношений, связанных с развитием колоната, и почти не касался социально-экономической стороны процесса возникновения этой формы зависимости сельского населения от крупных землевладельцев. Появление и широкое распространение колоната во II — IV вв. рассматриваются в статье изолированно от происходившего в то время кризиса рабовладельческого хозяйства и движений рабов.

Из работ, освещающих позднее средневековье, интерес представляет статья М. Е. Астона «Лолларды и восстания 1381—1431» (№ 17, 1960). Автор пытается проследить на протяжении полувека связь между ранним английским реформационным учением, проповедовавшимся Уиклифом и его последователями, и массовыми народными движениями того времени. В статье использован ценный фактический материал. Вместе с тем М. Е. Астон не сумел ответить на им же самим поставленный вопрос: почему под лозунгами лоллардизма выступало и антифеодальное восстание 1381 г. и рыцарский мятеж Олдкестла в 1415 году? Это произошло, по нашему мнению, потому, что в статье не вскрывается органическая связь идеологии лоллардизма с главными социально-экономическими процессами данного периода феодальной формации, лоллардизм не рассматривается как идеология определенных классов во всей ее внутренней противоречивости.

В другой статье, Н. Бирнбаума «Цвинглианская реформация в Цюрихе» (№ 13, 1959), наблюдается иной методологический подход к рассмотрению истории идей. Учение Цвингли автор характеризует как отражение социальных конфликтов периода разложения феодализма и зарождения элементов капиталистических отношений.

Журнал предоставляет свои страницы также и для статей обобщающего характера, ставящих вопросы об общих чертах и характерных особенностях развития ряда стран в тот или иной период. Часто подобные статьи дают повод для дискуссий, в которых участвует довольно обширный круг английских и зарубежных историков. В этом отношении характерна дискуссия о так называемом кризисе в XVII веке. Она открылась статьей Э. Хобсбаума (№№ 4, 5. 1954). Привлекая материал по истории ряда европейских стран и анализируя его, исследователь утверждал, что начавшееся

и успешно продолжавшееся в XV—XVI вв. развитие капитализма в Западной Европе затормозилось в XVII в., так как в этот период господствовавшая там повсеместно старая, феодальная структура общества наиболее сильно препятствовала процессу становления капиталистических отношений, что привело европейскую экономику к упадку. Это сказалось в снижении темпов производства, сужении торговли и сокращении денежного обращения. Только разразившаяся в 40-х годах XVII в. английская буржуазная революция открыла дорогу капитализму. Статья Хобсбаума, хотя и содержавшая ряд спорных положений, тем не менее правильно ставила вопрос об основном противоречии в экономической жизни Европы XVII в., о причинах и характере английской буржуазной революции. Однако именно эти положения вызвали резкие нападки со стороны профессора Оксфордского университета Х. Тревор-Ропера. В № 16 за 1959 г. появилась его статья «Всеобщий кризис XVII столетия», в которой он обрушивался на Э. Хобсбаума за то, что тот формулировал свои выводы, исходя из марксистской теории. Тревор-Ропер утверждал, что причиной кризиса в Европе и, в частности в Англии, в XVII в. явилось столкновение между не в меру возросшими материальными притязаниями королевского двора и бюрократии и интересами всего общества. Тревор-Ропер выступил против тезиса о буржуазном характере английской революции, отрицая ее закономерность, а также связь с капиталистическим развитием страны. Подобные антинаучные положения не могли не вызвать критических замечаний и осуждения. Редакция стала получать многочисленные возражения на статью Тревор-Ропера от английских и зарубежных историков. В ноябрьской книжке за 1960 г. было напечатано шесть откликов на его статью. При этом большая часть авторов выражала свое резкое несогласие с основными положениями статьи Тревор-Ропера.

Ряд ценных сведений содержат опубликованные в последних номерах журнала работы по новой истории. Очень интересна статья недавно умершего выдающегося французского историка Жоржа Лефевра (№ 19, 1961) «Городская община в Орлеане в XVIII в.». В ней дан тонкий анализ социальной структуры населения одной из провинций Франции накануне буржуазной революции. Особое внимание автор уделил наемным рабочим. Он собрал обширный материал, показывающий резкое обострение классовой борьбы в эти годы, вылившейся в ряд массовых движений. Роли народных масс во Французской буржуазной революции конца XVIII в. посвящена содержательная статья Е. Р. Кобба (№ 18, 1960), представляющая собой разбор вышедших в последние десять лет работ ряда крупных французских прогрессивных историков — Ж. Лефевра, А. Собуля и Ж. Рюдэ. Опираясь на эти исследования, автор статьи говорит об огромной творческой роли народных масс в революционных событиях во Франции конца XVIII в. и опровергает фальсифицирующие историю утверждения буржуазных ученых, которые усматривают в народных движениях лишь разрушительное начало.

Влиянию Французской буржуазной революции на рост массовых выступлений английского народа посвящена статья Р. Б. Росса о волнениях в Бирмингаме в 1791 году (№ 18, 1961).

Журнал «Past and Present» вступает в нынешнем году во второе десятилетие своего существования. Как отмечал в феврале 1962 г. английский марксистский журнал «Marxism Today», с момента своего основания в качестве органа непосредственного сотрудничества историков-марксистов и немарксистов «Past and Present» добился значительных успехов и прочно занял свое место в исторической науке Англии.

Б. А. Каменецкий

ЗАМЕТКИ О СТАТЬЯХ

Новый журнал по истории послевоенной Германии

«*Unsere Zeit*», Berlin. 1961, №№ 1, 2, 3.

С января 1961 г. Немецкий институт современной истории (ГДР) начал выпускать новый ежеквартальный исторический журнал «Unsere Zeit, Beiträge zur Geschichte nach 1945», созданный на базе научного приложения к журналу «Dokumentation der Zeit». В состав редакционной коллегии входят известные историки ГДР В. Бартель, Г. Берч (главный редактор) и другие.

Журнал является боевым органом историков ГДР, призванным содействовать претворению в жизнь важных задач, стоящих перед трудящимися обоих германских государств.

В обращении к читателям, предпосланном первому номеру журнала, указывается, что его главной задачей является всестороннее раскрытие исторической миссии первого в истории Германии государства рабочих и крестьян — Германской Демократической Республики, показ борьбы ГДР за мир, демократию и социализм, за осуществление основной национальной задачи немецкого народа — создание единого, демократического, миролюбивого и независимого германского государства.

Журнал также ставит своей целью систематически разоблачать измышления западногерманских и других реакционных буржуазных историков, пытающихся обелить и представить в ложном свете агрессивное прошлое империалистической Германии. Лженаучным концепциям боннских идеологов журнал противопоставляет подлинную, правдивую историю послевоенной Германии.

На страницах журнала выступают руководители СЕПГ и правительства ГДР, историки-исследователи, журналисты, участники антифашистского движения. В журнале публикуются также статьи историков братских социалистических стран.

В журнале существуют следующие разделы: исследовательских статей, воспоминаний, хроники научной жизни, рецензий. Кроме того, журнал отводит значительное место научной информации, помещая в конце каждого номера перечень статей по истории обоих германских государств, опубликованных в последних номерах немецких журналов, библиографические обзоры работ советских авторов о международных отношениях и политике обоих германских государств и, наконец, перечень последних книг по новейшей истории, изданных в ГДР.

Тематика материалов, опубликованных в трех первых номерах журнала, целиком посвящена истории послевоенной Германии, главным образом истории образования и развития ГДР.

В связи с 15-летием объединения СДПГ и КПГ и образованием Социалистической единой партии Германии журнал опубликовал несколько статей по истории СЕПГ. Статья члена Политбюро ЦК СЕПГ и первого заместителя председателя Народной палаты ГДР Германа Матерна (№ 1) посвящена вопросу о национальном значении основания СЕПГ. Создание СЕПГ, отмечается в статье, означало историческую победу марксизма-ленинизма, открывшую новую эпоху в истории германского рабочего движения и всего немецкого народа. Достижение единства рабочего движения в одной части Германии создало предпосылки для искоренения германского империализма и милитаризма и заложило основы для создания диктатуры рабочего класса, крестьян и других слоев трудящихся, для построения социализма и создания миролюбивой Германии.

О политике пролетарского интернационализма, проводимой СЕПГ, говорится в статье члена ЦК СЕПГ Петера Флорина (№ 1). В ней показано огромное значение осуществления принципов пролетарского интернационализма для укрепления мировой системы социализма, поддержки национально-освободительного движения народов Азии, Африки и Латинской Америки.

Значительное внимание редакция журнала уделяет исследованиям по истории рабочего и демократического движения после разгрома фашистской диктатуры, борьбе КПГ за объединение социал-демократов и коммунистов в единую марксистскую партию. Непосредственно к этой теме примыкают опубликованные в 1-м и 2-м номерах журнала воспоминания одного из активных участников антифашистского движения в Германии, Карла Биттеля, о борьбе за осуществление единства действий социал-демократов и коммунистов в Бадене в 1945 и 1946 годах.

О борьбе за объединение прогрессивных сил и создание СЕПГ в одном из районов

Большого Берлина рассказывается в воспоминаниях Г. Хенчке «На пути к объединению рабочего движения в предместье Берлина Кёпенике» (№ 1).

Важное значение редакция журнала придает разработке вопроса о политике обоих германских государств. В статье Г. Берча «Некоторые аспекты современного положения в обоих германских государствах» (№ 2) дан сравнительный анализ экономического и политического состояния ГДР и ФРГ. В статье говорится об огромных успехах ГДР в строительстве социализма; в то же время убедительно показана милитаризация всех областей жизни в Западной Германии.

Видное место на страницах журнала отводится вопросу о границе по линии Одер — Нейссе, который, как известно, подвергается особенно сильному извращению в буржуазной, главным образом западногерманской реакционной историографии. В небольшой, но содержательной статье д-ра Ч. Пилиховского (№ 2) рассматриваются проблемы экономического развития западных польских земель до второй мировой войны и в послевоенный период.

В разделе «Хроника» журнал широко информирует читателей о международных научных конференциях и встречах ученых разных стран, а также о научной жизни в научно-исследовательских учреждениях ГДР.

Г. Н. Зверев

Новая точка зрения на политику Валленштейна в городах Северной Германии
«*Hansische Studien*». Berlin. 1961.
SS. 135—161.

Молодой пражский историк Мирослав Грох уже не первый год исследует внешнюю политику Габсбургов в Тридцатилетней войне, участие Чехии в этой войне, деятельность австрийского католического полководца и чешского феодала Альберта Валленштейна [1] Материалы для своих исследований Грох почерпнул в архивах не только Праги, но и Ростока, Стокгольма, Москвы и ряда других городов. Работа Гроха живо заинтересовала ученых Германской Демократической Республики, много занимающихся в последние годы историей ганзейских городов [2]. На конференции Объединения историков Ганзы в Ростоке Грох сделал доклад, который лег в основу рецензируемой статьи.

Автор статьи обращает внимание на малоизученную сторону деятельности Валленштейна, а именно на его отношение к городам Северной Германии, в первую очередь к бывшим ганзейским городам, на его морскую и торговую политику. Грох показывает политику Валленштейна во время его так называемого «первого генералата» 1627—1630 годов. Выясняется, что Валленштейн выступал в Северной Германии отнюдь не только как вождь разбойников-ландскнехтов, каким его нередко изображают с легкой руки протестантских историков XIX века. В особенности по отношению к городам Мекленбурга Валленштейн, ставший государем этого немецкого герцогства, проводил политику, которая учитывала интересы местного бюргерства и его торговли, в частности торговли балтийской. Валленштейн в отличие от других императорских военачальников стремился не нарушать нейтралитет и таких вольных городов, как Любек, Бремен и Гамбург. Заключая перемирие с осажденным Штральзундом, он проявил себя, по мнению Гроха, осторожным, считающимся с экономической реальностью политиком.

Те же тенденции ясно сказались и в переговорах Валленштейна с бывшими ганзейскими городами относительно осуществления так называемого «габсбургского проекта» (создания военно-морских сил Габсбургов на Балтике). Грох показывает борьбу двух линий в политике Габсбургов, «жесткой» испанской и гибкой валленштейновской, направленной на раскол протестантского лагеря, на привлечение купечества южнобалтийских торговых центров. Любекский мир 1629 г. с Данией способствовал сближению Валленштейна с ганзейскими городами и установлению контактов с Нидерландами. Валленштейновская политика нейтралитета в отношении вольных ганзейских городов, а также Дании и Нидерландов сильно осложнила задачи шведской дипломатии, готовившей вторжение в

[1] См., например: M. Hroch. Valdštejnova politika v severním Německu v letech 1629—1630. «Sbornik historický». V. Praha. 1957; M. Hroch — J. Polišensky. Švédská politika a české stavovske povstání 1618—1620. «Sbornik historický». VII. 1960.

[2] См. коллективный итоговый обзор «Forschungen zur Stadt- und Hansegeschichte in der DDR», в книге: «Historische Forschungen in der DDR. Analyse und Berichte. Zum XI. Internationalen Historikerkongress in Stockholm. August 1960». Berlin. 1960. S. 74 ff.

империю. Вместе с тем автор не закрывает глаза и на то, что ради того, чтобы привлечь на свою сторону Данию, Валленштейн в первой половине 1630 г. был готов оказать поддержку датской экспансии в Северной Германии.

Ко времени отозвания Валленштейна из Северной Германии и его отставки уже отчетливо определилась его политика по отношению к северогерманским городам: «От беспощадного вымогательства в 1627 г. через тактические компромиссы — к поддержке ганзейского нейтралитета и к защите всей ганзейской торговли». Покровительственные мероприятия Валленштейна в отношении ганзейских и мекленбургских городов характеризуют его, по мнению автора, как сравнительно прогрессивного для своего времени политика, хотя и действовавшего еще всецело «в рамках преимущественно феодальных производственных отношений».

Свежие и обильно документированные соображения М. Гроха предостерегают против упрощенной трактовки Тридцатилетней войны, заставляют более внимательно отнестись к вопросу о возможностях проведения прогрессивно-абсолютистской политики в Германии XVII в., имевшихся объективно, но чуждых австрийским Габсбургам.

Данная статья Мирослава Гроха, как сказано выше, входит в цикл работ чешских исследователей, представленный прежде всего трудами Иосифа Полишенского о взаимосвязи чешской истории в эпоху Тридцатилетней войны с политикой Англии, Нидерландов, Швеции и других государств. Это направление чешской исторической науки характеризуется большой эрудицией, смелым охватом связей истории едва ли не всех европейских стран. Ныне ни один историк международных отношений первой половины XVII в. не мог бы обойтись без работ И. Полишенского, так же как и его младшего коллеги М. Гроха[3].

А. С. Кан, Б. Ф. Поршнев

[3] Кроме указанных выше, см. их совместную обобщающую работу «Die bohemische Frage und die politischen Beziehungen zwischen dem europäischen Westen und Osten zur Zeit des Dreißigjährigen Krieges» (в сборнике: «Probleme der Ökonomie und Politik in den Beziehungen zwischen Ost- und Westeuropa vom 17. Jahrhundert bis zur Gegenwart». Herausg. von K. Obermann. Berlin. 1960).

Дискуссия о формах земельной собственности в феодальном Китае

«Лиши яньцзю», 1961, № 3, стр. 33—42.

В 1960—1961 гг. на страницах научных журналов КНР развернулась дискуссия о формах земельной собственности в Китае в эпоху феодализма. По мнению целого ряда историков (Хэ Чан-цюнь, Чжен Тянь-тин, Бай Шоу-и и др.), в феодальном Китае не существовало частной земельной собственности, вся земля находилась в собственности государства. Другая группа историков (Ци Се, Тан Тао-хуа, Тянь Цзе-бин, Ян Чжи-цзю и др.) придерживается иного мнения, полагая, что частная собственность на землю возникла в Китае в V—III вв. до н. э. и сохранялась на протяжении всего средневековья.

Статья Ян Сян-куя «К вопросу о собственности на землю в феодальном Китае» написана специально в связи с вышеупомянутой дискуссией. В начале статьи автор отмечает, что не все участники дискуссии при изучении форм земельной собственности учитывают характер исследуемого общества. До тех пор, пока отдельные исследователи будут оперировать вневременными категориями, они не смогут разобраться в характере земельной собственности при феодализме. По мнению Ян Сян-куя, китайское феодальное землевладение прошло в своем развитии через две формы собственности: государственную и частную. Государственная собственность на землю существовала вплоть до конца периода Чуньцю (VIII—V вв. до н. э.); экономической основой тогдашнего феодального общества являлась сельская община, обозначаемая в источниках термином «цзин тянь» (колодезные поля). К концу периода Чуньцю в связи с введением поземельного налога система «цзин тянь» разрушается. Ян Сян-куй считает, что введение поземельного налога означало официальное санкционирование частной собственности отдельных лиц как на поля «гун тянь», то есть поля, обрабатывавшиеся раньше всей общиной, так и на пахотные наделы «сы тянь». В V—III вв. до н. э. частная собственность на землю существовала на территории всего Китая. В III в. до н. э.— I в. н. э. наблюдается процесс усилившейся концентрации земель в руках помещиков.

Ян Сян-куй поднимает очень интересный вопрос о положении свободных мелких земельных собственников, целая прослойка которых появилась в V—III вв. до н. э. в

Китае в связи с разложением сельской общины. Он считает этих землевладельцев свободными, поскольку, как он пишет, к тому времени «старые формы зависимости уже исчезли, а новые еще не сложились». В дальнейшем в связи с концентрацией пахотных полей в руках помещиков многие свободные собственники превратились в зависимых крестьян.

В последнем разделе своей статьи Ян Сян-куй снова останавливается на проблеме государственной земельной собственности. Он отмечает, что в истории развития китайского феодального общества встречаются такие периоды, когда существование государственной собственности на землю, казалось, было несомненным. Подобными периодами, по мнению ряда китайских историков, являлись годы господства династии Северная Вэй (IV—V вв. н. э.) и начало правления династии Тан (VII—VIII вв. н. э.), когда была введена так называемая уравнительная система землепользования. Ян Сян-куй выступает против этого утверждения. На основе анализа сообщений различных источников он приходит к выводу, что в эти периоды введение уравнительной системы землепользования отнюдь не свидетельствовало об установлении государственной собственности на землю, поскольку эта реформа не ограничивала права частных земельных собственников. Он отмечает, что в период господства династии Северная Вэй наблюдался обратный процесс, то есть расширение владений частных земельных собственников.

Ян Сян-куй останавливается также на анализе танской уравнительной системы землепользования. Как отмечает автор статьи, в танских подворных списках нет данных о подушных наделах или о наделах, полученных земледельцами от государства в вечное пользование. Пахотные наделы земледельца были разбросаны в различных местах и не составляли единого массива. При анализе подворных списков Ян Сян-кую удалось также выяснить, что большинство полей, находившихся в частной собственности отдельных лиц, осталось в их собственности и после издания закона об уравнительном землепользовании. Помимо подворных списков, Ян Сян-куй привлекает также танские частные документы об аренде земли, обнаруженные в районе Турфанской впадины. Подытоживая свои взгляды на танскую уравнительную систему землепользования, Ян Сян-куй пришел к выводу, что эта система не была эффективной. По мнению автора статьи, пахотная земля находилась в собственности отдельных частных лиц и в эпоху Тан.

Л. С. Переломов

О характере режима личной власти во Франции

«*Cahiers du communisme*». Paris, 1961, juillet — août, № 7—8, pp. 1084—1132.

Журнал «Cahiers du communisme» в № 7—8 за 1961 г. уделил большое внимание разоблачению классовой сущности голлистского режима как диктатуры французской финансовой олигархии.

Жильбер Мюри в статье «Государство, классовая борьба и голлистская диктатура» опровергает лживые утверждения реакционных идеологов о якобы «надклассовом» характере режима личной власти в современной Франции и показывает, что этот режим отражает всевластие монополистического капитала в стране и несет в себе угрозу фашизма.

Анализируя развитие государственного капитализма во Франции, автор статьи отмечает, что в этом вопросе установки Петэна и де Голля фактически совпадают: решительно осуждая капитуляцию перед гитлеровской Германией в годы второй мировой войны, нынешний глава государства не скрывает своей симпатии к корпоративному режиму, создававшемуся Петэном по схеме, заимствованной у немецкого и итальянского фашизма.

В условиях государственно-монополистического капитализма по мере развития рабочего и демократического движения и усиления влияния Коммунистической партии финансовой олигархии становится все труднее использовать парламент в традиционной роли регистратора сделок между разными группами эксплуататоров. Монополисты и их политические партии видят сужение своей массовой базы. Чем интенсивнее они экспроприируют так называемые «средние слои» населения, тем затруднительнее становятся политические соглашения между крупным капиталом и мелкой буржуазией. В таких условиях парламентская буржуазная республика не отвечает больше интересам монополистов, и они стремятся сохранить свое экономическое и политическое господство путем установления такого режима, который может и не содержать всех черт фашистской диктатуры, но непременно ставит на место выборных законодатель-

ных органов сильную исполнительную власть, тесно связанную с финансовыми магнатами.

Говоря о внутренней слабости режима личной власти во Франции, Жильбер Мюри отмечает, что голлевскому правительству все труднее опираться на армию и чиновничество, то есть на силы, издавна играющие первостепенную роль в буржуазном государстве.

Внутри армии проявляются острые противоречия между генералитетом, офицерством и солдатской массой. Военная верхушка вступила в союз с финансовыми магнатами; на политические настроения офицеров и унтер-офицеров большое влияние оказывает то обстоятельство, что «средние слои», выходцами из которых они по преимуществу являются, систематически разоряются государственно-монополистическим капиталом; наконец, солдаты — призванные на военную службу сыновья рабочих и крестьян — тесными узами связаны с трудящимися. Не случайно, когда мятежные генералы попытались установить власть «ультра» в Алжире, то основная масса молодых солдат осталась верна республиканским традициям.

Чиновничество тоже перестает быть надежной опорой нынешнего режима. Основная масса низкооплачиваемых чиновников не может в современных условиях отождествлять свои интересы с интересами буржуазного государства; она участвует в массовых выступлениях трудящихся, склоняется к союзу с рабочим классом. Одновременно на другом полюсе находится кучка высокопоставленных чиновников, тесно связанных с монополиями и противостоящих народным массам.

В статье указывается, что, хотя монополистическому капиталу пока удается сохранять в своих руках экономическую и политическую власть, его позиции постоянно ослабляются противодействием мощных социальных сил. Не только революционный пролетариат, но и служащие, испытывающие влияние социал-демократии, и бретонские крестьяне, находящиеся еще под духовным гнетом клерикалов,— все они объективно выступают против нынешнего режима, политика которого служит интересам лишь кучки фичансовых и промышленных магнатов и все больше вступает в противоречие с интересами народа.

В статье Жака Шамбаса «Голлистское государство против демократии» разоблачаются попытки буржуазных пропагандистов самых разных политических оттенков, от откровенных фашистов до «неосоциалистов», представить буржуазную демократию и, в частности, парламентский режим и многопартийную систему как нечто «устаревшее», не соответствующее «эпохе реактивных самолетов и спутников», и убедить массы в неизбежности установления во Франции диктаторского режима.

Французской буржуазии удалось «персонифицировать» исполнительную власть и временно усилить бюрократический и военный аппарат своей государственной машины, уменьшить роль парламента и сократить представительство в нем Коммунистической партии; это, однако, не сделало правительство действительно сильным. Напротив, режим личной власти проявляет признаки исключительной слабости, полное бессилие перед «ультра».

Большой интерес представляет статья Жоржа Коньо «Голлизм и клерикализм». Автор отмечает, что в современную эпоху церковь тесно связала свою судьбу с судьбой финансового капитала и всячески способствовала установлению во Франции авторитарного режима. С точки зрения правящих кругов французской буржуазии отделение церкви от государства потеряло ныне всякий смысл: правительство не рассматривает больше религию как частное дело граждан, оно стремится сделать католицизм государственной религией. «Не отделение церкви от государства, а дружеский союз между ними» — такой лозунг выдвигается католическим епископатом и реакционными политиками.

Руководители правительства демонстративно присутствуют на религиозных церемониях, министры и префекты оказывают церковникам всяческую поддержку. Верхушка военной бюрократии открыто пытается усилить влияние клира в армии. Антиреспубликанская направленность этих попыток очевидна; не случайно наиболее активную роль в организации военно-фашистских путчей играли генералы и офицеры, тесно связанные с клерикалами.

В области внешней политики католическое духовенство активно выступает за «объединенную Европу», настойчиво пропагандирует тезис о «духовном единстве западной христианской цивилизации», призывает к крестовому походу против социалистических государств. Большое внимание автор статьи уделяет вопросу борьбы прогрессивных сил Франции за светскую школу.

Наступление клерикализма свидетель-

ствует не о силе, а о слабости французской реакции, о ее паническом ужасе перед социальным прогрессом; религия используется финансовой олигархией как средство защиты от социальной революции. В заключение статьи Жорж Коньо говорит о конкретных задачах демократических сил страны в борьбе за восстановление и упрочение светского характера государства и школы во Франции.

Б. Л. Вульфсон

Колониалистская концепция истории Нигерии

«Civilisation». Bruxelles. 1960, vol. X, № 4, pp. 415—442.

Нигерия — крупная африканская страна с богатой историей. Ее народ добился независимости в упорной борьбе с колонизаторами. История этой борьбы привлекает внимание исследователей самых различных направлений. В западноевропейской буржуазной историографии преобладают фальсификаторские трактовки истории борьбы нигерийского народа. В таком духе написана рецензируемая статья Эдуарда Бюстэна «Этапы независимости Нигерии».

Статья Бюстэна содержит немало интересного фактического материала. Это прежде всего данные о деятельности крупнейших нигерийских газет, политических деятелей и политических партий и т. д. Однако в ней нет главного — истории национально-освободительной, массовой, антиимпериалистической борьбы. Всю историю борьбы нигерийского народа за национальную независимость автор сводит к верхушечным политическим комбинациям отдельных политиков и политических групп, а ее зарождение объясняет не объективными закономерностями развития порабощенных стран, но... «интригами коммунистических агитаторов». Если верить Бюстэну, то в стране не существовало антиимпериалистического движения, в конце концов заставившего английских колонизаторов отступить.

Эдуард Бюстэн старается убедить читателя в том, что срок получения Нигерией независимости отодвигался не по вине колонизаторов, что причиной этому были якобы сами нигерийцы. Этому будто бы мешали борьба и разногласия между партиями и политическими деятелями трех районов Федерации — Северного, Западного и Восточного, а также провоцируемые «экстремистами» народные выступления. Только поэтому, утверждает Бюстэн, не дали результатов лондонские конференции «круглого стола» 1953 и 1954 гг., где обсуждался вопрос об установлении даты предоставления независимости Нигерии. Однако «сдержанность и добрая воля» колонизаторов, как утверждает автор, спасли положение.

Бюстэн заключает свою статью следующим выводом: Нигерия является ярким примером «лояльной, систематической и действенной деколонизации», то есть получения независимости «без хаоса и насилия». Такова картина национально-освободительного движения в Нигерии, нарисованная буржуазным автором, выступающим с позиций апологета неоколониализма.

Однако факты говорят о другом. Переход государственной власти из рук англичан к местным национальным силам совершился не по доброй воле империалистов — пойти на это колонизаторов заставило движение широких народных масс. При этом огромное значение имели коренные изменения в международной обстановке: образование и рост сил социалистического лагеря, оказывающего определяющее влияние на мировое развитие, а также крушение колониальной системы и общее ослабление империализма. Таким образом, в достижении независимости Нигерии сыграли свою роль как внешние, так и внутренние факторы.

Главными причинами развития общенационального, антиимпериалистического движения в стране были: социально-экономические изменения, развитие противоречия между английским империализмом и нигерийским народом, рост капиталистических отношений в городе и деревне, появление в Нигерии промышленного и сельскохозяйственного пролетариата и национальной торгово-промышленной буржуазии. Возникновение в Нигерии массовых общественных организаций и политических партий объясняется пробуждением самосознания нигерийцев, объединившихся в борьбе против колониализма во главе с патриотическими представителями национальной буржуазии.

Учитывая общее ослабление своих экономических и политических позиций, колонизаторы начали маневрировать. Примером могут служить так называемые «нигерийские конституции» (1946 и 1951 гг.), по сути дела, не затронувшие основ политического господства английских угнетателей в Нигерии.

Помимо подобных маневров, колониальные власти нередко прибегали к открытым репрессиям и террору: об этом говорят

расстрелы рабочих в 1947 г. в Буруту, в 1949 г.— шахтеров в Энугу, массовые аресты в том же 1949 г. руководителей национально-освободительного движения и т. д.

Все это свидетельствует о том, что независимость была не «благодеянием» колонизаторов, а результатом многолетней борьбы нигерийского народа за свободу.

С. Р. Ким

Из истории колониального захвата мыса Доброй Надежды

«Historical Studies. Australia and New Zealand». Melbourne, vol. 9, № 36, May 1961, pp. 368—378.

Статья Л. Тэрнера «Мыс Доброй Надежды и англо-французский конфликт 1797—1806 гг.» рассказывает о создании одной из важнейших по своему значению британских колониальных баз.

Автор показывает обстоятельства оккупации англичанами мыса Доброй Надежды в 1795 г., затем исследует события, завершившиеся возвращением мыса Доброй Надежды Батавской республике после Амьенского мира, и, наконец, в заключительной части статьи освещает вторичный захват этой колонии Англией. Таким образом, налицо попытка исследовать вопрос во всей его полноте.

Тэрнер пишет, что планы захвата южной оконечности Африки возникли у британских колонизаторов еще в 50—60-х годах XVIII в. и окончательно сложились в годы войны американских колоний за независимость, когда в конфликт вступила Франция. При этом автор отмечает связь планов английского правительства с требованиями воротил Ост-Индской компании, иллюстрируя это весьма характерной выдержкой из письма, посланного в октябре 1781 г. директорами Ост-Индской компании лорду Хиллсборо. «Наше твердое убеждение,— писали директора,— что та из двух держав, которая овладеет мысом Доброй Надежды, тем самым будет владеть Индией...» К сожалению, в дальнейшем эта связь политики английского правительства с интересами колониалистских кругов Тэрнером не прослеживается.

Автор статьи подробно останавливается на возникшем уже в те годы в английских правящих кругах намерении включить мыс Доброй Надежды в состав Британской империи. Приводя выдержки из различных документов, он подчеркивает стратегическое значение мыса Доброй Надежды.

В статье рассматриваются те изменения, которые внесла отставка Уильяма Питта в «капский вопрос». Новый кабинет не считал необходимым сохранение мыса Доброй Надежды в числе британских владений. Во время переговоров с Францией он сначала настаивал на превращении Капштадта в свободный порт, но затем согласился на его возвращение Батавской республике, что и было закреплено Амьенским миром. Автор отмечает, что после возобновления войны с Францией вопрос о мысе Доброй Надежды начинает играть все бóльшую роль в планах Великобритании.

В статье имеются также ссылки на английские газеты, которые весной 1805 г. писали о французских планах относительно мыса Доброй Надежды в связи с намечавшейся Наполеоном экспедицией в Индию. Автор считает, что этот факт способствовал тому, что английское правительство, которое прислушивалось к мнению прессы, ускорило принятие решения о захвате мыса Доброй Надежды. Однако, на наш взгляд, эти высказывания английской прессы о «французской угрозе» инспирировались английским правительством, готовившим захват Капской колонии.

Указанное решение было принято в июле 1805 г., то есть когда, по мнению английских правящих кругов, угроза французского вторжения в Англию еще не отпала. Вскоре к южной оконечности Африки была направлена военная эскадра с десантом, и мыс Доброй Надежды был захвачен.

Автор заключает, что второе занятие Капской колонии явилось следствием «Трафальгарской кампании» Наполеона и должно было защитить пути в Индию от французских посягательств. Подобными утверждениями Тэрнер пытается создать впечатление, будто бы английские колониальные захваты были в значительной степени вынужденными и носили оборонительный характер. В действительности же они были обусловлены главным образом требованиями английских торгово-промышленных кругов, стремившихся к расширению колониальных рынков.

М. Б. Рабинович

Вымышленная эпопея

«La Revue des deux mondes», Paris, juin 1961, pp. 459 — 476.

«Эпопея Восточной армии» — так озаглавлена статья генерал-лейтенанта грече-

ской армии Д. Вакаса, помещенная в старинном французском журнале «La Revue des deux mondes». Автор описывает формирование и боевые действия войск Антанты, оперировавших на Салоникском фронте в 1915—1918 гг. и получивших во французской военно-исторической литературе наименование «Восточной армии».

Будучи еще молодым офицером, генерал Вакас участвовал в перевороте сторонников Венизелоса в 1916 г., после которого Греция вступила в первую мировую войну на стороне Антанты, а затем воевал в составе греческих частей Восточной армии. Вероятно, при желании он мог бы сообщить небезынтересные сведения о закулисной стороне втягивания Греции в войну, о бедствиях солдат Восточной армии, погибавших в болотах и горах Македонии за чуждые им империалистические интересы.

Но ничего подобного мы не найдем в статье реакционного греческого генерала. Весь его опус, по существу, состоит из нелепых измышлений, искажающих подлинную роль Восточной армии и важнейшие события из жизни греческого народа периода войны 1914—1918 годов. Вакас превозносит «доблести» французских генералов, возглавлявших войска Антанты на Салоникском фронте. Подхватывая давно уже опрокинутые передовой наукой домыслы, автор твердит, что французские и английские милитаристы, а также Венизелос всячески стремились «прийти на помощь храброй Сербии» в 1915 г. и Румынии в 1916 году. Греческий генерал склонен преувеличивать удельный вес Салоникского плацдарма и значение описываемых им боев на Балканах. На самом деле — как задним числом признал, например, Ллойд-Джордж,— половинчатая стратегия западных держав, их нежелание учитывать нужды союзников на Востоке и координировать свои действия с планами России обрекали Салоникский фронт на прозябание. Гинденбург мог не без основания утверждать, что переброска дивизий Антанты в Грецию только облегчает задачи германского командования.

Вакас настойчиво приписывает победы Восточной армии в 1918 г. «военному гению» Франше д'Эспре или подвигам греческих частей. Хорошо известно, однако, что решающее слово сказал тогда болгарский народ, отказавшийся участвовать в империалистической войне. Точно так же отнюдь не выход армий Антанты к Дунаю, но мощное национально-революционное движение привело к капитуляции и развалу Австро-Венгрии. Добавим, что революционное движение в 1917 г. охватило и ряд полков Восточной армии. Его безжалостно подавил один из «героев» Вакаса — французский генерал Саррайль. Однако в статье Вакаса нет ни слова об этом, а также о расправах с солдатами русской дивизии Салоникского фронта.

Еще бо́льшие извращения допустил греческий генерал, рассказывая о вступлении Греции в войну. Подлинными хозяевами положения в Греции в годы первой мировой войны стали империалисты Антанты, вовлекшие страну в кровавую империалистическую бойню.

Генерал Вакас старается облагородить французских и английских империалистов. Он скромно умалчивает о целой серии ультиматумов, предъявленных державами Антанты греческому правительству и подкрепленных голодной блокадой и высадкой десантов. В свое время даже видавший виды царский дипломат Демидов был ошеломлен исключительной наглостью французских адмиралов и дипломатов, грозивших разрушить Афины артиллерийским огнем и посадить на трон Греции некоего принца Луи-Наполеона в случае, если Греция останется нейтральной.

Греческий народ против своей воли был ввергнут в пучину империалистической войны и понес тяжелые жертвы. Вот в чем подлинная трагедия Греции, поучительная и для наших дней! Ничего общего с этими уроками истории не имеет «эпопея» Восточной армии и ее греческих частей, от начала до конца вымышленная «бравым» генералом.

Для чего же понадобился Вакасу и редакции «Revue des deux mondes» такой грубый подлог? Ответ на этот вопрос можно найти в заключительном разделе статьи. Вакас всецело одобряет направленную против СССР политику правительств Англии и Франции, их активную роль в антисоветской интервенции 1918 — 1920 годов. Кроме того, тут можно встретить немало похвал в адрес экспедиционного корпуса греческих интервентов, действовавшего на юге Советского государства. С головой выдают греческого шовиниста и расистские выпады против болгарского народа, который он силится представить «извечным врагом» Греции. Антикоммунизм — вот основная направленность лженаучной статьи Д. Вакаса.

К. Б. Кириллов

Американские рабочие в борьбе за право организации в профсоюзы в 1930-х годах

«*Labor History*». New York, 1961, vol. 2, № 2, pp. 158—181.

Типической чертой, свойственной буржуазной историографии рабочего движения США, является отвлечение от первоосновы событий, от главного объекта исследования, то есть от позиции самих рабочих масс, их готовности к коллективным действиям в борьбе против гнета монополий.

Несколько в ином плане выполнена статья молодого американского историка Джека Скилса «Подоплека фракционной борьбы в объединенном союзе рабочих автомобильной промышленности», где говорится о борьбе рабочих автомобильной промышленности США за создание своего профсоюза в 30-х годах.

В ней читатель найдет немало новых фактов и интересных наблюдений, свидетельствующих о той неприглядной роли, которую играла АФТ, пытаясь удержать рабочих от боевых выступлений в защиту своих интересов.

Обуздать созданные рабочими на предприятиях профсоюзы, навязать им свою волю, методы и линию поведения — вот чего добивались представители АФТ, посланные исполкомом Федерации в «помощь» местным союзам. Материалы статьи не оставляют сомнений в истинном характере и в действительных целях организаторской «миссии» АФТ в отраслях с массовым производством. Значительный интерес представляют и содержащиеся в статье ранее неизвестные данные об отношении к этой политике рабочих — рядовых членов возникших в 1933—1935 гг. в большом числе низовых профсоюзных организаций на автозаводах. Штрейкбрехерская тактика АФТ была резко осуждена местными союзами, в особенности в промышленных районах Детройта и Кливленда, за что некоторые союзы были немедленно объявлены «коммунистическими». Как свидетельствует автор статьи, многие лидеры этих союзов полагали, что профсоюзные чиновники из АФТ попросту продают их предпринимателям.

Скилс подчеркивает, что местные союзы стояли за решительную борьбу против монополий, за создание межнационального союза рабочих автомобильной промышленности, подконтрольного рядовым членам.

В статье Скилса показано, какими методами АФТ пыталась расправиться с некоторыми союзами (смещение лидеров союзов, объявление их «красными» и т. д.). Однако вопреки всем попыткам удушения широкое «инсургентское» течение среди рабочих автопромышленности быстро нарастало.

Возникновение внутри движения за право организации в профсоюзы так называемого «прогрессивного собрания» с его левой программой, включавшей в себя требования создания национальной и местных рабоче-фермерских партий, символизировало собой углубление разногласий между прогрессивными и оппортунистическими течениями среди рабочих в автопромышленности. О силе прогрессивного течения свидетельствует тот факт, что на съезде в 1936 г., преобразовавшем организацию Объединенного союза рабочих автопромышленности в межнациональный профсоюз, «прогрессисты» получили поддержку большинства делегатов. Об этом же говорит и принятие на съезде резолюции о создании Рабоче-фермерской партии.

Приводимые в статье факты неопровержимо свидетельствуют о том, что борьба прогрессивных и реакционных сил внутри самого движения и составляла основное содержание разногласий, длительное время столь остро дававших себя чувствовать в профсоюзном движении рабочих автомобильной промышленности. Действия Х. Мартина — первого президента Объединенного союза рабочих автопромышленности, копировавшего методы лидеров АФТ, привели к первой трещине в наладившемся было единстве профдвижения в автопромышленности.

Однако содержащиеся в статье Скилса выводы противоречат его собственному конкретному материалу. Причину острых разногласий и борьбы в профсоюзах рабочих автопромышленности он видит главным образом в... «интригах коммунистов». Отказавшись от попытки правильного обобщения собранных им фактов, Скилс лишь повторил избитые утверждения фальсификаторов истории.

В. Л. Мальков

Американский историк об изучении дипломатической истории XX века

«*American Historical Review*», New York, vol. LXVI, № 2, January 1961, pp. 299—322.

Бернадотт Э. Шмитт — один из патриархов американской исторической науки —

является крупным знатоком дипломатической предыстории первой мировой войны. В докладе на заседании сессии Американской исторической ассоциации, опубликованном в виде пространной статьи в «American Historical Review», Б. Шмитт подводит некоторые итоги публикаторской деятельности и исследовательской работы ученых по истории дипломатии XX века. Первая часть его статьи, посвященная публикациям и основным направлениям историографии происхождения мировой войны 1914 — 1918 гг., наиболее содержательна.

Шмитт напоминает о том, насколько неудовлетворительно была информирована общественность по международным проблемам начала XX века. Выпускавшиеся «Цветные книги» не могли служить твердой опорой для ученых. Только многотомные публикации архивных документов, предпринятые в 20—30-е годы, несколько исправили положение. Вместе с тем Б. Шмитт делает ряд верных замечаний о пороках такого претенциозного издания, как «Die Grosse Politik der Europaischen Kabinette 1871—1914». В настоящее время, когда в США составлена опись микрофильмов трофейных документов МИД кайзеровской Германии, полностью подтверждается критическая оценка германской коллекции 1922—1927 гг., данная в свое время историками-марксистами. Это фактически вынужден признать и Шмитт. Указывая, что в упомянутой описи перечислено много документов об экономической активности Германии накануне первой мировой войны, отсутствующих в «Die Grosse Politik», Шмитт высказывает мнение о целесообразности сопоставления германского сборника с доступными теперь подлинными документами по крайней мере по таким спорным вопросам, как «военная тревога» 1875 г., оба марокканских кризиса, аннексия Боснии и Герцеговины.

Автор считает, что вышеупомянутое немецкое издание оказалось эффективным пропагандистским орудием, после появления которого «дипломатическую историю начали переписывать в духе германских документов». Разумеется, американский буржуазный историк не упоминает о том, что пропаганде ревизии и реванша благоприятствовал сам политический климат периода Локарнского пакта и плана Юнга. Кроме того, основные концепции ревизионизма возникли задолго до завершения публикации «Die Grosse Politik» (вспомним программные книги М. Монжеля и Э. Бранденбурга, вышедшие в 1923—1924 гг.).

Концентрируя внимание на германском сборнике документов, Шмитт, по существу, оставляет в стороне вопрос о серьезных недостатках, присущих аналогичным публикациям, выпущенным в других капиталистических странах. Он готов поставить знак равенства между буржуазными публикациями и документальными сборниками, изданными в СССР. В свое время Б. Шмитт высоко оценивал значение 3-й серии документов «Международные отношения в эпоху империализма». Странно, что теперь он говорит об «известной ограниченности» значения тех томов серии, которые посвящены периоду войны 1914—1918 годов. Трудно сказать, насколько глубоко изучил Шмитт советские публикации. Однако настораживает уже тот факт, что Шмитт ошибочно указывает конечную дату материалов 3-й серии (октябрь 1915 г. вместо апреля 1916 г.).

Каковы же, по мнению Шмитта, результаты изучения дипломатической истории до 1919 года? Он полагает, что в этой области еще господствуют «традиционные взгляды». Западногерманские авторы продолжают возлагать ответственность за развязывание войны 1914 г. на Россию, австрийские — на Сербию. Шмитт пишет, что не может найти «ни одного французского или английского автора, который признал хотя бы частичную ответственность своей страны за войну». Шмитт считает, что история дипломатии периода первой мировой войны разработана очень слабо. Следует указать, что такая пессимистическая оценка основана только на анализе продукции буржуазных историков. Кругозор маститого профессора не слишком широк, если он оставляет в стороне марксистско-ленинскую историографию, давшую ясный ответ на вопрос о причинах и характере империалистической войны.

Переходя к рассмотрению публикаций по периоду после 1919 г., Б. Шмитт прежде всего отмечает, что в 20—30-е годы общественность была лучше информирована о событиях мировой политики, чем в начале века. Несколько специальных институтов и организаций в Англии, США и других странах регулярно публиковали подборки документов. Но неудовлетворительность этих изданий обнаруживается при сличении с позднейшими архивными публикациями.

Отрицая тенденциозность в подборе ма-

териалов буржуазными публикаторами, Шмитт ссылается на то, что в новейшее время решения часто принимаются во время телефонных разговоров, не оставляющих никаких «следов». Все же приводимые самим Шмиттом примеры «странных» провалов в американских и английских коллекциях не лишены поучительности. Между прочим, опираясь на свой опыт службы в Государственном департаменте США, историк пишет, что неопубликованные документы этого ведомства не оставляют сомнений в сопротивлении Хэлла и других руководителей американской внешней политики признанию СССР в 1933 году.

Анализируя источники по истории второй мировой войны, американский буржуазный историк снова пытается принизить значение советских публикаций. Он сообщает, что по этому периоду существуют лишь два тома переписки руководителей трех великих держав. Но как же может исследователь обойтись без сборника «Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—45 гг.» или без документов о переговорах 1939 г., опубликованных в ежемесячнике «Международная жизнь» в 1959 году?

Заключительная, и слабейшая, часть статьи содержит авторское изложение ряда важнейших событий из области внешней политики и дипломатии XX века. Здесь особенно много субъективистских оценок. Автор явно переоценивает значение деятельности тех или иных политических руководителей капиталистического мира. Исходя из подобных ошибочных взглядов, Шмитт еще верит в «мудрость» правителей капиталистических стран.

К. Б. Виноградов

Полемическая статья о характере империи инков

«Diogène», Paris, juillet — séptembre, 1961, № 35, pp. 87—108.

Статья известного швейцарского этнографа Альфреда Метро, занимающегося изучением жизни и истории индейцев Южной Америки, посвящена вопросу о характере государства инков. Она опубликована в журнале, издающемся на средства ЮНЕСКО, и носит полемический характер. Автор оспаривает аргументы Валькарселя (Перу), Карстена (Финляндия) и других ученых, рассматривающих империю инков как «социалистическое» государство. А. Метро решительно выступает против применения в отношении общественных формаций прошлого «понятий, заимствованных из практики индустриализированных обществ». Исходя из этого, он стремится на основе богатого фактического материала путем анализа характера землепользования в государстве инков, трудовых повинностей и т. д. доказать, что ни о каких элементах социализма в применении к империи инков не может быть и речи.

Анализируя вопрос о частной собственности и земельных отношениях, автор статьи подчеркивает, что коллективная собственность на землю, помощь старикам и инвалидам еще не дают права говорить об империи инков как о государстве с «социалистическими» чертами. Тот аграрный коллективизм, который существовал в империи инков в виде сельских общин, по мнению Метро, встречался и встречается «как в Старом, так и в Новом свете». А. Метро подчеркивает, что помощь старикам и инвалидам была обязанностью деревни, а не всего государства, и аналогичное явление можно наблюдать и в наше время у некоторых групп населения в районе примитивного землепользования — в долине Амазонки и в Перу.

Автор подробно останавливается на организации труда в государстве инков; разбирая существовавшие в нем повинности, он показывает, что они скорее всего носили феодально-крепостнический характер. Он отмечает, что произведенные продукты лишь частично шли на удовлетворение нужд трудящихся, а их основная масса становилась собственностью господствующей эксплуататорской верхушки.

В ходе полемики со своими оппонентами А. Метро высказывает мнение, что государство инков представляло собой «префеодальную империю, в которой знать и чиновники обладали большими владениями, где эксплуатировался труд крепостных и рабов».

Отмечая стремление многих буржуазных историков и социологов сравнить империю инков с античным Римом, «идеальными» республиками утопистов, современными государствами, автор утверждает, что между этими государствами и империей инков имелись лишь отдельные черты сходства. По мнению А. Метро, этим ученым следовало бы лучше обратить внимание на общие черты, сближающие империю инков с государственными образованиями тех

народов, которых, «к сожалению, называют «первобытными» (например, бывшего королевства Дагомеи)».

Автор решительно осуждает точку зрения тех специалистов, которые считают, будто бы в момент прихода испанцев империя инков переживала период застоя. По его мнению, эта точка зрения является ошибочной, так как в годы появления испанских конкистадоров в империи инков проводились значительные реформы, свидетельствовавшие о поступательном развитии общества. А. Метро считает вероятным, что империя инков могла превратиться в королевство типа Византийской империи или империи Каролингов, если бы ее развитие не было прервано испанским завоеванием.

Однако, хотя автор активно выступает против перенесения категорий современного общества на общества прошлого, сам он зачастую попадает в плен концепции, которую осуждает. Так, например, он пишет о «политике грубого империализма» государства инков, о «планировании» в этом государстве и т. д.

А. С. Ковальская

Германский фашизм и его идейные предшественники

«Journal of the History of Ideas», New York, 1961, Jan.— Mars, pp. 81—96.

Американский историк Г. Л. Моссе из Висконсинского университета в статье «О мистических корнях национал-социализма», напечатанной в известном американском журнале «Journal of the History of Ideas», сделал попытку установить связь между человеконенавистнической идеологией нацизма и некоторыми реакционными идейными течениями, появившимися в Германии в конце XIX—начале XX в., показать исторически процесс формирования элементов фашистской идеологии.

Автор пытается разобраться в той затхлой идейной атмосфере, в которой вызревали комплексы идей, взятые впоследствии на вооружение нацистами в Германии. Идейные корни фашистской идеологии следует, по мнению автора статьи, искать в той реакции против позитивизма и материализма, «которая охватила Европу в конце XIX века». На смену рационализму, характерному для развития буржуазной мысли в предыдущий период, в это время пришли, казалось бы, забытые и давно похороненные романтические и мистические идеи. В Германии, полагает автор, романтизм еще в начале XIX в. подготовил почву для распространения «учения» о том, что некая исключительная трансцендентная сила, проявляющаяся якобы в духе немецкого народа, не может быть истолкована средствами разума, а должна быть постигнута интуитивно — мистическим или оккультным способом. Распространение подобных идей было тесно переплетено с безудержным прославлением «арийского прошлого». В обстановке этой идейной реакции в Германии, по мнению автора, зародились теории, из которых впоследствии черпали свои идеи фашистские заправилы. Прямыми идейными предшественниками нацизма автор считает группу немецких реакционных публицистов, подвизавшихся в конце XIX и начале XX в.: Пауля де Лагарда, Гвидо Листа, Альфреда Шулера, Юлиуса Лангбена. В своих многочисленных книгах, статьях и брошюрах эти мракобесы развивали «принципы», впоследствии подхваченные Гитлером, Геббельсом, Розенбергом и др. Эти публицисты на все лады трубили о том, что залог возрождения и дальнейшего развития Германии лежит в преодолении материализма, господствовавшего, по их мнению, в культурной жизни страны.

Разуму они противопоставляли такие понятия, как инстинкт, стихия, раса. Интуицию и «мистический опыт», но не здравый смысл следовало, по мнению этих реакционеров, положить в основу грядущих деяний немцев. Они утверждали, что единственной творческой силой в истории является некая мистическая сила, познать которую можно, лишь окончательно освободившись от рационализма современной цивилизации. Нужно вернуться к «первобытной неиспорченности», призывали эти мракобесы, восхваляя нравы и обычаи древних германцев. Они писали, что возрождение первобытных, жестоких нравов и обычаев приведет к «оздоровлению» современной политической жизни Германии. Выдвигался лозунг о возвращении к «древним арийским истокам германской культуры», якобы замутненной и испорченной рационализмом и материализмом. Автор не понимает, что распространение подобных реакционных идей в конце XIX — начале XX в. было конкретным проявлением глубокого кризиса буржуазной идеологии в эпоху империализма.

Возрождение древнего арийского духа, согласно учению реакционных немецких публицистов, должно было содействовать созданию нового типа государства, которое они противопоставляли буржуазной демократии. Это государство, заявляли они, будет построено не на принципах равенства, а на принципах беспрекословного подчинения различных корпораций общества расовой «элите». Таким образом, автор статьи показывает, что в писаниях реакционных публицистов конца XIX — начала XX в. уже вырисовывались идеи того антинародного, антидемократического тоталитарного государственного режима, который впоследствии установил в Германии фашизм.

Г. Л. Моссе обращает также внимание на то, что реакционные публицисты пропагандировали необходимость войн, провозглашали культ грубой силы как фактор, укрепляющий «арийский дух», а также выступали с разнузданной проповедью антисемитизма.

Автор правильно усматривает один из источников формирования идеологии германского фашизма в реакционно-мистических концепциях конца XIX — начала XX века. Однако идейная родословная нацизма этим отнюдь не исчерпывается. Немалую роль в формировании нацистских взглядов сыграли и философия Фридриха Ницше с ее циничным культом грубой физической силы и редукцией морали к эстетике, и шовинистические расистские разглагольствования целого ряда германских историков и географов (Трейчке, Вирта, Ратцеля и др.) об «избранности», якобы присущей германской расе, и о ее «праве» господствовать над миром, и разнузданные милитаристские призывы пангерманистов (Ревентлова, Рорбаха, Класса и др.), и пресловутая лженаука геополитика и т. д.

И хотя Моссе уловил связь идей нацизма с предшествующими реакционными теориями, он не смог в силу своего идеалистического мировоззрения правильно оценить происхождение фашистской идеологии. Это произошло потому, что автор рассматривал «чистую» филиацию идей, полностью абстрагируясь от той социально-экономической почвы, которая их породила. Поэтому в статье отсутствует научная оценка фашистской идеологии как идеологии, выражающей классовые интересы наиболее реакционных кругов монополистической буржуазии.

Б. А. Бенедиктов

По поводу изучения истории СССР в Англии

«*Science and Society*», New York, Winter 1961, vol. XXV, № 1, pp. 1—19.

Если верить заголовку статьи «Изучение истории Советского Союза в Англии» Р. Шлезингера — редактора выходящего в Глазго журнала «Soviet Studies», можно подумать, что мы наконец имеем дело с попыткой дать обобщенное представление о том, как изучалась и изучается история нашей страны английскими учеными. Но заголовок оказывается обманчивым. В начале статьи автор дает верную характеристику американского «советоведения». Суть ее сводится к тому, что изучение истории СССР в Соединенных Штатах подчинено целям «холодной войны» и не может быть объективным. С этим нельзя не согласиться. Однако, как становится ясным в дальнейшем, неприглядная картина американского «советоведения» нарисована Шлезингером с единственной целью — уверить читателя, что положение вещей в Англии совершенно иное. «В отличие от типичных американских исследований о Советском Союзе изучение СССР в Великобритании не было порождено требованиями «холодной войны» и не реагирует на них до сих пор»,— утверждает Шлезингер.

Подобная идиллическая картина далека от действительного положения вещей. В Англии, как и в других капиталистических странах, реакционные историки издавали и издают немало тенденциозных, фальсификаторских работ по истории советского общества, ничего общего не имеющих с подлинной наукой. Этот бесспорный, хотя и печальный для английской историографии факт надо учитывать, оценивая попытку Шлезингера выделить основные течения в английской историографии советского общества. (Надо отметить, что автор полностью отвергает марксистскую историографию и даже не упоминает об изданных в Англии работах по истории СССР А. Ротштейна, М. Добба и др.)

Согласно Шлезингеру, таких течений три. К первому он относит себя и И. Дейчера. «И Дейчер и я,— пишет он,— мы оба ясно давали понять, что по-прежнему рассматриваем Советский Союз как авангард мирового движения к социализму. Мы также считаем, что действительно критическое изучение советской действительности полезно для социализма в СССР и в других странах».

Но кто же на самом деле эти «поборники социализма» и что представляют собой их труды? Рудольф Шлезингер, некогда причислявший себя к коммунистическому движению, в отличие от многих ренегатов не примкнул к крайне правым, настроенным резко антикоммунистически кругам. Однако его статьи, которыми изобилует редактируемый им журнал, свидетельствуют о том, что характеристика, данная Шлезингером самому себе, далека от истины. На каждое верное положение у него попадаются два заведомо неверных, хотя и сдобренных соусом объективизма. Апологетика капиталистического строя, реформизм за уверениями в левизне — вот что характерно для Шлезингера-историка.

Что касается Исаака Дейчера, то он как раз из тех отступников-троцкистов, которые пошли на открытый союз и прямое сотрудничество с реакцией. Свои симпатии к Троцкому он излил в двух книгах [1], которые даже буржуазные критики упрекали за отсутствие объективности; что же касается ненависти к социалистическому строю, то она сквозит чуть ли не в каждой строке как этих, так и многих других его писаний. В его последнем «произведении», базирующемся на курсе лекций, прочитанном в Канаде, мы находим типичные для самых завзятых антикоммунистов заявления о том, что Советский Союз будто бы является «полицейским государством», в котором массы «лишены политических прав», и т. д.[2].

Главой следующего течения Шлезингер считает Э. Карра, которому отведено две трети статьи. Шлезингер характеризует Карра как «ведущего западного исследователя советской истории». Карр, по мнению Шлезингера, пытается излагать историю «так, как она развивалась, без каких-либо предубеждений». Аполитичность и беспристрастие — таковы якобы отличительные черты работ Карра. Посмотрим же, насколько это соответствует действительности.

Известно, что по своему подходу к проблемам нашего времени Карр является одним из виднейших представителей так называемой «концепции сближения». Главное содержание этой «концепции» выражается в отрицании каких-либо принципиальных различий между общественными формациями, в особенности между капитализмом и социализмом, в утверждении незыблемой устойчивости старых, «раз навсегда утвердившихся» форм. Рассуждений подобного рода у Карра хоть пруд пруди. Вот что он пишет, например, о Великой Октябрьской социалистической революции: «В ходе революции элементы революционной новизны и элементы преемственности борются рука об руку, то соглашаясь друг с другом, то идя на конфликт, и так до тех пор, пока не образуется прочный синтез того и другого... Вообще, чем больше времени прошло с момента свершения революции, тем решительнее принцип преемственности утверждает себя над принципом новизны». И далее: «По мере того, как Советское правительство все более открыто становилось наследником русской государственной власти и привлекало к себе традиционные чувства русского патриотизма, оно начало выражать свою цель в форме, в которой проницательный ум мог безошибочно различить эхо прошлого России» [3].

Человеку, мало-мальски знакомому с историей нашей страны, совершенно ясно, что эти фантазии не имеют абсолютно ничего общего с действительными фактами свершения Великой Октябрьской революции и построения социализма в нашей стране. Желая того или нет, Карр включился в дискуссию, давно начавшуюся среди буржуазных историков, изучающих историю СССР, и принявшую с самого ее возникновения ярко выраженный политический характер,— дискуссию о том, «насколько радикально Октябрьская революция изменила историческое развитие России и принесла ли она русскому народу социализм» [4]. Подняв на щит концепцию «сближения», Карр создал извращенную картину истории СССР.

Третье и последнее «течение», согласно Шлезингеру, представлено Леонардом Шапиро. «Творческий» облик сего джентльмена советская научная общественность могла хорошо представить по рецензии А. Ротштейна на его лживую и злобную книгу «История Коммунистической партии Советского Союза» [5]. Шлезингер упоминает и предыдущий «труд» Шапиро—«Истоки ком-

---

[1] I. Deutscher. The Prophet Armed, 1879—1921. London. 1954; ejusd. The Prophet Unarmed, 1921—1929. London. 1959.

[2] I. Deutscher. The Great Contest: Russia and the West. London. 1960, pp. 3, 6, 8, 21. etc.

[3] Edward Hallett Carr. Socialism in One Country, 1924—1926. London. 1958, v. I, p. 21.

[4] См., например, сборник «Continuity and Change in Russian and Soviet Thought», ed. by J. Simmons. Cambridge (Mass.). 1955.

[5] См. «История СССР», 1961, № 2.

мунистической автократии»[6]. Но даже Шлезингер признает: «Это не связный рассказ, но агломерат глав, написанных с позиций различных групп, противостоявших большевикам. Для него большевики, по крайней мере их ортодоксальное крыло,— хитроумная, дьявольская сила вне реальной действительности. Естественно, исходя из этого, Шапиро описал становление большевистского режима как результат интриг и насилия... Читатель может только диву даться, как партия без собственной сплоченности могла процветать, преследуя столь негативный курс».

Нельзя не согласиться с подобной характеристикой творений Шапиро, а также и с тем, что его подход «наиболее близок типичным американским работам». Но последним сам Шлезингер опровергает собственное утверждение о невосприятии английскими исследователями истории СССР требований и духа «холодной войны».

Еще одним доказательством влияния «холодной войны» и антикоммунистических веяний на историческую науку в Великобритании служат труды целой вереницы авторов, о существовании которых Шлезингер стыдливо умалчивает. В самом деле, а где же М. Белов (упоминаемый лишь вскользь), Х. Сетон-Уотсон, У. Коларж, Х. Слэйтер, Алан Мурхед, стяжавший сомнительную славу клеветника, и другие им подобные фальсификаторы истории и проповедники антикоммунизма.

Таким образом, реальные факты неопровержимо свидетельствуют против искаженной картины, нарисованной Шлезингером.

В. З. Дробижев,
Ю. И. Игрицкий

Фальсификация истории гитлеровской агрессии на Балканах в 1940—1941 годах

«The Journal of Modern History». Chicago, December 1960. Vol. XXXII, № 4, pp. 359—370.

В последние годы на страницах чикагского журнала «Journal of Modern History» обычным явлением стали статьи, авторы которых берут под защиту агрессивный германский империализм, стремятся вопреки фактам обелить его захватническую внешнюю и реакционную внутреннюю политику. Одной из таких статей является работа американского буржуазного историка Эрнста Прессайзена «Прелюдия к «Барбароссе». Германия и Балканы, 1940—1941 гг.». В ней освещается политика гитлеровской Германии на Балканах с середины 1940 г. до весны 1941 года.

Статья построена главным образом на основе опубликованных государственным департаментом США тенденциозно составленных сборников документов германской внешней политики, дневников и мемуаров ближайших военных и дипломатических сотрудников Гитлера и Муссолини (Гальдера, Чиано, Хасселя, Э. Кордта). Кроме того, Прессайзен безоговорочно воспринимает и использует в своей статье основные положения и выводы из книг западногерманских буржуазных историков А. Хильгрубера[1] и Э. Шрамм фон Таддена[2], которые стремятся оправдать империалистическую гитлеровскую политику на Балканах в годы второй мировой войны. Работы советских, болгарских и румынских историков о германской агрессии на Балканах в период второй мировой войны Прессайзен полностью игнорирует.

Прессайзен пытается не только снять ответственность с гитлеровской Германии за агрессию на Балканах в 1940—1941 гг., но и возложить ее на другие страны, прежде всего на СССР. Он стремится создать впечатление, будто бы Гитлер был «втянут в борьбу за Балканы» в 1940—1941 гг. вопреки собственному желанию, в связи с действиями Советского Союза, Англии и Италии.

С июня 1940 г., утверждает Прессайзен, после того, как Советский Союз вернул себе Бессарабию и Северную Буковину, определяющим моментом в балканской политике Гитлера являлся будто бы страх перед усилением влияния СССР на юго-востоке Европы и, в частности, в Румынии.

Далее Прессайзен уверяет, будто бы летом 1940 г. румынский король Кароль перед лицом «советской угрозы» был вынужден обратиться к Гитлеру с просьбой о поддержке, что привело к окончательному оформлению военно-политического союза между Германией и монархо-фашистской Румынией.

Так, во имя оправдания захватнических устремлений Гитлера на Балканах, которые, как известно, занимали не последнее место в его планах завоевания мирового господ-

---

[6] L. Schapiro. Origins of the Communist Authocracy. New York. 1957.

[1] A. Hillgruber. Hitler, König Karol und Marschal Antonescu. Wiesbaden. 1954.

[2] E. Schramm von Thadden. Griechenland und die Großmächte im zweiten Weltkrieg. Wiesbaden. 1955.

ства, Прессайзен грубо искажает и фальсифицирует исторические факты.

Прежде всего следует отметить, что еще весной 1940 г., то есть в разгар наступления гитлеровских полчищ на западе, румынские правители во главе с королем Каролем решили окончательно переметнуться на сторону гитлеровской Германии. 27 мая 1940 г. между Румынией и Германией было подписано «Соглашение об обмене германских военных материалов на румынские нефтепродукты» [3]. Одновременно с этим румынский премьер-министр Ж. Татареску обратился к гитлеровскому посланнику в Бухаресте Фабрициусу с предложением об установлении между Германией и Румынией «всестороннего сотрудничества» [4]. Особенно настойчивыми эти предложения «о сотрудничестве» между гитлеровской Германией и монархо-фашистским правительством Румынии стали после капитуляции Франции. Румынские правители рассчитывали на то, что после завершения кампании в Западной Европе Гитлер повернет свои армии против СССР. Из дневника гитлеровского генерала Гальдера известно, что в это время верховное командование германских вооруженных сил уже обсуждало вопрос, «как нанести России военный удар, чтобы заставить ее признать господствующую роль Германии в Европе» [5].

Обо всем этом Прессайзен предпочитает умалчивать. Умалчивает он и о том, что хорошо известно,— об истинном характере политики СССР накануне второй мировой войны, направленной на сохранение мира, на противодействие гитлеровской агрессии.

В наши дни, когда западногерманские милитаристы вновь угрожают миру в Европе, всякая попытка представить действия Гитлера на Балканах в годы второй мировой войны как «вынужденные и оборонительные» является услугой агрессору. А ведь к этому и сводится основной смысл статьи американского буржуазного историка Прессайзена.

И. Н. Чемпалов

[3] Documents on German Foreign Policy. Ser. D. Vol. IX, № 338.
[4] Ibid., № 345.
[5] «Военно-исторический журнал», 1959, № 2, стр. 66.

РЕЦЕНЗИИ НА СОВЕТСКИЕ ИЗДАНИЯ *

«Археографический ежегодник» (за 1957, 1958, 1959 годы). М. 1958—1960. Рец.: Vodoff V.— «Bull. des bibl. de France». Paris. 1961, № 12, p. 599—600.

Асмус В. Ф. Демокрит. М. 1960. 77 стр. Рец.: Kupis B.— «Studia filosoficzne». Warszawa. 1961, № 3, s. 213.

Бокщанин А. Г. Парфия и Рим. Ч. I. М. 1960. 251 стр. Рец.: P. O.— «Československý časopis hist.». Praha. 1961, № 6, s. 895.

«Восстание 1863 года и русско-польские революционные связи 60-х годов». М. 1960. 731 стр. Рец.: Ramotowska F. — «Archeion». Warszawa. 1961, № 35, s. 172—179.

«Всемирная история». В 10 томах. Т. 7. М. 1960. 820 стр. Рец.: Cerroni U. — «Rassegna sovictica». Roma. 1961, № 6, p. 95—96.

Далин С. А. Военно-государственный монополистический капитализм в США. М. 1961. 352 стр. Рец.: Dobroczyński M. — «Sprawy międzynarodowe». Warszawa. 1961, № 10, s. 132—135.

Дундулис Б. Борьба литовского народа за Жемайтию и Занеманье в XV веке. Вильнюс. 1960. 318 стр. На литов. яз. Рец.: Ochmański J. — «Kwartalnik hist.». Warszawa. 1961, № 3, s. 788—790.

Еременко А. И. На западном направлении. Воспоминания о боевых действиях войск Западного, Брянского фронтов и 4-й ударной армии в первом периоде Великой Отечественной войны. М. 1959. 190 стр. Рец.: Bułhak H. — «Kwartalnik hist.». Warszawa. 1961, № 3, s. 810—811.

Еременко А. И. На западном направлении. М. 1959. 190 стр. Пер. на немецк. яз.: Berlin. 1961. 232 S. Рец.: Clement Fr.— «Einheit». Berlin 1961, Hf. 11/12. S. 1789—1792.

Жебокрицкий В. А. Болгария накануне Балканских войн 1912—1913 гг. Киев. 1960. 250 стр. Рец.: Митев И.— «Ист. преглед». София. 1961, № 4, с. 115—119.

Заднепровский Ю. Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе. 1960. 175 стр. с илл. Рец.: Erdélyi I. — «Archaeologiai értesitö». Budapest. 1961. 2. sz. 307—308. old.

«Записки декабристов». Вып. 1—3. Лон-

* Перечень рецензий составлен сотрудниками сектора науки Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР по журналам, поступившим в ФБОН в течение января 1962 года.

дон. Вольная русская типография, 1862—1863. Вып. 1. 1862. 114 стр. Вып. 2—3. 1863. 181 стр. Пер. на польск. яз.: Warszawa. 1960. T. I. 482 s.; т. 2. 663 s. Рец.: Bazylow L. — «Nowe książki». Warszawa. 1961, № 5, s. 268—269.

Исламов Т. М. Политическая борьба в Венгрии в начале XX века. М. 1959. 411 стр. Рец.: Dolmányos I. — «Századok». Budapest. 1961. 4—5. sz. 759—761. old.

«История Великой Отечественной войны Советского Союза». Т. 3. М. 1961. 662 стр. Рец.: Pierre A. Comment les soviétiques retracent la guerre contre l'Allemagne hitlérienne. «Monde diplomatique». Paris. 1962. № 93, p. 18.

«История СССР. Эпоха социализма (1917—1957 гг.)». М. 1957. 772 стр. Пер. на нем. яз.: Berlin. 1960. 791 S. Рец.: Teschner H. — «Deutsche Aussenpolitik». Berlin. 1961, Hf. 11, S. 1378—1381.

Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.-Л. 1960. 357 стр. Рец.: Fennell J. L. I. — «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas». Wiesbaden. 1961, Hf. 3, S. 440—443.

Карлинер М. М. Рабочее движение в Англии в годы первой мировой войны (1914—1918). М. 1961. 488 стр. Рец.: Oprea I. M. — «Analele Inst. de istorie a Partidului de pe lînga C. C. al P. M. R.»: Bucureşti. 1961, № 6, p. 129—136.

Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в. М. 1960. 411 стр. Рец.: I. J. Mz.— «Československý časopis hist.». Praha. 1961, № 6, s. 899. 2. Kudláček J.—«Hist. časopis». Bratislava. 1961, № 4, s. 679—681.

Кон И. С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М. 1959. 403 стр. Рец.: Kudrna J. — «Průkopnické dílo». «Tvorba». Praha. 1961, № 25, s. 592—593.

Левин Ш. М. Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX века. М. 1958. 512 стр. Рец.: Wierzchowski M. — «Przegląd hist.». Warszawa. 1961, № 4, s. 813—816.

Левицкий Я. А. Города и городское ремесло в Англии в X—XII вв. М.-Л. 1960. 299 стр. Рец.: Kudláček J. — «Hist. časopis». Bratislava. 1961, № 4, s. 695—696.

Ленин В. И. Сочинения. Т. 22. Изд. 4-е. М. 1948. IX, 375 стр. Пер. на франц. яз.: Moscou. 1960. 420 p. Рец.: Bruhat J. — «Pensée». Paris. 1961, № 100, p. 132—134.

Ленин В. И. Сочинения. Т. 26. Изд. 4-е. М. 1949. 531 стр. Пер. на нем. яз.: Berlin. 1961. 586 S. Рец.: Reisberg A.— «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung». Berlin. 1961, Hf. 4, S. 960—969.

Ленин В. И. Сочинения. Т. 27. Изд. 4-е. М. 1950. IX. 581 стр. Пер. на франц. яз.: Moscou. 1961. 662 p. Рец.: Bruhat J. — «Pensée». Paris. 1961, № 100, p. 132—134.

Ленин В. И. Сочинения. Т. 38. Изд. 4-е. М. 1958. XIII, 644 стр. Пер. на англ. яз.: Moscow. 1961, 638 p. Рец.: — «Times lit. suppl.». London. 1961, № 3117, p. 854.

Ливанцев К. Е. История государства и права феодальной Польши XIII—XIV вв. Л. 1958. 159 стр. Рец.: Zagorny S. — «Czasopismo prawno-historyczne». Poznań. 1961, № 2, s. 284—287.

«Межимпериалистические противоречия на первом этапе общего кризиса капитализма». М. 1959. 311 стр. Рец.: R. K. — «Československý časopis hist.». Praha. 1961, № 6, s. 909—910.

Морозов Л. Ф. Решающий этап борьбы с нэпманской буржуазией (Из истории ликвидации капиталистических элементов. 1926—1929 гг.). М. 1960. 103 стр. Рец.: Z. Sl. — «Československý časopis hist.». Praha. № 6, s. 918—919.

Нестурх М. Ф. Происхождение человека. М. 1958. 387 стр. Рец.: «Recherches africaines». Conacry—Berlin, 1961, № 3, p. 83—85.

Нестурх М. Ф. Человеческие расы. М. 1958. 104 стр. Пер. на нем. яз.: Leipzig—Jena, 1959. 112 S. Рец.: Grimm H. — «Ethnographisch-archäologische Zeitschrift». Berlin. 1961, Hf. 2, S. 176—178.

Неусыхин А. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М. 1956. Пер. на нем. яз.: Berlin. 1961. Рец.: F. G. — «Československý časopis hist.». Praha. 1961, № 6, s. 897.

Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII — XIV веков. М.-Л. 1960. 492 стр. Рец.: Składanek B. — «Przegląd orientalistyczny». Warszawa. 1961, № 3, s. 322—324.

«Построение фундамента социалистической экономики в СССР. 1926—1932 гг.». М. 1960. 574 стр. Рец.: Z. Sl. — «Československý časopis hist.». Praha. 1961, № 6, s. 918.

Ранович А. Эллинизм и его историческая роль. М.-Л. 1950. 383 стр. Пер. на польск. яз.: Warszawa. 1961, 523 s. Рец.: Geremek H. — «Nowe książki». Warszawa. 1961, № 18, s. 1126—1127.

Сатыбалов А. А. Исторические типы общности людей (Род, племя, народность, нация). Л. 1959. 55 стр. Пер. на англ. яз.: New York. 1960. 72 p. Рец.: Fried M. H. — «Amer. anthropologist». Menasha. 1961, № 5, pt. I, p. 1102—1105.

«Славянский сборник». Вып. 1. Исторический. Воронеж. 1958. 154 стр. Рец.: Bogdan D. P.—«Analele romino-sovietice». Ser. istoric. Bucureşti. 1961, № 3, p. 113—116.

Спасский И. Г. Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. 2-е изд. М. 1960. 123 стр. Рец.: Petrtyl J.— «Časopis Společnosti přátel starožitnosti». Praha. 1961, № 4, s. 252.

«Статут Великого княжества Литовского 1529 года». Минск. 1960. 253 стр. Рец.: Russocki S. — «Czasopismo prawno-historyczne». Poznań. 1961, № 2, s. 271—275.

Тарвэл Э. В. Аграрные отношения в польских владениях южной Эстонии в конце XVI — начале XVII века. Таллин. 1961. 26 стр. Рец.: В. В. — «Kwartalnik historii

kultury materialnej». Warszawa. 1961, № 4, s. 871.

Урланис Б. Ц. Войны и народонаселение Европы. М. 1960. 567 стр. Рец.: Vávra Z. Evropa a války. «Nowa mysl». Praha. 1962, № 1, s. 117—120.

Федоренко П. К. Рудни Левобережной Украины в XVII—XVIII вв. М. 1960. 263 стр. Рец.: Pazdur J. — «Kwartalnik historii kultury materialnej». Warszawa. 1961, № 4, s. 852—855.

Хачатурян Р. Г. Из истории армянской зарубежной печати. Ереван. 1960. 151 стр. Рец.: Тодорова Цв.— «Ист. преглед». София. 1961, № 4, с. 120—121.

Хрущев Н. С. Мир без оружия — мир без войн. Тома 1—2. М. 1960. Т. 1. 512 стр.; т. 2. 440 стр. Пер. на чеш. яз.: Praha. 1961. Diel 1. 504 s.; diel 2. 425 s. Рец.: К. — «Hist. časopis». Bratislava. 1961, № 4, s. 682.

Шейнман М. М. Краткие очерки истории папства. М. 1952. 192 стр. Пер. на словац. яз.: Bratislava. 1960. 156 s. Рец.: Piksa J. Dejiny pápežstva. «Predvoj». Bratislava. 1961, № 35, s. 16.

Шнитман А. М. Болгарская рабочая печать 90-х годов XIX века о начале революционной деятельности В. И. Ленина, о русском освободительном движении. Мурманск. 1961. 45 стр. Рец.: Георгиев А.— Две съветски книги за българския работнически печат. «Български журналист». София. 1961, № 11, с. 28.

Шнитман А. М. Книга В. И. Ленина «Что делать?»—оружие в борьбе революционных марксистов против оппортунизма в Болгарии (1902—1904 гг.). Мурманск. 1961. 33 стр. Рец.: Георгиев А. Две съветски книги за българския работнически печат. «Български журналист». София. 1961, № 11, с. 28.

Щапов Я. Н. Собрание И. Я. Лукашевича и Н. А. Маркевича. Описание. М. 1959. 144 стр. Рец.: Bogdan D. P. — «Analele romîno-sovietice». Ser. istorie. Bucureşti. 1961, № 3, p. 116—119.

Щебеньков В. Г. Русско-китайские отношения в XVII в. М. 1960. 238 стр. Рец.: Neubauer H. — «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas». Wiesbaden. 1961, Hf. 3, S. 443—444.

Ярославский Е. Библия для верующих и неверующих. М. 1959. 408 стр. Рец.: Jursa F. Nova Kniha vedeckeho ateizmu. «Čitatel». Martin. 1961, № 2, s. 77—78.

Ярхунов В. М. Через Неву (67-я армия в боях по прорыву блокады Ленинграда). М. 1960. 96 стр. Рец.: — «Wojskowy przegląd hist.». Warszawa. 1961, № 3, s. 428.

Хроника научной жизни

НОВЫЙ ВЕНГЕРСКИЙ ЖУРНАЛ И ВЕНГЕРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ АРХИВЫ

С 1961 г. начал выходить в свет теоретический орган Государственного центра архивов Венгрии (ГЦА) журнал «Levéltari szemle» («Архивное обозрение»). По своей тематике он является продолжением выходившего ранее журнала «Levéltari hirado». Новый журнал публикует материалы, посвященные теоретическим проблемам развития архивного дела. В состав редколлегии журнала входят Иштван Сигетвари (ответственный редактор) и другие крупнейшие специалисты.

В «Levéltari szemle» имеется 6 постоянных рубрик: «Вопросы архивной работы» (содержит статьи по теоретическим проблемам); «Из жизни наших архивов»; «Данные по истории архивов»; «Зарубежные командировки венгерских архивистов»; «Статьи из зарубежных архивных журналов»; «Обозреватель» (хроника научной жизни в ВНР и за рубежом). В каждом номере «Levéltari szemle» дается его содержание на венгерском, русском и французском языках и указываются основные статьи следующего номера.

Выход в свет нового журнала тесно связан с произведенным за последние годы упорядочением сети исторических архивов в ВНР. До 1945 г. в Венгрии существовали три типа архивов: Национальный (с 1875 г.); комитатские, собиравшие материалы местных учреждений; городские. Они подчинялись разным министерствам. Такая децентрализация не могла не отразиться на состоянии дела. Местные архивы не получали квалифицированной научной помощи.

Вплоть до 1945 г. даже в Национальном архиве количество исследователей никогда не превышало 170 человек в год, а в местных архивах едва достигало трех десятков. В основном это были лица, изучавшие генеалогию богатых дворянских семейств, а также священники и учителя.

Огромную роль в возрождении архивного дела в Венгрии сыграл указ 1950 г. о централизации архивного дела в стране. Все архивохранилища были поставлены под контроль ГЦА. Резко возросло значение Национального архива, с 1945 г. начавшего быстро пополняться новыми документами. В настоящее время он содержит богатейшие документальные материалы по истории венгерского и других народов Европы, в том числе народов СССР, датируемые XI—XX веками. С 1950 г. начали выходить в свет описи и репертории основных фондов Национального архива. Из важнейших материалов, хранящихся в нем, следует указать на документы Венгерской канцелярии за 1526—1867 гг., Трансильванской канцелярии за 1687—1867 гг., акты эпохи абсолютизма, решения Венгерского королевского совета наместничества за 1721—1848 гг., бумаги различных министерств буржуазной Венгрии, постановления Государственного собрания за 1861, 1867—1948 гг. и материалы так называемого «Архива главы государства» за 1890, 1920—1948 годы.

Была проделана большая работа по публикации источников по истории страны. В 1956 г. Венгерская Академия наук выпустила первый том сборника документов эпохи Жигмонда (1400—1406 гг.), а в 1958 г. вышел второй том (1407—1410 гг.); в 1959 г. был издан сборник документов «Рабочее и крестьянское движение в Венгрии в 1849—1867 гг.»; в 1960 г.—«Протоколы заседаний Совета министров Венгрии во время первой мировой войны». В ближайшие годы будет выпущен в свет ряд интересных сборников документов по истории Венгрии XIII—XX столетий, в том числе по истории Венгерской Советской республики 1919 года. До 1960 г. вышли в свет три тома серии «Документы по истории контрреволюции в Венгрии». Издан также ряд работ (Д. Эмбера, К. Вёрёша и др.) по истории государственных учреждений Венгрии.

Значительно увеличилось число исследователей, работающих в государственных архивах. К юбилейным датам архивами организованы выставки документов: по случаю 250-летней годовщины освободительной войны под руководством Ракоци; 40-летия провозглашения Советской республики в Венгрии; 15-летия освобождения Венгрии от фашизма и др.

В 1956 г. ГЦА был принят в Международный совет архивов (МСА). Венгерские специалисты принимали участие в работе 3-го конгресса МСА (1956 г.), в конференциях Круглого стола архивов (1957—1959 гг.) и 4-го конгресса МСА (1960 г.). ГЦА установил тесные дружеские связи с архивными учреждениями СССР и других социалистических стран. Ныне разработан второй пятилетний план развития архивного дела в ВНР, предусматривающий превращение архивов страны в подлинно научные учреждения.

Л. И. Переплетчиков

ОХРИДСКИЙ КОНГРЕСС ВИЗАНТИНИСТОВ

Очередной, XII Международный конгресс византинистов проходил с 10 по 16 сентября 1961 г. в македонском городе Охриде. Тесные исторические связи Македонии с Византией, наличие в Охриде первоклассных памятников славянского и византийского искусства обусловили выбор этого города как места созыва международного форума 500 специалистов по истории Византии, Причерноморья, Балкан, Италии, Северной Африки и Ближнего Востока, прибывших из 39 стран.

Значительно шире, чем на всех предшествующих конгрессах, была представлена на данном конгрессе наука стран социалистического лагеря. Одним из рабочих языков конгресса явился русский язык. На пленарных заседаниях заслушивались основные доклады с последующей дискуссией; многочисленные доклады были сделаны на засе-

даниях шести секций: истории; искусства и археологии; филологии и истории литературы; истории церкви и теологии; права и вспомогательных дисциплин; истории византийской музыки.

Советская делегация выступила с коллективным докладом «Город и деревня Византии в IV—XII вв.» (авторы — чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевская, Е. Э. Липшиц, М. Я. Сюзюмов, А. П. Каждан), заранее опубликованным и разосланным участникам конгресса. Во вступительном слове редактор доклада З. В. Удальцова изложила основные его положения [1], особо подчеркнув значение самой постановки проблемы взаимоотношений города и деревни в Византии: длительное время аграрная история и история городов Византии рассматривались параллельно; не учитывалась существовавшая между ними достаточно тесная связь; однако значительный прогресс науки за последние годы дал возможность перейти к синтезу истории византийского города и деревни как единого процесса развития феодального общества; в этом и состоит новизна постановки проблемы в докладе советских ученых, причем самая проблема рассматривается в ее динамике на протяжении IV—XII вв., что потребовало разрешения малоизученных ранее вопросов периодизации истории города и деревни как единого социально-экономического комплекса.

С содокладами по этой теме выступили П. Лемерль (Франция), П. Харанис (США) и Д. Ангелов (Болгария).

Доклад советских византинистов вызвал широкую научную дискуссию. Развернулась острая борьба мнений по вопросам о существовании в Византийской империи феодализма, о путях перехода от рабовладения к феодализму, о славянской колонизации и сельской общине на Балканах, о роли городов в судьбах империи, об «этатизме» в Византии и самом характере византийского государства. Исключительно плодотворная дискуссия помогла выяснить некоторые важные, хотя и спорные проблемы социально-экономической истории Византии. Помимо содокладчиков, по теме доклада выступили Г. Острогорский (ФНРЮ), Э. Кондураки (Румыния) и др.

На пленарном заседании 11 сентября Д. Оболенским (Англия) был сделан доклад «Принципы и методы византийской дипломатии», которые автор попытался проследить на данных из района северных границ империи — от Карпат до Кавказа. Д. Оболенский пришел к выводу, что главной целью этой дипломатии были постоянная защита границ империи путем предотвращения нападений кочевников и расширение сферы политической и культурной гегемонии империи при помощи создания вдоль ее границ цепи зависимых государств.

По нашему мнению, докладчик не избежал некоторой идеализации такого специфического метода действий византийских политиков, как использование церковной дипломатии. Он всячески восхвалял гибкость, умелость и значение византийской дипломатии, особенно когда речь шла о действиях в отношении таких государств, как Болгария, Сербия и Русь, и явно забывал о том, что эта дипломатия прикрывала стремление Византии к подчинению соседних стран и народов. Недаром подобная политика встречала сопротивление и часто терпела поражения. В качестве содокладчика выступил Д. Закифинос (Греция), дополнивший и уточнивший некоторые положения, высказанные Д. Оболенским.

На пленарном заседании 12 сентября обсуждался доклад Г. Бекка (ФРГ) «Паламизм и гуманизм». Автор попытался обосновать, на наш взгляд, неверную теорию о превосходстве мистического учения византийского богослова Григория Паламы над гуманистическими идеями калабрийского ученого Варлаама и его последователей. Можно согласиться лишь с тем тезисом докладчика, что победа паламитов остановила в Византии опасное для официальных кругов развитие идеологии в сторону возрождения идей язычества и отчасти заставила представителей византийского гуманизма перенести свою деятельность в Италию.

Содокладчик Г. Бекка И. Мейендорф (США) высказал свою точку зрения относительно понятия «гуманизм». Он привел соображения в пользу того, что название «гуманисты» в Византии следует прилагать ко всем ученым (начиная с Фотия и кончая Плифоном), которые занимались изучением классической древности. Со столь узким и не вполне точным определением гуманизма явно нельзя согласиться: оно игнорирует то обстоятельство, что гуманизм был широким культурным движением, от-

[1] Подробнее о них см. «Разработка основных проблем социально-экономической истории Византии в советском византиноведении за последние годы». «Вопросы истории», 1961, № 8.

ражавшим идеологию зарождавшегося буржуазного общества.

На том же заседании Ф. Дэльгер (ФРГ) прочитал доклад «Византийская и средневековая сербская государственная канцелярия». В нем были рассмотрены особенности организации и деятельности императорской и более поздней — сербской правительственных канцелярий и охарактеризованы их документы. Однако необходимо учитывать, что выводы Дэльгера правомерны лишь применительно к изучению формы документов, но должны восприниматься критически, когда исследователь обращается к их содержанию.

Основным оппонентом Ф. Дэльгера выступил крупный знаток византийских и славянских средневековых источников В. Мошин (ФНРЮ), пришедший к выводу, что византийская канцелярия не оказала исключительного влияния на сербскую и что даже в периоды наибольшего проникновения влияния византийского права на Балканы сербские документы всегда сохраняли свои характерные особенности, восходящие к древним традициям. Ряд критических замечаний по докладу сделал также Г. Острогорский.

На пленарном заседании 13 сентября был заслушан доклад чл.-корр. АН СССР В. Н. Лазарева «Живопись XI—XII веков в Македонии». Советский ученый развил выдвинутый им в его многочисленных работах тезис о том, что «наряду с Константинополем, игравшим ведущую роль и несомненно задававшим тон в средние века, существовало немало местных художественных центров, опиравшихся на свои собственные традиции, порою весьма древние. Особое место занимали национальные школы, которые, как правило, постепенно эмансипировались от византийских влияний и обычно выходили на самостоятельный путь развития». Подчеркнув противоречивость этого процесса в разных странах, докладчик справедливо указал на то, что изучение его возможно лишь на основании анализа конкретной обстановки в каждый исторический период. Проблема местных и национальных школ была поставлена в докладе на примере искусства Македонии XI—XII вв. путем анализа Охридских, Нерезийских, Курбиновских, Фессалоникских, Касторийских фресок и мозаик. В. Н. Лазарев пришел к выводу, что история живописи в Македонии распадается на два периода. Первый (до середины XI в.) связан с подъемом славянской культуры в Македонии. В памятниках этого времени явственно чувствуется народная и вместе с тем архаическая струя; артели художников состояли как из местных, славянских, так и пришлых, византийских мастеров. В середине XI в. наметился перерыв, длившийся около столетия. Второй период истории живописи Македонии наступил с середины XII века. Связанный с широкой эллинизацией Македонии, он ознаменовался усилением влияния константинопольской художественной школы и ослаблением славянских традиций. Распыленность элементов македонской культуры в XII в. помешала сложению на ее почве особой художественной школы. Таковой можно считать лишь сербскую школу живописи, возникшую уже в XIII веке.

Содокладчик В. Н. Лазарева О. Демус (Австрия) указал, в частности, что большинство дат, выдвинутых В. Н. Лазаревым, убедительно аргументировано. Второй содокладчик, С. Пелеканидис (Греция), высказал несогласие с основными положениями доклада В. Н. Лазарева, упрекнув последнего в «панславизме» и необоснованно, на наш взгляд, связав все особенности македонской живописи XI в. с влиянием византийского искусства. Третий содокладчик, специалист по византийскому и славянскому искусству, С. Радойчич (ФНРЮ), возражая С. Пелеканидису, поддержал датировку памятников, предложенную В. Н. Лазаревым. Попутно он выдвинул гипотезу о местном своеобразии ранней живописи храма Софии Охридской.

Основные положения доклада В. Н. Лазарева поддержал и А. Грабар (Франция), выразивший свое несогласие с «провизантийской» точкой зрения С. Пелеканидиса.

На том же пленарном заседании был изложен коллективный доклад югославских ученых (Дж. Бошкович, И. Николаевич-Стойкович, Дж. Стрижевич) «Архитектура поздней античности и раннего средневековья на Балканах». В этом докладе была поставлена чрезвычайно сложная проблема о преемственности между культурой поздней античности и раннего средневековья. Докладчики отстаивали тезис о существовании так называемой непрерывности в развитии градостроительства на Балканах в III—X веках. Эта точка зрения вызвала серьезные возражения. Содокладчик К. Миятев (Болгария) на основании своих многолетних археологических изысканий в Плиске и Преславе датировал большинство соответствующих памят-

ников IX—X веками и отрицал их непосредственную связь с памятниками более раннего времени. С. Дер-Нерсесян (США) подчеркнула не только необходимость изучения следов позднеантичных и ранневизантийских традиций, но и материалов, свидетельствующих о влиянии болгар на балканскую архитектуру протославян и затем славян в раннее средневековье.

На пленарном заседании 15 сентября был обсужден доклад Р. Якобсона (США) «Славянский отклик на византийскую поэзию». По докладу развернулась интересная дискуссия, в которой участвовали И. Шевченко (США), Дж. Радойчич, В. Мошин, Д. Оболенский и др. В тот же день состоялся доклад Г. Шмидта (Австрия) о связях византийского, балканского и славянского права. Наконец, на последнем пленарном заседании был заслушан доклад Э. Вэллеса (Англия) о принципах композиции в византийской музыке.

На секционных заседаниях обсуждалось большое количество разнообразных докладов на специальные темы. В секции «История» значительное место было отведено обсуждению вопросов социально-экономического развития Византии. Назовем доклады Г. Еверт-Каппесовой (Польша) «Проблема рабства в Византии в VII—IX вв.», Н. Зворноса (Франция) о традициях новелл императоров Македонской династии в «Synopsis Basilicorum», К. А. Осиповой (СССР) «Система класм в Византии в X в.» и Г. Г. Литаврина (СССР) «Был ли Кекавмен, автор «Стратегикона», феодалом?». Выступившие по этим докладам П. Лемерль, Д. Ангелов, В. Мошин, З. В. Удальцова и др. обсуждали вопрос о наличии феодальных отношений в Византии по данным таких памятников, как «Фиванский кадастр» XI в. и «Стратегикон» Кекавмена; тем самым фактически была продолжена интересная дискуссия о феодализме в Византии, развернувшаяся на пленарном заседании конгресса по коллективному докладу советских ученых.

С интересным докладом о налоговом обложении при Комнинах и Палеологах выступила Е. Гликаци-Арвейе (Франция). Несколько рефератов было посвящено социально-экономической истории сопредельных с Византией стран: Г. Цанковой-Петковой (Болгария) — о положении крестьян в Болгарии в период византийского владычества; С. Лишева (Болгария) — об особенностях развития феодализма в стране в XIV веке. Оживленный обмен мнениями вызвал доклад К. В. Хвостовой (СССР) «К вопросу о феодальной ренте южномакедонских монастырей XIV века». Доклад об агрикультуре Италии в период остготского владычества сделал К. Ханнестад (Дания). З. В. Удальцова прочитала доклад «Рабство и колонат в византийской Италии во второй половине VI и в VII в.».

Целая серия докладов касалась проблем этногенеза, в частности славянского, а также общественного строя и колонизации славянами Балкан. А. Бурмов (Болгария) посвятил свой доклад проблеме эволюции социально-экономического строя у южных славян в VI—VII вв. по данным византийских хроник. Б. Графенауэр (ФНРЮ) выступил с докладом о расселении славян на Балканском полуострове. Б. Застерова (Чехословакия) остановилась на спорных вопросах истории аваро-славянских отношений. С. Антоляк (ФНРЮ) доложил о результатах своих исследований «Склавинии». В. Тыпкова-Заимова (Болгария) посвятила свой реферат взаимоотношениям варваров с населением Балканских областей в VI—VII веках. П. Губер (Франция) рассмотрел данные Менандра Протектора и Феофилакта Симокатты о дунайских войнах конца VI века. В реферате В. Велкова (Болгария) сообщалось о результатах исследований этнических изменений населения городов Фракии в IV—VI веках. Демографической проблеме (в широком ее понимании) по VI—VII вв. был посвящен доклад И. Л. Тилля (США). Е. Демужо (Франция) рассмотрела вопрос о влиянии варварских вторжений на торговый обмен в Придунайских провинциях IV века.

Видное место заняли доклады, затронувшие проблему международных отношений и византийской дипломатии, особенно содержавшие интересный материал выступления Л. Лафранчи (Италия) и В. Онзорге (ФРГ).

Большую ценность представляли сообщения о вновь открытых, доселе неизвестных или не изданных еще источниках, например, Н. Экономидиса (Греция) о найденном им «Тактиконе» (X в.), С. Антониадис (Италия) об обнаруженной ею рукописи венецианского хрониста Джанкаруоло (XIV в.). На секции искусства и археологии был обсужден доклад А. В. Банк (СССР) «Некоторые памятники византийского прикладного искусства (IV—XII вв.) на территории СССР» (из раско-

пок последних десятилетий), а на секции права и вспомогательных дисциплин — доклад Е. Э. Гранстрем (СССР) «Неопубликованные и неисследованные тексты греческих палимпсестов». Оба последних доклада получили на конгрессе высокую оценку.

В дни работы конгресса состоялись также заседания Международной ассоциации византинистов (МАВ), обсудившей важные организационные вопросы. В ряды МАВ были приняты Румыния, Польша и Кипр. Было решено, что ФРГ и ГДР будут представлять в ассоциации одну страну — Германию, имея равное число отдельных представителей с правом решающего голоса. Был принят новый устав МАВ и избрано новое ее руководство в составе 3 почетных президентов, 7 почетных вице-президентов и Бюро из 11 человек (в состав его вошел чл.-корр. АН СССР В. Н. Лазарев).

Конгресс в Охриде явился свидетельством значительного подъема византиноведческих исследований во многих странах и дальнейшего развития научных связей ученых-византинистов всего мира.

З. В. Удальцова

Хроникальные заметки

◆ В 1962 г. исполняется 50 лет со времени прибытия в Польшу В. И. Ленина. Находясь в 1912—1914 гг. в Кракове и Поронино, В. И. Ленин руководил отсюда большевистской партией, готовя ее к новой революции, написал ряд работ, имеющих огромное теоретическое значение. В Польше охраняется ряд памятных мест, связанных с этим периодом в жизни и деятельности В. И. Ленина. Ленинские дни, проводимые ежегодно в ПНР, в 1962 г. будут тесно связаны с юбилеем 50-летия его приезда в эти места. Центральный музей В. И. Ленина в Варшаве готовит выставку «Ленин и польское революционное движение», которая должна показать влияние, оказанное В. И. Лениным и его трудами на процесс развития революционного, марксистского течения в польском рабочем движении. Краковский музей в новой экспозиции широко расскажет о событиях 1912—1914 годов. Будет полностью переоборудован Музей В. И. Ленина в Поронино.

◆ В августе 1936 г. вышел нелегально первый номер ежемесячника Коммунистической партии Австрии, посвященного вопросам развития демократии и научного социализма,— «Weg und Ziel». На протяжении всех 25 лет своего существования этот печатный орган напряженно боролся против фашизма, империализма и войны, активно выступал за мир, демократию и социализм. Большой вклад был внесен журналом в идеологическую подготовку низвержения гитлеровского режима в Австрии и завоевания ею независимости, в дело упрочения австрийского нейтралитета. «Weg und Ziel» успешно пропагандирует среди трудящихся Австрии великие идеи коммунизма, рассказывает об историческом опыте построения социалистического и коммунистического общества в СССР и странах народной демократии, содействует укреплению дружбы между народами социалистического лагеря и Австрии, поддерживает все прогрессивные начинания современности. В августе 1961 г. передовая общественность Австрии отметила 25-летний юбилей славной деятельности журнала «Weg und Ziel».

◆ В ноябре 1961 г. Институт марксизма-ленинизма при Лейпцигском университете имени К. Маркса провел научную конференцию по проблемам борьбы с идеологией антикоммунизма. В конференции приняли участие представители ряда высших учебных заведений ГДР. Был заслушан доклад директора Института имени Франца Меринга проф. Г. Байера и другие выступления, посвященные разоблачению антикоммунизма как идеологии умирающего капитализма и главного идейного оружия мировой реакции.

◆ Венгерский ученый Арпад Хаас выпустил книгу о современном капитализме (A. Haász. Korunk kapitalismusa. Budapest. KJK. 1961). В этой монографии, явившейся результатом многолетней работы, раскрываются основные черты экономики империалистического общества. А. Хаас разоблачает буржуазных авторов, пытающихся извратить марксистско-ленинскую теорию исторического процесса, и фальсификаторские трюки ревизионистов, правых оппортунистов, а также левосектантских догматиков, не видящих того нового, что привнес в марксизм-ленинизм исторический опыт, накопленный за последние десятилетия коммунистическими и рабочими партиями.

◆ В связи с 15-летием Всемирной федерации работников науки, в которой ученые ГДР состоят с 1954 г., состоялся форум берлинских ученых. На сессии обсуждались перспективы развития науки при социализме и коммунизме. Форум проводился под лозунгом «Знания, благосостояние и счастье—всему человечеству». Генеральный секретарь Немецкой Академии наук

проф. Риназккер в своем выступлении подчеркнул, что самой неотложной задачей ученых ГДР в деле построения социализма является тесное сотрудничество с учеными социалистических стран, в первую очередь с учеными Советского Союза.

◆ Научный центр итальянских историков-марксистов Институт Грамши (Рим) выпустил специальный номер «Studi storici» (1961), посвященный проблемам развития промышленного переворота в России, Италии, Венгрии, Чехии, Германии, Бельгии, Франции и Англии. Все статьи под общим заголовком «Studi sulla rivoluzione industriale» написаны авторами из названных стран. Редактор тома — видный итальянский историк-марксист Г. Манакорда.

◆ В Яунде (Камерун) создан центр по подготовке учебников для национальных учебных заведений африканских государств. В дальнейшем подобные центры намечено организовать и в ряде других стран Африки.

◆ В течение весны—лета 1961 г. на острове Торчелло (венецианская лагуна) велись археологические раскопки. Обнаружены остатки постоянных поселений римской эпохи и предметы материальной культуры Венеции VII—VIII вв., в том числе стеклоплавильная печь. Раскопками доказана большая древность первых венецианских поселений, ранее вызывавшая сомнение.

◆ В ГДР издан немецкий перевод выпущенной в 1954 г. Институтом этнографии АН СССР книги «Народы Африки». Авторский коллектив во главе с чл.-корр. АН СССР Д. А. Ольдерогге и проф. И. И. Потехиным переработал монографию для нового издания с учетом последних событий в Африке и новейших научных данных. Книга состоит из двух хорошо иллюстрированных томов.

◆ В январе 1962 г. в Берлине состоялось открытие «Болгарского культурного центра». На выставке демонстрируется более тысячи томов книг, иллюстрации, справочники, а также большой набор пластинок. Культурный центр послужит местом встреч с болгарскими представителями науки, культуры, политическими деятелями; в нем будут проводиться вечера, доклады на различные темы и устраиваться различные выставки. Особое внимание будет уделено 80-летию со дня рождения Георгия Димитрова, а также «Дню болгарской культуры и славянской письменности». Как заявил директор культурного центра И. Тошков, деятельность центра началась еще в прошлом году. С помощью культурных организаций ГДР было проведено 91 мероприятие в городах и деревнях республики с охватом 23 тыс. человек.

◆ 20 января 1962 г. в Гуанчжоу (КНР) закончило работу совместное собрание научных обществ философских и общественных наук провинции Гуандун, посвященное обсуждению итогов деятельности обществ в 1961 году. В секции истории были обсуждены доклады: «Характер и роль крестьянских войн в феодальном обществе Китая», «Идеи Конфуция», «Поздние идеи Лян Ци-чао», «Вопросы периодизации всемирной новейшей истории», «Причины перехода от феодализма к капитализму и роль надстройки при переходе от феодализма к капитализму», «Формы агрессии старого и нового колониализма и характерные черты их политики».

◆ Институт национальных меньшинств Синьцзянского филиала Академии наук КНР совместно с Синьцзян-Уйгурским музеем провел научную дискуссию, на которой были обсуждены вопросы культуры эпохи неолита в Синьцзяне, а также обмена между Синьцзяном и внутренними районами Китая в эпоху неолита.

◆ В декабре 1961 г. состоялось годичное собрание Пекинского исторического общества. Были обсуждены доклады: «Об оценке Канси» (база господства Канси и общественные силы, представлявшие это господство; внутренняя и внешняя политика Канси, связь между ролью Канси и народных масс), характер антиманьчжурской борьбы в период новой истории; идеи Хун Сю-цюаня; классовая база конституционалистов.

◆ 20 декабря 1961 г. в Пекине состоялось собрание ученых и деятелей культуры столицы, посвященное 250-й годовщине со дня рождения М. В. Ломоносова. В своем выступлении секретарь научно-технического общества КНР Чжоу Пэй-юань отметил, что Ломоносов являлся гениальным русским ученым, великим материалистом, одним из основоположников современной науки о природе.

◆ В декабре 1961 г. состоялось годичное собрание Ассоциации общества философских и общественных наук Шанхая. Собранию было представлено более 160 научных докладов по различным вопросам общественных наук. Основные доклады в области истории: «Об исторической роли императора Канси», «Распространение марксизма-ленинизма в Китае», «Оценка исторических личностей в период Синьхайской революции». На собрании были подведены также итоги работы научных обществ за 1961 г. и намечены планы работы на 1962 год.

◆ В Гуанчжоу (КНР) состоялось совместное собрание научных обществ города, посвященное работе в 1961 году. Собранию было представлено более 170 научных докладов, в том числе: «Еще раз о характере общества Западного Чжоу», «Борьба китайского народа против голландской агрессии».

ПИСЬМА И ЗАМЕТКИ

АНГЛИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО И ВТОРАЯ «ОПИУМНАЯ» ВОЙНА

В настоящей заметке рассматривается отношение различных классов и партий английского общества ко второй «опиумной» войне.

Вторая «опиумная» война была организована английской буржуазией с целью захвата в Китае новых экономических позиций и привилегий. Лондонские торговцы чаем и шелком, прямо или косвенно связанные с торговлей опиумом, требовали навязать Китаю новый неравноправный договор, еще более кабальный, чем завершивший первую «опиумную» войну Нанкинский договор. Они добивались открытия всех портов Китая для торговли, уменьшения таможенных тарифов, права свободного передвижения по территории всего Китая, свободной навигации по китайским рекам, учреждения в Пекине постоянного дипломатического представительства Англии, чтобы оказывать давление на китайское правительство [1].

Ливерпульские купцы, поддерживая требования лондонских торговцев, предлагали, кроме того, добиться для английских военных судов права беспрепятственного захода в любой порт Китая, установления пошлины на экспорт и импорт в размере 5% стоимости товаров и т. д. [2]. Британская торговая палата в Шанхае также требовала открыть новые порты для торговли, предоставить английским судам свободу навигации по реке Янцзы, права беспошлинной торговли льняными тканями, парусиной, батистом, муслином, шерстяными одеялами и проч.[3]. За пересмотр Нанкинского договора и получение новых привилегий активно выступали промышленники Манчестера, сбывавшие свои товары на китайском рынке. В 1850 г. представители манчестерских фабрикантов требовали от Пальмерстона «исправить ошибку, состоящую в ограничении права торговли пятью прибрежными портами», а в 1854 г. они писали Кларендону, что необходимо добиться разрешения торговли на всей территории Китая и ликвидации внутренних таможенных пошлин [4].

В то время в Англии у власти попеременно чередовались виги и тори. Обе эти партии проводили на Востоке почти идентичную агрессивную политику, направленную на покорение стран Востока и превращение их в английские колонии и полуколонии. Большую роль в политической жизни Англии в середине XIX в. играла партия радикалов, выражавшая интересы промышленной буржуазии и находившая также поддержку среди мелкой буржуазии. К. Маркс писал, что фритредеры «представляют партию сознающей свою силу буржуазии, партию промышленного капитала...» [5]. В 1857 г. он назвал руководителей радикалов Кобдена, Брайта и Гибсона «глашатаями промышленных интересов» [6]. Радикалы придавали большое значение колониальным рынкам, однако они считали, что приобретать их нужно мирными средствами, без больших затрат на дорогостоящие колониальные войны. По этому вопросу у них были разногласия с партиями вигов и тори, которые считали войну наилучшим методом установления английского господства в странах Азии.

Стремясь открыть всю китайскую территорию для британских товаров, английское правительство приступило в начале 50-х годов XIX в. к подготовке новой войны против Китая. Оно решило использовать в своих интересах критическое положение цинов в связи с тайпинским восстанием. В правящих кругах Англии в то вре-

---

[1] «Papers relating to the proceedings of H. M. naval forces at Canton». London. 1857, № 17, p. 147.

[2] Ibid., pp. 146—147.

[3] «Correspondence relative to the earl of Elgin's special mission to China and Japan, 1857—1859». London. 1859. incl. 1 in № 50, p. 63.

[4] N. Pelcovits. Old China Hands and the Foreign Office. New York, 1948, p. 45.

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 8, стр. 359.

[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 12, стр. 174.

мя сложились две точки зрения на политику в Китае: одни деятели выступали против интервенции в пользу цинской династии, за признание двух правительств в Китае с тем, чтобы подчинить их английскому контролю; другая группа требовала вооруженного вмешательства с целью подавления восстания тайпинов. Английское правительство, выражая господствовавшую в правящем лагере тенденцию, считало немедленную интервенцию в Китае нецелесообразной. Оно решило соблюдать «нейтралитет» в отношении тайпинов до тех пор, пока цинская династия не пойдет на полную капитуляцию перед Англией, а затем вместе с китайской феодальной реакцией обрушиться на тайпинов и подавить восстание китайского народа.

Предлогом для войны послужил, по существу, ничтожный инцидент с лорчей «Эрроу». 8 октября 1856 г. власти Гуанчжоу арестовали команду «Эрроу», в составе которой находились пираты, принимавшие участие в нападениях на купеческие суда. По указанию английского представителя в Китае Джона Боуринга осенью 1856 г. английская эскадра начала военные действия в районе Гуанчжоу. 23 октября были разрушены форты, прикрывавшие вход в реку Чжуцзян, а 28 октября военные корабли подвергли Гуанчжоу варварской бомбардировке, в результате которой было разрушено около 10 тыс. домов и осталось без крова несколько десятков тысяч жителей [7]. Действия английских представителей были санкционированы правительством Пальмерстона [8]. Так английские колонизаторы развязали вторую «опиумную» войну.

Правительство вигов начало новую войну против Китая в сложной внутриполитической обстановке. Реакционная внутренняя и агрессивная внешняя политика вигов вызывала недовольство в широких слоях населения. Начавшаяся в условиях развивавшегося экономического кризиса новая война могла лишь усилить налоговое бремя и принести новые тяготы английскому народу. Это массовое недовольство использовали радикалы, которые в парламенте и печати подвергли резкой критике политику английского правительства в Китае. Уже в течение ряда лет радикалы выступали с осуждением военных действий, которые вело английское правительство в Азии. Они осуждали войну с Бирмой, которой Кобден посвятил свой самый резкий памфлет по колониальному вопросу [9], войну с Ираном и, наконец, вторую «опиумную» войну.

Ссылаясь на эти факты, многие буржуазные историки утверждают, что радикалы были принципиальными противниками колониальной политики. Однако эти утверждения противоречат действительности. Выступления радикалов с осуждением ряда колониальных войн Англии в Азии были продиктованы интересами английской фритредерской буржуазии, стремившейся к завоеванию мирового рынка. Для установления господства английских товаров нужно было добиться того, чтобы они были самыми дешевыми в мире, а для этого необходимо было снизить издержки производства. Путь к этому промышленная буржуазия видела в снижении зарплаты рабочим [10].

Колониальные войны, которые вело английское правительство в Азии, требовали больших расходов, вызывали повышение налогов и, по мнению радикалов, мешали сокращению издержек производства. Поэтому они осуждали эти войны как дорогостоящие и ненужные. Радикалы считали, что можно достигнуть тех же результатов «мирными» средствами — запугиванием, объединенными дипломатическими выступлениями колониальных держав, шантажом и т. д. Осуждая войну как дорогостоящий метод колониальной политики, радикалы в то же время целиком поддерживали политику закабаления азиатских народов.

Причины выступления радикалов против второй «опиумной» войны, равно как и против других колониальных войн Англии в Азии, были изложены Кобденом в его предвыборной речи в марте 1857 г. в Манчестере. На эту речь обратил внимание К. Маркс, который писал, что Кобден говорил здесь «не от своего имени, а от имени всей манчестерской школы» [11]. Таким образом, это было программное выступ-

---

[7] E. Swisher. China's management of the american barbarians: a study of Sino-americans relations. 1841—1861. With documents. New Haven. 1953, doc. 286, p. 427.

[8] «Papers relating to the proceedings...». № 3, pp. 15—16. Подробнее о развязывании второй «опиумной» войны см. А. Л. Нарочницкий. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. М. 1956, стр. 79—80.

[9] «The political writings of Richard Cobden». Vol. II. London. 1903.

[10] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Об Англии. М. 1952, стр. 23.

[11] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 12, стр. 165.

ление лидера радикалов. Кобден в ответ на обвинения, которые ему действительно часто приходилось слышать от тори и вигов, в том, что он хочет лишить Англию флота, оставить ее безоружной перед врагами и т. д., заявил своим слушателям: «Каковы были мои аргументы по этому вопросу в течение семи последних лет? Вы не сможете добиться сокращения налогов, пока не будут сокращены военные и военно-морские силы; вы не сможете сократить военные и военно-морские силы, если будете позволять правительству постоянно вовлекать вас в войны или ситуации, чреватые войной... Вот моя программа: невмешательство, сокращение расходов на вооружение и сокращение налогов... Я говорю, что если вы хотите иметь возрастающее развитие вашей торговли, то вы должны проводить политику в соответствии с этим. Вы должны создать правительству условия для сокращения налогов и особенно тех, которые давят на рабочий и средний класс— я имею в виду налоги, которыми в косвенной форме облагаются предметы вашего потребления. Чем больше вы отмените этих налогов, тем больше возрастет ваша торговля» [12].

Радикалы выступали против второй «опиумной» войны также из соображений внутриполитической обстановки. В этот период они боролись за новую парламентскую реформу, которая должна была еще больше укрепить политическое влияние промышленной буржуазии. Стоявшее у власти правительство Пальмерстона противилось проведению этой реформы. Поэтому радикалы решили нанести поражение правительству, использовав тот факт, что последнее избрало для начала войны против Китая совершенно несостоятельный предлог с лорчей «Эрроу».

Таковы были соображения, которыми руководствовались радикалы, выступая с осуждением второй «опиумной» войны. Они отмежевывались от торговцев чаем, шелком и опиумом, которые требовали самого решительного ведения войны. «Интересы промышленных капиталистов,— писал К. Маркс,— существенно отличаются от интересов торгующих опиумом контрабандистов Лондона и Ливерпуля» [13]. В другом месте он писал: «...английские фабриканты шире смотрят на вопросы китайской политики чем английские епископы, контрабандисты-торговцы опиумом и торговцы чаем» [14].

Радикалы резко выступали против «опиумной» торговли, которая приводила к выкачке серебра из Китая, сокращала покупательную способность китайского населения и таким образом затрудняла сбыт английских промышленных товаров. Поэтому фритредеры выступали за запрещение торговли опиумом. Уничтожение торговли опиумом, указывал еще в 1839 г. орган фритредеров Лидса «The Leeds Mercury», открывает путь для британских промышленных товаров, которые должны стать главной статьей ввоза в Китай в обмен на китайские товары [15]. Кобден в своей речи в парламенте 26 февраля 1857 г. также указывал на торговлю опиумом как на главное препятствие развитию торговли английскими промышленными товарами в Китае [16].

Осуждая войну, радикалы обращались не только к своему классу, но и к рабочим Англии. К. Маркс писал, что впервые со времени агитации Лиги против хлебных законов Кобден снова стал «в позу плебейского вождя и снова призывал под свои знамена трудящиеся классы» [17].

23 января 1857 г. в Бирмингаме состоялся митинг протеста против войны, на котором присутствовали не только представители буржуазии, но и рабочие. Ораторы резко осуждали войны против Ирана и Китая. На митинге была принята резолюция, направленная против этих войн, и, в частности, была осуждена бомбардировка Гуанчжоу, как «противоречащая принципам христианства и позорящая имя англичанина» [18]. Подобные митинги состоялись также в Лондоне, Манчестере и других городах страны. На некоторых из них выступал Кобден.

Анализ выступлений радикалов по поводу второй «опиумной» войны показывает, что партия радикалов стояла за колониальное порабощение Китая так же, как и другие буржуазные партии Англии. Борьба шла лишь по поводу того, какими метода-

---

[12] «The Times», 20.III.1857, p. 5.
[13] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 12, стр. 165.
[14] Там же, стр. 153.
[15] «The Leeds Mercury», 28.IX.1839.
[16] «Hansard's Parliamentary Debats». Third series. Vol. 144. London. 1857, pp. 1410—1413.
[17] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 12, стр. 165.
[18] «The People's Paper», 24.I.1857.

ми проводить политику закабаления чужих народов. Да и среди самих фритредеров не было полного единства мнений по вопросу о методах колониальной политики. Если Кобден, Брайт, Гибсон и их сторонники стояли за мирные методы по соображениям, изложенным выше, то другая часть фритредеров, имевших более прочные связи с колониальными рынками, была за насильственные методы. К. Маркс писал, что такой высокопоставленный орган британских фритредеров, как «The Economist», выступал убежденнейшим апологетом вторжения в Китай [19]. Английские купцы Шанхая, занимавшиеся сбытом промышленных товаров на китайском рынке, также полностью поддерживали военные акции [20].

Тори, бывшие в то время в оппозиции, также выступили с критикой политики правительства по китайским делам. Они были активными участниками бурных парламентских дебатов по китайскому вопросу, которые происходили в конце февраля — начале марта 1857 г. и закончились выражением недоверия правительству в палате общин. Выступления торийских депутатов были подчинены единственной цели — дискредитировать правительство вигов, добиться его отставки и вернуться самим к власти. Характерным для позиции тори явилось выступление их лидера Дерби в палате лордов 24 февраля 1857 года. Последний подробно, в мельчайших деталях проследил послуживший поводом к войне инцидент с лорчей «Эрроу» и пришел к выводу, что китайские власти не нарушали англо-китайского договора 1843 г., что они были правы, а обвинения, которые им предъявили английские представители в Китае, совершенно необоснованны [21]. Дерби показал несостоятельность и второго обвинения, выдвигавшегося английским правительством против китайских властей, будто при аресте команды «Эрроу» имело место оскорбление британского флага [22]. Он сделал вывод, что в деле «Эрроу» не было ни нарушения договора, ни оскорбления британского флага. Рассмотрением этих двух вопросов Дерби и ограничился, ибо считал, что достаточно обосновал требование отставки правительства вигов. С аналогичных позиций выступал и другой торийский лидер, Дизраэли.

К. Маркс разоблачил лицемерие торийских депутатов, выступавших в парламенте с обличительными речами против вигов. «Нет сомнения,— писал он 3 марта 1857 г.,— что если тори завтра заменят в правительстве вигов, то они с величайшей энергией поведут войну...» [23]. Последующие события целиком подтвердили вывод Маркса. Вскоре к власти пришло правительство тори во главе с Дерби и Дизраэли. 4 июня последний выступил в парламенте с заявлением о политике нового правительства в Китае, смысл которого сводился к тому, что оно не намерено вносить какие-либо изменения в политический курс своего предшественника. Дизраэли заявил, что когда было сформировано новое правительство, «английский флот и армия находились в Китае», и дал понять, что они там останутся до выполнения возложенных на них задач, то есть что агрессия будет продолжаться [24].

После подписания кабального Тяньцзинского договора Пальмерстон заявил: «Мы рады отметить, что наши преемники в правительстве полностью оценили громадные преимущества, которые вытекали из войны с Китаем» [25].

Против второй «опиумной» войны выступали представители английского пролетариата. Передовые рабочие Англии ясно понимали коренную противоположность их интересов и интересов буржуазии в колониальном вопросе и решительно осуждали колониальную политику английского правительства.

Большую роль в раскрытии классовой сущности колониальной политики английской буржуазии сыграли чартисты. На протяжении всего периода чартистского движения они занимали твердую антиколониалистскую позицию, разоблачали грабительский и антинародный характер английской колониальной политики [26]. К началу

---

[19] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 12, стр. 579.
[20] «Correspondence relative to the earl of Elgin's...», incl. 1 in № 50, p. 64.
[21] «Hansard's...», vol. 144, p. 1156.
[22] Ibid., pp. 1166, 1168.
[23] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XI, ч. 1-я, стр. 146.
[24] «Hansard's...», vol. 150, p. 1527.
[25] «The Evening Mail», 4.II.1859, p. 5.
[26] Подробно об этом см. Н. А. Ерофеев. Чартизм и колониальная политика Англии. «Новая и новейшая история», 1957, № 1.

второй «опиумной» войны массового чартистского движения фактически уже не существовало, осталась лишь группа Эрнеста Джонса и его «Народная газета». Сторонники Джонса продолжали называть себя чартистами, но на первый план они выдвигали уже не борьбу за Хартию, а требование избирательной реформы. Однако революционные идеи чартизма сохранились в английском рабочем классе. «Чартизм,— пишут английские историки А. Мортон и Дж. Тэйт,— продолжая оставаться значительной силой в течение еще десятилетия после 1848 г., начал постепенно терять свое влияние в массах. Все же чартистские традиции сохранились, являясь важным связующим звеном между крупными битвами 40-х гг. XIX в. и более поздним развитием социализма, происходившим под влиянием марксизма» [27].

Э. Джонс и его «Народная газета» продолжали оставаться и в 1857 г. на решительных антиколониалистских позициях и в этом вопросе, безусловно, выражали интересы рабочего класса. «Народная газета» заклеймила вторую «опиумную» войну как агрессивную и несправедливую и призывала английский народ бороться против подобных войн. «Народ Англии, не допускай несправедливых войн со слабыми государствами»,— призывала «Народная газета» в связи со второй «опиумной» войной. Она писала, что английское правительство «совершило в Китае акт неприкрытой агрессии» [28]. «Народная газета» разъясняла английским рабочим антинародный характер войны, указывая, что последняя принесет им лишь рост налогов и обнищание [29], что цели этой войны чужды английскому народу.

Э. Джонс указывал рабочим на связь, существовавшую между реакционной внутренней и агрессивной внешней политикой английского правительства. В феврале 1857 г., обращаясь к большой аудитории, он говорил о том, что в связи с борьбой за реформу избирательного права, развернувшейся в Англии, правительство будет стараться отвлечь внимание рабочих. «Оно будет стараться развязывать малые войны за границей, чтобы предотвратить большую победу свободы дома. Для этого оно устроило кровопролитие в Персии и учинило китайскую резню. Это дало их парламенту тему для разговоров... Они будут говорить о Кантоне вместо того, чтобы говорить об избирательном праве, будут говорить о Персии вместо того, чтобы говорить о правах рабочего класса» [30].

Для определения отношения рабочего класса Англии ко второй «опиумной» войне значительный интерес представляет позиция «The Free Press», органа Международного комитета [31]. Свое первое сообщение о событиях в Китае журнал поместил 31 декабря 1856 г. под заголовком «Пиратское нападение на Кантон»: «Этот акт является целиком и полностью пиратством, притом пиратством величайшего масштаба». Журнал решительно осуждал провокацию британской дипломатии в связи с делом «Эрроу» и заявлял, что «обвинения против Китая в связи с арестом членов команды «британской» лорчи «Эрроу» предъявляются лишь с целью оправдать резню в Кантоне». Никаких законных оснований для предъявления обвинений, продолжал журнал, не было, и все поведение английских представителей в Китае доказывает, что «Британия является пиратским государством» [32].

Заслуживает внимания резкое осуждение журналом неравноправных договоров, навязанных Англией Китаю. Журнал писал: «До настоящего времени не касались самого важного вопроса, а именно того, что договор, на который ссылаются, чтобы оправдать английские требования, является несостоятельным (с юридической точки зрения.—*Н. К.*), ибо право, предоставленное нам императором Китая, является неотъ-

---

[27] А. Л. Мортон, Дж. Тэйт. История английского рабочего движения 1770—1920. Перевод с английского. М. 1959, стр. 146.

[28] «The People's Paper», 10.I.1857.

[29] «The People's Paper», 11.IV.1857.

[30] «The People's Paper», 7.II.1857.

[31] Международный комитет, созданный в 1855 г. в Англии при активном участии Э. Джонса, объединял рабочую и демократическую эмиграцию. В комитет вошли представители рабочего и демократического движения Англии, Франции, Германии, Польши и других стран. Комитет ставил перед собой задачу бороться за свободу угнетенных народов, против гнета капитала и т. д., но социальные взгляды его членов были весьма неопределенны и расплывчаты. Комитет представлял собой одну из первых попыток создания международной организации рабочих.

[32] «The Free Press», 14.I.1857, p. 180.

емлемой частью суверенитета Китая»[33]. Этот договор, указывалось далее, «получен силой и кладет конец независимости Китая». Журнал критиковал Кобдена, взявшего под свою защиту этот несправедливый договор. В этом же номере помещена обширная статья, в которой были подвергнуты подробному анализу с юридической точки зрения договоры Англии с Китаем и другими государствами Азии и показан их неравноправный, нарушавший суверенитет азиатских стран характер.

Выступление «The Free Press» против неравноправных договоров Англии с Китаем является его большой заслугой. Следует, однако, отметить, что журнал критиковал колониальную политику Англии главным образом с юридической точки зрения, не вскрывая экономических причин английской агрессии на Востоке, в то время как «Народная газета» Джонса давала более глубокую критику. Таким образом, даже в этот период спада рабочего движения в английском рабочем классе были силы, активно осуждавшие агрессию в Китае.

Н. П. Клименко

[33] «The Free Press», 4.II.1857, p. 233.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ, СТАТЬИ КОТОРЫХ ОПУБЛИКОВАНЫ В ДАННОМ НОМЕРЕ ЖУРНАЛА

Познанский Владимир Семенович, младший научный сотрудник сектора истории Сибирского отделения АН СССР, автор статей и публикаций документов по истории советского изобретательства и борьбы советского народа за технический прогресс.

Драгилев Михаил Самуилович, доктор экономических наук, профессор кафедры политической экономии экономического факультета МГУ. Специалист в области теории империализма, автор книг «Общий кризис капитализма», «Монополистический капитализм» (в соавторстве) и других научных работ.

Рыбаков Борис Александрович, академик, директор Института археологии АН СССР. Автор более 150 трудов по истории России VI—XVI вв., археологии, эпиграфике и исторической географии. Основные труды: «Ремесло древней Руси», «Древности Чернигова», «Древние русы», «Предпосылки образования древнерусского государства» и др.

Аврех Арон Яковлевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории АН СССР, автор статей о третьеиюньской монархии и III Государственной думе и др.

Линков Яков Иосифович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории АН СССР. Исследует проблемы крестьянского и революционного движения в России в XIX в. и истории русской культуры. Автор работ о революционной деятельности А. И. Герцена, Н. П. Огарева, Н. Г. Чернышевского, о первой «Земле и Воле» и др.

Михайлов Сергей Сергеевич, кандидат исторических наук, директор Института Латинской Америки АН СССР.

Фадеев Лев Алексеевич, младший научный сотрудник Института этнографии АН СССР. Специализируется в области африканистики, автор статей «Проблема происхождения культуры Зимбабве», «Мономотапа».

SUMMARIES OF MAJOR ARTICLES

V. S. POZNANSKY. **V. I. Lenin and the Soviet Inventive Genius**

In the opening part of his article the author examines literary publications devoted to Soviet technical innovations and inventions, pointing out that not a single work in this field has so far succeeded in adequately highlighting V. I. Lenin's role in the development of Soviet technical invention during the early years of Soviet power.

The article traces the sources of the rise and development of the Soviet inventive genius associated with the name of the great Lenin. The author emphasizes that from the technological point of view pre-revolutionary Russia was one of the most backward countries of the capitalist world. He cites data which enable one to judge how far tsarist Russia lagged behind the United States, the most highly developed capitalist country, in the level of technical development at the beginning of the 20th century. For the first time in human history the Great October Socialist Revolution created the conditions for the widest possible participation of the working people in technological creative work based on the achievements of the most up-to-date technology.

The article stresses that the socialist system has moulded a special type of inventor who is profoundly devoted to the cause of socialist construction and is utterly alien to any selfish motives, whose creative thought helps society to achieve the highest possible level of labour productivity and lighten man's labour. The article shows how a number of special institutions for stimulating and encouraging invention, elaborating and effecting technical innovations on a nation-wide scale were established under the guidance, and with direct participation, of V. I. Lenin.

In January 1918 a Committee on Technical Inventions and Improvements (Kompodiz) was set up, which consisted of 14 technical commissions headed by prominent scientists. Government leadership of technical invention in different areas was exercised by the local Economic Councils and the technical departments attached to them. Despite the extremely difficult situation prevailing in the Soviet Republic at that period, the government allocated the necessary funds for the establishment of research laboratories, experimental stations and workshops for the testing of new technological methods and inventions, thereby creating the prerequisites for enlisting production innovators in mass creative work.

An event of outstanding importance for the encouragement of Soviet inventors and the promotion of their creative effort, the author notes, was the decree of June 30, 1919, passed by the R.S.F.S.R. Council of People's Commissars and signed by V. I. Lenin. It adopted a Statute of Inventions which proclaimed invention a matter of state importance, while the inventions themselves were proclaimed public property. At the same time the inventors retained their patent rights and were entitled to a definite reward. Lenin's decree on inventions laid the foundation for the socialist patent right.

The author makes a point of stressing that V. I. Lenin showed a brilliant example of unflagging concern and solicitude for inventors and production innovators. He took a direct and active part is discussing a large number of important inventions.

Drawing on documentary materials and numerous reminiscences of Lenin's contemporaries (V. D. Bonch-Bruyevich, N. P. Gorbunov, A. M. Nikolayev, G. M. Krzhizhanovsky, F. V. Lengnik, P. A. Ostryakov, I. I. Radchenko, P. A. Kobozev, V. Y. Chubar, T. Sedelnikov and others), the author shows the many-sided activity of V. I. Lenin—the greatest promoter and encourager of the inventive genius, the best teacher, friend and assistant of Soviet inventors and rationalizers. It is no exaggeration to say that practically every undertaking in the sphere of scientific and technological research in Soviet Russia was associated with the name of V. I. Lenin, the founder and leader of the world's first socialist state.

The article contains interesting material testifying to V. I. Lenin's profound attention and keen interest in the problem of creating a rocket engine capable of overcoming terrestrial gravitation. The launching of the rocket designed by F. A. Zander, who realized the idea advanced by K. E. Tsiolkovsky, represented an important forward step along the road of conquering outer space.

Lenin's policy of encouraging and assisting worker inventors and rationalizers stimulated a rapid growth in the number of rationalization proposals and greatly increased the economic effect yielded by the introduction of technical innovations and improvements.

In conclusion the author writes about the vast scope assumed by the Soviet invention movement in our days, particularly stressing the immense leap made in this field after

the Twentieth CPSU Congress and under the influence of many important measures taken by the Party's Central Committee and the Soviet government in the subsequent period.

The article points out that the new CPSU Programme lays particular emphasis on the need to stimulate and encourage in every way the further development of mass invention and rationalization movements in our country and shows their significance in creating the material and technical basis of communism.

M. S. DRAGILEV. The Distinguishing Features of the New, Third Stage in the General Crisis of Capitalism

The article is devoted to an analysis of certain distinctive features marking the third stage in the general crisis of capitalism. M. S. Dragilev emphasizes the passage from the CPSU Programme which says that the main distinguishing feature of the third stage in the general crisis of capitalism is that its emergence is not associated with world war.

Defining the period of the general crisis of capitalism as the era of mankind's transition from capitalism to socialism, the author singles out the following principal qualitative changes which determined the transition to the third stage of the general crisis of capitalism: first, the rapidly growing role of the world socialist system and the corresponding decline in the role played by world imperialism; second, further development of the national-liberation movement and its entry into the new period of struggle for complete eradication of colonialism; third intensification of internal contradictions within the capitalist system. The author attributes the transition to the third stage approximately to the second half of the fifties. The article comprehensively examines these three major problems.

Characterizing the new stage in the general crisis of capitalism, the author puts in the forefront the basic qualitative change in the international role of socialism—"the world socialist system is becoming a decisive factor of social development." The author draws attention to the following points: 1. The entry of the world socialist system into the new stage of development in connection with the complete triumph of socialism within the framework of the entire socialist system and the launching of the full-scale construction of communist society in the U.S.S.R.; 2. The socialist countries are outpacing the capitalist world in the rate of economic development and have already achieved vast economic progress; 3. The necessary prerequisites are being created for enabling socialism increasingly to determine the character, methods and pattern of international relations; 4. The world socialist system is increasingly restricting the sphere of operation of the laws governing the development of capitalist society; 5. By its growing successes the socialist system tends to accelerate the world revolutionary process; 6. The world socialist system can render effective assistance to progressive forces in other countries in their struggle against the imperialist export of counter-revolution.

Then the author characterizes the collapse of the colonial system as an important manifestation of the third stage in the general crisis of capitalism. He makes a point of stressing that the most salient feature of the national-liberation movement today is the struggle for the consolidation of political independence and for the achievement of economic independence.

Finally, the article examines the third group of questions characterizing the new stage in the general crisis of capitalism—the aggravation of internal imperialist contradictions. Particular attention in the article is devoted to the fact that the third stage of the general crisis has been marked by the weakening of capitalism in the U.S.A.—the citadel of the capitalist world. Whereas in 1948 the U.S. share in world capitalist production amounted to 56.4 per cent, in 1960 it dropped to 46.9 per cent, while its share in world capitalist exports declined from 32 per cent in 1947 to 17.4 per cent in 1959.

In conclusion the author writes that the new stage in the general crisis of capitalism demonstrates with particular force the viability and correctness of the propositions contained in the CPSU Programme that nothing can avert the further aggravation of capitalist contradictions and save capitalism from its approaching doom. Imperialism is powerless to halt the inexorable liberation process. Moribund capitalism will inevitably be replaced by socialism in every part of the world.

Academician B. A. RYBAKOV. Survey of the General Phenomena of Russian History in the 9th-13th Centuries

The article represents one of the sections of the first volume of the many-volume "History of the U.S.S.R." now being prepared for publication. The contents of the present article (or the corresponding section in the above-mentioned volume) will be preceded by the section entitled "The Emergence of Feudal Relations Among Slavs." The "Survey of the General Phenomena of Russian History in the 9th-13th Centuries" will be followed by individual episodes and characteristic of major events and personalities associated with these centuries.

The survey of the general phenomena in the life of the Russian people is made according to definite periods, which are singled out and delimited rather tentatively.

The first period—approximately from 800 to 882—is characterized by the emergence and development of feudal relations in the south of Rus and their gradual spread to the north. Another salient feature of that period is the rise and development of the Kiev Rus.

The second period (882—911) is marked by the seizure of power in Kiev by the Varangian king Oleg.

Taking exception to the Normanists who inordinately extended the "Norman period" in Russian history, the author maintains that the Varangians' invasion was an insignificant episode which did not exert considerable influence on the development of the Slavonic state of Rus.

The Varangians' role in the history of Rus was incomparably less significant than in the history of Western Europe (England or Northern France, for instance).

The third period—from 911 to 1054. Distinctive features: rapid development of early feudal monarchy with centre in Kiev, complete expulsion of mercenary Varangian units, successful popular struggle against nomad Pecheneg tribes. The heyday of that period is the reign of Vladimir Svyatoslavich, whose glory is sung in ancient epic poems. The reign of Jaroslav the Wise, who succeeded Vladimir, is marked by the aggravation of internal contradictions and maturing of class conflicts.

The fourth period: 1054—1093.

Decline of early feudal monarchy, princes' struggle for possession of wealthy towns, further aggravation of crisis. Kiev uprising of 1068 and peasant revolts of 1071 or thereabouts—most salient manifestations of this crisis. The swelled top crust of the feudal class—numerous princes and Vladimir's descendants—broke off all connections with their class, moved from one town to another and were unable to establish a government based on feudal principles.

The fifth period: 1093—1132.

Temporary revival of feudal empire under Svyatopolk, Vladimir Monomachus and his son Mstislav, determined by external factors.

Confronted by the powerful attack launched by the Polovtsy, the Boyars took over a substantial part of political power and helped the Grand Princes to put an end to intestine wars.

The sixth period: 1132—1230.

Characterized by sharply pronounced feudal disunity and crystallization of independent principalities equal in size to West-European kingdoms. This epoch witnessed a particularly rapid growth of the productive forces and the flourishing of culture, since the territory occupied by a dozen or so principalities, which arose on the site of the united Kiev Rus, fully corresponded to the requirements of progressive development. The first thirty years of this period (from 1130's to 1160's) are marked by temporary subsidence of interfeudal conflicts.

Beginning with the 1160's the interrelations between the princes and boyars reach the highest pitch of tension; the principalities are divided between diverse heirs and successors and the negative aspects of feudal disunity are making themselves felt ever more strongly.

A. J. AVREKH. **The Lena Massacre and the Crisis of the June 3 System**

The article brings out the specific features attending the inner-political development of Russia after the defeat of the first Russian revolution of 1905-1907. Drawing on extensive factual material, the author characterizes the policy of the ruling classes, primarily the so-called June 3 system and the role played in it by different parties, graphically illustrating the futility of the attempts made by tsarism to prevent the maturing of a new revolution in the country, whose first manifestations found expression in the growing strike movement which assumed a particularly wide scope after the shooting down of workers in the Lena goldfields (Siberia) in 1912.

Following the revolution of 1905-1907, the author notes, the tsarist autocracy struck a bargain with the big bourgeoisie which demanded certain reforms. The form and embodiment of this deal directed against the revolutionary people was the establishment in 1907 of the Third State Duma which represented, according to Lenin's definition, "a politically-shaped all-national alliance of political organizations of the landlords and the big bourgeoisie" (V. I. Lenin, Works, Russ. ed., Vol. 15, p. 368). The article comprehensively reveals the essence of the Third State Duma, showing its composition and the alignment of forces representing various classes and groups existing in Russia.

This alliance, the author writes, was completely dominated by tsarism which arbitrarily decided the fate of the proposed minimum of liberal reforms—reforms that in no way affected the unlimited political power of the autocracy. This state of affairs was greatly facilitated by the struggle carried on by diverse parties within the State Duma, by the equalizing system of two majorities—the conservative Right-Octobrist and the liberal Octobrist-Constitutional-Democrat. The first majority completely prevailed over the second, and above both majorities stood the factually unlimited tsarist autocracy. The downfall of the

Third State Duma was attended by a powerful upsurge of the working-class movement, which signified an end to the hopes of the ruling classes to direct the country's development along "constitutional" lines.

Analyzing the causes that led to the failure of the reactionary plans, A. J. Avrekh criticizes the patently incorrect and wholly unsubstantiated treatment of this question by liberal historians and publicists, who maintain that all the necessary prerequisites existed in Russia for carrying out the reforms and that tsarism could implement them, but was unwilling to do so (owing to the selfish interests and stupidity of the "dark forces"—the court camarilla, the reactionary gentry, etc., who exerted a baneful influence on the tsarist government). Drawing on extensive factual data, the author convincingly proves that although tsarism wanted to introduce the reforms, it was unable to do so. The article emphasizes that the period under review was not merely a period of reaction, as is generally believed, but also a period of the general revolutionary situation. The revolutionary situation found its expression, first and foremost, in the revolutionary sentiments of the people and under these circumstances any reform, even the most limited one, would inevitably contribute to the creation of favourable conditions for extending the struggle of the working masses for the overthrow of the existing autocratic regime.

Hence, the partners in the counter-revolutionary alliance found themselves confronted with irreconcilable contradictions. The liberals reproached tsarism for its unwillingness to introduce the reforms, maintaining that this would inevitably bring about a new revolution and rule out the possibility of a peaceful "constitutional" development. Tsarism's reply was that untimely reforms would lead to the same result. Both sides, the author stresses, were unable to offer a third path. Revolution was the only path of the country's further development.

Such, in brief, was the situation that led to the origin and development of the crisis of the June 3 system, which, in the final analysis, ended in its complete collapse. Some of the more salient manifestations of this crisis were the utter sterility of the State Duma with regard to "reforms," complete loss of its prestige in the eyes of the masses, the assassination of Stolypin, mutual strife between diverse representatives of the Duma bloc, the declining stability and authority of the official government in the shape of the Council of Ministers, etc.

In this connection the author discloses the historical place and significance of the Lena events. "The bloody massacre of the Lena workers," V. I. Lenin wrote, "directly caused the transition from the revolutionary sentiments of the masses to their revolutionary upsurge" (V. I. Lenin, Works, Russ. ed., Vol. 18, p. 86). These were precisely the events, the article stresses, that tsarism and the bourgeoisie had vainly tried to avoid. After the Lena events up to the very outbreak of the first world war the position of the June 3 monarchy was determined by the mounting revolutionary crisis in the country, which by the summer of 1914 had already reached bursting point. This crisis paralyzed to an even greater degree the activity of the next, Fourth State Duma, aggravated the contradictions within the counter-revolutionary camp, testified to the defeat of liquidationism and portended the imminent approach of a new revolution.

Y. I. LINKOV. A. I. Herzen and the Revolutionary Organizations—Predecessors of the First "Land and Freedom" Society

The article reviews the history of the Kharkov-Kiev and the Perm-Kazan secret societies and the Moscow Argiropoulo-Zaichnevsky circle—the three revolutionary organizations which were predecessors of the first "Land and Freedom" society and operated in Russia in the thirties-sixties of the 19th century.

The article points out that the very appearance of these organizations in the major university and student centres in conditions of the mounting social and political struggle around the preparation and carrying out of the peasant reform ushered in a new stage in the history of the Russian revolutionary movement—a stage represented by the revolutionary democrats and lower-class intellectuals. The author traces and highlights the outstanding role of A. I. Herzen in the founding and activity of these revolutionary organizations, emphasizing the exceptionally strong ideological influence exerted on their members by N. G. Chernyshevsky and N. A. Dobrolyubov.

The common aim of these three organizations was to liberate Russia from the despotic tsarist rule and free the peasants from the yoke of serfdom by means of revolutionary struggle. The three organizations were united by the common methods and forms of action in the sphere of revolutionary struggle.

Expressing the interests of the peasant democracy and regarding the peasant masses as the decisive force in the revolutionary overthrow of the tsarist autocracy, these organizations directed their main efforts towards extending the scope of revolutionary propaganda. Attaching particular importance to the Sunday schools, they converted the latter into chief centres of their cultural, educational and revolutionary activity.

The three revolutionary organizations assumed leadership of the students' movement and took an active part in its work. The Perm-Kazan secret society and the Argiropoulo-

Zaichnevsky circle began to organize underground printing shops but wholesale arrests prevented them from carrying out their plans.

The article traces the influence exerted by the mass peasant movement, particularly by the Bezdna and Chernogai-Kandievka uprisings, on the ideological views and revolutionary activity of the Perm-Kazan secret society and the Argiropoulo-Zaichnevsky circle.

The history of these three organizations—the predecessors of the "Land and Freedom" society—furnishes a brilliant example of the organizing role played by the revolutionary press, in this case by Herzen's works and his free Russian press abroad. While marking the fairly high level of political activity carried on by these organizations, the author writes, one should not lose sight of their narrow, group character, lack of conspiracy, inadequate membership, widely differing ideological views of their members and the sporadic character of their contacts with the popular masses.

For all their ideological rapprochement, each of these three organizations made its own distinctive contribution to the development of revolutionary struggle. The Kharkov-Kiev secret society is deservedly honoured for taking the initiative in the development of an organized underground struggle for the political emancipation of Russia in the period of the downfall of serfdom. It laid the beginning for the systematic dissemination of A. I. Herzen's revolutionary publications and was the first to put forward the idea of using the Sunday schools for purposes of revolutionary propaganda.

Among the three organizations the Perm-Kazan secret society enjoyed the largest membership and contributed the best and maturest propaganda documents, while Socialist views and convictions found their most forceful manifestation in the Argiropoulo-Zaichnevsky circle.

In conclusion the author points out that each of these three organizations, in one or another degree, laid the groundwork for the establishment of the "Land and Freedom" secret society in 1861-1862. But these organizations were its predecessors in a far broader sense. As regards their ideological pattern, the aims and goals subsequently advanced by the "Land and Freedom" society, the entire character, forms and methods of their revolutionary work, they were, essentially, its direct prototype. That explains why practically all the distinctive features and peculiarities of these organizations subsequently found their manifestation and further development in the revolutionary activity of the "Land and Freedom" society.

S. S. MIKHAILOV. **Soviet Research in the History of Latin America. Certain Results and Outstanding Problems**

Written by S. S. Mikhailov, Director of the Institute of Latin America of the U.S.S.R. Academy of Sciences, the article examines the progress of Soviet research into Latin America and its problems in the years preceding the war as well as in the postwar period. Soviet researchers made a definite contribution to the Marxist elaboration of individual Latin-American problems, especially the history of Latin-American countries. The efforts of Soviet scientists are cincentrated on an analysis of the economic and political processes now taking place in Latin America. Particular importance in this connection should be attached to the investigation of such inadequately elaborated problems as the development of the national-liberation, working-class and other progressive movements in Latin America, the role and position of the national bourgeoisie and the so-called "middle strata" in the national-liberation struggle, problems connected with the colonialist policy of the imperialist powers, particularly the United States, towards Latin-American countries, new forms and methods of furthering this policy, the contradictions between those imperialist powers whose interests clash in Latin America. Soviet scientists are keenly interested in the problems of economic integration of Latin-American countries, the role of state-monopoly capitalism in the economies of Latin-American countries, non-equivalent exchange, "initial accumulation," etc. Our scientists are faced with the task of analyzing the Soviet Union's diplomatic, economic and cultural relations with Latin-American countries, as well as the possibilities and prospects of economic, scientific, technical and cultural cooperation of the countries of the socialist camp with Latin America.

The author draws attenton to certain shortcomings in the sphere of research devoted to Latin America. Thus, there is no adequate coordination of research work conducted by Soviet scientists in the history, economy, geography and culture of Latin-American countries; many research works do not pay enough attention ti the specific features and peculiarities of individual Latin-American countries. Another serious defect characteristic of the majority of research works is their extremely narrow chronological scope, which makes it impossible to trace the development of events on a broader scale and give a proper analysis of the slowly progressing deep-going processes.

All the necessary conditions have been created in the Soviet Union for eliminating these shortcomings and raising the general theoretical level of research in the problems of Latin America. The author believes that the Institute of Latin America, recently founded by the U.S.S.R. Academy of Sciences, will importantly contribute to the further progress of Soviet research devoted to Latin America and raise it to a new and higher level. The Institute is faced with the task of making a profound scientific study of the major social,

economic and political processes taking place in Latin America and acquainting Soviet people with various aspects of life of the Latin-American peoples, with their struggle for an independent path of development. The Institute will help Soviet scientists to coordinate their research work on Latin America. It intends to establish creative contacts with scientists of the socialist camp countries making research in the problems of Latin America, as well as with Latin-American scientists. The Institute will make its contribution to the promotion and strengthening of friendly relations between the peoples of the Soviet Union and Latin America.

L. A. FADEYEV. **Bourgeois Historiography of the Genesis of the Medieval Bantu States in South-East Africa**

The article is devoted to the development of scientific conceptions of the outstanding African civilization of Zimbabwe-Monomotapa. Discovered in the final stage of the colonial division of Africa (1868), the monuments of the Zimbabwe culture immediately became the object of a heated polemic which continues unabated to this day. The efforts of bourgeois scientists to justify colonial expansion have resulted in the appearance of diverse theories aimed at substantiating the alien, ancient Oriental origin of the Zimbabwe culture. The latter was regarded as something phenomenal and totally unrelated to African culture. Views of this kind were typical of the entire initial, so-called "pioneer" period of research devoted to the Zimbabwe civilization. Bias and dilettantism determine the low scientific level of research works relating to that period. The beginning for a really scientific study of the Zimbabwe culture was laid only in 1905 by R. Maciver, the founder of the progressive trend of research in the ancient Zimbabwe civilization. Having proved the groundlessness of the views expounded by his predecessors, he substantiated the thesis on the African origin of this culture and declared that it had been created by the local Bantu tribes.

Maciver's conclusions were essentially correct, but insufficient kniwledge of the monuments of the Zimbabwe culture opened wide opportunities for the revival of reactionary theories.

In the 1920's the intensification of colonial oppression was accompanied by the mounting ideological offensive launched by reaction in the sphere of the social sciences. The advocates of the reactionary "Hamitic" theory advanced the thesis on the Bantu peoples' cultural dependence upon the North African Hamites, who were ascribed the honour of founding the Zimbabwe civilization.

Drawing on extensive factual material, G. Caton-Thompson and other exponents of the progressive trend convincingly demonstrated the artificial structure of the "Hamitic" theory and substantiated the autochthonous character of the Zimbabwe culture. However, the instability of the social and philosophical views expounded by scientists of the progressive trend was responsible for a number of concessions to their ideological opponents. This found its manifestation in a number of diffusionist conceptions alleging that the Zimbabwe culture was based on foreign ideas which found their way to the Bantu tribes.

Historical literature devoted to this subject testifies that the development of scientific conceptions of the Zimbabwe-Monomotapa civilization is attended by unceasing struggle between the progressive and reactionary trends. This clash has always depended and continues to depend on the real alignment of the social forces fighting for Africa. This struggle has become particularly tense in our days, when colonialism is breathing its last. To dupe the peoples who are fighting for their liberation, the ideologists of imperialism and colonialism are resorting to every conceivable means, going to the length of reviving the most reactionary theories and falsifying historical facts.

The question of recognizing the historical independence of the culture created by the aborigines of South-East Africa acquires particular urgency in our days. That explains the need for continued and sustained effort in purging the history of Zimbabwe-Monomotapa from gross distortions connected with anti-scientific conceptions, the need for a profound analysis and generalization of available data on the medieval period in South-East Africa in the light of historical materialism. This is the only way of achieving a correct solution of the problem.

内 容

論 文

弗・伊・列宁和苏联的发明事业……弗・謝・鮑茲南斯基
論資本主义总危机的新的第三阶段的特点……米・薩・德拉吉列夫
略論第九世紀到第十三世紀的俄国史上的一般現象……波・亚・雷巴科夫院士
勒拿金場枪杀案和六三制度的危机……阿・雅・阿弗列赫
亚・伊・赫尔岑和革命組織——“土地和自由”协会的前輩……亚・約・林可夫
对拉丁美洲的研究工作在苏联……謝・謝・米海伊洛夫
关于东南非中世紀国家邦图的起源的資产阶級历史学……列・阿・法捷耶夫

历学科学在苏联
在苏联科学院历史科学部和学术委員会

談1961年苏联科学院历史科学部各机关的科学活动总結……尤・弗・布罗姆萊

高等学校里的科学研究工作

談談荣膺列宁勋章基輔国立舍甫琴柯大学……米・瓦・德姆欽科

短評与書評

新書
苏联历史杂志上的文章

学术动态

談通史研究組的工作……根・謝・庫切連科，伊・伊・西沃拉普，
索・安・洛特，波・米・图波列夫，
柳・弗・鮑諾瑪列娃，亚・格・苏戴金，
涅・巴・科莫洛娃。

历史科学在国外
短評与書評
外国刊物巡礼
学术动态

新匈牙利杂志和匈牙利的历史档案……列・伊・彼列勃列特契科夫
鄂赫里德的拜占庭学家会議……古・弗・烏达尔佐娃

書信和建議

CONTENTS

of the journal "Problems of History" No. 4 for 1962

Articles: **V. S. Poznansky.** V. I. Lenin and the Soviet Inventive Genius; **M. S. Dragilev.** The Distinguishing Features of the New, Third Stage in the General Crisis of Capitalism; **Academician B. A. Rybakov.** Survey of the General Phenomena of Russian History in the 9th-13th Centuries; **A. J. Avrekh.** The Lena Massacre and the Crisis of the June 3 System; **Y. I. Linkov.** A. I. Herzen and the Revolutionary Organizations—Predecessors of the First "Land and Freedom" Society; **S. S. Mikhailov.** Soviet Research in the History of Latin America; **L. A. Fadeyev.** Bourgeois Historiography of the Genesis of the Medieval Bantu States in South-East Africa. Historical Science in the U.S.S.R.: **In the Department of History of the U.S.S.R. Academy of Sciences and Research Councils: Y. V. Bromley.** Summing Up the Results of Scientific Work Carried Out by the Department of History of the U.S.S.R. Academy of Sciences in 1961. **Research Work in Higher Educational Establishments: M. V. Demchenko.** The Shevchenko State University in Kiev. **Surveys and Reviews.** New Books. Articles in Soviet Historical Journals. **Chronicle of Scientific Life: G. S. Kucherenko, I. I. Sivolap, S. A. Lotte, B. M. Tupolev, L. V. Ponomareva, A. G. Sudeikin** and **N. P. Komolova.** The Activity of Research Groups for the Study of General History. Historical Science Abroad: **Surveys and Reviews. Scanning Foreign Journals. Chronicle of Scientific Life: L. I. Perepletchikov.** New Hungarian Journal and Hungary's Historical Archives; **Z. V. Udaltsova.** The Byzantinists' Congress in Ohrid. **Letters and Notes.**

SOMMAIRE

de la revue « Question d'histoire », n° 4, 1962.

V. S. Posnansky. V. I. Lénine et le génie inventeur soviétique ; **M. S. Draguilev.** Sur les particularités d'une nouvelle phase, la troisième, de la crise du capitalisme mondial ; **B. A. Rybakov, de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S.** Revue des phénomènes communs de l'histoire russe (IX siècle — le milieu du XIII siècle) ; **A. J. Avrekh.** Fusillade de Léna et la crise du système du 3 juin ; **J. I. Linkov.** A. I. Herzen et les organisations révolutionnaires — prédécesseurs de la première société « Zemlia i volia » ; **S. S. Mikhaïlov.** Etudes de l'Amérique Latine en Union Soviétique ; **L. A. Fadéev.** Historiographie bourgeoise de la genèse de l'état Bantou du moyen âge en Afrique Sud-Est. Science historique en U. R. S. S. **Au Département des sciences historiques auprès de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S. et aux Conseils scientifiques: J. V. Bromley.** A propos des bilans de l'activité scientifique des institutions du Département des sciences historiques auprès de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S. **Travail de recherches scientifiques à l'école supérieure : M. V. Demtchenko.** A l'Université d'Etat de Kiev. **Revues et comptes-rendus.** Livres nouveaux. Articles publiés dans les revues historiques soviétiques. **Chronique de la vie scientifique : G. S. Koutcherenko, I. I. Sivolap, S. A. Lotte, B. M. Toupolev, L. V. Ponomareva, A. G. Soudeikin, N. P. Komolova.** Sur l'activité des groupes des études de l'histoire mondiale. Science historique à l'étranger. **Revues et comptes-rendus. Lu dans les revues étrangères. Chronique de la vie scientifique: L. I. Pérépletchikov.** Une nouvelle revue hongroise et les archives historiques hongroises; **Z. V. Oudalzova** Congrès des byzantinistes d'Okhride. Lettres et notes.

INHALT

der Zeitschrift „Fragen der Geschichte", Nr. 4, 1962.

Beiträge: **W. S. Posnanski.** W. I. Lenin und das sowjetische Erfindungswesen; **M. S. Dragilew.** Die Besonderheiten der neuen, dritten Etappe der allgemeinen Krise des Kapitalismus; **Akademiemitglied B. A. Rybakow.** Die Darstellung der Grundzüge der russischen Geschichte (9. — Mitte des 13. Jahrhunderts) ; **A. J. Awrech.** Erschießungen an der Lena und die Krise des „Systems des Dritten Juni"; **J. I. Linkow.** A. I. Herzen und die revolutionären Organisationen — Vorgänger der ersten „Semlja i Wolja" **S. S. Michailow.** Das Studium Lateinamerikas in der Sowjetunion; **L. A. Fadejew.** Die bürgerliche Geschichtsschreibung über die Genesis der mittelalterlichen Bantu-Staaten in Südostafrika. Die Geschichtswissenschaft in der UdSSR. **In der Abteilung für Geschichtswissenschaften der UdSSR und in den wissenschaftlichen Räten: J. W. Bromlej.** Die Ergebnisse der wissenschaftlichen Tätigkeit der Institutionen der Abteilung für Geschichtswissenschaften bei der Akademie der Wissenschaften der UdSSR im Jahre 1961. **Wissenschaftliche Forschungen an den Hochschulen: M. W. Demtschenko.** In der Staatlichen Schewtschenko-Universität in Kiew. **Übersichten und Besprechungen.** Neue Bücher. Abhandlungen in sowjetischen Geschichtszeitschriften. **Wissenschaftliche Chronik: G. S. Kutscherenko, I. I. Siwolap, S. A. Lotte, B. M. Tupolew, L. W. Ponomarewa, A. G. Sudejkin, N. P. Komolowa.** Die Tätigkeit der Gruppen zum Studium der Weltgeschichte. Die Geschichtswissenschaft im Auslande. **Übersichten und Besprechungen. Querschnitt durch ausländische Zeitschriften. Wissenschaftliche Chronik: L. I. Perepletschikow.** Eine neue ungarische Zeitschrift und historische Archive Ungarns; **S. W. Udalzowa.** Byzantinistenkongreß in Ochrid. Briefe und Notizen.

Редакционная коллегия: В. Г. ТРУХАНОВСКИЙ (главный редактор), Л. С. ГАПОНЕНКО, Г. Н. ГОЛИКОВ (первый заместитель главного редактора), В. М. КУЛАКОВ, П. А. ЛАВРОВ, А. И. ЛЕВКОВСКИЙ, А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ, Ф. Д. РЫЖЕНКО, С. Д. СКАЗКИН, Н. А. СМИРНОВ, Е. И. ТРЯПИЦЫН, И. А. ФЕДОСОВ, И. А. ХРЕНОВ, В. И. ШУНКОВ, С. А. ЮДАЧЕВ.

Адрес редакции: Москва, К-6, М. Путинковский пер., 1/2, тел. Б 8-96-21.
А 00065. Подписано к печати 11/IV 1962 г. Тираж 19 400 экз.

Изд. № 715. Заказ 645. Формат бум. 70×108¹/₁₆. 7 бум. л.— 19,18 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда». Москва, А-47, ул. «Правды», 24.